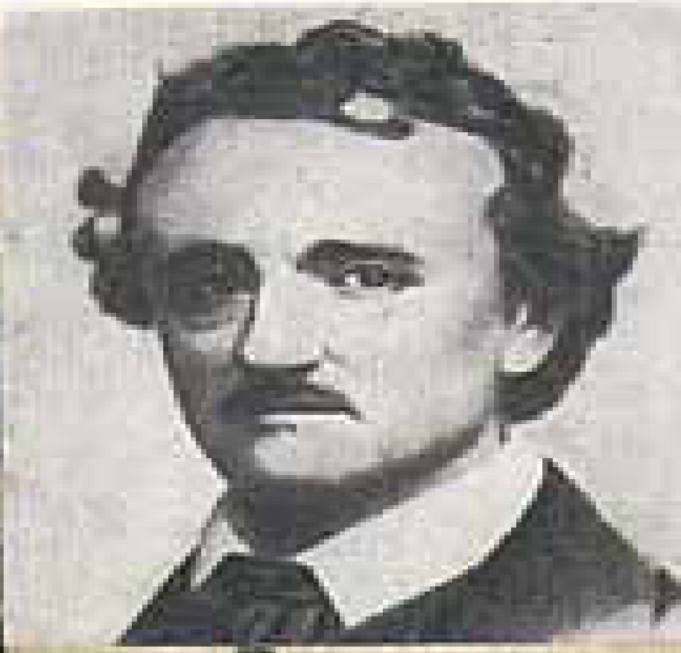
ЭДГАР ПО



Герви Аллен

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Небольшое, но яркое художественное наследие Эдгара Аллана По занимает особое место не только в американской, но и во всей мировой литературе. Глубокое знание человеческой души, аналитическая острота ума, свойственные писателю, поразительным образом сочетаются в его произведениях с необычайно богатои фантазией. «По был человек плененный тайнами жизни — писал М. Горький. — Все что сказано и что мог сказать этот человек, рисует его как существо, охваченное святой страстью понять душу свою, достичь глубины ее». Принадлежащая перу известного американского поэта и романиста Герви Аллена биография Эдгара По воссоздает на социально-историческом фоне события жизни и литературной деятельности писателя.

- Эдгар По
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая

- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

Эдгар По

Глава первая

Магазин дамских шляпок г-жи Филлипс помещался в двухэтажном доме на Мэйн-стрит, неподалеку от известной в Ричмонде (штат Виргиния) гостиницы «Синица в руках». Летом 1811 года в добавление к обычному своему товару — затейливым изделиям из шелка, разноцветных лент и кружев, иные из которых могли порадовать глаз даже самых привередливых модниц, — г-жа Филлипс открыла бойкую торговлю духами, гримом, румянами и прочими притираниями. Все это не залеживалось с тех пор, как в меблированных комнатах по соседству расположилась театральная труппа г-на Плэсида «Ричмонд плэйерс», готовившаяся к открытию очередного сезона.

В августе к труппе присоединилась молодая двадцатишестилетняя актриса Элизабет Арнольд По, приехавшая из Норфолка, где она некоторое время играла на подмостках местного театра. Ее красота, мелодичный голос и природная грация так пленили г-на Плэсида, что он не скупясь оплатил все расходы, связанные с переездом актрисы в Ричмонд. Самой ей это было не под силу, ибо частые болезни и заботы о двух малолетних детях, с которыми она осталась после смерти или исчезновения мужа, настолько стеснили ее в средствах, что облегчить положение не помог даже бенефис, устроенный для нее незадолго до того, как она покинула Норфолк.

Миссис По — такова была фамилия ее второго мужа — приехала вместе с двумя своими детьми, Эдгаром и Розали, и сняла квартиру в доме г-жи Филлипс, вероятно, потому, что находившаяся поблизости гостиница была уже переполнена, да и нередкие там шумные сборища и веселые пирушки делали ее малоподходящим местом для молодой женщины слабого здоровья, матери семейства.

Старший из двоих детей, Эдгар, которому шел третий год, родился 16 января 1809 года в Бостоне, где его мать и отец играли в ту пору в труппе местного театра. Это был красивый маленький крепыш с большими темно-серыми глазами на улыбчивом личике, обрамленном вьющимися темно-каштановыми волосами. Его сестра Розали, еще не покидавшая рук матери, появилась на свет в 1810 году, по-видимому, в декабре. Третий и самый старший в семье ребенок, Уильям Генри Леонард По, был вскоре после рождения отдан на попечение деда по отцовской линии, «генерала» Дэйвида По, и жил вместе с ним в Балтиморе.

Элизабет Арнольд (По), происходившая из актерской семьи,

очень рано вступила на фамильную стезю и уже с десяти лет начала появляться на сцене в детских ролях под заботливым присмотром овдовевшей к тому времени матери. Спустя три года она отправилась в свое первое большое турне в составе труппы «Чарлстон плэйерс», опекаемая одной актерской четой, хорошо знавшей ее мать. Совсем еще юной актрисе уже доверяли достаточно серьезные роли, с которыми, по отзывам критики, она справлялась весьма успешно.

В марте 1800 года в труппу, где играла тогда Элизабет Арнольд, поступил новый комик, некий К. Д. Хопкинс. 4 июля 1802 года в Балтиморе для мисс Арнольд был устроен бенефис — быть может, именно в тот вечер двадцатипятилетний Дэйвид По, который изучал право в Балтиморском университете, впервые увидел свою будущую жену. Это, однако, не более чем предположение. Дэйвид По вскоре уехал на юг, в Огасту, погостить у дядюшки, а Элизабет Арнольд в конце июля 1802 года вышла замуж за г-на Хопкинса. Молодая пара продолжала играть в Александрии, Питерсберге, Норфолке и Ричмонде в составе труппы «Вирджиния плэйерс».

Тем временем Дэйвид По, который, судя по всему, охотнее отдавал свое время игре в любительских спектаклях, стяжавших ему определенное зрительское признание, нежели зубрежке законов, распрощался с дядюшкиным домом в Огасте и отправился в Чарлстон, где в декабре 1803 года состоялся его дебют на профессиональной сцене. Несмотря на обуревавшее его желание добиться славы на театральных подмостках, характера он был замкнутого и даже застенчивого. Плохое здоровье — у него были слабые легкие — отчасти объясняет неловкость и скованность, которая отнимала у него всякую надежду на успех в сколько-нибудь значительных ролях. Печать дилетантства неизменно отмечала все, что он делал в театре, и каковы бы ни были его природные дарования, они не шли в сравнение с талантом женщины, которая стала впоследствии его женой. Тем не менее первые отзывы критики об игре молодого актера оказались достаточно одобрительными, и появление его в Чарлстоне, тогда одном из главных театральных центров страны, где он играл всю зиму 1803 года, было весьма благосклонно встречено публикой.

Осенью 1804 года Дэйвид По поступает в труппу «Вирджиния плэйерс», где знакомится со своей будущей женой. Сезон 1805 года был несчастливым со многих точек зрения: скудные сборы во время гастролей в Вашингтоне поставили театр на грань финансового краха, и в довершение к этому труппа потеряла лучшего своего комика, Хопкинса, который умер 26 октября после

скоротечной болезни. Его вдова, бывшая мисс Арнольд, недолго оплакивала утрату и на удивление быстро вышла замуж за молодого Дэйвида По, который одолжил денег у приятеля на устройство приличествующих случаю торжеств.

В мае 1806 года чета По рассталась с «Вирджиния плэйерс» и отправилась на север, в Бостон, сделав непродолжительные остановки в Нью-Йорке и Филадельфии, где они получили летние ангажементы. К началу октября они уже присоединились к своим старым друзьям в Бостоне, с чьей помощью им удалось устроиться в Бостонский федеральный театр.

По провели в Бостоне три года. Элизабет сыграла несколько крупных ролей в шекспировских пьесах — Бланш, Офелию, Джульетту, Корделию, Ариэля. Вместе с мужем она часто выступала в концертах с танцевальными номерами, лучшим из которых был «Польский менуэт», или пела в перерывах между английскими и шотландскими плясками, исполняемыми Дэйвидом.

Здесь родились оба их сына: Уильям — в начале весны или летом 1807 года, когда Элизабет По на какое-то время перестает появляться на сцене; и Эдгар — в январе 1809 года: 13 января в ее выступлениях снова наступает перерыв, и возобновляются они только 8 февраля.

Элизабет и Дэйвид продолжали играть в Бостоне до окончания сезона. В последний раз бостонская публика могла видеть г-жу По на вечернем представлении в «Биржевой кофейне» — небольшом варьете в центре города, где она пела 16 мая 1809 года.

Сентябрь застал семью уже в Нью-Йорке. В местном Парк-театре По играли до начала июля 1810 года большей частью в фарсах и водевилях. Теперь критика часто бывала неблагосклонна к Дэйвиду, и приблизительно в это самое время он внезапно исчезает. Бросил ли он свою жену или скоропостижно скончался от какой-то болезни — остается неясным. Так или иначе, достоверных сведений о его дальнейшей судьбе не имеется. Полагают, что он умер от чахотки. Если так, то скромная его актерская известность пережила его совсем ненадолго.

Овдовевшая или брошенная мужем — скорее всего первое, — Элизабет По уехала летом 1810 года из Нью-Йорка в Ричмонд, чтобы снова отправиться в гастрольную поездку по южным штатам, где ее хорошо знала и любила публика. Кочуя с матерью из города в город, маленький Эдгар, которому едва исполнилось два года, рано познал горечь невзгод и лишений. Со старшим братом его разлучила бедность родителей, вынужденных оставить

Уильяма у деда в Балтиморе, потом не стало и отца. Потеряв мужа, Элизабет По выбивалась из сил, чтобы прокормить себя и сына. Здоровье ее, наверное, уже было подорвано чахоткой, от которой ей суждено было умереть годом позже, однако жестокая нужда заставляла ее каждый вечер выходить на сцену, чтобы за жалкие гроши развлекать публику пением и танцами. В довершение ко всему она носила под сердцем ребенка, который осиротел, не успев родиться. Для больной, одинокой и беспомощной женщины, почти лишенной средств к существованию, занимающейся презренным по тем временам ремеслом, то была поистине страшная участь. И не раз, наверное, охваченная тяжкими думами и недобрыми предчувствиями, мать в ужасе прижимала к груди маленького, бессвязно лепечущего Эдгара.

Не расставаясь с сыном, Элизабет продолжала играть в Ричмонде и Норфолке, хотя срок родов был уже близок. 20 декабря в Норфолке она разрешилась дочерью Розали. Ее появление на свет после смерти или исчезновения Дэйвида По дало впоследствии повод усомниться в его отцовстве. Однако сопоставление всех достоверных фактов и дат показывает, что толки, бросившие тень на доброе имя Элизабет По, питались подозрениями не только низкими, но и беспочвенными. Тем не менее они были высказаны, и это обстоятельство оставило свой след в жизни Эдгара.

Вскоре после рождения Розали г-жа По вновь начинает появляться на подмостках в различных ролях, предпринимая, несмотря на быстро ухудшающееся здоровье, отчаянные, хотя теперь уже безнадежные усилия добыть пропитание для себя и своих двоих детей. Заработки ничем не выдающейся актрисы в тогдашнем американском театре не назовешь иначе как жалкими, а жизнь — убогой и безотрадной. Постоянные, сопряженные с большими тяготами переезды, как правило, неуютные и не всегда респектабельные гостиницы — для слабой, обремененной малолетними детьми женщины такое существование было сплошной вереницей изнурительных лишений. Бедственное положение Элизабет По, должно быть, очень тревожило ее товарищей по сцене. В газетах тех городов, где она играла, часто публиковались обращенные к сострадающей публике призывы оказать помощь ей и ее потерявшим отца детям. С той же целью в Чарлстоне и Норфолке для нее регулярно устраивались бенефисы.

К открытию сезона 1811 года она возвращается в Ричмонд, где всегда пользовалась наибольшей популярностью.

То было последнее из многих утомительных путешествий,

совершенных ею вместе со своим юным и временами, наверное, очень беспокойным семейством. Маленькая трагедия, где главным действующим лицом была Элизабет Арнольд По, близилась к развязке, ставшей первой скорбной вехой в длинной цепи печальных событий, которыми отмечена удивительная жизнь ее сына Эдгара. Последнему акту суждено было разыграться в доме доброй миссис Филлипс, в небольшой квартире на втором этаже, выходившей окнами во двор — общий с гостиницей «Индейская королева» и потому всегда заставленный экипажами. Элизабет, видимо, понимала, что дни ее сочтены. Она давно и тяжело болела, и последовавшие вскоре события свидетельствуют о том, что ее подточенное чахоткой здоровье было уже в безнадежном состоянии.

Облик этой женщины помогает живо представить описание, принадлежащее перу одного ричмондского журналиста и запечатлевшее ее в пору беззаботной юности и творческого расцвета:

«Тонкая, точно у ребенка, фигурка, изящные руки, схваченные чуть повыше локтей рукавами свободного платья с высокой талией и бледным узором из каких-то причудливых цветов; хрупкие, но округлые линии плеч и шеи, гордо поднятая голова. Огромные, широко открытые и загадочные глаза, высокий чистый лоб, осененный черной, как вороново крыло, волной густых вьющихся волос, увенчанных хорошенькой маленькой шляпкой очень старинного фасона».

Такова была прелестная молодая актриса, которая вместе со славным мальчуганом Эдгаром и крошкой Розали в августе 1811 года поселилась в доме миссис Филлипс, владелицы магазина дамских шляпок в Ричмонде.

Глава вторая

Появление Элизабет По в гостинице «Индейская королева», где расположились остальные актеры маленькой труппы, в которой ей предстояло занять ведущее место, без сомнения, вызвало немалый интерес и сделалась предметом оживленного обсуждения среди местных театралов. Вскоре после ее приезда начались репетиции, а затем и представления.

Живой и смышленый сынишка г-жи По наверняка быстро сделался любимцем всей труппы и театральных завсегдатаев, собиравшихся в «Индейской королеве», всего в нескольких шагах от дома, где он жил. Вечерами, когда постояльцы обычно сходились у большого камина в общем зале, он, должно быть, не раз забирался на колени к кому-нибудь из друзей матери и как завороженный глядел на веселое яркое пламя, пляшущее в очаге. В гостинице останавливались в основном гастролирующие актеры, волею судеб оказывавшиеся в «добром старом Ричмонде»; иногда с ними делили стол и кров проезжие путешественники и кучера дилижансов. Сюда со всего города стекались и пылкие почитатели муз, и любители поволочиться за хорошенькими актрисами, и какие-то странные личности, ухитрявшиеся тем или иным способом кормиться при театре.

Элизабет По, здоровье которой продолжало ухудшаться, о чем свидетельствуют частые перерывы в ее выступлениях, была, наверное, благодарна всякому, кто соглашался позаботиться об Эдгаре и Розали, пока она оставалась в постели. Но такие люди находились далеко не всегда. Миссис Филлипс, добрая и сердобольная женщина, урывками, когда в магазине не было покупателей, ухаживала за малышами и отчасти за их больной матерью, на время покидая небольшую комнату на первом этаже, с низким камином и маленькими квадратными окнами, где был выставлен на обозрение весь ее скромный товар: ленты, шляпки, кружевные чепцы, пузырьки с туалетной водой и баночки с притираниями.

Театр, где давала представления труппа г-на Плэсида, находился на широкой площади между Двенадцатой и Четырнадцатой улицами, которая и называлась в его честь Театральной. От того места, где жила г-жа По, добираться до театра было удобнее всего по Четырнадцатой улице.

Дом на углу Четырнадцатой улицы и Табачного переулка принадлежал семье мистера Джона Аллана, младшего компаньона в фирме «Эллис и Аллан, оптовая и розничная торговля». Фирма распространяла свои коммерческие интересы

на Ричмонд и его окрестности, а также вела оживленный обмен товарами с торговыми партнерами во многих городах Соединенных Штатов и за границей.

В конце лета — начале осени 1811 года Элизабет По, наверное, часто проходила мимо дома Алланов, иногда вместе с маленьким Эдгаром, которого она имела обыкновение брать с собой на репетиции и спектакли. Возможно, Эдгар даже появлялся на сцене в детских ролях — умение мальчика быстро запоминать и выразительно декламировать стихи восхищало всех, кто знал его немного позднее.

Миссис Фрэнсис Килинг Аллан, жена коммерсанта, состояла с ним в браке уже восемь лет, однако детей не имела и тосковала по ним со всей силой нерастраченной материнской нежности, переполнявшей ее благородное, но одинокое и разочарованное сердце. Кроме супругов Аллан, в доме жила сестра Фрэнсис, Анна Валентайн; немногочисленная прислуга состояла из нескольких рабов-негров. Можно предположить, что сестры скоро обратили внимание на красивую молодую женщину и хорошенького мальчика, время от времени проходивших у них под окнами. Узнав в женщине известную в городе актрису, они могли с ней заговорить, угостить ее маленького сына яблоком — лакомством. в ту пору столь же редким на американском Юге, как апельсины — на Севере, но у Алланов никогда не переводившимся. Произошло ли знакомство так или как-нибудь иначе, мы уже не узнаем. Достоверно известно лишь то, что Фрэнсис Аллан действительно познакомилась с Элизабет По и приняла деятельное участие в судьбе одинокой женщины и ее детей. Через нее же Элизабет узнала г-жу Макензи, жену лучшего друга Джона Аллана. Поистине миссис По должна была благодарить судьбу, пославшую ей этих отзывчивых и великодушных женщин в тот час, когда она и ее дети так нуждались в помощи и поддержке.

Поздней осенью 1811 года состояние Элизабет По сделалось еще более тяжелым. Заботы о двух малолетних детях легли непосильным бременем на хрупкие плечи измученной недугом женщины. Ее выступления в театре становились все более и более редкими, пока не прекратились совсем. Безусловно, импресарио, г-н Плэсид, делал все, что мог, для столь нужной труппе актрисы, отсутствие которой сразу же сказалось на сборах. Миссис Филлипс, видимо, уже не брала с нее денег за квартиру, ибо с тех пор, как Элизабет перестала появляться на сцене, жалованья ей не платили. Эдгар совершенно освоился в магазинчике миссис Филлипс и, к неописуемому ужасу доброй женщины, устраивал игры среди чинных рядов увенчанных шляпками и чепцами болванок, порою жестоко страдавших от проказ трехлетнего

непоседы.

Комната, отведенная Элизабет По, была не лучшим местом для тяжелобольной женщины. Единственный в доме камин находился на первом этаже, да и тот, наверное, не всегда было чем топить. Нижнюю часть Мэйн-стрит то и дело заливали воды своенравной реки Джеймс, выходившей из берегов при каждом удобном случае. Осень в тот год выдалась как никогда дождливой и промозглой по всей приморской Виргинии; из болотистых низин поднялись тучи комаров, и в довершение ко всем напастям Элизабет теперь мучили повторяющиеся приступы малярии, отнимавшие у нее остатки истощенных чахоткой сил.

По крайней своей бедности она была почти лишена врачебного ухода, — быть может, и к лучшему, ибо тогдашняя медицина все еще считала ланцет и тазик для кровопускания панацеей от всех недугов. Минул ноябрь, и наступил декабрь с долгими холодными ночами и короткими сумеречными днями. Лежа в своей каморке, Элизабет пыталась проникнуть мыслями в окутанное мраком будущее, прислушиваясь к доносившимся снизу голосам и топоту крепких ножек маленького сына, то и дело пробегавшего по узкой лестнице. Время от времени она впадала в забытье, но вскоре пробуждалась от пронзительно-громкого плача Розали и вставала, чтобы ее успокоить.

Ее печальное и безысходное одиночество изредка нарушали визиты ричмондских гранд-дам и женщин попроще, которые после тщательного осмотра модных новинок миссис Филлипс поднимались — отчасти из сострадания, отчасти из любопытства — в убогую мансарду, приютившую умирающую актрису и ее детей. Среди «дам из уважаемого общества», посещавших Элизабет По, самыми желанными гостьями были миссис Аллан и миссис Макензи. Обе они делали все возможное, чтобы как-то поддержать бедствующее семейство.

Нетрудно представить, что думала и чувствовала миссис Аллан, нежная, истосковавшаяся по детям женщина, гладя красивую кудрявую головку Эдгара и пытаясь ласковыми словами ободрить мальчика, в страхе и тревоге взиравшего на бледное лицо матери, оттененное в беспорядке разметавшимися по подушке черными волосами. Не могла она не внять и немой мольбе в измученных, полубезумных глазах молодой актрисы, переводившей взгляд с малютки Розали, уютно устроившейся на руках у миссис Макензи, на Эдгара, который грустно улыбался ей, прижавшись к коленям миссис Аллан. Мольба эта заставила бы дрогнуть даже самое суровое сердце, и неудивительно, что она так глубоко тронула души двух добрых женщин. Через несколько дней благодаря стараниям друзей призыв о помощи прозвучал во

всеуслышание со страниц местной газеты: «К СОСТРАДАТЕЛЬНЫМ СЕРДЦАМ. В этот вечерний час г-жа По, прикованная к постели болезнью и окруженная своими малолетними детьми, взывает к Вам о помощи — быть может, в последний раз! Подробности в утреннем номере».

Авторы обращения не ошиблись: то было действительно последнее напоминание обществу о печальной судьбе Элизабет По. Смерть явилась за ней в одном из излюбленных своих обличий — пневмонии, положившей конец страданиям маленькой актрисы. Ариэль покинул бренные пределы; рука Офелии выронила волшебную палочку и букетик бумажных цветов; Джульетта, увенчанная лучшей своей диадемой из стеклянных бриллиантов, лежала в холодной запустелой мансарде, где с ней могли попрощаться все те, кто знал ее при жизни и питал к ней хоть каплю сочувствия. Среди них были актеры труппы г-на Плэсида, миссис Филлипс, миссис Аллан и миссис Макензи с мужьями — последние прониклись таким участием к жертве разыгравшейся на их глазах трагедии, что взяли на себя все хлопоты, связанные с устройством похорон. Состоялись они не без сопротивления со стороны некоторых из прихожан, разделявших распространенные в те времена предрассудки и не желавших, чтобы в освященной земле церковного кладбища покоились останки какой-то актрисы. По их настоянию она была похоронена в дальнем углу кладбища, «у стены». В кладбищенской книге имеется запись о погребении, в которой, однако, не указано имени покойной; более ста лет не было его и на надгробном камне.

Эдгар был еще так мал, что память его едва ли сумела сохранить подробности этого печального события, но даже в сознании трехлетнего ребенка внезапное крушение его привычного крошечного мирка не могло не оставить глубокого следа. На улице, перед домом миссис Филлипс, Эдгар был разлучен с Розали и совершенно неожиданно остался с ласковой, но совсем чужой женщиной. Бесконечно доброе и заботливое существо, отзывавшееся на имя «мама», исчезло. Плачущую Розали, явно против ее воли, унесла другая незнакомая женщина. Должно быть, тогда, сидя в тряском наемном экипаже г-жи Аллан, увозившем его в неизвестность, он впервые испытал пока еще смутное чувство страха и пронизывающего холодом одиночества, чувство, которое не покидало его до самой смерти.

Осиротевшего Эдгара приютили в доме торговца Джона Аллана и его очаровательной молодой жены Фрэнсис Килинг, которой было тогда двадцать семь лет. В ту пору и на протяжении последующих лет с ними жила старшая сестра г-жи Аллан, Анна

Валентайн, вскоре ставшая для Эдгара просто «тетушкой Нэнси», любовь которой так же, как и ее замужней сестры, всегда была с Эдгаром По во всех его странствиях до той минуты, когда смерть остановила преданное сердце этой прекрасной женщины.

Дом на углу Четырнадцатой улицы и Табачного переулка представлял собой просторное, добротно построенное кирпичное здание колониального стиля. На каждом из его трех этажей было по три-четыре комнаты, а в мезонине — две и небольшой зал. В задней части дома, вероятно, располагались помещения для слуг-рабов, которых у Алланов было в это время не менее трех — количество, вполне обычное для периода рабства и не свидетельствующее об особой зажиточности. На первом этаже находилась большая столовая, сообщавшаяся с гостиной или библиотекой — не слишком, наверное, богатой, ибо хозяин, человек весьма практичной складки, не проявлял интереса к чтению. Большинство комнат отапливалось каминами, украшенными красивыми резными мраморными досками, сделанными в том же изящном стиле, что и лестничные перила из красного дерева. Одним словом, это был чрезвычайно удобный и хорошо содержащийся дом, не блиставший, однако, ни роскошью, ни изысканностью.

Детство и юность, проведенные в семье Алланов, полученное там воспитание и образование составляют, пожалуй, одну из самых важных страниц в истории жизни Эдгара По — именно в этот период складывалась его личность, а отношения с опекуном Джоном Алланом в известном смысле определили будущее поэта. Уместно будет поэтому более подробно и вполне откровенно рассказать здесь об этом человеке, его характере, занятиях и отношениях с близкими.

Джон Аллан родился в 1780 году в небольшом шотландском городке Ирвине, где получил совершенно обычное, но вполне достаточное образование, хотя, как он утверждал позже, оно уступало образованию, которое он сумел дать Эдгару уже к пятнадцати годам. Каковы бы ни были знания, полученные им в школе, их весьма ощутимым образом дополняли дарованный ему природой острый и проницательный ум и приобретенное со временем знакомство с правилами ведения деловой переписки, различными юридическими документами и бухгалтерским делом. Слог его писем изобличает в нем человека решительного и расчетливого — не лишенного доброты и даже душевной мягкости, над которыми, однако, преобладала железная воля, скрывавшаяся за напускной набожностью. Рано осиротев, он перебрался в Америку и поселился в Ричмонде. Юность его прошла в магазине, конторе и на кораблях, принадлежавших его

дядюшке, Уильяму Гэльту, богатому шотландцу, сумевшему весьма успешной торговлей табаком и другими товарами дома и за границей сколотить, по слухам, одно из самых крупных состояний в штате Виргиния. Щедрость Гэльта и его типично шотландское почитание семейных уз были надеждой, опорой и залогом конечного исполнения желании целой толпы вечно ссорящихся между собой бедных родственников.

В конторе мистера Гэльта на таком же высоком табурете и за таким же пюпитром, как у Джона Аллана, сидел другой молодой шотландец, Чарльз Эллис, у которого тоже имелись ранее обосновавшиеся в Америке и с тех пор не без выгоды торговавшие родственники. Прослужив вместе несколько лет, два молодых клерка основали собственное торговое дело, в котором наибольшую прибыль приносила закупка и продажа табака. В этом начинании им, по всей вероятности, оказали содействие их дядья, Уильям Гэльт и Джосия Эллис, выделившие им какой-то капитал или предоставившие кредит, достаточный для открытия новой фирмы, получившей название «Эллис и Аллан». К тому времени оба молодых компаньона были уже женаты.

Кроме основного их товара, табака (которым виргинские плантаторы расплачивались за все приобретаемые ими у фирмы ремесленные изделия), компаньоны торговали также пшеницей, сеном, маисом, кукурузной мукой, крупами, чаем, кофе, тканями, всякого рода одеждой, винами и крепкими напитками. Помимо этого, они продавали все необходимое для рабов, фрахтовали корабли и ввозили надгробные камни, снабжали плантаторов сельскохозяйственными орудиями, гвоздями, скобяными изделиями и иной утварью, перепродавали купленных у мелких фермеров свиней и лошадей. Не гнушались они и работорговлей, скупая на плантациях старых рабов, которых сдавали внаем владельцам угольных шахт, где несчастные работали до самой смерти. Еще они ссужали деньги под проценты и время от времени занимались куплей-продажей недвижимости. Ко всему прочему оба имели небольшие плантации, также приносившие кое-какой доход. Жили и тот и другой на шотландский манер, бережливо и без излишеств, греша порой известной грубостью нравов. Однако ни в замкнутости, ни в скупости упрекнуть их никто не мог.

Несмотря на значительный объем осуществляемых фирмой торговых операций, состояние дел Джона Аллана в декабре 1811 года было таково, что он изрядно поразмыслил, прежде чем согласился принять в семью еще одного постоянного члена. Когда после смерти Элизабет По Фрэнсис Аллан привела домой маленького Эдгара, муж, разумеется, счел это естественным, но

скоропреходящим порывом отзывчивой женской души. Однако по мере того как шли дни и недели и вопрос о том, что делать с двумя сиротами, все настоятельнее требовал от семейства Алланов и Макензи какогото решения, становилось ясно, что очаровательный мальчик всецело завладел сердцем миссис Аллан и что расстаться с ребенком выше ее сил.

Иначе обстояло дело с ее мужем. Он нашел в себе достаточно доброты, чтобы охотно поддержать благородный порыв жены, воспротивиться которому мог лишь последний из негодяев, однако сделать объект ее благотворительных устремлений своим законным сыном и наследником со всеми вытекающими отсюда последствиями означало нечто совершенно другое. Мало кто из людей, способных представить себя перед лицом подобной проблемы, решится утверждать, что колебания Джона Аллана были безосновательны. Сам выросший в сиротстве, он не мог не испытывать сострадания к славному мальчугану, так забавно разъезжавшему по дому на деревянной лошадке или доверчиво забиравшемуся к нему на колени. Но нельзя было поручиться, что со временем у них с женой не появятся собственные дети — ей было только двадцать семь лет, а ему — тридцать один, — и он опасался, что родным его детям придется поровну делиться всем с приемышем. Была и другая причина, не позволявшая ему согласиться на немедленное усыновление Эдгара По, причина, о которой он не сказал, да и не мог сказать жене: у него уже было двое детей — дочь и сын — от двух живших в Ричмонде женщин, которых он не оставлял своей помощью.

Однако вскоре произошли важные события, и в итоге ставшее уже очевидным желание его жены оставить Эдгара в семье было неожиданно подкреплено авторитетом общественного мнения. Это была одна из тех страшных трагедий, что объединяют сердца людей в стремлении прийти на помощь ближнему, и случившееся побудило Джона Аллана принять решение, которого добивалась от него жена. 26 декабря, спустя всего лишь две недели после смерти Элизабет По, во время представления в переполненном Ричмондском театре, где она так часто играла, вспыхнул пожар, возникший от упавшей на декорации горящей свечи. Пламя его опалило память целого поколения. В огне погибло семьдесят три человека, в их числе губернатор штата Виргиния.

Ужасы той первой после рождества ночи, огласившейся душераздирающими воплями горящих заживо людей, героизм и самопожертвование бросившихся на помощь смельчаков, среди которых выделялся могущий чернокожий кузнец, вынесший из огня нескольких детей, глубоко потрясли всю тогдашнюю Америку.

Ни Джона Аллана, ни его домочадцев, когда произошел пожар, в городе не было. Сам он, взяв с собой жену и Эдгара, накануне отправился посмотреть, как идут дела на его плантации. Г-жа Валентайн поехала навестить каких-то деревенских родственников. О случившемся несчастье они узнали лишь по возвращении в Ричмонд. У Джона Аллана были все основания поздравить себя со счастливым избавлением. Возблагодарив провидение, он решил, что не лишним будет заручиться милостью небес и на будущее, сделав какое-нибудь доброе дело. В те дни благотворительностью занимался весь Ричмонд. Многие брали на воспитание сразу по нескольку сирот, и царившие в тот момент общественные настроения предопределили судьбу детей Элизабет По: они остались там, куда их взяли сразу после смерти матери, — Эдгар у Джона Аллана, а Розали в семье Уильяма Макензи.

Что касается Эдгара, то здесь дело, бесспорно, решила настойчивость Фрэнсис Аллан. На это указывают и свидетельства хорошо знавших ее людей, и то обстоятельство, что, одержимая желанием оставить мальчика у себя и исправить тем самым несправедливость лишившей ее радостей материнства природы, она даже не ответила на тревожное письмо живших в Балтиморе деда и бабки Эдгара по отцовской линии, умолявших сообщить им о судьбе маленького внука.

Подобно другим детям, маленький Эдгар не избежал бед и напастей, причиняющих бесконечные беспокойства родителям: мальчик был довольно слаб здоровьем, и Фрэнсис Аллан вскоре пришлось сполна изведать, сколь нелегки материнские заботы. Первым выпавшим на ее долю испытанием был круп, уложивший Эдгара в постель на целую неделю в мае 1812 года. Не миновало оно и приемного отца — ему пришлось оплатить представленный доктором счет.

Г-н Аллан был в это время в весьма затруднительных обстоятельствах. Один из зафрахтованных им кораблей был задержан таможенными властями в Норфолке, и когда вечерами купец сидел у камина, тщательно обдумывая «ходатайство об отпущении», которым намеревался разжалобить федеральный суд, им порою завладевали мысли о будущем маленького сироты, чьи босые ножки весело шлепали по полу в спальне наверху, где его укладывали в постель «ма» и «тетя Нэнси». Временами смягчалось сердце и у Джона Аллана; с годами он полюбил мальчика и стал гордиться им, как собственным сыном. Именно поэтому разочарование, постигшее его затем в этих чувствах, так ожесточило его гордую душу. Он не смог простить юноше, которого когда-то обласкал и приблизил, неповиновения своей

воле.

Торговец Аллан не сомневался, что все в этом мире, даже отцовская привязанность, имеет свою цену. Цену эту поэт Эдгар По счел, однако, слишком дорогой, ибо взамен от него требовали признать чужую власть над его сердцем и разумом.

Но пока что в руках милосердной леди и ее мужа мальчик был точно податливая глина, из которой им предстояло, приложив немало труда, вылепить великого и несчастного человека.

Глава третья

Разумеется, Фрэнсис Аллан хотела, чтобы Эдгар был усыновлен официально, с соблюдением всех юридических формальностей, однако муж ее продолжал упорствовать. На первый взгляд отказ усыновить ребенка, фактически уже ставшего членом его семьи, мог показаться странным чудачеством, но, как мы уже убедились, у Джона Аллана имелись немаловажные причины противиться этому решению, которое связало бы его пожизненными обязательствами, или по меньшей мере всячески его оттягивать.

Кто знает, уступи Джон Аллан просьбам жены, и судьба Эдгара По, возможно, сложилась бы совсем иначе. Быть может, не возникло бы тогда преследовавшее его многие годы чувство, что он ест чужой хлеб (о чем ему не раз напоминали), что живет лишь милостью своих благодетелей, — то ощущение собственной неполноценности, которое породило в нем почти болезненную гордость, сделавшуюся со временем одной из главных черт его характера.

Жизнь, однако, распорядилась по-своему, лишив Эдгара успокоительной уверенности в нерасторжимости самых тесных из связывающих людей уз, ибо существование их, как он обнаружил с течением лет, зиждилось на ненадежном фундаменте благотворительности. Вера в незыблемость домашнего очага и прочность родительской любви является краеугольным камнем, лежащим в основе любой целостной личности. Разрушить или расшатать его значит обречь душу на вечную тревогу и смятение, ибо все здание жизни кажется ей тогда возведенным на предательских зыбучих песках.

Мальчик, возможно, ощущал, что даже ласки, которыми осыпала его приемная мать, на самом деле предназначались не ему, а ее собственному, так и не родившемуся ребенку. Ведь несмотря на огромную привязанность миссис Аллан к сироте Эдгару, матерью ему она все-таки не была. И если сам он этого не почувствовал, то Джон Аллан, как достоверно известно, сделал все, чтобы открыть ему глаза на суровую правду.

Ребенком Эдгар предпочитал общество девочек своего возраста, и в школе (обучение тогда было раздельное) на первых порах чувствовал себя одиноким и несчастным. Болел он нечасто, однако отличался хрупким сложением, что давало приемной матери лишний повод баловать его, ибо мальчик был на удивление умен и хорош собой и вскоре сделался всеобщим любимцем не только в доме, но и среди многочисленных

знакомых. В раннем детстве он испытывал невинную, но страстную привязанность к Кэтрин Элизабет Пуатьо, очаровательной маленькой крестнице Фрэнсис Аллан, часто бывавшей у них в гостях. Миссис Аллан доставляло большое удовольствие брать Эдгара с собой, когда она отправлялась навестить кого-нибудь из друзей или родственников, В таких случаях она наряжала его в красивую вельветовую курточку, свободные нанковые или шелковые штанишки и красное бархатное кепи с золотой кисточкой, из-под которого ниспадали длинные темные кудри на манер парика елизаветинского вельможи. Сидя на широком диване и болтая ножками в маленьких с блестящими пряжками башмачках, он с серьезным видом взирал на собравшихся в гостиной дам в изящных туалетах, с вплетенными по тогдашней моде в волосы лентами, обсуждавших за чаем последние известия о войне с Англией.

Иногда, чтобы позабавить общество, Эдгара ставили на стул с высокой спинкой и просили рассказать какой-нибудь детский стишок. Выступления эти, как говорят, неизменно вызывали восторг и умиление присутствующих. Даже Джон Аллан не остался равнодушен к юному таланту, и после семейных обедов, когда убирали скатерть, Эдгар, скинув туфли, взбирался на стол, чтобы станцевать недавно разученный в школе танец, или, стоя посреди зала, с мальчишеским пылом декламировал перед гостями «Песнь последнего менестреля». В награду за представление ему обычно наливали маленький стаканчик сладкого, разбавленного водой вина, который он выпивал за здоровье собравшихся.

Некоторые из самых ранних и дорогих сердцу По воспоминаний связаны с церковью Поминовения усопших, воздвигнутой на месте сгоревшего Ричмондского театра в знак скорби о жертвах пожара. И Джон Аллан, и Чарльз Эллис приняли участие в подписке на ее строительство, причем последний внес вдвое большую сумму, чем его компаньон, и оба впоследствии сделались ее прихожанами, стремясь повысить «общественный престиж» фирмы.

Новый храм был весьма внушительных размеров, с памятником погибшим в огне горожанам у входа, довольно наивными фресками на потолке, изображавшими небесные чертоги, табличками с десятью заповедями по стенам и выведенным золотом прямо над алтарем текстом молитвы «Внемли, о боже». Последним школьники часто пользовались как упражнением по правописанию, и некая дама вспоминает, как совсем еще девочкой видела Эдгара По, «большеглазого мальчика с кудрявыми волосами», пожирающего глазами священные

строки.

Здесь По впервые встретил друга детства Эбенезера Берлинга, о котором еще пойдет речь ниже, познакомился со Святым писанием и церковными службами, и хотя, как рассказывают, особого интереса к предметам душеспасительным он не выказывал, его часто видели в церкви в обществе отличавшейся крайней набожностью миссис Аллан. От приемного отца, тяготевшего скорее к идеям энциклопедистов и просветителей, он воспринял взгляды, сделавшие его одним из первых в Америке поэтов, который не нашел в мироздании места чудотворному божеству и всерьез заинтересовался развитием научных знаний.

В числе многих посещавших дом людей был кузен миссис Аллан, Эдвард Валентайн, души не чаявший в Эдгаре. Этот молодой человек, слывший большим мастером на всякого рода розыгрыши и плутовские проделки, научил мальчика нескольким забавным трюкам. Один из них, древний как мир, заключался в том, чтобы незаметно выхватить стул из-под садящегося на него человека. К несчастью, эту новую для него шутку Эдгар сыграл с одной величавой, преисполненной чувства собственного достоинства дамой, за что был отведен Джоном Алланом в спальню, где его дерзость была наказана старомодным, но весьма действенным способом. Спустя несколько минут туда со слезами на глазах поспешила миссис Аллан, чтобы утешить своего обиженного любимца.

В противовес излишне снисходительной жене мистер Аллан со свойственной ему добросовестностью воспитывал мальчика в более суровом духе, отвечавшем его представлениям о правильной педагогической методе. Поэтому, когда ребенок «вел себя хорошо», его поощряли, однако любое проявление своеволия или непослушания каралось обычным для тех времен наказанием, которому, как говорят, его подвергали по различным поводам и с чрезмерной жестокостью. Обе женщины и даже жившие в доме слуги старались при малейшей возможности уберечь его от этих экзекуций.

Систематическим образованием Эдгара занялись очень рано. Пяти лет, еще совсем ребенком, его отдали в школу, где он быстро начал делать успехи. Первые его наставники самым лестным образом отзывались о его любознательности и прилежании. Он проявлял неподдельный интерес к занятиям и своим менее усидчивым сверстникам, которых нелегко было застать за книгой, казался, наверное, загадкой природы.

Детские годы выросшего на рабовладельческом Юге По были также отмечены знакомством с жизнью и бытом американских негров, чей фольклор — причудливые и страшные сказки,

тоскливые песни, самозабвенные, пронизанные ритмом пляски — оставил глубокий след в воображении мальчика.

Как и к другим детям из хороших виргинских семей, к нему была приставлена нянька-негритянка, которая оставалась в доме вплоть до отъезда Алланов в Англию в 1815 году. Красочный и диковинный мир чернокожих рабов был чаще всего скрыт от ослепленных собственным превосходством белых хозяев; взрослым представителям господствующей расы редко удавалось проникнуть в их «темные тайны», приобщиться к их расцвеченному колдовскими фантазиями восприятию действительности. Иное дело дети — к ним относятся по-особому, и для всеобщего любимца Эдгара, должно быть, всегда находилось место у очага на кухне в ричмондском доме, где по вечерам собирались все слуги, или в какой-нибудь хижине на плантации, куда он часто ездил с Джоном Алланом.

Еще одним обильным источником впечатлений для юного По были нескончаемые истории о морских путешествиях, которые рассказывали часто бывавшие у Алланов капитаны, торговцы и искатели приключений, чтобы отблагодарить хозяев за вкусный обед и приятную беседу. Многое в написанных им позднее морских рассказах, вероятно, навеяно услышанным в те долгие вечера у камина.

Однажды летом, когда Эдгару было лет шесть, Алланы отправились навестить своих родственников Валентайнов, живших в Стонтоне. Небезызвестный уже Эдвард Валентайн любил совершать вместе с Эдгаром долгие прогулки верхом, усадив мальчика в седло позади себя. Впоследствии он рассказывал, что как-то раз, возвращаясь домой с деревенской почты, где Эдгар изумил поселян своей ранней ученостью, прочитав вслух последние новости из газеты, они проезжали мимо какойто дощатой лачуги, рядом с которой виднелось несколько могильных холмиков. Внезапно Эдгар весь затрепетал, объятый таким паническим ужасом, что Валентайн вынужден был пересадить его вперед, чтобы как-то успокоить, однако тот продолжал выкрикивать испуганным голоском: «Они догонят нас и утянут меня в могилу!» Когда его стали позднее расспрашивать, он признался, что его «нянька» имела обыкновение брать его с собой по вечерам туда, где собирались остальные слуги, из чьих уст он и слышал страшные кладбищенские истории о встающих из могил покойниках и жутких привидениях.

Вскоре, однако, Эдгару пришлось на время расстаться с родиной, чтобы увидеть другой, быть может, более сложный и цивилизованный мир, именуемый Старым Светом. В 1815 году был заключен положивший конец войне Гентский договор, и

Джон Аллан решил предпринять вместе с семьей долго откладывавшееся путешествие в Англию и Шотландию.

Весна 1815 года прошла в приготовлениях к поездке и сборах, в которых принимала участие вся семья, и в первую очередь, конечно же, Эдгар, проявлявший живейший интерес к предстоящему путешествию. Увы, его пришлось еще раз отсрочить, чтобы дать возможность поправиться случайно повредившей ногу Фрэнсис Аллан. Из воспоминаний некоего д-ра Эмблера мы узнаем, что как раз в это время чуть ли не каждый день он ходил купаться на реку вместе с маленьким

Эдгаром, который показался ему ребенком весьма хрупкого телосложения и робкого нрава, относящимся к воде с некоторой опаской. Такое описание внешности мальчика подтверждается другими источниками. Что касается боязни воды, то ее он преодолел с годами, сделавшись превосходным пловцом. Следующие пять лет ему предстояло провести в туманной Шотландии, столь непохожей своими дождями и снегопадами на обласканную солнцем Виргинию. Суровый климат и столь же суровые, порою даже жестокие обычаи, царившие в английских школах, оказали огромное влияние на его дальнейшее духовное и физическое развитие.

Глава четвертая

Чуть ли не в каждом письме, которое Джон Аллан получал от своих шотландских родственников на протяжении нескольких предшествующих лет, его вместе с женой настойчиво приглашали вновь посетить места, где прошла его юность. В 1811 году, находясь по делам в Лиссабоне, он совсем было решил заехать в Англию по пути домой, однако начавшаяся война расстроила эти планы и препятствовала их осуществлению в течение долгого времени. И вот теперь желания его близких и его собственные были, наконец, готовы исполниться.

Помимо стремления упрочить родственные узы, Джоном Алланом руководили и крайне важные деловые соображения. Нарушение торговли между Англией и Америкой нанесло серьезный ущерб интересам поставщиков виргинского табака. Счета за несколько крупных партий товара, отправленных незадолго до начала войны, до сих пор не были оплачены, и о получении причитавшихся сумм следовало позаботиться в первую очередь, равно как и о скорейшем восстановлении связей с рядом торговых домов в Англии, где цены на табак были необычайно высоки в связи с прекращением поставок, однако могли резко упасть в ближайшее время по мере насыщения рынка из огромного нераспроданного запаса, скопившегося в Америке. Таковы были обстоятельства, требовавшие присутствия в Англии одного из владельцев фирмы, и миссию эту, имевшую целью основание заграничного филиала, взял на себя младший компаньон, сумевший таким образом соединить личные интересы с деловыми.

К радости, с какой Джон Аллан ожидал теперь уже скорой встречи с родными, местами и отчим домом, примешивалась и немалая доля гордости. Прошло много лет с тех пор, как зеленым юнцом, без гроша в кармане он покинул Шотландию и отправился искать счастья в страну, где оно в те времена охотно улыбалось многим. И хотя золото там не валялось, как думали некоторые, прямо под ногами, некогда нищий сирота возвращался на родину обеспеченным, немало добившимся в жизни человеком, в сопровождении красавицы жены и очаровательного мальчика, своего воспитанника, которым у него также были все основания гордиться.

Покидая Ричмонд, мистер Аллан продал с аукциона всю обстановку своего дома и еще кое-какое имущество, снял со счета собственной фирмы 335 фунтов 10 шиллингов 6 пенсов и заблаговременно позаботился о том, чтобы оставшиеся после

распродажи вещи были в целости и сохранности доставлены на бросивший якорь в устье реки Джеймс двухмачтовый бриг «Лотар», на борту которого он, его жена, мисс Валентайн и Эдгар 17 июня 1815 года отплыли к берегам Англии. Из этих приготовлений видно, что Аллан не рассчитывал скоро возвратиться в Америку.

Они прибыли в Ливерпуль 28 июля, и на следующий день мистер Аллан пишет своему компаньону Эллису: «Дамы очень страдали от морской болезни… Эдгар тоже, но не так сильно и скоро оправился». В Ливерпуле у Джона Аллана были кое-какие дела с фирмой «Эворт Майерс и К*о* », однако надолго он там не задержался и поспешил на север, в Шотландию, где жила вся его родня.

Ирвин, в графстве Эршир, где поселились Алланы, — красивый портовый городок на берегу реки того же названия, через которую был построен живописный каменный мост, — находился в самом сердце воспетого Бернсом края. Эдгар часами наблюдал, стоя на мосту, за поднимающимися вверх по реке или уходящими в море кораблями. Иногда он отправлялся вместе с другими мальчиками в экскурсии на противоположный берег реки к деревушкам Сигейт и Стоункасл, поблизости от которых лежали руины старинного замка. Скоро, правда, у него не стало времени на такие прогулки — в конце лета его определили в местную школу, весьма солидное заведение, открытое за несколько сот лет до приезда Алланов.

Окрестности прямо-таки кишели родичами Джона Аллана. В самом Ирвине жили три его сестры: Элиза, Мери и Джейн и множество каких-то дальних родственников. Еще одна сестра с мужем и целый выводок кузенов и кузин обретались в Килманроке, в нескольких милях от Ирвина. Люди это были приятные и веселые, и даже временами унылая и неприветливая шотландская погода не омрачила долгожданной семейной встречи. Эдгару и мисс Валентайн были рады не меньше, чем самим Алланам — в Шотландии свято чтут любые, пусть даже самые отдаленные родственные связи, и эти двое тотчас оказались в волшебном кругу радушия и внимания. В Килманроке Эдгар не мог не услышать о Роберте Бернсе — его стихи и песни в ту пору были у всех на устах; рядом, в Гриноке, похоронена и его «малютка Мэри». Здесь он впервые увидел долгие северные сумерки и мрачные багровомглистые закаты в те часы, когда на Виргинию уже опускается ночная тьма. Даже южнее, в Англии, в июле темнеет лишь к десяти вечера, и позднее По восхищался этой смутной игрой света и тени в долинах, где

…солнца луч
В душных травах целый день
Нежил сладостную лень.[1]

Приблизительно в тридцати милях к югу от Ирвина и Килманрока, в краю чудесных парков и прозрачных озер, раскинулось обширное имение, принадлежавшее другому родственному семейству, Гэльтам, которых также посетили Алланы. Немного погостив там, они отправились в Гринок, а оттуда — в Глазго и Эдинбург, где у Джона Аллана, привыкшего совмещать приятное с полезным, были кое-какие дела.

Первоначально мистер Аллан намеревался оставить Эдгара в школе в Ирвине на все время этого увеселительного путешествия и последующего пребывания семьи в Лондоне, однако и его жена, и мисс Валентайн при поддержке самого Эдгара самым энергичным образом тому воспротивились, и поэтому было решено разрешить мальчику совершить вместе со всеми «большое турне» по Шотландии и возвратиться с женщинами в Лондон при условии, что затем он отправится в Ирвин, где будет учиться в одной школе с Джеймсом Гэльтом. Этот первый семейный спор, происшедший из-за приемного сына, весьма показателен, ибо из него совершенно ясно, что главной защитницей интересов Эдгара была по-прежнему миссис Аллан, в то время как муж ее уже тогда стремился избавиться от дальнейших хлопот, отправив воспитанника в другой город — уловка, к которой он еще прибегнет позднее, когда в его доме наступит разлад по причинам, куда более серьезным.

Осенью семья возвратилась в Англию, остановившись по пути в Ньюкасле и Шеффилде, и 7 октября 1815 года прибыла в Лондон. Им не сразу удалось найти подходящее жилье, и на первое время они остановились в гостинице «Блейкс», откуда 10 октября Джон Аллан написал Чарльзу Эллису, сообщая, что тремя днями раньше они приехали из Глазго в Лондон и что впечатления их от путешествия по Шотландии «в высшей степени благоприятны во всех отношениях». Вскоре им удалось найти вполне приличную квартиру на Рассел-сквер, и в своем очередном послании, датированном 15 октября 1815 года, Джон Аллан пишет, что сидит «у весело горящего камелька в уютной маленькой гостиной, в то время как Фрэнсис и Нэнси заняты шитьем, а Эдгар читает какую-то книжку». Уже в семь лет Эдгар, наверное, довольно много читал.

Несколько позднее, приблизительно в конце 1815 года, Эдгар возвращается в Ирвин, где снова начинает посещать школу вместе

с Джеймсом Гэльтом. Этот пятнадцатилетний подросток доводился племянником старому Уильяму Гэльту из Ричмонда, который через переписку с мальчиком в какой-то степени держал Джона Аллана под присмотром.

Эдгару, судя по всему, очень не хотелось расставаться с семьей, и женщины пытались уговорить Джона Аллана оставить его в Лондоне, но тщетно. Своенравный характер По начал обнаруживать себя уже в те годы. Джеймс Гэльт рассказывает, что всю дорогу из Лондона в Ирвин Эдгар не переставая ворчал и капризничал — его отправляли в Шотландию против воли, и мир должен был знать, в каком дурном расположении духа он пребывал по этому поводу.

В Ирвине Эдгар По и Джеймс Гэльт жили в одной комнате, отведенной им в доме сестры Джона Аллана, Мэри. Из писем Гэльта можно составить вполне определенное представление о характере и поведении юного Эдгара. Не по годам развитый, он изъяснялся несколько книжным языком, отличался исключительной уверенностью в своих силах и совершенным бесстрашием. Жизнь у «тетушки Мэри» и учеба в местной школе были ему явно не по душе, и он строил планы возвращения в Америку (быть может, думая при этом о ждущей его там Кэтрин Пуатьо) или побега в Лондон, к своей дорогой «ма» и «тете Нэнси», но уж, конечно, не к папеньке, который так бессердечно разлучил его со всеми, кого он любил. То был первый из его многочисленных планов такого рода, и эта тяга к приключениям, предприимчивость и упорство в мальчике, которому едва исполнилось семь лет, весьма примечательны. Надо полагать, «тетушка Мэри», добрая и отзывчивая женщина, если судить по ее письмам, не раз приходила в отчаяние от шалостей неуемного маленького сорванца, ураганом ворвавшегося в ее старую тихую обитель. Наконец однажды она не выдержала и в приступе раздражения отправила его вместе со всеми пожитками обратно в Лондон — к великой досаде Джона Аллана и безмерному восторгу Фрэнсис и мисс Валентайн.

По возвращении в Лондон в 1816 году Эдгар был отдан в школу-пансион сестер Дюбур, находившуюся в Челси, на Слоун-стрит, где он оставался до конца весны 1817 года, изредка навещая семью. Летом Алланы переселились в другой дом, по Саутгемптон-роу, а осенью Эдгара определили в пансион преподобного «доктора» Брэнсби, располагавшийся в лондонском предместье Стоук-Ньюингтон, все еще сохранявшем своеобразный облик и патриархальную атмосферу старинной английской деревни, от которой оно унаследовало свое название. Заведение это предназначалось для мальчиков из достаточно обеспеченных

семей, и здесь были заложены прочные основы разностороннего образования, полученного поэтом. Ему было почти десять лет, и он вступал в тот период жизни, когда начинают вырисовываться главные черты характера, в этом возрасте особенно восприимчивого к формирующим влияниям среды.

В странном и трагическом рассказе «Вильям Вильсоне», во многом автобиографическом, мы слышим из уст самого По признание в том, что в старой школе в Стоук-Ньюингтоне в душе поэта начался один из тех нравственных конфликтов, которые существенно влияют на литературное творчество. И сама школа, и мрачная, даже несколько таинственная обстановка вокруг нее не могли не пробудить воображения мальчика, не вызвать в нем живого отклика: «Чувства мои в детстве были, наверное, не менее глубоки, чем у зрелого человека, ибо их отпечаток, который я нахожу в своей памяти, ясен и чист, как рельефы на карфагенских медалях». Так он писал спустя много лет о своих школьных днях в Стоук-Ньюингтоне. «Oh, le bon temps que ce siecle de fer»[2], — восклицает он, с ностальгической тоскою глядя в прошлое, словно забыв о томительном одиночестве, которое, как он сам утверждал, было его уделом в ту давнюю пору.

В 1818 году предместье Стоук-Ньюингтон, которое впоследствии поглотил разрастающийся Лондон, являло собой дивную, успокаивающую душу картину. «Окутанная дымкой старинная английская деревушка», как описывает ее По, раскинулась по обе стороны древней римской дороги, обсаженной могучими вязами, наверное, помнившими, как и дома вокруг, царствование Тюдоров. «В это мгновение, — напишет он через много лет, — я ощущаю живительную прохладу ее погруженных в глубокую тень улиц, вдыхаю благоухание бесчисленных цветочных кустов и вновь трепещу в неизъяснимом восторге, слыша глубокий, гулкий звук церковного колокола, что каждый час внезапным мрачным раскатом сотрясает недвижный дремотный сумрак, окутывающий изъязвленную временем готическую колокольню». Не будет поэтому излишней смелостью предположить, что именно этими, дышащими тысячелетней древностью местами, все еще хранящими романтические осколки минувшего, была отчасти внушена увлекавшая поэта впоследствии страсть к средневековой, «готической» атмосфере, навеян экзотический колорит его произведений, подсказаны подробнейшие описания старинных зданий, поражающие зримой точностью деталей.

Ибо совсем поблизости от деревушки, за высокими, каменными стенами виднелась замшелая громада дома, в котором жил когда-то граф Перси, злосчастный любовник Анны

Болейн, а чуть поодаль — особняк благородного фаворита королевы Елизаветы, могущественного графа Лестерского. На запад от небольшой площади уходили тенистые зеленые аллеи, терявшиеся в прохладных, подернутых пеленой тумана лугах. Сама школа находилась в восточной части предместья, на улице, застроенной старыми домами диковинной архитектуры, вокруг которых темным ковром лежали безупречные английские газоны, обнесенные вересковыми изгородями. Здание пансиона стояло немного в глубине, отделенное от улицы невысокой оградой. Перед главным входом была разбита красивая цветочная клумба, обсаженная кустами самшита. Этот большой белый особняк весьма свободной планировки соединил в себе сразу несколько архитектурных стилей. Скошенная назад крыша упиралась в массивную кирпичную стену с тяжелыми, окованными железом воротами. Подробное описание школы и бытовавших в ней нравов мы находим в «Вильяме Вильсоне», однако его не следует воспринимать слишком буквально — вполне возможно, что в нем слились черты нескольких заведений подобного рода. Во всяком случае, той его части, которая касается директора, «преподобного доктора Брэнсби», доверять трудно.

Начать с того, что человек этот никогда не имел степени доктора, и если кто-то к нему так и обращался, то, должно быть, лишь из любезности. Образование и степень магистра искусств отец Брэнсби получил в Кембридже. «Старым» он в то время, то есть в 1817 году, тоже не был — ему исполнилось тридцать три года. По отзывам знакомых, это был добрый, веселого нрава священник, консерватор по убеждениям, отец большого семейства, любивший хорошо поесть и выпить, а пуще всего поохотиться; ученики знали: если утром отец Брэнсби чистит ружье, значит, его весь день не будет в школе. Его ученость, обширные и разнообразные литературные и научные познания, искренняя любовь к природе, сочетавшаяся с прекрасным знанием ботаники и садоводства, не могли не вызывать уважения у окружающих. В свободное от занятий в школе и охоты время он сочинял политические памфлеты, и дни, проведенные в Стоук-Ньюингтоне, считал чудеснейшей порой в своей жизни. Питомцы его не чаяли в нем души.

Все это совсем не похоже на отталкивающий портрет, нарисованный По в «Вильяме Вильсоне». Как говорят, впоследствии Джон Брэнсби был весьма раздосадован тем, что имя его без изменения перенесено в рассказ, и не любил говорить о По. Он заметил только, что мальчик, которого в школе знали под фамилией Аллан, ему нравился, однако родители баловали его слишком крупными суммами на карманные расходы.

«Аллан, — добавлял он, — был умен, упрям и своеволен». В последнем его мнение совпадает со свидетельствами Джеймса Гэльта.

Единственным документальным источником сведений о жизни Эдгара в Стоук-Ньюингтоне являются счета, поступавшие на имя Джона Аллана и чудом сохранившиеся до сего дня. Из них следует, что, подобно большинству своих сверстников, Эдгар предпочитал подвижные игры и не щадил башмаков — одной пары, как правило, хватало ему не более чем на месяц, после чего требовался ремонт. Общая сумма счета за летние месяцы 1818 года составляет 1 фунт 15 шиллингов 6 пенсов, куда входит стоимость двух пар туфель, трех починок и целой кучи шнурков, с которыми Эдгар расправлялся гораздо быстрее, чем с башмаками.

К сожалению, нам неизвестно, какие книги составляли круг его чтения в тот период. Должно быть, он включал не только учебники, хотя в тогдашних школьных библиотеках нелегко было найти что-нибудь, кроме потрепанных латинских грамматик, объемистых учебников арифметики, орфографических справочников и дешевых изданий Гомера, Виргилия и Цезаря. Водили ли детей в театр — сказать трудно, однако повидать достопримечательности Лондона Эдгару, видимо, удалось — по крайней мере, Тауэр и Вестминстер, где он скорее всего побывал вместе с миссис Аллан во время каникул.

Исследователи могут сколько им заблагорассудится строить теории об испытанных По в детстве литературных влияниях на том факте, что как раз в бытность его в Лондоне здесь вышли в свет «Кристабель» и «Кубла Хан», однако, вероятнее всего, волшебные их строки зазвучали для него много позднее. Ведь тогда это была «современная поэзия», которая находилась под строгим запретом в школах, где все еще царил Поп. Сочинения лорда Байрона читали лишь молодые джентльмены из благородных семей, посмеиваясь с понимающим видом и пряча дерзкие вирши от невинных глаз сестер и невест. Что до Шелли, то, даже если имя это и было известно кому-нибудь из учителей школы в Стоук-Ньюингтоне, кто осмелился бы распространять произведения известного безбожника под неусыпным благочестивым оком преподобного «доктора» Брэнсби?

Каникулы и воскресные дни Эдгар проводил в семье. Джон Аллан имел весьма широкий круг знакомств в Лондоне, однако ни литераторов, ни поклонников изящной словесности среди посещавших его дом людей не было и вряд ли кто-нибудь из них мог пробудить в душе мальчика интерес к сочинительству. Чаще всего к Аллану приходили такие же, как он сам, торговцы, поддерживавшие деловые отношения с его фирмой. Обычными

темами их бесед были текущие цены на виргинский табачный лист и всякого рода превратности, постигавшие американские торговые суда.

К концу пребывания Аллана в Англии его дела порядком запутались и начали принимать весьма дурной оборот. Конъюнктура на табачном рынке складывалась неблагоприятная, а рискованные авантюры, на которые он пускался в надежде поправить положение, осложнили его еще больше. В марте 1820 года у него случился приступ водянки, и вернуться в контору, чтобы свернуть свою коммерческую деятельность, он смог лишь 3 апреля. По возвращении он обнаружил, что его ограбил собственный клерк, о чем он не преминул сообщить своему компаньону Чарльзу Эллису письмом, помеченным как «личное», в конце которого добавляет: «Все мы чувствуем себя вполне терпимо; мне, разумеется, уже гораздо лучше, Фрэнсис продолжает жаловаться на здоровье, Анна и Эдгар чувствуют себя хорошо…»

Последняя финансовая катастрофа произошла в результате досадного недоразумения между «Эллисом и Алланом» в Ричмонде и «Алланом и Эллисом» в Лондоне — оба отделения фирмы независимо друг от друга предприняли попытку получить сумму в 2700 фунтов стерлингов, причитавшуюся с имения некоего мистера Гайля из Глазго, который задолжал старому Уильяму Гэльту. Угодив в долги, сраженный неудачей, Аллан сдал внаем свой лондонский дом вместе с обстановкой (ибо надеялся еще вернуться), забрал Эдгара из школы и приготовился отбыть в Америку. Повези. ему в делах больше, Эдгар По вырос бы в Англии. 20 мая Аллан пишет из Лондона: «Полагаю, что смогу отплыть июньским пакетботом и по прибытии намереваюсь предпринять все, на какие способен, усилия, дабы выполнить наши обязательства перед кредиторами. Здоровье миссис Аллан лучше, чем обычно, Анна чувствует себя хорошо, Эдгар тоже, что до меня, то я никогда не чувствовал себя лучше…»

Несколько недель спустя, в конце июня 1820 года, корабль, на борту которого находились мистер Аллан и его семья, вышел из Ливерпуля и взял курс на Нью-Йорк.

За годы, проведенные в Англии и Шотландии, Эдгар По приобрел драгоценный запас ярких романтических впечатлений, хорошую физическую закалку, каковой был обязан климату и спартанским нравам английских школ, некоторое знание латыни, поверхностное (и испорченное плохим произношением) знакомство с французским, а также умение решать несложные арифметические задачи.

Ко всему этому следует, быть может, добавить вполне

укоренившуюся самоуверенность и мальчишескую гордость. Кроме того, юный По, задолго до большинства своих американских сверстников, увидел зарю грядущего промышленного века: машины, приводимые к действие силой пара, и первые железные дороги. Кругозор его расширился, и наследственная болезнь американцев — провинциализм — ему уже не угрожала, а его английский язык был облагорожен длительным общением с уроженцами Альбиона.

Эдгар По возвращался в Америку. Позади оставалось чудесное английское местечко, запутанные таинственные коридоры и сводчатые спальни старой школы, где прошла немалая часть его детства; впереди ждала полузабытая родина.

Глава пятая

Путешествие из Англии в Америку продлилось тридцать шесть дней — обычный для того времени срок. Мистер Аллан и его семейство прибыли в Нью-Йорк 21 июля 1820 года, сопровождаемые двадцатилетним Джеймсом Гэльтом, который направлялся в Ричмонд, повинуясь воле своего богатого дядюшки.

Корабли и морские просторы, в которых находят столько очарования одержимые жаждой приключений мальчишки — а Эдгаром она владела уже давно, — с особенной силой притягивали юного По, коль скоро можно судить по написанным им позднее рассказам, действие которых так часто происходит на море. Вместе с Джеймсом Гэльтом он разделял будоражащие новизной впечатления трансатлантического путешествия, своими глазами увидел полную захватывающих событий жизнь матросов на большом парусном судне. Не могла не взволновать его воображения и живописная сутолока лондонских и нью-йоркских доков.

В те годы крупный морской порт, где теснились большие и малые корабли самых разнообразных оснасток и назначений — грузные и неповоротливые «купцы», юркие рыбачьи шхуны, черные, как дьяволы, «угольщики», белокрылые красавцы фрегаты, — являл собой зрелище захватывающее и романтическое даже для современников. Сверкающие на солнце паруса, покачиваемые волнами темные и красновато-желтые корпуса с белыми полосами вдоль рядов квадратных иллюминаторов, горящая огнем медь корабельных колоколов и тускло поблескивающая пушечная бронза, песня налегающих на лебедку матросов и скрежет исчезающей в клюзе якорной цепи — все это навсегда запечатлелось в памяти двенадцатилетнего Эдгара По.

2 августа супруги Аллан, Эдгар и мисс Валентайн приехали в Ричмонд и временно остановились у Чарльза Эллиса, так как старый их дом был сдан внаем, а новый еще предстояло подыскать.

Население маленькой столицы Виргинии в двадцатые годы прошлого века достигало приблизительно двенадцати тысяч человек. Полуклассические порталы церквей и общественных зданий смотрели с холмов на утопающие в зелени садов белые домики; ниже, вдоль берега реки, тянулись доки и черные приземистые пакгаузы, из-за которых поднимался густой лес мачт с реющими на ветру разноцветными флагами. Фабрик в городе в

те времена не было, и над крышами виднелись лишь трубы домашних очагов.

Окрестности — изрезанные ручьями луга, топкие низины, непроходимые заросли и бескрайние поля были красивы и живописны. По дну просторной долины струила своп мутножелтые воды река Джеймс, уходившая вдаль широкой извилистой лентой; временами, теснимая лесистыми островками, она ускоряла свой бег, разделяясь на узкие порожистые протоки. На заре дремотную тишину раскалывал звон колокола или низкое гулкое гудение сделанных из морских раковин рожков, сзывавших рабов на близлежащие плантации; разбуженное утренним ветерком, колыхалось зеленое море табачных листьев, суля богатую прибыль хозяевам.

Ни в какой другой местности Соединенных Штатов колониальные традиции не сохранялись так долго, как в приморской Виргинии. Здесь гнездилась старинная аристократия, чья жизнь протекала за стенами роскошных особняков, в окружении подобострастных слуг и фамильных портретов, по обычаям некогда процветавшей колонии, которых почти не коснулось дыхание перемен. По улицам Ричмонда разъезжали плантаторы верхом на чистокровных скакунах, катились кареты местной знати с чернокожими кучерами на козлах и ливрейными лакеями на запятках; губернатор, будь у него такое желание (а оно, как правило, являлось очень скоро), мог содержать при себе по меньшей мере герцогский двор; здесь заседало законодательное собрание штата, а в местном суде произносили речи выдающиеся юристы. Блестящее ричмондское общество жило весьма насыщенной жизнью, в которой Алланам вскоре предстояло принять участие; в среде его бытовали любовь к изящным искусствам, уважение к традициям и наследственным титулам и кичливая местническая гордость. Такова была атмосфера, воздействие которой суждено было испытать юному Эдгару По.

Семья Аллана недолго оставалась у Эллисов и уже осенью 1820 года переехала в свой новый дом, где Эдгар встретился с повзрослевшими товарищами своих детских игр; и хотя узнать друг друга было нелегко, нити общих воспоминаний по-прежнему крепко связывали их вместе.

Среди вновь обретенных друзей был и Эбенезер Берлинг, с которым По познакомился когда-то в церкви. Он жил со своей овдовевшей матерью на Бэнк-стрит и, судя по всему, сыграл немалую роль в важнейших событиях, происшедших в жизни Эдгара в этот период. Вместе они прочли «Робинзона Крузо» и вскоре стали плавать по реке Джеймс в раздобытой где-то лодке

— воображение По превратило ее позднее в «маленькую прогулочную яхту», упоминаемую в самом начале «Приключений Артура Гордона Пима». Мысленно возвращаясь к этой детской робинзонаде, он пишет в 1836 году в журнале «Сазерн литерери мессенджер»:

«С какой любовью воскрешаем мы в памяти те волшебные дни нашего детства, когда мы впервые в раздумье склонились над страницами „Робинзона Крузо“! Когда впервые ощутили, как разгорается в нас неутолимая жажда приключений, с трудом вчитываясь при неверном свете костра в эту книгу, строчка за строчкой постигая чудесную ее мудрость и с трепетным, захватывающим дух нетерпением открывая сердце ее пленительному, колдовскому очарованию. Но увы, дни необитаемых островов безвозвратно ушли в прошлое».

В играх, увлекательных похождениях по окрестностям Ричмонда, налетах на чужие сады и других, столь же отважных и захватывающих предприятиях Эдгар обычно бывал заводилой. Робость и боязливость, свойственные ему в раннем детстве, исчезли, усердные занятия в школьных гимнастических залах в Ирвине и СтоукНьюингтоне сделали из него отличного бегуна и прыгуна; кроме того, пребывание в английских школах привило ему сноровку и вкус к кулачным боям, что, наверное, заставляло сверстников относиться к нему с должным уважением. Чаще всего его спутниками, помимо Эбенезера Берлинга, бывали Джэк Макензи, Роб Салли и маленький Бобби Стенард. Давняя склонность Эдгара к веселым розыгрышам еще больше усилилась, и проделкам его не было конца. Однажды он даже появился в облике привидения перед засидевшимися далеко за полночь игроками в карты, наделав немало переполоху.

Однако уже в ту раннюю пору характер его начал обнаруживать странное многообразие противоречивых черт и свойств, которое всегда изумляло современников и биографов и долго еще будет оставаться для мира загадкой. Он был добрым и веселым товарищем в играх, что подтверждают многочисленные свидетельства друзей детства, но в то же время одиноким и болезненно восприимчивым мальчиком. Его ум и душу уже смущали и тревожили тайны бытия, волновали смутные стремления тонко чувствующей натуры к недостижимому совершенству прекрасного. Найти им удовлетворение в повседневной жизни он не мог и все чаще искал уединения, предпринимая первые робкие попытки выразить свои переживания пером и кистью, однако плоды своих опытов скрывал от посторонних глаз, предвидя неизбежные насмешки сверстников и холодное непонимание взрослых. Он приобрел

страсть к чтению и собиранию цветов, а оставаясь наедине с собой, мог часами предаваться мечтам.

Сразу же по возвращении в Ричмонд Джон Аллан определил Эдгара в «Английскую и классическую школу», которую содержал некий Джозеф Кларк, питомец дублинского Колледжа Святой Троицы. Его описывают как раздражительного, напыщенного и педантичного ирландца, который зарабатывал на жизнь тем, что выполнял роль духовного наставника при юных отпрысках лучших ричмондских семей. Программа в этой школе ничем не отличалась от тех, что были приняты тогда в других учебных заведениях подобного рода, и включала в себя все те же латынь, французский и основы математики, которыми По занимался в английских школах. Впрочем, в Америке уже в то время делались попытки преподавать родной язык в его живой, разговорной форме и больше знакомить учеников с созданной на нем литературой, по крайней мере, с произведениями уже признанных классиков — Джонсона, Аддисона, Гольдсмита, Попа.

Занятия литературой, несомненно, ускорили расцвет и без того очень рано проявившегося поэтического таланта Эдгара По. Школьные товарищи стали замечать в нем растущую склонность к уединению; часто, оставив игры, он запирался у себя в комнате и писал стихи. И то, что жажда творчества в этом подростке, которому едва исполнилось четырнадцать лет, была столь велика, что заставляла его сторониться обычных для его сверстников игр и занятий и отдавать все больше и больше времени сочинительству, сыграло исключительно важную роль в его жизни.

В откровенно прагматической культуре, созданной американским народом, чья судьба связана с покорением огромного континента, с суровой борьбой за существование, превратившей практическую полезность вещей в единственную меру их ценности, поэзия занимала обособленное и до пришествия лучших времен весьма незначительное место. Придание этому искусству свойственной ему вещественной формы требует больших затрат и совместных усилий немалого числа людей, в то время как рыночная его стоимость ничтожна, и поэтому человека, избравшего поэзию своим поприщем и средством самовыражения, общество склонно считать либо бездельником, либо сумасшедшим. В любом случае занятие это представляется окружающим столь никчемным, что они без зазрения совести отрывают поэта от работы по самым пустячным поводам. Столкновение с подобным непониманием неизбежно порождает в человеке, посвятившем себя поэзии, ощущение своей чуждости и ненужности людям. И лишь после его смерти вдруг

обнаруживается, что творчество его было неотъемлемой и чрезвычайно важной частью жизни отвергавшего его общества.

Овладение искусством стихосложения требует длительного и упорного труда, и приниматься за него любой поэт, желающий чего-то достичь в своем ремесле, должен как можно раньше. В противном случае к тому времени, когда он вполне познает все секреты поэтического мастерства, он будет уже слишком стар, чтобы творить. И Эдгар По, подобно Китсу и Шелли, начал писать очень рано. Некоторые из стихотворений, вошедших в его первую книгу, написаны им, по его утверждению, в возрасте четырнадцати лет, что вполне согласуется с многочисленными свидетельствами о его раннем развитии.

Это были не обычные рифмованные пустячки, какие все сентиментальные молодые люди в определенный период жизни приносят порою к стопам своих первых возлюбленных, но целая «книга» стихов, в которой не была обойдена вниманием ни одна хорошенькая девушка в городе. Маловероятно, чтобы автор пылал нежными чувствами сразу ко всем, и, ни в коей мере не умаляя прелестей ричмондских красавиц, приходится предположить, что в тот момент юного поэта больше интересовало искусство как таковое, а не вдохновлявшие его музы.

В 1823 и 1824 годах любовные стансы продолжали течь из-под пера юного пиита, если верить рассказам нескольких ричмондских дам. Большая их часть адресовалась очаровательным питомицам благородного пансиона, который содержала мисс Джейн Макензи, сестра миссис Макензи, в чьей семье воспитывалась Розали. Между Эдгаром и прекрасными пленницами, томившимися в заточении за стенами заведения мисс Макензи, завязалась тайная переписка. Вместе с записками Эдгар часто посылал сласти и «оригинальные поэтические сочинения». Он имел обыкновение делать карандашные наброски приглянувшихся ему девиц и прикреплять к портретам полученные в награду за преданность локоны. Маленькая Розалн, которая была в ту пору «чудным ласковым ребенком с синими глазами и розовыми щечками», верно служила им вестницей любви до тех пор, пока негодующая мисс Джейн и вооруженная шлепанцем миссис Макензи самым грубым образом не положили конец ее романтическим хлопотам.

Розали обожала брата и часто виделась с ним в церкви и у себя дома, где он часто бывал в гостях у лучшего своего приятеля Джека Макензи. Она повсюду сопровождала двух друзей и старалась принимать участие во всех их затеях. Позднее ее привычка следовать за Эдгаром стала доставлять ему неудобство из-за отклонений в умственном развитии девочки или, точнее,

полного его прекращения в возрасте двенадцати лет. До этого она развивалась совершенно нормально, и ничто не предвещало несчастья, причиной которого была, вероятно, дурная наследственность. В результате сестра Эдгара По, достигнув полной физической зрелости, в мыслях и чувствах навсегда осталась двенадцатилетней девочкой.

Среди многочисленных, хотя и весьма отрывочных, а зачастую и недостоверных сообщений современников о жизни По в этот период наибольшего интереса заслуживают воспоминания полковника Томаса Эллиса, сына Чарльза Эллиса, который в юности был в очень добрых отношениях с По и его семьей и пишет, в частности, следующее: «Эдгар был очень красив и в то же время обладал храбростью и мужеством, удивительными в столь молодом человеке. Среди своих друзей он поистине первенствовал во всем. Он в совершенстве владел искусством светского обращения, и в городе не было более умного, изящного и привлекательного юноши, чем Эдгар Аллан По». О том, что в это время происходило в доме Джона Аллана, рассказывает — правда, в тонах, гораздо менее восторженных, — Джек Макензи: «Мистер Аллан был по-своему хорошим человеком, однако Эдгар его не любил. Аллан был резок, придирчив и со своим длинным крючковатым носом и маленькими пронзительными глазками, смотревшими из-под кустистых бровей, всегда напоминал мне ястреба. Мне известно, что, гневаясь на Эдгара, он часто угрожал выгнать его из дому и никогда не позволял ему забывать о том, что он всецело зависит от милости своего благодетеля». Алланам очень нравилось принимать у себя гостей, и на этих вечеринках и чаепитиях бывал и Эдгар, обычно с кем-нибудь из друзей. Иногда ему разрешали устраивать собственные вечера, на которые приглашали и девочек и мальчиков. Несмотря на обаяние Фрэнсио и добродушную веселость «тетушки Нэнси», на таких приемах царил чопорный этикет, ибо Джон Аллан явно стремился привить Эдгару нарочито «благородные» манеры, предписанные тогдашним хорошим тоном, но соответствовавшие скорее воспитанию и склонностям самого Аллана, нежели обычаям высшего виргинского общества.

Впрочем, все эти церемонии, какими бы важными ни казались они мистеру Аллану, наверное, не слишком занимали Эдгара в ту пору. Свое время он делил между мечтаниями, сочинительством и беззаботными мальчишескими развлечениями. Он любил тайком убегать с приятелями на реку, к большой заводи чуть пониже водопадов, где они обычно купались и удили рыбу. Такая вольная жизнь была ему очень по нраву. Здесь же, на реке Джеймс, он совершил и «великий подвиг», который еще в юные

годы окружил его имя байроническим ореолом. По весьма гордился своим атлетическим достижением и уже в 1835 году писал редактору журнала «Сазерн литерери мессенджер» по поводу какого-то упоминания этого случая, вошедшего в Ричмонде в предание: «Автор сравнивает мой заплыв с тем, который совершил лорд Байрон, хотя никаких сравнении между ними быть не может. Любой пловец из тех, что бывали тогда „у водопадов“, переплыл бы Геллеспонт и не почел бы это за большой подвиг. Я проплыл шесть миль от пристани в Ладлоу до Уорвика под жарким июньским солнцем, двигаясь против течения — едва ли не самого сильного, какое помнят на этой реке. Проплыть же двадцать миль в спокойной воде было бы сравнительно легко. Я не задумываясь решился бы переплыть Дуврский пролив от Дувра до Кале».

Эдгар сделался героем дня. Посмотреть на начало заплыва собралась целая толпа народу. За отважным пловцом следовал в лодке новый директор школы, мистер Берк, а вдоль берега шумной ватагой шли друзья, среди которых больше всех переживал маленький Роб Стенард, считавший своего старшего товарища образцом самых блестящих доблестей и совершенств. Несмотря на разницу в возрасте, Эдгара и Роберта связывала крепкая дружба, в которой первый играл роль доброго покровителя и защитника, а второй — верного спутника и оруженосца.

Благополучно достигнув цели, Эдгар с триумфом возвратился домой. Весь город только и говорил, что о юном храбреце. Неудивительно поэтому, что маленький Роб пригласил к себе домой своего знаменитого друга, чтобы с гордостью продемонстрировать всей семье, которая, без сомнения, была уже наслышана о его уме, смелости и прочих достоинствах. Таково уж счастливое свойство всех героев, что они напрочь лишены недостатков.

Так Эдгар познакомился с миссис Джейн Стенард, матерью Роберта, и встрече этой суждено было пробудить в нем первое сильное чувство и вызвать бурный прилив поэтического вдохновения.

Судя по свидетельствам знавших ее людей и сохранившемуся портрету, миссис Стенард была женщиной редкостной красоты, отмеченной классическим совершенством черт. Мода того времени с ее скульптурной строгостью линий, которые придавали женщине некое сходство с величавыми, исполненными благородства античными статуями, как нельзя более подходила этой царственной красавице. Ее отличали удивительная душевная теплота и тонкость, доброта, приветливость и какоето особое

светлое очарование, не поддаться которому было невозможно. Она жила в прекрасном, залитом солнцем доме, и от всего ее существа, казалось, исходил мягкий ласковый свет — такой она навсегда запомнилась молодому поэту.

Домой По возвращался точно в дивном сне, от которого он так вполне и не пробудился до конца жизни. В Джейн Стенард, «Елене» его грез, он обрел и идеал для рыцарственного юношеского поклонения, и полного сочувствия и понимания друга, на чей суд он приносил первые плоды своих поэтических усилий. Что значила для него эта женщина, дано понять лишь одинокому начинающему поэту, боготворящему красоту.

В последующие несколько лет Эдгар часто бывал в доме миссис Стенард. Оба они были из тех наделенных исключительной глубиной и тонкостью чувств натур, что обитают духом в прекрасном и неведомом мире воображения, за дальним пределом которого простирается бескрайнее сумеречное царство безумия. Обоим суждено было в меланхолическом помрачении пересечь роковую грань, Эдгару — лишь на краткие мгновения, каждый раз возвращаясь к свету. «Елене» — чтобы до конца дней своих затеряться в сонме блуждающих там жутких теней. Между этими родственными душами тотчас возникли узы инстинктивной симпатии. Лишь на миг до того, как их разделила тьма, пальцы их сплелись, и в этом прикосновении Эдгар хотя бы однажды испытал счастье полное и безграничное.

> Но хоть в мечтах, а счастлив был тогда я
> И к ним пристрастье ввек не обуздаю,[3]

написал он спустя три года в своей первой книге.

Встреча эта, имевшая огромное значение для По, была поистине драгоценным даром судьбы. Соединенные в одном человеке, он нашел и первую настоящую любовь, и материнскую нежность, в которой нуждался больше всего на свете. Никто не знает, о чем они говорили, оставаясь вдвоем, однако минуты, проведенные в беседах с нею, принадлежат, должно быть, к тем редким мгновениям в жизни Эдгара Аллана По, когда в его отношениях с окружающим миром воцарялась гармония.

Их разлучила болезнь, помутившая взор «Елены» и заслонившая от нее Эдгара. Разум Джейн Стенард угасал. В апреле 1824 года она умерла в возрасте тридцати одного года. Во второй раз смерть, столь часто вторгавшаяся в судьбу По, отняла у него дорогое существо.

Существует предание, что По нередко приходил на ее могилу, подтвержденное признанием, которое он сделал другой Елене

много лет спустя. Горе, причиненное ему этой утратой, было столь велико, что не осталось не замеченным даже мало знавшими Эдгара По людьми. То была самая высокая и прекрасная любовь, когда-либо жившая в человеческой душе. Надпись на надгробном камне, под которым покоится прах Джейн Стенард, теперь почти уже не видна, однако в памяти потомства останется навеки другая эпитафия:

К Елене

Елена, красота твоя
Мне — словно парус морякам,
Скитальцам, древним, как земля,
Ведущим корабли в Пергам,
К фригийским берегам.

Как зов Наяд, мне голос твой
Звучит за ропотом глухим
Морей, ведя меня домой,
К сиянью Греции святой
И славе, чье имя — Рим.

В алмазной раме у окна
Вот ты стоишь, стройна, как взмах
Крыла, с лампадою в руках Психея! — не оставь меня
В заветных снах![4]

Глава шестая

К тому скорбному дню, когда «Елена» отправилась к своему последнему пристанищу, в калейдоскопе времени пронеслось уже более трети лет, отпущенных судьбой Эдгару По. Живой, впечатлительный подросток быстро превращался в еще более впечатлительного молодого человека, обогнав в развитии большинство своих сверстников, — по всем свидетельствам, он казался в это время физически и духовно старше своих лет. И история жизни его родителей, и воспоминания современников заставляют предположить, что его характер и темперамент обнаруживали себя в проявлениях ранних и бурных, но весьма скоротечных. Он был точно факел, пылающий на ветру жизни и отзывающийся на каждый его порыв вспышкой столь сильной и яркой, что очень скоро сгорает без остатка. На протяжении следующих нескольких лет ему предстояло пережить горести и испытания, вызвавшие в нем душевный надлом, который он не смог преодолеть до конца своих дней. Ибо в человеке тонкой духовной организации переживания, испытанные в юности, способны предопределить чувства и умонастроения зрелых лет.

Приблизительно в это время здоровье приемной матери По вновь становится предметом встревоженного обсуждения в семейной переписке — очевидно, именно тогда начался необратимый упадок сил, вследствие которого она через четыре года разделила участь несчастной Джейн Стенард.

По испытывал к приемной матери нежную, преданную любовь, и она была одним из самых глубоких из когда-либо владевших им чувств. Естественную его привязанность усиливала красота Фрэнсис Аллан — физическое совершенство было свойством, перед которым он преклонялся, когда и в ком бы его ни находил. И к тому времени он уже, наверное, понимал, что лишь ей и «тетушке Нэнси» обязан своим относительно благополучным пребыванием в доме Джона Аллана. Каковы были причины продолжительного недуга Фрэнсис Аллан и существовала ли какая-то связь между ним и ее бездетностью — остается лишь догадываться. Эдгар, конечно, часто размышлял об этом, и не исключено, что заключения, к которым он пришел, существенным образом повлияли на его отношение к опекуну. Все, что могло связывать «малыша Эдгара» с «папенькой», уже принадлежало прошлому. Теперь в доме было двое мужчин — в глаза торговцу Джону Аллану испытующе смотрел молодой поэт Эдгар По, и от этого пристального, проницательного взгляда торговцу становилось временами не по себе.

В ту пору Ричмонд был небольшим, по нынешним понятиям, городом, значительную часть жителей которого составляли рабы. Весь уклад жизни немногочисленного и обособленного белого населения подчинялся строжайшим общественным условностям, любые нарушения которых очень быстро переставали быть тайной. И судя по обстановке, воцарившейся в доме Аллана в это время и не изменившейся до самой его смерти, когда было оглашено его завещание, подтвердившее некоторые толки, Фрэнсис Аллан уже знала, что была не единственной женщиной, пользовавшейся вниманием Джона Аллана.

Нет нужды говорить о том, как оскорбило ее это укрытие и какую вызвало тревогу за судьбу маленького семейства, заботам о котором она отдала столько любви и нежности. Едва ли она поделилась печальной правдой с Эдгаром, будучи, с одной стороны, слишком предана мужу и, с другой — не желая ранить душу впечатлительного юноши. Однако он и сам очень скоро ощутил тяжелую, напряженную атмосферу, создавшуюся в доме, и в последовавшем затем неизбежном семейном расколе встал на сторону приемной матери, движимый сначала только состраданием, которое позднее, когда ему стали известны все обстоятельства, было подкреплено чувством справедливости.

Смерть Джейн Стенард нестерпимой болью отозвалась в юной, но уже много выстрадавшей душе Эдгара По и надолго повергла его в глубокую тоску и уныние. Именно в это время его стали часто мучить кошмары, о которых потом рассказывал с его слов Джон Макензи: «Больше всего он пугался, когда ему чудилось, будто в кромешной ночной тьме на лицо его ложится чья-то ледяная рука; или виделось страшное и отвратительное лицо, надвигавшееся на него из предрассветного полумрака. Жуткие фантазии преследовали его столь неотступно, что иногда он, спрятав голову под одеяло, лежал так до тех пор, пока не начинал задыхаться».

Сопутствующее таким переживаниям дурное расположение духа, мрачные настроения и раздражительность стали не на шутку тревожить Джона Аллана. Однако его упреки и требования воспринимались уже без былого смирения — на выговоры опекуна Эдгар отвечал дерзостями или же оскорбленным молчанием, ясно давая понять, что и для того, и для другого у него имеются достаточные основания. Джон Аллан был теперь не только возмущен, но и озабочен, и, чтобы оправдать себя перед всемогущими небесами, а также укрепить свою репутацию в глазах живущего в Балтиморе старшего брата Эдгара, Уильяма Генри Леонарда По, он пишет последнему письмо, выдержанное в весьма любопытном стиле:

Ричмонд, ноябрь 1824 года.

Дорогой Генри!

Я только что увидел твое письмо Эдгару от 25 числа прошлого месяца и весьма огорчился тем, что он до сих пор тебе не ответил. Хотя заниматься все это время ему было почти нечем — для меня он ничего не делает, и вид имеет, по мнению всего семейства, унылый, хмурый и злобный. Чем мы заслужили все это, не поддается моему пониманию — почти так же, как и то, почему я столь долго мирился с подобным поведением. Мальчик не выказывает ни единой искры привязанности к кому-либо из нас, ни малейшей благодарности за всю мою доброту и заботу о нем. А ведь я дал ему образование, намного превосходящее мое собственное. Если Розали придется в какой бы то ни было мере полагаться на его привязанность, да не оставит ее господь своим милосердием. Я опасаюсь, что товарищи его внушили ему образ мыслей и действий (?), совершенно противоположный тому, какого он придерживался в Англии. Я с гордостью за тебя сознаю всю разницу между твоими нравственными принципами и его, что и побуждает меня столь дорожить твоим уважением. Если бы и перед Господом нашим выполнял я свой долг так же свято, как выполнил я его перед Эдгаром, то Смерть, когда бы она ни явилась, меня бы не устрашила. Однако пора кончать, и я всей душою желаю, чтобы Всевышний не оставил его и тебя своим благословением, чтобы успех венчал все ваши начинания и чтобы ваша Розали не претерпела от вас ни обид, ни горя. Ибо, по крайней мере, наполовину она сестра ваша, и боже вас упаси, дорогой Генри, взыскивать с живых за грехи мертвых. Можешь быть уверен, дорогой Генри, что все мы принимаем самое искреннее участие в твоей судьбе, моля Господа на небесах ниспослать тебе благословение и защиту. Уповай, мой храбрый и добрый мальчик, на Спасителя нашего, чья милость не знает пределов. И да убережет Он тебя от всех опасностей и хранит тебя всегда — такова молитва, которую возносит твой

Друг и Слуга

(Джон Аллан)».

Характерно, что на обороте листа все той же благочестивой рукой был вычислен конечный прирост с некой суммы из расчета шести процентов годовых.

Быть может, холодная длань, тяжесть которой ощутил на себе Эдгар, была не просто ночным кошмаром. На одном дыхании оправдать собственную низость, попытаться посеять вражду между братьями, опорочить мать юноши и тут же призвать на его голову божье благословение, после чего хладнокровно перевернуть лист другой стороной и произвести подсчет ожидаемой прибыли — для этого надо обладать качествами, каковые явно не значатся в перечне богоугодных добродетелей. И таких качеств, наверное, было немало в характере человека, который, возведя очи горе, вверял будущее сирот По милости Всевышнего.

Осенью 1824 года не только Ричмонд, но и вся Виргиния с нетерпением ожидали предстоявшего в скором времени визита маркиза де Лафайета и лихорадочно готовились к его приезду. К концу первой четверти девятнадцатого столетия Лафайет пережил почти всех своих великих революционных современников, и для новых поколений молодой американской республики, чьи могучие силы уже начинали пробуждаться, он олицетворял идеалы, которые, по крайней мере, теоретически представляли весьма значительную социальную ценность. Способность их привести общество к тысячелетнему царству процветания пока еще никем не ставилась под сомнение, и в романтической фигуре энергичного маленького француза с гордым орлиным профилем сыны и дочери американской революции видели непримиримого врага тирании, соратника Вашингтона, храброго солдата, символизировавшего торжество идей Джефферсона и философии Руссо. Это был истинный герой во всем, и потому прием, который ему оказывали повсюду в Соединенных Штатах, вылился в триумф американского патриотизма.

Виргиния была в особом долгу перед Лафайетом — его поход против генерала Арнольда и доблесть в битве при Йорктауне вписали славную и достопамятную страницу в историю штата, и бывший доминион желал во что бы то ни стало превзойти все и вся радушием и гостеприимством.

В Ричмонде царило огромное волнение, и нигде оно не было столь велико, как среди питомцев школы г-на Берка. Из них и других молодых джентльменов была сформирована рота Юных ричмондских волонтеров, или «Легион Моргана», которой выдали в качестве мундиров отделанные бахромой рубашки американских трапперов. Капитаном маленького отряда был избран юноша по имени Джон Лайл, а лейтенантом — Эдгар Аллан По, что свидетельствует о его авторитете среди товарищей, ибо почетной должности, наверное, домогались многие.

Необходимо было позаботиться также и о том, чтобы надлежащим образом вооружить роту. С этим важным делом вполне успешно справились два ее командира.

Бережно хранимая легенда о преданности и счастливой доле рабов на американском Юге намеренно предает забвению тот факт, что рабовладельческое общество в ту давнюю пору жило в неизбывном кошмарном страхе перед восстанием чернокожих. И опасения эти были отнюдь не беспочвенны. К описываемому моменту негры в Виргинии уже неоднократно предпринимали пугающие, хотя и неудачные попытки подняться с оружием в руках против белых хозяев, и выступления эти, даже терпя провал, сеяли ужас среди плантаторов и городского населения. Именно на такой случай в Ричмонде постоянно находился в боевой готовности 19-й полк национальной гвардии, часть которого, именовавшаяся «стражей», всегда была под ружьем и не покидала казарм. Офицерам предписывалось появляться вне дома только в мундирах. Чтобы оказать достойные почести Лафайету, полк в полном составе намеревались вывести из города навстречу высокому гостю. Однако оставить город без всякой военной защиты было никак нельзя, поэтому власти приняли решение на время раздать оружие добровольной милиции. В числе таких подразделений оказался и «Легион Моргана». Письмо на имя губернатора штата с просьбой о выдаче оружия подписали капитан Джон Лайл и лейтенант Эдгар А. По.

Можно представить восторг, переполнявший сердца Юных ричмондских волонтеров, когда они получали из арсенала настоящие ружья, или гордость их лейтенанта Эдгара По, когда, пристегнув к поясу саблю, он, чеканя шаг, выступил навстречу Лафайету.

Его роте, состоявшей из юных отпрысков лучших ричмондских семей, поручили в качестве почетного эскорта сопровождать старого полководца в Ричмонде. По, вероятно, был лично представлен Лафайету как внук «генерала» Дэйвида По из Балтимора, помощника квартирмейстера повстанческой армии во время войны за независимость. Будучи в Балтиморе, Лафайет, как передают, специально посетил могилу героя революции, воскликнув: «Ici repose un coeur noblei»[5]. Об этом факте, наверное, было известно и По, ведь он переписывался с братом Генри и другими балтиморскими родственниками. Все эти события, очевидно, пробудили в По родовую гордость и привлекли его внимание к военному поприщу. Так или иначе, но три года спустя он поступил на службу в армию.

Шло время. Наступила весна 1825 года. 26 марта скончался дядя Джона Аллана, Унльям Гэльт, оставив ему большую часть

своего крупного состояния, в то время как остальные родственники — и в Америке, и в Шотландии — получили весьма незначительные доли. Дела Джона Аллана были спасены. Как утверждал впоследствии По, состояние, владельцем которого стал его опекун, равнялось 750 тысячам долларов. Соответствует это действительности или нет, сказать теперь трудно — ясно лишь, что в наши дни такой капитал дал бы Аллану право именовать себя миллионером. Перемены в его образе жизни, общественном положении и устремлениях, равно как и их последствия для его близких, были разнообразны и не всегда благотворны.

Сделавшись одним из богатейших людей Виргинии, Аллан превратился в фигуру, привлекающую всеобщее внимание, и оно, учитывая определенные стороны его частной жизни, не вызывало у него особого восторга. Не обошлось и без завистников, временами добавлявших горечи к сладкому фалернскому, которое любил посмаковать торговец. Он страдал хромотой и ходил довольно медленно, опираясь на тяжелую резную трость. «Гэльт оставил все свои денежки этому скороходу Аллану», — сообщал один из его знакомых в письмо к приятелю, еще не знавшему этой новости. Скрытая неприязнь, которую он ощущал у себя за спиной, заставляла его решительнее вонзать трость в землю и строить широкие и честолюбивые планы на будущее, в каковых немалая роль отводилась покупке роскошного семейного особняка, — планы, которые, не будь они продиктованы стремлением к самоутверждению, наверное, были бы менее грандиозны. В Шотландии к тому же поднялось недовольство по поводу завещательных распоряжений, сопровождаемое угрозами обратиться в суд, — многим родственникам отписанные им доли казались явно урезанными. Они засыпали Аллана письмами, отличавшимися чисто шотландской прямотой. Ответы на них он тщательно взвешивал.

28 июня 1825 года, спустя всего три месяца после утверждения к исполнению дядюшкиного завещания, Джон Аллан купил на торгах большой дом, находившийся в юго-восточной части Ричмонда, на углу Мэйн-стрит и Пятой улицы, который обошелся ему в 14 950 долларов. Прежний владелец приобрел его за девятнадцать тысяч, однако умер, не успев выплатить всей суммы.

Из окон особняка, стоявшего на склоне холма посреди прекрасного фруктового сада, открывался великолепный вид на широкую долину реки Джеймс с чудесной маленькой деревушкой на ее противоположном, южном берегу. Вокруг лежал край, где прошло детство Эдгара По, — леса и луга, реки и ручьи, живописные островки, плантации и поселки фермеров. Парадный

вход вел в просторный вестибюль, с которым сообщалась расположенная справа комната для утренних приемов и чаепитий. Прямо напротив входа, по другую сторону вестибюля, находилась красиво освещенная столовая восьмиугольной формы. На втором этаже был просторный бальный зал, стены которого помнили множество шумных и блестящих сборищ. Комнаты Джона Аллана располагались прямо над парадным входом, так что из окон был виден весь передний двор и подъездная дорожка. На том же этаже находилось еще три спальни — одну занимала мисс Валентайн, другую держали для гостей, а третью отвели Эдгару.

Комната По была в конце широкого коридора, образовывавшего здесь небольшую сужающуюся нишу, почти скрытую плохо освещенным лестничным маршем. В нише, несколько вдаваясь одним краем в дверной проем, стоял стол, на котором по ночам горела лампа. На него По имел привычку бросать свое пальто, когда входил в комнату. В ней имелось два окна, выходивших одно на север, другое на восток. С восточной стороны открывалась широкая панорама окрестностей, так как в ту пору вокруг дома Аллана не было других построек, которые могли бы заслонить обзор. Помимо обычной для спальни обстановки, здесь стоял удобный диван, лежа на котором По любил читать, небольшой столик для книг и гардероб с порядочным запасом одежды — известно, что, кроме Эдгара, им не раз пользовались гостившие в доме молодые люди. По был не чужд известного щегольства и самым неукоснительным образом следил за своей приметной наружностью, изменяя этому обыкновению, лишь когда бедствовал или пускался во все тяжкие. Можно сказать, что внешность всегда являлась барометром его душевного состояния и материального достатка. В силу природной склонности и воспитания он был очень опрятен и аккуратен в повседневной жизни и тщателен в одежде.

На полках и на столе в его комнате лежали учебники и книги для школьного чтения, среди них некоторые античные классики — Гомер, Виргилий, Цезарь, Цицерон и Гораций. Были там и старые, потрепанные справочники по грамматике и орфографии, хрестоматии, привезенные из Англии учебники французского языка, книги по истории Англии и Америки, с полдюжины готических романов и, вероятно, одно или два руководства по военному искусству. Можно не сомневаться, что тут нашлось место и Байрону, и Муру, и Вордстворту вкупе с Кольриджем и Китсом — попал ли в эту плеяду Шелли, сказать с уверенностью нельзя. Однако туда наверняка отыскали дорогу некоторые поэты восемнадцатого века, чьими книгами были в избытке снабжены

библиотеки виргинских джентльменов. О том, что «Дон-Кихот», «Жиль Блас» и «Джо Миллер» также принадлежали к числу любимых книг По, мы узнаем позднее из одного письма. Завершают этот список Мильтон — Эдгар неплохо знал его творчество, — конечно же, Бернс — ведь Джон Аллан был родом из Шотландии — и, наконец, Кэмпбелл и Кирк Уайт.

Фрэнсис Аллан обставила новый дом богато и со вкусом. Стены были обтянуты роскошными драпировками, комнаты и залы украшали скульптуры, среди которых Эдгару По больше других запомнились бюсты Данте и Марии Магдалины работы Кановы. Мебель, инкрустированная позолоченной медью, была выдержана в изящном стиле позднего ампира. На столе в комнате По стоял красивый бронзовый чернильный прибор и такая же песочница с песком для промокания, купленные его приемным отцом и помеченные травленой надписью: «Джон Аллан, 1813». Их По впоследствии забрал с собой в числе немногих вещей, увезенных им из дома Аллана, и хранил на протяжении долгого времени.

Однако самой восхитительной особенностью нового жилища была длинная, опоясывавшая весь дом двухъярусная галерея, на которую выходили двери столовой и комнаты для утренних приемов на первом этаже и комнаты Аллана и гостиная — на втором. Здесь весной, летом и осенью семья проводила большую часть времени вместе с постоянно бывавшими в доме гостями. На верхнем ярусе были устроены качели и установлен небольшой телескоп, в который молодежь любила смотреть на звезды или расстилавшийся за рекой ландшафт. Через его линзы глаза юного По впервые научились различать далекие звезды и созвездия, чьи прекрасные имена рассыпаны по строчкам его стихов. И по мере того, как пробуждалась его страсть к астрономии и космическим фантазиям, он все чаще и чаще наводил свою трубу на печальный лик луны, силясь разгадать ее древнюю тайну.

Глава седьмая

Когда-то в Ричмонде, на углу улиц Франклина и Второй, был чудесный городской сад, который очень любил Эдгар По. Место это он знал с детства: по пути в школу и из школы или отправляясь поиграть с жившим неподалеку Томом Эллисом, он каждый раз проходил вдоль длинной старой стены, вдыхая доносившиеся из-за нее пьянящие запахи южной весны — тысяч разных цветов, благоуханием своим звавших прохожего оставить изнемогающую от полдневного зноя улицу и укрыться в прохладной зелени деревьев. В юности он стал искать там уединения, чтобы хоть на время отрешиться от городской суеты, от нескончаемых разговоров о ценах и торговле в конторе и за столом у Аллана. То был уголок, навевавший покой и сладкие грезы.

«Елена» была мертва, но Эдгар по-прежнему жил в мире людей. И он посмотрел вокруг и увидел, что «дочери их прекрасны», и вошел с ними в Зачарованный сад. Туда привел он Сару Эльмиру Ройстер и шептал ей слова любви, с трепетом касаясь губами прелестных локонов.

Семья Эльмиры — так звали ее друзья — жила по соседству с Алланами, прямо напротив школы, где учился Эдгар, который, однако, был не из тех, кто не замечает прекрасного, если оно слишком близко. В ту пору Эльмире только что минуло пятнадцать лет. Природа наделила ее изящной стройной фигуркой, большими черными глазами, красивым ртом и длинными темно-каштановыми волосами. Все вместе взятое произвело на По неотразимое впечатление.

Познакомились они, вероятно, в 1823 году, а в 1824-м, омраченном кончиной Джейн Стенард и принесшем перемены и новые раздоры в семейство Алланов, долгие прогулки с Эльмирой по тихим улочкам старого Ричмонда проливали бальзам на душу По, согревая и наполняя счастьем одинокое сердце, знавшее столь мало радостных мгновений.

Чаще всего прогулки эти приводили их в Зачарованный сад, под сень миртовых зарослей, где он говорил ей о своей любви и мечтах. Часы, проведенные с нею здесь, он вспоминал потом в дни тревог и страданий. В его памяти эти встречи оставались чудным идиллическим островком, и озарявший их волшебный свет пронизывает прекрасные строки, которые он посвятил Эльмпре:

В тебе обрел все то я,

К чему стремиться мог:
Храм, ключ с водой живою,
Зеленый островок,
Где только моим был каждый
Чудесный плод и цветок.
Все дни тобою полны,
А ночью мчат мечты
Меня в тот край безмолвный,
Где в легкой пляске ты
К реке, чьи вечны волны,
Нисходишь с высоты.[6]

Дом Ройстеров, отделенный лишь маленьким сквером от старого дома Алланов, где семья жила до переезда в великолепный особняк на Пятой улице, был хорошо виден из окна комнаты, которую занимал Эдгар. Пользуясь этим, влюбленные имели обыкновение подавать друг другу знаки взмахами платка, Эдгар — из окна, а Эльмира — стоя на верхней площадке лестницы, поднимавшейся в дом со двора. Как, должно быть, трепетали их юные сердца, когда они обменивались этими бессловесными посланиями! Сигналы, видимо, не были просто сентиментальной игрой, ибо, как выяснилось позднее, мистер Ройстер без особого удовольствия смотрел на слишком явные знаки внимания, оказываемые его дочери Эдгаром По. Джон Аллан тоже относился к ним не слишком сочувственно.

Наряду с другими честолюбивыми замыслами и стремлениями, которые питало полученное от дядюшки изрядное состояние, у хитроумного шотландца возникли новые соображения касательно дальнейшего образования Эдгара По. До того, как в 1825 году ему отошла большая часть добра, нажитого старым Гэльтом, планы Аллана относительно будущего его одаренного воспитанника, если таковые у него вообще имелись, вращались, по всей вероятности, вокруг магазина и складов фирмы «Эллис и Аллан», где трудом и радением Эдгар, быть может, добился бы со временем права на свою долю в деле или же скопил бы достаточно денег, чтобы открыть собственную торговлю, как когда-то сделали сами Аллан и Эллис. Вовсе не такая уж плохая перспектива. Известно, что Эдгар часто помогал в магазине и время от времени выполнял обязанности продавца и посыльного, которому доверяли важные бумаги и ценности, — в этом качестве он запомнился многим. Впрочем, имя его никогда не фигурировало в платежных ведомостях фирмы — очевидно, опекун со свойственной ему бережливостью относил оказываемые

им мелкие услуги в счет стола и содержания, которые Эдгар получал в его доме. Все карманные деньги, какие у него бывали, давали ему «ма» и «тетя Нэнси». Их щедрости, как свидетельствуют его друзья и соученики, он был обязан более чем достаточными для его нужд суммами, тратились они столь же легко, как и доставались.

К тому времени Эдгар получил образование, каким могли похвалиться далеко не все его ричмондские сверстники. С покупкой нового дома и появлением у Аллана притязаний на более высокое положение в обществе изменились его взгляды и на будущее Эдгара. Ораторские способности юноши (в школе он не раз выигрывал состязания в красноречии), его склонность к литературе и интеллектуальным занятиям заставили Аллана всерьез задуматься о преимуществах, которые сулила карьера юриста — ведь многих она в конце концов привела в палаты конгресса. Не забывал он, разумеется, и о редкостных дарованиях Эдгара. Имелось и еще одно немаловажное обстоятельство: чтобы учиться в университете, Эдгару пришлось бы уехать из Ричмонда, а именно этого в силу весьма, как мы убедились, серьезных причин Аллан и желал больше всего. Так или иначе, речь об этом заходила все чаще и чаще, и в марте 1825 года Эдгар оставил школу г-на Берка, чтобы под руководством репетиторов начать подготовку к поступлению в Виргинский университет. Занятия продолжались всю весну, лето и осень 1825 года, и По с нетерпением ожидал того момента, когда переступит порог Виргинского университета. Несмотря на то что настроение его омрачали продолжающиеся семейные неурядицы, значительные перемены, которые принес собой переезд в новый дом, не могли не доставлять ему удовольствия. Круг его знакомств стал много шире — в своем стремлении занять подобающее их богатству место в обществе Алланы старались вести как можно более светский образ жизни, устраивали частые приемы и вскоре прославились гостеприимством и хлебосольством. Справедливости ради надо сказать, что Джон Аллан не скупился на расходы, и щедрость его в этом смысле отрицать нельзя. В доме их постоянно кто-нибудь гостил; у Эдгара тоже нередко бывали друзья — обычно молодежь затевала веселые игры в саду или на галерее, а по вечерам все собирались у телескопа. Разумеется, Эдгар приглашал сюда и Эльмиру Ройстер. Густая роща на склоне холма была единственной свидетельницей их уединенных прогулок.

Алланы были теперь приняты в лучших дома Ричмонда и числили среди своих знакомых таких влиятельных людей, как судовладелец Томас Тейлор, городской судья Маршалл,

полковник Эмблер, доктор Брокенбро и многих других «джентльменов, принадлежавших к высшему ричмондскому обществу» и знаменитых своими обедами и вечерами игры в вист. Двери их были открыты для молодого По, и, постоянно посещая эти салоны, он скоро усвоил манеру говорить и держаться как истый комильфо. То была Виргиния стародавних времен, времен изысканной учтивости и «тонкого обращения».

Безусловно, мысль о том, что Эдгар может в один прекрасный день оказаться наследником крупного состояния, будоражила умы ричмондских маменек, у которых были дочери на выданье — ведь в браки в те дни вступали довольно рано, — однако По испытывал все большую склонность к Эльмире и сделался частым гостем в ее доме, оставив очень мало надежд другим невестам. Он имел обыкновение приходить к Ройстерам ближе к вечеру и проводить долгие часы в гостиной с Эльмирой. Она играла на пианино, и под его аккомпанемент они пели дуэтом — у Эдгара был звонкий юношеский тенор. Иногда он брал в руки флейту. инструмент, которым владел весьма искусно. Порою, но не слишком часто, Эдгара сопровождал Эбенезер Берлинг, хотя Эльмира, кажется, его недолюбливала. Беседы их нередко касались общих знакомых, и однажды, когда она повторила очень грубое замечание, услышанное ею от одной из подруг, Эдгар высказал удивление тем, что она может общаться с девушкой, воспитанной столь дурно. Случай этот надолго запомнился Эльмире. В один из таких вечеров между ними произошло решающее объяснение, и, отправляясь в университет, По увозил обещание Эльмиры стать его женой — обещание, которое было сохранено в тайне ото всех, вероятно, потому, что обе семьи не одобряли их отношений. Позднее Эльмира вспоминала, что По был застенчив, но очень хорош собой, с большими темно-серыми глазами на бледном одухотворенном лице. Манеры его казались ей исполненными горделивого благородства — чувствуется по всему, что красивый и изящный молодой человек совершенно вскружил ей голову. Они часто говорили о книгах и поэзии, и, может быть, по обычаю тех дней он оставил в ее альбоме несколько стихотворных строчек. Когда наскучивали другие развлечения, Эдгар брал карандаш и рисовал для нее портреты знакомых и всякие забавные картинки. Портрет самой Эльмиры Ройстер, сделанный рукой По, дошел до нас через многие годы свидетельством счастливых часов, проведенных ими вместе.

Приближающийся отъезд Эдгара переполнял сердце миссис Аллан печалью. Конечно, от нее не укрылось стремление мужа во что бы то ни стало удалить Эдгара из дома, и с чисто женской интуицией она, наверное, предчувствовала уже близкую развязку.

Здоровье ее быстро ухудшалось, и мысль о том, что ей предстоит остаться одной, без поддержки, с жестоким и властным мужем, была невыносима. Возможно, она уже догадывалась о его намерениях в отношении Эдгара и понимала, что, хотя денег у Аллана было теперь больше, чем когда-либо, желания оказывать благодеяния он уже не испытывал. Наступили тяжелые времена; конфликт между Джоном Алланом и его воспитанником обострился до предела. Чувствуя, что Эдгару необходимо без промедления уехать из дому и все же не находя в себе сил расстаться с ним так скоро, она решила сопровождать сына в Шарлотсвилл, чтобы помочь ему устроиться в университете.

Как попрощались тогда По и Джон Аллан, мы точно не знаем, однако будем надеяться, что между ними хоть на миг сверкнула искра былой привязанности. Во всяком случае, в наказах и наставлениях с одной стороны и обещаниях с другой недостатка не было. Подали один из недавно купленных Алланом экипажей, нехитрый багаж Эдгара погрузили на запятки и закрепили ремнями, старый кучер Джим взобрался на козлы, и карета, увозившая Эдгара Аллана По и Фрэнсис Аллан, выехала со двора большого дома на Мэйн-стрит. Чернокожий возница вспоминал потом, что и Эдгар, и миссис Аллан казались очень грустными. Было это в феврале 1826 года, накануне дня св. Валентина.

Глядя на проплывавшие мимо дома, Фрэнсис Аллан, возможно, вспомнила, как пятнадцать лет назад она ехала с маленьким сиротой по той же улице в наемном экипаже, и ласково сжала руку Эдгара, сидевшего, как и тогда, подле нее. Себя, во всяком случае, ей не в чем было упрекнуть: она дала ему все, что могла бы дать настоящая мать. То была последняя страница очень важной главы в книге жизни Эдгара По. Щелкал кнут кучера, лошади бодро бежали по дороге на Шарлотсвилл, и вскоре ричмондские башенки и порталы скрылись за заснеженными холмами, и вместе с ними исчезла в дымке невозвратного прошлого юность Эдгара По с ее горестями и радостями, с путешествиями и приключениями, с первым чувством любви, с «Еленой», Эльмирой и Зачарованным садом.

Прощальное письмо Эдгар передал Эльмире со слугой. Записке этой суждено было стать последней весточкой, полученной ею от влюбленного поэта. Вместе с письмом он послал ей перламутровую шкатулку с ее инициалами, в которых гравером была допущена ошибка.

Глава восьмая

За свою долгую жизнь, отмеченную гигантской интеллектуальной деятельностью, Томас Джефферсон, этот мечтатель и романтик от политики, написал около тридцати тысяч писем, немалая часть которых была посвящена самому, быть может, значительному из его свершений — созданию «Оксфорда Нового Света». Блестящим красноречием и неутомимым пером преодолевая преграды, воздвигнутые невежеством законодателей и скупостью мало пекущихся об общественном благе богачей, он был подобен царю Мидасу, обращавшему в золото все, к чему прикасались его руки — кошельки жертвователей развязывались, как по волшебству, основанный им «Фонд для нужд просвещения» рос день ото дня, и вот уже в самом сердце суровой горной страны поднялись величественные стены, колонны и купола нового храма науки. 7 марта 1825 года без громких речей и пышных церемоний Виргинский университет распахнул свои двери перед первыми студентами.

Эдгар По был в числе ста семидесяти семи человек, записавшихся на курс в феврале 1826 года. Мы не знаем, как он расстался со своей приемной матерью, которая понимала, как поняла бы любая другая мать на ее месте, что заботы ее не смогут больше защитить сына, отправлявшегося в самостоятельное и далеко не безопасное плавание по бурному морю житейскому. Предстоящая разлука причиняла боль и тревогу обоим, ибо будущее окутывала неизвестность. Миссис Аллан помогла Эдгару устроиться на новом месте и отправилась в обратный путь, лежавший меж скованных февральской стужей холмов, с тяжелым сердцем думая об испытаниях, ожидавших ее в Ричмонде, в которых ей больше не на кого было опереться. Дальнейшая судьба предоставленного теперь самому себе Эдгара, чей порывистый и пылкий нрав она слишком хорошо знала, также не могла не внушать ей опасений. Впервые в жизни Эдгар остался совершенно один. Ему было уготовано нелегкое испытание свободой, ибо мир, в который он попал, таил в себе немало жгучих соблазнов.

Идеи Джефферсона относительно университетского устройства в некоторых отношениях были передовыми для своего времени. Вместе с тем они несли на себе отпечаток того оторванного от реальности мировоззрения, построенного на идеализированных представлениях о человеческой натуре, недостатки которого едва не стоили краха республике — самому дорогому детищу выдающегося философа. И лишь поправки,

своевременно внесенные в некоторые из любезных его сердцу теорий, спасли другое его детище — Виргинский университет — от разгула анархии.

С просветительской точки зрения организация нового учебного заведения, основывавшаяся на радикальном пересмотре сложившихся педагогических метод, была по сути своей чрезвычайно прогрессивна и как нельзя лучше отвечала его назначению. На воодушевленный призыв «Красноречивого старца» откликнулись именитые профессора-иностранцы, явившиеся в университет, еще не имевший своих традиций и очень нуждавшийся в людях, которые могли бы положить им начало, во всем блеске почетных степеней и научной славы. В те дни, когда По был студентом Виргинского университета, там преподавали профессора Блэттерман, Бонникасл, Данглисон, Эммет, Кей, Ломекс, Лонг и Такер. Семеро из них были англичане, сделавшие блестящую академическую карьеру в Кембридже и Оксфорде. Педантичный профессор Блэттерман приехал из Германии и обладал глубочайшими познаниями в классических языках и литературе.

Разумеется, университету, основанному самим Джефферсоном, надлежало строить свою деятельность на демократических принципах, предполагавших, в частности, что совесть и сознание студентов суть начала, способные сами по себе обеспечить соблюдение установленных порядков. В случае же их нарушения должны были вмешиваться местные гражданские власти. Попытка внедрить самоуправление подобного рода, естественно, потерпела полное фиаско. Всеобщая анархия повергла университет в хаос, а Шарлотсвилл и близлежащие плантации то и дело страдали от буйных студенческих выходок. Все это продолжалось до тех пор, пока негодующая профессура не пригрозила уйти в отставку в полном составе, после чего получила право установить необходимый надзор за порядком сверху и ввести более действенные меры пресечения. В самый разгар поры невообразимого сумбура и мальчишеского дурачества и приехал молодой По, чтобы стать, в известном смысле, их жертвой.

Ему была отведена комната в западном крыле, удобно расположенная под второй аркой, слева от прихода, который разделяет два жилых корпуса. Двадцать футов длиной и пятнадцать шириной, она одновременно была и спальней, и комнатой для занятий. Дверь ее выходила на аркаду, откуда тогда открывался вид на Аллеганские горы, а единственное окно — на внутренний двор. Обогревалась комната небольшим камином.

Здесь молодой поэт проводил большую часть времени — устраивал надолго запомнившиеся однокашникам литературные чтения и веселые вечеринки, писал просительные письма домой и длинные, полные мольбы, жалоб и признаний любовные послания Эльмире, которых она так и не прочла или прочла слишком поздно. Расположенная на уровне земли, комната его была довольно темной и, подобно другим комнатам для студентов в Виргинском университете, имела уютный, хотя и по-келейному мрачноватый вид. В зимнее время там скорее всего царил холод, ибо при устройстве отопительных приспособлений в жилых домах и казенных зданиях на тогдашнем американском Юге больше думали о долгом лете, нежели о зиме и поздней осени.

Множество дошедших до нас документальных свидетельств и воспоминаний позволяют с достаточной точностью воссоздать уклад жизни и даже распорядок дня студентов в ту пору, когда одним из них был Эдгар Аллан По.

День начинался в половине шестого утра, когда По и его товарищей будил Уильям Уэртенбейкер, университетский секретарь, библиотекарь и смотритель, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы молодые люди вовремя вставали, одевались и в назначенный час были готовы приступить к работе. После торопливых омовений и столь же поспешного завтрака в каком-нибудь пансионе поблизости По отправлялся на утренние занятия, длившиеся около двух часов. Программа курса, на который он записался, включала лекции по латыни, греческому, французскому, испанскому и итальянскому. Один из его товарищей по группе рассказывает, что По «удивительно легко давались латынь и французский, на которых он бегло говорил и читал, хотя нельзя сказать, чтобы его знание этих языков отличалось большой глубиной. К греческому он был равнодушен. Нередко он являлся на занятия, не подготовив ни строчки из заданного для чтения отрывка. Однако ум его был столь остр, а память столь превосходна, что ему хватало и нескольких минут, чтобы приготовить лучший в классе ответ. Для этого ему нужно было лишь „подчитать“ урок прямо перед лекциями. Эта изумительная способность позволяла ему всегда быть в числе лучших студентов и вызывала восхищение, а еще чаще — зависть товарищей». По также делал успехи в итальянском и однажды даже удостоился похвалы профессора Блэттермана за перевод из Тассо. Как часто бывает, один поэт вдохновил другого.

По окончании занятий Эдгар мог распоряжаться остатком дня и вечером по своему усмотрению. Иногда в университете проводились занятия по военному делу, руководил которыми в то время некий мистер Мэтьюз, закончивший академию в

ВестПойнте. То было одно из увлечений Джефферсона, утверждавшего, что будущие вожди республики должны владеть ратным искусством, и По, судя по всему, решил обучиться солдатским наукам, к каковым, наверное, приобрел вкус в бытность свою лейтенантом роты Юных ричмондских волонтеров несколько лет назад. Он, кажется, вообще был неравнодушен к военной славе, и склонности этой суждено было в скором времени принести горькие плоды.

Очень много времени По проводил в университетской библиотеке, где с наслаждением погружался в чтение книг из прекрасной и редкостной коллекции, собранной самим Джефферсоном. Библиотекарь, уже знакомый нам Уильям Уэртенбейкер, так описывает По-студента: «…тогда еще совсем мальчик… около пяти футов трех дюймов ростом, с немного кривыми ногами, скорее хрупкого телосложения, изобличавшего отсутствие склонности к физическим упражнениям, с лицом нежным и тонким, как у девушки, и большими, темными, очень выразительными глазами. Одевался он хорошо и опрятно. Товарищи любили его за добрый и веселый нрав; их также привлекал в нем весьма разнообразный для его лет жизненный опыт, обнаруживавший знакомство с людьми и местами, неведомыми бесхитростным провинциалам, среди которых он оказался… Однако более всего поражали тех, кто его знал, его блестящие успехи в изучении классических дисциплин…»

Об университетской жизни По повествуют не только воспоминания других людей, но и собственные его письма домой, из которых, правда, до нас дошли очень немногие. В них мы находим, в частности, весьма интересные сведения, дающие яркое представление о грубых и необузданных нравах, царивших тогда в университете, куда первые студенты принесли с собой некоторые из варварских обычаев, бытовавших среди американских пионеров. По словам Эдгара, драки между студентами были делом столь привычным, что на них никто не обращал внимания. Ссоры нередко кончались потасовками и даже дуэлями.

В другом письме, написанном из университета в сентябре 1826 года, По сообщает о переполохе, который вызвало среди студентов объявление о назначенных на декабрь экзаменах, и высказывает сомнение в том, что за ними последует вручение дипломов или присуждение степеней, ибо со дня открытия университета минуло лишь два года, в то время как обычный срок обучения равнялся в то время трем-четырем годам. Кроме того, продолжает он, многим кажется несправедливым, что со студентов, проучившихся всего только год, будут спрашивать

наравне с теми, кто окончил уже два курса. Это, разумеется, относится прежде всего к нему самому. Тем не менее уверенность в себе его как будто не покидает. Он много работал и надеется выдержать испытания не хуже других, если только не будет слишком волноваться.

Открытие университета внесло заметное оживление в жизнь небольшого городка Шарлотсвилла, где он был построен. Для местной торговли — преимущественно, конечно, торговли в кредит — настали золотые времена. От родителей студентов требовалось поручительство в том, что они обязуются заплатить долги своих отпрысков, хотя наряду с этим существовал специальный закон, освобождающий студента от уплаты долгов, признанных судом «несправедливыми». Отношения между легкомысленными молодыми мотами, чьи расходы оплачивались из тугих кошельков родителей, и алчными торговцами питала взаимная выгода: одни потакали самым сумасбродным своим желаниям, другие же на них наживались.

Что до Эдгара По, то всем было известно, что он воспитанник и наиболее вероятный наследник одного из богатейших купцов в Виргинии, и это обстоятельство сыграло для него роковую роль. Ему не только было легко получить практически неограниченный кредит в любом магазине, но и почти невозможно им не воспользоваться, ибо к тому его толкали сами владельцы, хорошо осведомленные о состоятельности его «отца». Долги его росли особенно быстро из-за расходов на одежду. Сами по себе эти траты не могли составить слишком большой суммы — даже самый отъявленный молодой щеголь не смог бы накупить за год столько одежды, чтобы навлечь на себя обвинения в расточительстве со стороны такого обеспеченного человека, как Джон Аллан, который и сам привык жить на широкую ногу. Беда в том, что По, по всей видимости, платил одеждой и заказами на платье свои карточные долги, а их у него становилось тем больше, чем сильнее захватывала его страсть к игре. Поговаривали, что ему не хватило целых семнадцати пальто, сшитых из лучшего сукна, чтобы расплатиться за одну несчастливую ночь, проведенную за ломберным столиком.

Все это на первый взгляд выставляет По в весьма дурном свете, и полностью отрицать его вину, конечно, нельзя. Однако за его «страстью к игре», очень скоро замеченной товарищами, скрывались обстоятельства, которые заставляют совсем поиному взглянуть на происшедшие затем события.

Ссоры с Эдгаром оставили, вероятно, столь глубокий след в памяти Джона Аллана, что, следуя ли давно обдуманному намерению или решению, принятому позднее, — скорее всего

последнее, — он решил наказать воспитанника за строптивость, лишив средств к приличному существованию, ибо присылаемые им суммы были не то чтобы недостаточны, а просто ничтожны.

Покидая Ричмонд, По получил от своего опекуна 110 долларов, но уже в одном из первых писем сообщает ему, что стоимость годичного пребывания в университете, по самым скромным подсчетам, составляет 350 долларов, причем 149 пришлось внести сразу по прибытии. Таким образом, уже в первые дни он задолжал 39 долларов и, по его словам, чувствовал себя глубоко униженным, потому что все смотрели на него как на нищего, живущего общественным подаянием.

В ответ на просьбы Эдгара Джон Аллан не преминул осыпать его упреками и бранью за то, что он уже успел наделать долгов, и потребовал у него подробного отчета в расходах, каковой был ему незамедлительно представлен.

Для покрытия долга в 39 долларов он прислал По чек на 40, милостиво пожаловав один доллар «на карманные расходы». Учебники в те времена студенты получали также из дому, и вместе с чеком на имя Эдгара пришла посылка, в которой он нашел изданный в Кембридже учебник математики и роман «Жиль Блас», не имевший, кстати, никакого отношения к его академическим интересам — просто обе книги, наверное, продавались в магазине «Эллиса и Аллана».

Поступив в университет, По пришлось нанять слугу, покупать топливо для камина, платить прачке, тратиться на всякие мелочи, и в результате он вскоре снова оказался в долгах. Именно тогда он, по его собственному выражению, «пустился во все тяжкие», что подразумевает, видимо, игру в карты на деньги. В письме к Аллану он с трогательной искренностью призывает Бога в свидетели, что никогда не питал склонности к беспутству, однако даже пустое общество тогдашних его товарищей было утешением в одиночестве для человека, вся вина которого состояла в том, что в целом мире он не нашел ни единой любящей души. Письмо это поистине было криком отчаяния и несомненным доказательством скупости его опекуна, которая, если она не была преднамеренной, изобличает его последним из скряг, Впрочем, презрения он заслуживает независимо от того, что было причиной его скаредности.

Будь Аллан стеснен в средствах, это могло бы послужить ему оправданием, однако незадолго до того он стал обладателем большого состояния и сейчас вынашивал планы, требовавшие таких расходов, по сравнению с которыми все траты и долги Эдгара кажутся сущей безделицей. Неприглядная правда заключалась скорее всего в том, что он попросту невзлюбил

юношу, который немало знал о его прегрешениях и осуждал их. Этой враждебностью и объясняется его стремление унизить Эдгара, заставив его влачить нищенское существование. От окончательного разрыва этих двух людей удерживала теперь лишь изнемогающая от недуга Франсис Аллан, и последнее, что прошептали ее холодеющие губы несколько лет спустя, была обращенная к ним мольба о примирении.

Чтобы добыть денег на жизнь — временами их не хватало даже на стол и дрова, — По все чаще вынужден был пользоваться кредитом в Шарлотсвилле или садиться за карты в надежде поправить дела двумя-тремя крупными выигрышами. Как всегда в таких случаях, ему не везло: долги оставались неуплаченными, положение все больше запутывалось, и в результате он мало-помалу стал преступать сословные приличия. Джентльмен остается джентльменом лишь до тех пор, пока играет ради забавы и острых ощущений; как только становится очевидным, что к этому его толкает нужда, он переходит в малопочтенную категорию профессиональных игроков. Среди отпрысков знатных виргинских семей, с которыми он встречался за карточным столом, мнение это укоренилось особенно глубоко. Даже физический труд за плату вызывал у них пренебрежение как дело, недостойное благородного человека; играть же для заработка в карты считалось занятием просто презренным.

Однако у Эдгара были и более серьезные причины для печали, нежели неуплаченные долги или нелестные мнения товарищей — с тех пор, как он уехал из Ричмонда, Эльмира не подавала о себе никаких вестей. Все его пылкие, умоляющие и грустные письма оставались без ответа, и это молчание повергало в отчаяние юного влюбленного. Дело же было в том, что мистер Ройстер перехватывал письма По к дочери, ибо родители всеми силами старались убедить ее принять предложение более предпочтительного, на их взгляд, претендента, весьма настойчивого молодого холостяка по имени Баррет Шелтон, который был несколько старше Эдгара и обладал достаточно большим состоянием и определенным положением в обществе. Есть все основания предполагать, что мистер Ройстер и Джон Аллан состояли в этом деле в сговоре. Они были довольно близкими друзьями, и если бы Ройстер думал, что Эдгар унаследует хотя бы часть состояния Аллана, он, безусловно, относился бы к такому жениху гораздо благосклоннее. Кто сообщил ему о том, что надеяться на это не следовало, нам неизвестно, однако догадаться нетрудно.

Жизнь По в Виргинском университете была, как мы видим, полна нелегких для чувствительного семнадцатилетнего юноши

испытаний. Внешне он Производил впечатление изнеженного щеголя, богатого наследника, пользовавшегося завидным, хотя и небезопасным кредитом почти во всех магазинах города, красивого и блестящего молодого студента, умевшего хорошо одеться и проводившего слишком много времени за картами; однако душу его мучили неотступные и гнетущие тревоги, боязнь неизвестности и нищеты, необъяснимое молчание девушки, с которой они поклялись друг другу в вечной любви, раздирали страх перед гневом опекуна и сострадание к приемной матери. Он не мог открыть того, что знал; да если бы и сделал это, лишь навлек бы на себя новые беды. Письма Джона Аллана сочились ядом и желчью, и не было никого, кто мог бы облегчить его терзания добрым словом или советом. А его будущее? О нем тоже следовало всерьез поразмыслить. Положение его было столь неимоверно запутанным и трудным, что порою становилось совершенно нестерпимым. И в недобрый час он впервые изведал обманчивое забвение и легкость, которые дарит вино.

Пиршества происходили у него в комнате. В камине разжигали добрый огонь, стол выдвигался на середину, наполнялись бокалы, и начиналась игра. Многие из тех, кому доводилось принимать участие в этих вечеринках, рассказывают, что По часто бывал возбужден и во всех движениях его ощущалось сильное нервное напряжение. Стоит ли удивляться, если учесть, как много значила для удовлетворения его насущных нужд удача в игре. Когда же она ускользала, ему приходилось совсем нелегко. О других причинах его беспокойства друзья вряд ли могли догадываться

В бытность свою в университете По поклонялся Бахусу достаточно редко, и побуждали его к тому обстоятельства, воздействия которых избежал мало кто из его однокашников. Во-первых, употребление вина было одним из обычаев того времени, и дань ему в университете платили щедро и охотно. Кроме того, По был, видимо, не чужд известной бравады, свойственной многим в его возрасте, когда так не терпится доказать всему миру, что ты «настоящий мужчина». Да и вообще, По, видимо, претендовал на роль молодого светского льва, ибо уже успел повидать мир, был родом из «столичного города», каковым южане считали Ричмонд, и, ко всему прочему, «богатым наследником». И поэтому он стремился соответствовать идеалу блестящего джентльмена, который, как ему казалось, видели в нем товарищи. Наконец, и это, наверное, главное, вино помогало хотя бы на время отогнать тяжелые думы и забыться, оно будоражило кровь и прибавляло уверенности в себе, даже в малых количествах оказывая на По действие необычайно сильное. Нервы его были

столь чувствительны, что один лишь глоток, который в другом вызвал бы не более чем легкое возбуждение, производил поразительную перемену в его речи и поведении. Бокала хватало, чтобы привести его в опьянение; два или три совершенно отуманивали его рассудок; если же возлияния продолжались и дальше, то он очень скоро превращался в живую карикатуру на самого себя, в пародию на гения, в зловещее знамение духовной деградации. Заканчивалось все физическими и душевными муками и угрызениями совести «погибшего», но неизъяснимо остро переживающего свое падение человека. Обо всем этом говорится здесь в предвосхищение событий, случившихся гораздо позднее. В университете он не испытывал еще столь сильной тяги к вину, чтобы она могла отразиться на тогдашней его жизни, однако именно там эта пагубная склонность впервые дала о себе знать.

Но далеко не все свое время обитатель комнаты э 13 посвящал картам и веселым застольям, как стали утверждать с немалой долей преувеличения позднее. Ибо он обладал натурой совсем иного свойства — будь это иначе, двери некогда принадлежавшего ему жилища не украшала бы сегодня бронзовая дощечка с надписью:

Edgar Allan Poe
MDCCCXXVI
Domus parva magni poetae[7]

Запершись в своей каморке, он проводил долгие часы, погруженный в чтение любимых поэтов — Шелли, Китса, Кольриджа и Вордсворта, — не забывая также и давних своих увлечений — Байрона и Мура. Здесь же начал обретать форму замысел «Тамерлана», за строками которого вставало видение Эльмиры, какой она жила в его мечтах, незримо сопровождая его в скитаниях по диким склонам и долинам Аллегантских гор, — их, очарованный «Кубла Ханом», он назвал «горами Белур Таглай». Но почему же оставались без ответа его письма? Быть может, он уже догадывался о правде?

В мечтах заветных видел я
Ее очей немое изумленье,
Когда немного лет спустя,
(Так сердца страстное томленье
Желаний торопило исполненье),
Она узнает в том, кто славой
Себя покрыл в сражениях кровавых,
(Молву о ком несли по всей земле

Победы, что он в битвах одержал,
Кто, мнилось ей, погиб в огне,
Его сжигавшем, и кто прочь бежал,
О клятвах позабыв и обещаньях,
Их юности питавших упованья),
Ее Алексиса, стремящегося вновь
К подруге дальних дней желанной,
Чтобы, былую воскресив любовь,
Наречь ее супругой Тамерлана.

О да! Он докажет ей свою верность! Ей, которая думает, что он забыл о своих клятвах. Он вернется, когда добудет славу, и сделает ее своей супругой и владычицей покоренных им царств. Как это прекрасно! Сколько в этом юной веры и… наивности! Все великие свершения были еще впереди, а пока его ум жадно впитывал драгоценную мудрость, заключенную во многих и многих старинных томах, давших ему пищу для причудливых фантазий, переполняющих его стихи. Иногда он приоткрывал для друзей занавес, скрывавший этот волшебный мир: «По любил читать из разных поэтов, а также , и свои собственные сочинения, приводившие его друзей в восторг и весьма их развлекавшие; внезапно в нем случалась какая-то перемена — и вот в руке его уже кусочек угля, которым он прямо на наших глазах с необыкновенным искусством рисует на стенах своей комнаты странные и фантастические, а порою и страшные фигуры, поражая нас игрой своего многоликого гения и заставляя задаваться вопросом, кем же он станет в будущей своей жизни — поэтом или художником?» Те, кому довелось тогда слышать По, запомнили его на всю жизнь. Между двумя глотками яблочного пунша, взрывами смеха и неумелых юношеских проклятий, анекдотами о местных кокетках, забавными историями о чудачествах профессоров и рассказом о последней дуэли, По читал что-нибудь из только что написанного, вкладывая всю душу в каждое слово и жест, и голос его, низкий и мелодичный, проникал в самое сердце слушателей; трепетал и колебался огонь свечей, и но стенам метались длинные тени. Потом обменивались мнениями об услышанном. «Однажды По прочел друзьям какой-то очень длинный рассказ, и те, желая над ним подшутить, стали обсуждать достоинства произведения в весьма ироническом духе, заметив, между прочим, что имя героя — Гаффи — встречается в тексте слишком часто. Гордость его не могла снести столь откровенной насмешки, и в приступе гнева он, прежде чем ему успели помешать, швырнул рукопись в пылающий камин; так был

утрачен рассказ незаурядных достоинств и, в отличие от других его сочинений, очень забавный и напрочь лишенный обычного сумрачного колорита и печальных рассуждений, сливающихся в сплошной непроницаемый мрак». С того дня в ближайшем его окружении за ним надолго закрепилось прозвище Гаффи, которое никогда не доставляло ему особого удовольствия. Что ж, как и следовало ожидать, гордый Алексис, которому суждено было вернуться обласканным славой победоносным героем, превратился в Гаффи! Кличка эта перекочевала вслед за ним в Вест-Пойнт, однако звучит она необидно и есть в ней даже что-то ласковое — друзья, должно быть, любили По. «Каким бы ни стал он в последующие годы, — говорит один из его университетских однокашников, — в университете он был, насколько позволял его своевольный нрав, верным и добрым товарищем. В ту пору в нем не было и тени неискренности».

Невзирая на все соблазны и сумасбродства студенческих дней, то было время, когда на благодатную почву упали семена, давшие потом великолепные исходы. Быть может, не кто иной, как влюбленный в географию и историю профессор Лонг впервые пробудил в По интерес к диковинным обычаям и экзотической природе дальних стран, детальное знание которых он впоследствии обнаруживал, и страсть к изысканиям в самых неожиданных областях, откуда им почерпнут материал для многих произведений, написанных в стиле «фантастического реализма», которым он столь искусно владел. Не мог не привлекать его и профессор Такер, умевший прикосновением волшебной палочки воображения вдохнуть жизнь даже в сухие статистические таблицы и демографические трактаты — как раз в то время он писал рассказ «Путешествие на Луну», выдержанный в манере, из которой его ученик кое-что позаимствовал для своих новелл «История с воздушным шаром», «Необыкновенные Приключения некоего Ганса Пфааля» и других подобных вещей. Нередко бывая в домах своих профессоров, По, наверное, имел возможность обсудить с ними и такую проблему, как полет на Луну. Тема необычайно его занимала, и говорить об этом он готов был до бесконечности. Китс тосковал о Луне точно ребенок. Эдгар По, в ком поэтический талант сочетался со знанием математики, воображал, что уже ее достиг.

Так проходил месяц за месяцем. 14 июля 1826 года умер Джефферсон, и По впервые услышал тяжелый удары университетского колокола, возвестившего о его кончине. Эдгар был секретарем «Джефферсоновского литературного общества», созданного студентами, и, узнав о смерти человека, чье имя оно носило, основателя Виргинского университета, выдающегося

мыслителя и политика, он, без сомнения, присоединил свой голос к траурным речам, отдавшим последнюю дань великому американцу.

Конец осени 1826 года был отмечен для По событиями еще более печальными — в декабре в Шарлотсвилл прибыл с визитом Джон Аллан, которого привели в университет отнюдь не академические интересы. Направить туда стопы его вынудило получение немалого числа рукописных листов с подписью его воспитанника. Увы, то были не стихотворения и не поэмы, а представленные к оплате счета.

Заканчивался очередной семестр, и по мере приближения рождественских каникул шарлотсвиллских торговцев все сильнее одолевало желание поглядеть, какого цвета деньги у их веселых молодых клиентов, прежде чем те разъедутся по домам. Счета были разосланы родителям, и начались обычные в таких случаях перипетии. Что до Эдгара, то исключительная скупость опекуна, почти не присылавшего ему денег, заставила его изрядно злоупотребить местным кредитом.

Прижимистого шотландца, должно быть, чуть не хватил удар, когда взгляду его предстали многочисленные вехи счетов и векселей, отметившие путь утех, пройденный его воспитанником. Немедля велев заложить экипаж, он во весь опор помчался в Шарлотсвилл. Двухдневный переезд по тряским дорогам, проложенным в гористой части Виргинии, вряд ли помог умерить его гнев. У него имелось достаточно времени, чтобы как следует обдумать, что ему надлежит сказать и сделать. Действовал он, как всегда, энергично и решительно.

Объяснение, происшедшее между ним и Эдгаром в комнате э 13, было, вероятно, очень бурным. За короткое время, проведенное в университете, По и в самом деле успел совершить немало неразумных поступков, и последствия их оказали огромное влияние на его будущее. Мистер Аллан, без сомнения, столкнулся с довольно строптивым и раздраженным молодым человеком, разговаривать с которым было нелегко. Однако все его прегрешения выплыли наружу, неопровержимо изобличенные целой кипой счетов. В итоге По было сухо сообщено, что на этом его университетская эпопея окончена.

Независимо от того, насколько соответствовали действительности рассказы о пристрастии По к вину, спросилось с него за это полной мерой. О картах нечего и говорить — азартные игры в глазах Аллана были занятием безнравственным и предосудительным. Само собой разумеется, что долги чести он платить отказался. Возместив ту часть долгов, за которую он нес ответственность по закону, Аллан, кипя негодованием,

отправился восвояси, немало раздосадованный тем, что его попытка держать воспитанника в черном теле обернулась, в конце концов, еще большими расходами. Замечательные успехи Эдгара в учении не могли дать ему повода к недовольству, и дело, следовательно, было только в деньгах. Современному человеку трудно понять, в каком отчаянном положении оказался По. В те дни заключение в тюрьму за долги все еще было повсеместно принятым наказанием (законы штата Виргиния отличались в этом смысле особой суровостью), и стоило только распространиться известию об отказе Джона Аллана признать действительными денежные обязательства своего воспитанника — а новости подобного рода немедленно становятся всеобщим достоянием, — как за Эдгаром начали бы охотиться судебные исполнители. И до тех пор, пока долги оставались неоплаченными, он не мог возвратиться в тот округ, где были предоставлены заемы. Вскоре после отъезда Аллана против По были возбуждены судебные преследования, вынудившие его покинуть пределы штата. Отказывая ему в помощи, Джон Аллан лишал его тем самым всякой надежды на возвращение. Каковы бы ни были совершенные Эдгаром безрассудства, они не причиняли никому столь большого зла, чтобы оправдать кару, повлиявшую на все его будущее. Мистер Аллан имел, разумеется, право отвергнуть его карточные долги, однако вполне мог бы пожертвовать несколькими сотнями долларов, чтобы рассчитаться с шарлотсвиллскими торговцами. Но факт остается фактом — наш благодетельный коммерсант не счел Эдгара достойным такой жертвы. Тем, кто посягал на его кошелек, не было прощения. Зато несколько лет спустя он сделал в своем завещании весьма щедрые распоряжения в пользу своих внебрачных детей, которые, однако, его вторая жена, нисколько не устрашившись долгой тяжбы, попыталась оспорить. 250 долларов — такова была предельная сумма, которую Джон Аллан считал возможным истратить во исполнение своего обещания дать Эдгару «блестящее образование». Так или иначе, но с университетом было покончено; По упустил представившуюся ему возможность и к тому же оказался теперь перед необходимостью расплачиваться с многочисленными долгами чести, что, без сомнения, было для него самым неприятным во всей этой истории. Финал шарлотсвиллского эпизода разыгрался в самых мрачных тонах. Уильям Уэртенбейкер, один из лучших друзей Эдгара в ту пору, оставил яркое описание его последних часов в университете.

Вечер 20 декабря 1826 года оба молодых человека провели в доме одного из профессоров, скорее всего Такера или Блэттермана, Затем они отправились в «скромное жилище

великого поэта». Войдя к себе, По, не проронив ни слова, принялся крушить мебель. Обломки вместе с разными бумагами и накопившимся мусором он стал жечь в камине, одновременно с мрачным видом рассказывая Уэртенбейкеру о своих неприятностях и смутных тревогах, найдя в нем сочувственного слушателя.

Уильям Уэртенбейкер ушел домой около полуночи, оставив По засыпать в комнате, освещенной неверными отблесками гаснущего огня, где догорали последние щепы от стола, на котором были написаны «Тамерлан и другие стихотворения»; вскоре в очаге остался лишь пепел, пепел несбывшихся надежд.

Утром следующего дня Эдгар вместе с несколькими земляками-студентами занял место в отправляющемся на юг дилижансе. В Ричмонд он прибыл накануне Рождества 1826 года. В небольшом сундуке, привезенном им с собой, лежали остатки обширного гардероба, который он приобрел, многократно злоупотребив доверием шарлотсвиллских купцов, несколько любимых книг и рукописи некоторых из стихотворений, вышедших в свет в Бостоне шесть месяцев спустя, Блудный сын возвратился под родной кров. Взбегая вверх по лестнице, ведущей к дверям дома на Мэйн-стрит, он, верно, не тешил себя надеждами на тучного тельца и не рассчитывал, что Джон Аллан в подобных обстоятельствах захочет сыграть роль сжалившегося отца из притчи. И все же, оказавшись в ласковых объятиях миссис Аллан и «тетушки Нэнси», он не мог сетовать на холодность встречи.

Глава девятая

И вот неожиданно для себя По снова в Ричмонде. На душе у него тяжело, ибо на этот раз он дал Джону Аллану основательный повод для недовольства, и положение его в доме незавидно. Нанятые заимодавцами юристы прилагали энергичные усилия, чтобы заставить Аллава признать его карточные долги, которые составили в итоге пугающе большую сумму в 2500 долларов, однако тот наотрез отказался их платить и, придя в крайнее раздражение, стал даже спорить по поводу совершенно законных счетов. Встреча опекуна с воспитанником получилась не слишком теплой.

По, должно быть, остро переживал свой позор. Многие из однокашников, которым он задолжал, тоже приехали домой на каникулы. Для них Рождество было порой веселья и развлечений, и огорченный По едва ли стремился в их общество. После Нового года эти счастливцы возвратятся в университет, а ему, еще недавно столь блестящему молодому студенту, подающему надежды поэту, любимцу товарищей, останется лишь проводить грустным взглядом увозящий их дилижанс. Краткий миг славы миновал. Теперь он был беспутным ослушником, злоупотребившим добротой своего благодетеля, несостоятельным должником, обманувшим доверие друзей. При условии дальнейшего безупречного поведения его ждало не слишком завидное место клерка в конторе фирмы «Эллис и Аллан». Поистине, По пришлось испить горькую чашу, и правда об Эльмире, ставшая известной ему тотчас по приезде, привела его в еще большее уныние.

То был последний и самый сокрушительный удар. Теперь Эдгар понял все. Он живо представил себе, как Джон Аллан и мистер Ройстер договариваются, что им предпринять, дабы помешать нежелательному для обоих союзу, как чужая рука хладнокровно вскрывает его нежные письма к Эльмире, как отец ее, кривя губы в усмешке, читает его пылкие излияния, как выговаривает плачущей. Эльмире за ее «безрассудство». Затем является незваный мистер Шелтон, добропорядочный и благонамеренный — лучшей партии и желать нельзя, — и Эльмиру увозят из Ричмонда, чтобы возлюбленный не смог найти ее и сказать, что сердце его попрежнему принадлежит ей, что она не должна верить наветам и что прекрасный принц, преодолев все преграды, освободит свою принцессу из рук злодеев. Все происшедшее было похоже на кошмарный сон, и Эдгар спрашивал себя, могла ли она и вправду, его забыть.

Говоря о событиях, случившихся в декабре 1826 года и январе 1827-го и приведших к разрыву между

Джоном Алланом и Эдгаром По, нельзя оставить без внимания расстроенную помолвку По — его уязвленную гордость, рухнувшие надежды и разочарование. Воображение рисовало ему счастливого соперника, сжимающего в объятиях ту, чьи уста еще совсем недавно шептали ему клятвы любви и верности, и его измученное сердце содрогалось от новой боли. Для натуры страстной и гордой, какой был По, то было слишком жестокое унижение, и отголоски испытанных им тогда страданий слышатся в его «Песне», одном из самых ранних его стихотворений:

Я помню жаркий пламень щек
В день вашего венчанья,
Когда вам мир давал зарок
Любви и обожанья.
Как отблеск тех земных горнил,
Где красота творится,
Ваш взгляд мне сердце опалил.
В нем боль доныне длится.[8]

Однако эти довольно посредственные строки не стали последними словами По, обращенными к Эльмире. Много лет спустя ей суждено было вновь встретиться с Эдгаром в тот краткий мир, когда его клонившаяся к закату звезда вновь вспыхнула светом надежды.

То, что По рассказывал впоследствии друзьям о своей жизни в университете, было, как нетрудно догадаться, лишь частью правды. В попытке защитить свое самолюбие он делал вид, что все случившееся ему в высшей степени безразлично, и по-мальчишески похвалялся перед знакомыми своими веселыми похождениями. Долги свои он объяснял тем, что просто хотел посмотреть, какую часть состояния Аллана сможет пустить по ветру. Надо думать, речи эти, если они достигли ушей его опекуна, мало способствовали примирению.

Наступил 1827 год. Отношения между По и Джоном Алланом продолжали ухудшаться, и вскоре перед Эдгаром встал вопрос, ответ на который рано или поздно приходится искать всякому, кому не посчастливилось родиться в рубашке: «Как добыть хлеб насущный?» Самым очевидным решением казалось поступить клерком в контору «Эллиса и Аллана», однако даже эта должность ему предложена не была. Обстановка дома становилась невыносимой, и в конце рождественской недели По уехал на принадлежавшую Алланам плантацию неподалеку от

Ричмонда, чтобы отдохнуть от мучительных сцен и не видеть, как бывшие его однокашники будут возвращаться в университет, стены которого он покинул навсегда. К тому же в деревне ему легче было укрыться от докучливых кредиторов, уже начавших против него судебную тяжбу.

Он возвратился в Ричмонд в конце января с намерением заняться изучением юриспруденции. Однако это не встретило сочувствия со стороны мистера Аллана, который считал, что своим поведением По лишил себя права на приличное образование. Тем не менее он не сделал ничего, чтобы помочь По найти работу, хотя беспрестанно упрекал его в праздности. Эдгар оказался в поистине отчаянном положении: долги его Джон Аллан платить отказался, о возвращении в университет не хотел и слышать, содействовать в поступлении на службу не собирался, продолжая в то же время укорять воспитанника в нежелании трудиться «в поте лица своего». По попал в западню, из которой не было выхода, и опекун, судя по всему, не упускал случая поиздеваться над его беспомощностью. Не исключено, что он намеренно поступал таким образом, чтобы показать По, сколь тернист путь греха, и, полностью лишив денег, равно как и возможностей заработка, заставить его понять их цену.

Нельзя сказать, что По ничего не предпринимал с целью вырваться из заколдованного круга. Он написал письмо некоему Миллсу, владельцу одной компании в Филадельфии, имевшей деловые связи с «Эллисом и Алланом», прося принять его на службу. Однако письмо его было переслано Миллсом Аллану, который, получив в руки неопровержимое доказательство намерения По покинуть дом, устроил скандал, каких между ними еще не бывало. Даже хорошо зная характер Джона Аллана, трудно поверить, что он не отпускал По из дому лишь из желания причинить ему боль. Быть может, у него уже были какие-то планы относительно будущего Эдгара, и он попросту хотел как следует проучить молодого транжиру — пусть узнает, каково иметь дело с судейскими, и впредь будет благоразумнее! Однако факты говорят совсем о другом. Аллан, видимо, понимал, что именно собственная его скупость в конечном счете и заставила По наделать долгов. И поскольку он ничего не предпринимал, чтобы помочь Эдгару найти работу или спасти его, от грозящего тюремного заключения, остается только сделать вывод, что он желал избавиться от воспитанника, покончить с его постоянным вмешательством в их с женой распри, прогнать с глаз долой маленького дерзкого выскочку «с неблагодарным сердцем», как он скажет о нем позднее.

Бурная ссора, вынудившая Эдгара покинуть дом Джона

Аллана, привела к окончательному разрыву между опекуном и воспитанником, — событию, сыгравшему чрезвычайно значительную роль в жизни последнего и ставшему, по существу, ее поворотным пунктом. Сказанного ими друг другу в тот день, 18 марта 1827 года, уже нельзя было простить. Опираясь на многочисленные свидетельства и знание характеров обоих этих людей, можно с достаточной достоверностью восстановить подробности происшедшего объяснения.

Аллан, должно быть, нашел По в библиотеке, где тот по-прежнему проводил много времени. Потрясая перед ним его письмом к Миллсу, он потребовал, чтобы Эдгар ясно ответил, собирается ли он, как явствует из письма, уехать из Ричмонда, или останется в городе, чтобы, заработав денег, рассчитаться с долгами. Увидев. в руках у опекуна свое письмо, По пришел в, ярость и высказал все, что о нем думал, обвинив Аллана в скупости, которая толкнула его на необдуманные поступки во время учебы в университете. На это Аллан, наверное, возразил, что пенять Эдгару надо лишь. на собственное мотовство и распущенность, и тут речь, очевидно, зашла о его карточных долгах — предмете, неприятном для обоих. По настаивал на том, чтобы Аллан дал ему возможность продолжить занятия в университете, заплатив его долги чести и те небольшие суммы, которые он одалживал у товарищей — об остальном он обещал позаботиться сам. Последние три месяца в университете (вероятно, после визита Джона Аллана) он вел себя безупречно и был в числе лучших студентов. Но Аллан наотрез отказался отпустить, его обратно в Шарлотсвилл. Оп, кажется, считал, что Эдгар вполне может завершить свое образование дома, изучая, как он уточнил впоследствии, «французский, математику и классические дисциплины». Видимо, у него все еще были какие-то весьма, впрочем, неопределенные соображения относительно дальнейшей карьеры По. В этом и крылась главная причина их несогласия. Из писем, которыми они обменялись спустя два дня после размолвки, ясно, что По хотел продолжить учебу в университете с тем, чтобы в будущем посвятить себя литературе. Можно предположить, что даже в Ричмонде он не оставлял, несмотря на все неурядицы, своих литературных занятий. Аллан же полагал «стихотворчество» напрасной тратой времени и делом совершенно никчемным и потому заявил, что Эдгар может остаться в доме лишь на его, Аллана, условиях, дав воспитаннику одну ночь на размышление.

В ту бессонную ночь с 18 на 19 марта 1827 года, после тяжелого объяснения с опекуном, Эдгар По принял важнейшее решение в своей жизни. Он решил, что не покорится воле Джона

Аллана и не примет поставленных им условий даже под страхом изгнания из дому. Будем откровенны: было в его непреклонности и нечто жестокое, «неблагодарное», выражаясь языком Джона Аллана, — ведь она неминуемо должна была причинить боль нескольким любящим сердцам; и тем не менее то было достойное и мужественное решение. Положив на одну чашу весов благополучие, а на другую — гордость и талант, он понял, что последнее важнее, предпочтя славу и честь богатству. Более того, хоть он и не мог знать всего наперед, тем самым были избраны голод и нищета. Впрочем, устрашить его не смогли бы и они.

Из его письма Джону Аллану, написанного вечером 19 марта, ясно, что окончательный разрыв произошел утром того же дня. Не оконченный накануне разговор, очевидно, возобновился за завтраком, и Джон Аллан пожелал узнать, к какому решению пришел По, на что получил прямой и твердый ответ. То, что молодой наглец, столько лет живший его благодеяниями, посмел ослушаться его воли, поразило стареющего торговца в самое сердце. Беседа перешла в ожесточенную перепалку, последовали взаимные оскорбления — оба в совершенстве владели оружием иронии и сарказма и знали друг о друге много такого, чем можно было уязвить. Уверенность По в будущем привела опекуна в бешенство. «Что ж, пусть узнает, каково голодать», — подумал оп, не сомневаясь, что предсказание его сбудется в самом скором времени, и велел По тотчас убираться из дому. Приказание это было исполнено в точности и без промедления — По бросился вон, даже не захватив ничего из вещей.

Не зная, куда обратить стопы, он решил временно остановиться в небольшой гостинице «Корт Хаус тэверн» и в тот же день написал Джону Алдану письмо на трех страницах. В нем он говорит, что после объяснения накануне и происшедшей наутро ссоры Аллана едва ли удивит содержание этого послания. Он принял наконец бесповоротное решение найти такое место в большом мире, где ему не придется мириться с несправедливостями, подобными тем, какие он претерпел от своего опекуна; шаг этот он намеревался предпринять уже давно, и поэтому Джон Аллан не должен думать, что поступок его продиктован минутным порывом и что он сожалеет о нем и надеется возвратиться. Далее По излагает причины, побудившие его сделать такой выбор.

С того времени, как он стал задумываться о своем предназначении, пишет По, им завладели честолюбивые устремления — ведь сам Джон Аллан приучил его к мысли о том, что ему надлежит добиваться высокого положения в обществе. Именно поэтому все его помыслы были направлены на получение

университетского образования, в котором, однако, опекун ему отказал, причем единственно из собственной прихоти, раздраженный тем, что По осмелился не согласиться с его мнением. По утверждал также, будто случайно слышал, как Джон Аллан сказал комуто, что не питает привязанности к своему воспитаннику. А так как Аллан не мог знать, что По его слышит, остается лишь заключить, что он говорил правду. Кроме того, Джон Аллан потребовал, чтобы он покинул его дом, а до этого постоянно попрекал куском хлеба, отказываясь вместе с тем помочь ему в устройстве на службу. Наконец — и это обвинение особенно серьезно в устах человека столь гордого и самолюбивого, как По, — Аллан намеренно и даже не без удовольствия порочил По перед людьми, на чье содействие тот рассчитывал. Мало того, домыслы свои он делал достоянием не только знакомых, но и домашней прислуги, стараясь тем самым унизить его еще больше.

Письмо По заканчивается просьбой прислать ему сундук с его одеждой и книгами и некоторую сумму денег, достаточную, чтобы добраться до одного из городов на севере страны и прожить там около месяца — за это время он надеялся найти работу, которая позволит ему скопить денег на дальнейшую учебу в университете. Сундук и кое-какие еще вещи следует доставить в гостиницу «Корт Хаус тэверн», ни в коем случае не забыв о деньгах, в которых он крайне нуждается. Если просьба его останется невыполненной, добавляет он, последствия будут таковы, что даже мысль о них вызывает у него содрогание. Постскриптум сообщает Аллану, что лишь от него самого зависит, сможет ли он вновь увидеть автора письма или получить от него известие.

Все в этом письме говорит о том, что написано оно человеком, оскорбленным и возмущенным до глубины души. Намек на самоубийство звучит достаточно ясно и заставляет думать, что По скорее лишил бы себя жизни, чем вернулся.

Не получив никакого ответа, По на следующий день снова пишет Джону Аллану, умоляя его как можно скорее прислать его сундук с одеждой. По делает честь благородству опекуна, — если сундук до сих пор не прибыл, говорит он, ему лишь остается предположить, что первое его письмо не получено. Нужда его, продолжает По, ужасна — вот уже второй день, как у него не было и маковой росинки во рту, ему нечем заплатить за постель, прошлую ночь он провел, бродя по улицам, и совершенно изнемог.

Аллан не прислал ни сундука, ни денег. Не получив еще второго письма По, он ответил на первое. Справедливости ради

надо отметить, что письмо его выдержано в предельно ровном тоне — оно вообще настолько спокойно и рассудительно, что от него веет ледяным холодом. Все эти тщательно взвешенные фразы вряд ли могли достигнуть сердца голодающего второй день человека.

Мистер Аллан пишет, что его уже не способно удивить ничто, сказанное или сделанное Эдгаром. Он напоминает, что он и так в долгу перед ним за уже полученное воспитание и образование, и признает, что действительно стремился взлелеять в нем мечты о большом будущем, добавляя, однако, что чтение «Дон-Кихота», «Жиль Бласа», «Джо Миллера» и им подобных книг не способствует продвижению на общественном поприще. Судя по всему, тема эта не раз становилась поводом для споров, ибо Джон Аллан не одобрял увлечения романами. Известно также, что к Байрону он испытывал отвращение. Пытаясь защититься от брошенных По обвинений (примечательно, что на протяжении всего письма он лишь защищается и оправдывается), он утверждает, что упреки в праздности, которыми он преследовал По, имели единственной целью побудить его совершенствовать свои знания в математике и языках. И кого бы на его месте не раздосадовало то обстоятельство, что По не обнаружил ни малейшего намерения сообразовываться с его желаниями (очевидно, в выборе будущего поприща). Он добавляет также, и здесь надо отдать должное его искренности, что По и сам может рассудить, если только сердце его не из камня, не дал ли он своему опекуну более чем достаточно поводов для беспокойства за его судьбу. Он упорно твердит, что столь часто выговаривал своему воспитаннику лишь из желания помочь ему в исправлении недостатков; что до остальных обвинений, то он даже не станет о них говорить, ибо ответ на них даст за него общество. Заканчивает он, однако, издевкой. Итак, пишет он, По во всеуслышание заявил, что отныне он независим. И каков же результат? Он содрогается от одной мысли об участи, которая его постигнет, если человек, чью помощь он только что с таким презрением отверг, не пришлет ему денег. На этом слове переписка его с Эдгаром По прервалась на два года.

Весьма вероятно, что Фрэнсис Аллан видела письма Эдгара, адресованные ее мужу. Во всяком случае, она каким-то образом узнала о намерении По оставить Ричмонд и забила тревогу, потребовав, чтобы Аллан во что бы то ни стало воспрепятствовал отъезду Эдгара. Муж не решился с ней спорить, и капитанам кораблей, находившимся в это время в порту, было предложено не брать По на борт. Они подчинились, не желая портить отношения с владельцем крупной фирмы, с которой многие из

них имели дела, и поэтому путь морем был для По отрезан. Фрэнсис Аллан, наверное, надеялась на примирение, а Джон Аллан не сомневался, что голод очень скоро образумит строптивого мальчишку. И миссис Аллан, и мисс Валентайн, видимо, снабжали Эдгара небольшими суммами денег, иначе ему просто не на что было бы жить все это время, ибо Джон Аллан ничего ему не присылал. Найти же новых кредиторов По не мог, потому что его уже знали как несостоятельного должника. Деньги эти так или иначе были невелики, и их хватило ему лишь на несколько недель.

Чтобы избежать ареста за долги и скрыть свой отъезд, По, взяв себе вымышленное имя Генри Ле Рене и уговорив Эбенезера Берлинга сопровождать его, покинул Ричмонд, рассчитывая добраться до побережья, а там сесть на какое-нибудь каботажное судно, следующее в Норфолк. Что произошло в Норфолке, которого он, очевидно, благополучно достиг, мы, надо полагать, никогда не узнаем. Берлинг уезжал из Ричмонда совершенно пьяным, и, по мере того, как по пути он трезвел, будущее рисовалось ему все более и более мрачным. Не исключено также, что на нужном им судне не нашлось двух свободных мест. Во всяком случае, Берлинг уехал обратно в Ричмонд, наверное, еще до того, как По отплыл в Норфолк, заявив по возвращении, что тот отправился за границу. Возможно, об этом действительно заходила речь, хотя не менее вероятно, что такая версия была придумана ими сообща, чтобы ввести в заблуждение семью Эдгара и сбить со следа кредиторов. По, однако, остался в Америке и, следуя давно обдуманному решению, направился в Бостон, где издавна процветала литература. Он полагал, что сборник стихов, который он намеревался напечатать, будет скорее замечен публикой и критикой, если выйдет в свет там, а не в провинциальном Ричмонде. Быть может, на выбор его повлиял и наказ покойной матери возвратиться в город, где он родился и где по-прежнему могли жить некоторые из друзей его родителей, чья поддержка оказалась бы сейчас как нельзя более кстати. Итак, в середине апреля 1827 года он прибыл в Бостон. Есть основания предполагать, что добрался он туда, нанявшись матросом на какой-то «угольщик».

Фрэнсис Аллан была безутешна. Ссора между мужем и приемным сыном и исчезновение ее «дорогого мальчика» нанесли этой измученной болезнью женщине сокрушительный удар. Эдгара она больше никогда не видела. Любовь ее искала По в его заморских странствиях, ибо она и Аллан полагали, что он покинул родину. Она написала ему два письма по какому-то адресу за границей, в которых снимала с него всякую вину за

происшедший в семье раскол. Письма эти, возвратившиеся к отправителю, По, должно быть, получил позднее, когда судьба снова привела его в ричмондский дом.

Тем временем семейная жизнь Алланов вновь пошла заведенным порядком, то бишь таким, какой установил, Джон Аллан. Миссис Аллан продолжала чахнуть; суровый хозяин дома по-прежнему занимался своими делами с присущим ему хладнокровием, которое отступало лишь перед тревогой за здоровье жены. В письме, отправленном из Ричмонда 27 марта 1827 года одной из сестер в Шотландии, он на трех страницах доказывает, что завещанным дядюшкой имуществом распорядился по совести, присовокупляя в конце несколько глубокомысленных замечаний по поводу домашних дел: «…хотя миссис Аллан живет в одном из красивейших домов в Ричмонде, где столько воздуха и света, в состоянии ее не происходит заметных улучшений, — а место и в самом деле чудесное… Мисс Валентайн все такая же жизнерадостная толстушка, а Эдгар, сдается мне, отправился искать счастья на море…»

Ну что за упрямица эта миссис Аллан — живет в особняке, «где столько воздуха и света» и никак не желает поправляться! В то время как сестра ее «все так же жизнерадостна»?! В чем же все-таки причина? Может быть, воздухом этим не так уж легко дышать? Эдгару, во всяком случае, атмосфера в доме показалась удушливой. Однако где же обретался в ту пору злополучный Генри Ле Рене?

По приезде в Бостон По попытался найти кого-нибудь из старых друзей отца и матери. О существовании таковых он, впрочем, знал лишь понаслышке; родители его были людьми малоизвестными, и по прошествии шестнадцати лет в Бостоне не осталось никого, кто бы их помнил.

Через некоторое время он случайно свел знакомство с одним молодым человеком примерно его лет по имени Кельвин Томас, который был владельцем небольшой типографии, помещавшейся в доме 70 по Вашингтон-стрит. Шрифты и виньетки, которыми он пользовался, изобличают в нем новичка в печатном деле, еще недавно, наверное, подвизавшегося учеником у какого-нибудь опытного типографа. Этому-то юному дилетанту По и решил доверить печатание книги, ставшей впоследствии одним из самых дорогих и редких изданий на английском языке и названной автором «Тамерлан и другие стихотворения». Было это в начале мая 1827 года.

Где и на что жил тогда По, неизвестно. Возможно, на остатки денег, полученных от миссис Аллан и мисс Валентайн. По некоторым сведениям, ему удалось найти работу в какой-то

бостонской газете, хотя подготовка к печати даже столь небольшой книжки с неизбежными переделками и правкой текста отнимала, должно быть, значительное время, не оставляя досуга для других занятий. К моменту ее выхода в свет По оказался без гроша в кармане. Томас был всего лишь типографом, а не издателем, и поэтому весь тираж, вероятно, остался у него на руках. Немногие проданные экземпляры были скорее всего куплены на последние медяки самим По. Два экземпляра он послал на рецензию. Позднее По говорил, что издание было прекращено «по соображениям частного порядка». Что это за соображения, нетрудно догадаться. Возможностей для сбыта издания через книготорговцев не имелось; будь книга выставлена на продажу прямо в типографии, покупать ее никто не стал бы, а сам автор не располагал уже никакими средствами. «Тамерлан и другие стихотворения» представляли собой книжку форматом в пол-листа, насчитывавшую около сорока страниц и переплетенную в желтовато-коричневую обложку. Вместо имени автора на титульном листе после названия стояло «написанные одним бостонцем», ниже следовал девиз, совпадающий с тем, который избрал для своей первой книги Теннисон: «Стихи двух братьев». В авторском предисловии По, в частности, пишет: «Большая часть стихов, составляющих эту скромную книжку, написана в 1821—1822 годах, когда автору не было еще четырнадцати лет. Для публикации они, разумеется, не предназначались; причины, в силу которых вещи эти все же увидели свет, касаются лишь того, кем они написаны. О коротких стихотворениях нет нужды говорить много — они, быть может, обнаруживают чрезмерный эгоизм автора, который, однако, был в пору их написания еще слишком юн, чтобы черпать знание жизни из иного, чем собственная душа, источника…»

Именно то, что стихи эти позволяют заглянуть в душу их юного создателя, и определяет главным образом их сегодняшнюю ценность. «Тамерлан» выделяется среди прочих смелостью замысла, и написание его следует, видимо, датировать более поздним, университетским периодом, ибо стиль поэмы и самый выбор темы носят достаточно отчетливые следы влияния классического образования. Интересно это произведение преимущественно тем, что здесь уже обнаруживаются главные особенности будущих творческих склонностей и устремлений автора. Что до «других стихотворений», то за их строками видится впечатлительный юноша, наделенный врожденным чувством ритма и мелодии и обладающий мастерством стихосложения, удивительным в столь молодом поэте, который, находя очарование в общении с людьми и природой, ценил его не

само по себе, но скорее как источник мечтаний и настроений, пробуждающих вдохновение. В целом уже они давали право сделать вывод, что Эдгар По был одарен двумя главными для поэта качествами — чувствами и мыслями, достойными художественного выражения, и способностью к их образному воплощению. Среди произведений, включенных в его первый сборник, наиболее яркое тому подтверждение мы находим в стихотворениях «Мечты» и «Озеро». Последнее особенно примечательно, потому что из него мы впервые узнаем, как рано Эдгаром По завладели странная меланхолия и думы о смерти, сделавшиеся со временем его постоянными спутниками.

Был в мире мне на утре дней
Всего милее и родней
Забытый уголок лесной,
Где над озерною волной
Я одиночество вкушал
Под соснами, меж черных скал.

Когда же ночь своим плащом
Окутывала все кругом
И ветер начинал опять
В ветвях таинственно роптать.
Во мне рос ужас, леденя,
Как холодок от волн, меня.

Но не со страхом был он все ж,
А с трепетным восторгом схож
И слаще для меня стократ,
Чем наибогатейший клад
Иль даже твой влюбленный взгляд.

И верил я: под толщей вод
Меня на ложе смерти ждет
Та, без кого я стражду так,
Что погружен мой дух во мрак,
И только рядом с ней, на дне,
Вновь светлый рай заблещет мне.[9]

Публикация «Тамерлана», похоже, окончательно истощила кошелек По и терпение его квартирной хозяйки. Он оказался в отчаянном положении. Физический труд, даже если бы нашлась работа, был ему не под силу, а обратиться за помощью в Ричмонд казалось немыслимым. В этот критический момент, раздираемый

внутренней борьбой между гордостью и голодом, он вспомнил об отличиях, завоеванных им на университетском плацу, и обратил взоры к армии.

Архивные документы министерства обороны свидетельствуют о том, что По вступил в ряды армии Соединенных Штатов 26 мая 1826 года под опять-таки вымышленным именем Эдгара А. Перри. Возрастом своим он указал двадцать два года, хотя было ему всего восемнадцать, а местом рождения — Бостон, назвавшись клерком по профессии. Согласно описанию внешности, имеющемуся в его послужном деле, у него были серые глаза, каштановые волосы и белая кожа. Рост его равнялся пяти футам восьми дюймам. Без дальнейших промедлений новобранец был зачислен в восьмую батарею 1-го артиллерийского полка, расквартированного в ту нору в окрестностях. Бостона. В Форт-Индепенденсе, где несла службу его часть, По находился с конца мая по конец октября 1827 года. В этот период он, очевидно, прошел рекрутскую подготовку, хотя уже с первых дней старался держаться поближе к квартирмейстерскому хозяйству, где грамотный молодой солдат, знакомый к тому же с торговым делом (пригодился опыт, приобретенный в конторе «Эллиса и Аллана»), сразу же пришелся ко двору.

О жизни По в Форт-Индепенденсе известно очень мало. Позднее говорили, что во время пребывания в армии он писал письма своей приемной матери, на которых обратным адресом был указан Санкт-Петербург (!). Некоторый свет на этот отрезок его жизни помогла пролить не так давно обнаруженная подшивка старого бретонского журнала «Порт Американ», выходившего в 1827 году.

С этим малоизвестным изданием начиная с лета и до конца 1827 года сотрудничал брат По, Уильям Генри. Он помещал там и прозу и стихи, обычно подписывая свои произведения инициалами У.Г.П. Коль скоро можно судить по его публикациям, он поддерживал в ту пору связь с находившимся в Бостоне братом; в своей новелле «Пират», например, Генри По пересказывает в романтическом духе историю любви Эдгара и Эльмиры Ройстер, а затем публикует под собственным именем несколько отрывков из стихотворений, включенных в сборник По, о котором шла речь выше. Отсюда следует вполне обоснованный вывод, что, служа в армии, По переписывался с братом и послал ему из Бостона экземпляр своей первой книги.

Если бы в тот период обстоятельства жизни Эдгара По сложились иначе и на его пути повстречались люди, чье сочувствие и участие защитили бы его благородную и ранимую душу от ударов враждебной судьбы, поселив в ней покой и

уверенность в будущем, если бы он оказался в условиях, благоприятствующих свободному творчеству и художническому самосовершенствованию, Америка, быть может, увидела бы рассвет гения, блеск и сила которого вызвали бы восхищение и преклонение современников, а не запоздалое признание, пришедшее лишь после того, как презрение и жалость уступили наконец место пониманию. Увы, этого не произошло, и человеку, духовный мир которого отличали редкостное богатство и глубина чувств, а ум — исключительная острота и ясность, суждено было испытать все тяготы, какие только могла нести с собой для утонченной натуры служба в линейном артиллерийском полку, прозябавшем в казармах в то безмятежно мирное время.

31 октября 1827 года батарея, где служил Эдгар А. Перри, получила приказ о передислокации в форт Моултри, Южная Каролина, расположенный на острове Салливана, у входа в Чарлстонскую гавань.

Глава десятая

Передвижения войск в ту блаженную нору, когда еще не было железных дорог, осуществлялись по большей части водным путем. Ясным осенним утром, 8 ноября 1827 года, караван военных транспортов, на один из которых погрузилась батарея По, воспользовавшись свежим попутным ветром, вышел из Бостонской гавани и, оставляя позади Кейп-Год и окутанный голубой дымкой Нантакет, взял курс в открытое море с тем, чтобы миновать опасные прибрежные мели и рифы. Путешествие это, во всяком случае для По, было исполнено романтического очарования. Надутые ветром паруса, развевающиеся флаги, блеск солдатского оружия и амуниции, летящий с корабля на корабль зов сигнальных труб — все это рождало у По такое ощущение, будто он участвует в настоящей военной экспедиции. Плавание курсом на юг вдоль Атлантического побережья Соединенных Штатов продлилось десять дней, и в воскресенье 18 ноября караван вошел в Чарлстонскую гавань.

Вся армейская эпопея По, во время каковой ему пришлось немало попутешествовать, может служить, если взглянуть на нее с литературной точки зрения, замечательной иллюстрацией одной из отличительных особенностей его писательского метода, состоявшей в искусном переплетении вымысла с запечатленными исключительно точно деталями реальной обстановки и обстоятельств, в которых ему доводилось бывать. Описание этого периода можно было бы с полным основанием назвать «Историей о том, как Эдгар По собирал материал для своих произведений». Вопреки распространенному мнению о том, что По черпал элементы местного колорита главным образом из прочитанных книг, несомненен тот факт, что он часто брал их из окружающей жизни и природы, лишь в самой незначительной степени облагораживая и обогащая свои находки на основе литературных источников. Даже вымышленные места действия он рисует с большой изобразительной силой, и его описания природы, хотя и носили часто собирательный характер, возникали тем не менее из впечатлений от виденных им в действительности пейзажей. Причудливой, запоминающейся прелестью того края, где ему предстояло провести около года жизни, не отягощенной заботами о пропитании или недостатком досуга, навеяны многие страницы его новелл «Золотой жук», «Продолговатый ящик», «Человек, которого изрубили в куски», «История с воздушным шаром», так же как и пронизанные светом закатного солнца и синевой морских просторов меланхолические картины, столь часто

возникающие в его стихах после посещения Каролины.

С 19 ноября 1827 года по И декабря 1828 года рядовой Эдгар А. Перри, он же Генри Ле Рене, он же Эдгар Аллан По, нес гарнизонную службу в форте Моултри, что на острове Салливана, в составе восьмой батареи 1-го артиллерийского полка армии Соединенных Штатов. Казарма, где он жил, помещалась в одном из бастионов старой крепости, охранявшей вход в гавань. Остров — продуваемый всеми ветрами безрадостный клочок песчаной суши, навеки врезавшийся ему в память за долгие дни, проведенные там, — По сделал впоследствии местом действия рассказа «Золотой жук», которое описывает так: «Остров этот имеет весьма странный вид. Состоит он почти целиком из морского песка и тянется в. длину почти на четыре мили. От материка его отделяет едва приметный пролив, вода в котором с трудом пробивается сквозь густой камыш и илистые наносы — излюбленное гнездилище болотных куропаток. Растительность там, как можно ожидать, скудная или, во всяком случае, низкорослая. Деревья сколько-нибудь значительной величины нигде не видны. Лишь на западной его оконечности, где высится форт Моултри в окружении разбросанных там и сям жалких деревянных лачуг, в которых летом ищут спасения от городской пыли и духоты жители Чарлстона, встречается изредка колючая карликовая пальма. Зато весь остров, за исключением только западной части и узкой полоски слежавшегося до каменной твердости песка на взморье, покрыт буйными зарослями душистого мирта. столь высоко ценимого английскими садоводами. Кусты его нередко поднимаются на пятнадцать-двадцать футов от земли, образуя почти непроходимую чащу. наполненную тяжелым, дурманящим благоуханием».

То, что По имел очень много свободного времени в бытность свою в форте Моултри, не вызывает сомнений, ибо полк береговой охраны, которому была придана его батарея, нес службу в отдаленном и пустынном месте, забытом и ботом, и военным начальством, да еще в ту пору, когда Америка жила в мире и согласии со всеми соседями. В расположении части не было ни парков, ни газонов, уходом за которыми могли бы заниматься солдаты, а то обстоятельство, что до Чарлстона было часа два пути на веслах или под парусом, лишало охоты к светским увеселениям даже молодых офицеров и избавляло нижних чинов от многочисленных и утомительных повинностей, какие выпадали на их долю в «парадных частях». Перечень развлечений, которые могла предложить близлежащая деревушка, ограничивался оглушительными лягушачьими концертами в заросшем тиной пруду и нудными церковными службами.

Единственной наградой солдатам были увольнения в город, однако дорога туда и обратно, как уже говорилось, отнимала немало сил и времени. Поэтому большую часть своего досуга По. отдавал изучению диковинок местной природы, плаванию, чтению и литературным занятиям; иногда он также беседовал с более просвещенными из офицеров или подолгу бродил по острову среди песчаных дюн и миртовых зарослей.

Форт Моултри просыпался в 5.30 утра; после завтрака и поверки проводились непродолжительные строевые занятия или отработка артиллерийских приемов. Неспешное течение времени отмечали выстрелы пушки на восходе и закате солнца да пение сигнальных рожков, трубивших подъем и отбой и трижды в день сзывавших солдат к столу. В остальные часы оставалось только играть в карты или метать кости. Впрочем, даже от столь необременительных ратных трудов По вскоре благополучно освободился, вызвавшись исполнять обязанности гарнизонного писаря, приближавшие всякого, кто ими занимался, к офицерскому кругу и позволявшие легко войти в милость к командирам. Немудреное полковое делопроизводство отнимало у него не более трех-четырех часов в день, остатком которого он мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Таковы те немногие сведения о жизни По в форте Моултри, которые пощадило забвение. Все, кто знал его в этот период, умерли, не оставив о нем никаких воспоминаний. Сохранился лишь полковой архив, содержащий самые необходимые и лаконичные записи. Но если о реальных событиях тех дней мы не знаем почти ничего, о чувствах и мечтах, владевших По, нам известно больше, ибо памятником им служит «Аль-Аараф».

Это самое крупное из стихотворных произведений, написанных По. Сюжет его и общее построение мало чем примечательны, однако сила поэтического выражения изумительна. Поэма эта блистает богатством фантазии, изысканным мелодическим рисунком и утонченной образностью, которые делают ее достойной более почетного места в творчестве По, чем то, какое ей обыкновенно отводится. Впоследствии она послужила источником вдохновения для многих других молодых поэтов, да и сам автор продолжал возвращаться к нему в течение многих лет. Несмотря на многочисленные звучащие в нем реминисценции, волшебной красотой своих строк «Аль-Аараф» затмевает все, что было создано до этого американскими поэтами. Об этом произведении еще пойдет речь в дальнейшем, а пока следует рассказать о немаловажных известиях, полученных По из родных мест.

Все пережитое после ухода из дома Джона Аллана и

размышления о будущем, для которых пребывание в форте Моултри предоставляло много возможностей, укрепили По в решимости добиваться успеха на литературном поприще. Однако он завербовался в армию сроком на пять лет, а это означало, что лучшая пора его молодости должна была пройти в стенах казарм и на гарнизонных плацах, в обстановке, не слишком благоприятствующей творчеству. Вот почему в конце 1828 года Эдгар вновь установил связь со своим опекуном, написав ему письмо или дав о себе знать через общих знакомых, и обратился к Джону Аллану с просьбой помочь ему уволиться из армии. Подписанное Алланом прошение требовалось некоему лейтенанту Ховарду, который с участием отнесся к молодому солдату, пообещав все устроить, если получит письменное подтверждение примирения между Алланом и По. Сношения между Ричмондом и фортом Моултри осуществлялись при посредстве некоего Джона Лея, который, надо полагать, был другом семьи Алланов.

Хотя теперь ему было известно местонахождение Эдгара, Аллан написал не ему, а Лею, выразив мнение, что служба в армии пойдет его воспитаннику на пользу, и дав понять, что не видит необходимости вмешиваться в его судьбу.

Ничто не могло бы изобличить бессердечие Джона Аллана больше. Письмо это, переданное мистером Леем лейтенанту Ховарду, унизило и разочаровало уже преисполнившегося надежд По, расстроив его планы и бросив тень сомнения на все, что он говорил своему командиру.

С возобновлением связей между опекуном и воспитанником в отношении Джона Аллана к «сыну актеров» обнаруживается еще одна сторона — снобизм. Унаследовав от дядюшки большое состояние, он поднялся на более высокую ступеньку в общественной иерархии и, похоже, испытывал опасения, что осуществлению дальнейших его честолюбивых планов помешает то обстоятельство, что Эдгар служил в армии простым солдатом. Потомок шотландских контрабандистов, судя по письмам, считал, что, возвратись По домой в любом, более низком, чем офицерское, звании, на голову его опекуна неминуемо падает часть «позора», который тем самым навлечет на себя воспитанник. И все же он полагал, что военная карьера — это как раз то, что нужно По. А потому «лучше ему оставаться там, где он теперь, до окончания срока службы».

В письме от 1 декабря 1828 года из форта Моултри Эдгар По высказывает несогласие с этим мнением, говорит о своей тревоге по поводу болезни, от которой только что оправился Аллан, и с вполне простительной гордостью рассказывает о своих успехах в

службе и досрочно полученной унтер-офицерской нашивке. Однако он подчеркивает свою решимость покинуть армию, если только Джон Аллан этого не запретит, и добавляет, что существующие правила не разрешают производства в офицеры из солдат, в то время как для поступления в Вест-Пойнт он уже недостаточно молод. То было первое упоминание о Военной академии Соединенных Штатов в переписке между По и Алланом.

Из письма видно, что пребывание в армии значительно закалило характер По. Быстрое продвижение по службе вселило в него уверенность в себе и укрепило душевное равновесие. Чувствуя это и сам, По говорит, что он уже не тот своенравный мальчишка, каким был еще совсем недавно, но взрослый человек, который знает, чего хочет в жизни. Он смело предсказывает свой будущий успех, ибо «ощущает в себе нечто такое», что позволит ему оправдать надежды Джона Аллана; он не боится показаться чересчур самоуверенным, так как убежден, что и талант, и честолюбивые помыслы напрасны без веры в собственные силы. «Я обрушился на мир, как воинственный норманнский завоеватель на берега Британии. Преисполненный веры в победу, я сжег свой флот, бывший единственным средством к отступлению; теперь мне остается только победить или умереть — добиться успеха или покрыть себя позором». По ясно дал понять, что не просит денег — достаточно будет лишь письма на имя лейтенанта Ховарда, которое, подтвердив его примирение с опекуном, помогло бы ему уволиться из армии, и — «мой сердечный привет маме — только в разлуке узнается цена таких друзей, как она. С уважением и искренней любовью…».

Ответом на этот крик души пылкого, одержимого мечтами о славе молодого человека, измученного скукой и нелепостью казарменной жизни, было гробовое молчание. Эхо мольбы о помощи затерялось в холодных лабиринтах расчетливого ума Джона Аллана, не вызвав даже слабого отклика.

Размышляя над этими фактами, не устаешь изумляться невероятному многообразию свойств человеческой натуры. Воображение рисует печальные, заплаканные глаза подточенной болезнью женщины в огромном ричмондском доме, силится проникнуть в мысли ее мужа, обнаружившего, что предсказание его о голодной смерти, ожидающей непокорного юнца, не сбылось, хотя и было однажды близко к осуществлению. Испытал ли он при этом чувство радости, или же ощутил сожаление и досаду, а быть может, просто удивление? Осталась ли в сердце этого человека хотя бы искра любви, сострадания, или он, мрачный пророк скудных лет, позаботившийся о том, чтобы прорицания его не оказались пустым звуком, все же был

разочарован сравнительно благополучным исходом? Кто знает — ведь здесь было чему подивиться самой судьбе: Джон Аллан вырастил поэта!

Тем временем По снова отправился в дальний путь — на этот раз на север. 1 декабря он пишет, что его полк получил приказ погрузиться на корабли и следовать в Пойнт-Камфэрт.

Эдгар А. Перри проводил прощальным взглядом навсегда скрывшиеся вдали низкие берега Каролины. Бриг «Хэрриет» взял курс в том же направлении, в каком глубоко под ним нес свои теплые воды Гольфстрим; незаметно проходил час за часом, расположившись на койках, солдаты играли в карты при свете заправленных ворванью фонарей. Пункт назначения быстро приближался. Наверняка там ждет письмо, которое избавит его от всего этого. Каких-нибудь несколько строчек — и дело сделано, три года молодости будут спасены от бесцельного прозябания: Даже Джон

Аллан не откажет ему в такой малости. Да и что он собственно, сделал, чтобы дать повод думать о себе как о «пропащем» человеке? Пытался добыть денег игрой в карты, читал легкомысленные романы, выпивал иногда стакан пунша, не захотел отречься от мечты стать поэтом. Но все эти прегрешения он узде сполна искупил двумя долгими, безвозвратно потерянными годами, проведенными в армии. Неужели этого мало? Рождество было уже не за горами. Быть может, его позовут домой. Домой! Он тут же представил себе слезы радости на глазах старых чернокожих слуг, встречающих его в прихожей, не помнящую себя от счастья мать, нетвердым шагом спускающуюся по лестнице ему навстречу, шумные восторги «тетушки Нэнси» и даже ироническую усмешку Джона Аллана: «Так, так, наш гордый воробышек, кажется, вернулся в свое гнездышко, кто бы мог подумать!» Потом он останется один у себя в комнате, освещенной мягким светом старого ночника, и погрузится в чтение любимых книг. Корабль, отягощенный грузом пушек и боеприпасов, медленно перебираясь с волны на волну, шел на север, Эдгару казалось, что за время пути они почти не подвинулись к цели. Он уже был немного утомлен, но не этим, а другим путешествием, первая половина которого осталась позади. Спустя несколько недель после прибытия в Пойнт-Камфэрт По исполнилось двадцать лет.

Глава одиннадцатая

В середине декабря 1828 года полк Эдгара По в полном составе высадился и встал на квартиры в крепости Монро, близ Пойнт-Камфэрта. Перевод из форта Моултри означал лишь перемену места, но отнюдь не монотонного течения солдатской службы. Пойнт-Камфэрт в ту пору скорее походил на большую деревню, чем на маленький город. Средоточием светской жизни была единственная в этом местечке гостиница, где офицеры время от времени устраивали что-то вроде гарнизонных балов, на которые иногда приезжали дамы из Балтимора, Вашингтона или Ричмонда. Для нижних же чинов в расположенной на острове крепости не было никаких развлечений, которые могли бы развеять скуку армейской рутины, если не считать перебранок, изредка вспыхивавших в семейном флигеле. К этому времени По подружился со многими унтер-офицерами своей батареи: позднее, в письмо к сержанту Грэйвзу, больше известному под кличкой Задира, он упоминает сержантов Бентона, Гриффита и Хупера, которым, равно как и некоему Герцогу, он просит передать привет. В их обществе он нередко коротал часы, свободные от строевых занятии и караулов.

Не найдя по прибытии в крепость Монро с таким нетерпением ожидаемого письма, По стал впадать в отчаяние, ибо день проходил за днем, а Ричмонд продолжал хранить молчание. Через неделю после приезда По снова написал опекуну, выражая сожаление по поводу отсутствия от него вестей и еще раз подтверждая свое решение оставить службу. Письмо это замечательно тем, что показывает, насколько он окреп духом за время пребывания в армии, и является ярким свидетельством его желания всецело посвятить себя литературе. Пусть помыслы его, пишет По, устремлены в ином, нежели хотелось бы опекуну, направлении, но он намерен и впредь следовать своей склонности. Пределы Ричмонда, да и всей Америки слишком тесны его таланту. Нет, внимать ему будет весь мир! Что до службы, то оставаться в армии он больше не желает.

Вскоре утверждения По о том, что он в большой чести у командиров, были подкреплены реальным доказательством — его произвели в самый высокий чин, в какой только можно выйти из рядовых. Благосклонность начальства ему, очевидно, снискало исправное выполнение обязанностей полкового писаря, за что он получил звание главного сержанта и был переведен в штаб полка.

К этому времени — а шел уже январь 1829 года — По со всей ясностью понял, что Джон Аллан не станет содействовать ему в

увольнении от службы, если он и дальше будет настаивать на продолжении литературной карьеры. Поступление в Военную академию в Вест-Пойнте, о чем уже когда-то заходила речь, казалось поэтому единственным возможным компромиссом, и он снова пишет Джопу Аллану, прося помочь ему в подыскании замены (то есть человека, который согласился бы отслужить за него остаток срока) и получении назначения в Вест-Пойнт. Что ответил ему опекун, неизвестно — первым его письмом из Ричмонда, адресованным лично По, был вызов к умирающей Фрэнсис Аллан.

Исступленные мольбы несчастной женщины наконец возымели действие. Даже каменное сердце Джона Аллана тронули страдания жены. Увы, слишком поздно — дни ее были сочтены. Утром 28 февраля, когда главный сержант Эдгар А. Перри, должно быть, стоял вместе со всем полком на утренней поверке, в Ричмонде, находившемся всего в нескольких десятках миль от крепости Монро, скончалась его приемная мать Фрэнсис Аллан. Слишком хорошо зная характер человека, с которым прожила всю свою недолгую жизнь, она, уже теряя остатки сил, добилась от него торжественного обещания не покидать помощью и участием Эдгара. Последним ее желанием было, чтобы ее не хоронили до тех пор, пока он не приедет и не попрощается с ней.

Самой заметной фигурой среди пассажиров дилижанса, отправившегося во второй половине дня 1 марта в Ричмонд, был, наверное, молодой унтер-офицер в мундире 1-го артиллерийского полка с бледным лицом и полными печали и тревоги глазами, нервничавший и проявлявший нетерпение при каждой остановке в пути. Фрэнсис Аллан умерла за день до того. Предчувствуя скорый конец, она, возможно, еще раньше стала уговаривать мужа послать за По, однако Аллан снизошел к ее просьбе лишь в последний момент, и вызов его опоздал. Потратив несколько часов на выправление увольнительной, Эдгар смог выехать лишь 1 марта к вечеру и не успел в Ричмонд к похоронам, состоявшимся утром 2 марта.

Возвращение По под родной кров было столь горестным и трагичным, что вызвало слезы у всех, кто был ему свидетелем. Фрэнсис Аллан пользовалась в доме всеобщей любовью, и слуги оплакивали ее вместе с родственниками. Мисс Валентайн, безутешная и изнуренная долгими бессонными ночами, проведенными у постели больной сестры, совершенно пала духом. Даже Джон Аллан был охвачен глубокой печалью; на другой день после смерти жены он не появился в конторе и был столь рассеян, что пометил неверной датой один документ. К чести его сказать, это был заказ на траурный костюм для Эдгара.

На следующий по возвращении день По посетил кладбище, где похоронили Фрэнсис Аллан. Уже вид ее опустевшей комнаты поверг По в тоску; здесь, среди склепов и надгробных плит, где все напоминало о смерти, он второй раз в жизни изведал всю глубину скорми и отчаяния. Автор «Червяпобедителя» и создатель философии, породившей «Эврику». вряд ли даже тогда питал какие бы то ни было утешительные иллюзии относительно загробного существования. На пути к свежезасыпанной могиле он миновал надгробие миссис Стенард, и воспоминание об этой женщине сделало еще более нестерпимой боль только что понесенной утраты. Рассказывают, что он совершенно обессилел от горя и, дойдя до последнего пристанища Фрэнсис Аллан, в изнеможении рухнул на землю.

Увольнительная, полученная По, предоставляла ему право на обычный десятидневный отпуск, предусмотренный армейским уставом для подобных печальных случаев. Во время короткого пребывания в Ричмонде По обсудил с Джоном Алланом планы, касавшиеся поступления в Вест-Пойнт, и нашел в нем достаточно благосклонного слушателя, ибо предложение это обещало разрешить все проблемы, связанные с будущим его воспитанника, и навсегда избавить дом от присутствия последнего. Полное примирение в таких обстоятельствах было, разумеется, невозможно, однако расстались они, испытывая друг к другу более теплые чувства, чем до этой встречи.

Многие факты позволяют с уверенностью утверждать, что решение По поступить в Вест-Пойнт с самого начала было не более чем уступкой желаниям Джона Аллана. Сам он, без сомнения, предпочел бы навсегда распрощаться с армией и всецело посвятить себя литературе. Однако здесь, как и в отказе разрешить ему возвратиться в университет, Джон Аллан был непреклонен. Впрочем, и По стал теперь мудрее. Он уже понимал, сколь трудно поклоняться музам на пустой желудок, и был готов скорее пойти на компромисс, чем снова гордо покинуть дом и оказаться, как и раньше, без средств к существованию. Путь к примирению открыло обещание, которое дал Аллан умирающей жене. Уступив на время требованиям опекуна и преуспев в Вест-Пойнте так же, как и в армии, По рассчитывал вернуть себе благорасположение Джона Аллана. Кроме того, Военная академия давала своим питомцам не только хорошее образование, но также пищу и кров — немаловажное преимущество, обладавшее особой притягательной силой для бедных, но честолюбивых юношей. Унаследовать хотя бы небольшую часть состояния Аллана тоже было весьма заманчиво, ибо даже скромный достаток избавил бы По от необходимости заботиться о хлебе насущном, предоставив

столь желанную возможность для занятий творчеством и прогнав прочь страшный призрак нищеты. В результате были почти впустую истрачены еще два года очень короткой жизни.

Большую часть времени по возвращении в крепость Монро По занимался устройством дел, связанных с предстоящим увольнением из армии, получая у офицеров рекомендательные письма в министерство обороны и ища себе замену на оставшиеся три года службы. Спустя несколько недель после приезда из Ричмонда все было готово, и командир полка написал в Нью-Йорк командующему Восточным округом письмо, в котором подробно излагал обстоятельства поступления По на военную службу, и, ссылаясь на полученное от Джона Аллана письменное подтверждение семейного примирения, сопровождаемое просьбой отпустить По из армии, а также на то, что место его уже готов был занять опытный унтер-офицер, просил удовлетворить ходатайство По об увольнении.

Приказом от 4 апреля 1829 года, подписанным командующим Восточным округом генералом Э. Гейнзом, Эдгар А. Перри увольнялся от службы Соединенным Штатам начиная с 15 апреля, ибо, как отмечает в своем письме полковой командир, замена ему уже имелась.

Сам По так описывает состоявшуюся сделку. В тот день, когда приказ о его увольнении вступал в силу, в полку не оказалось ни командира, полковника Хауза, ни уже знакомого нам лейтенанта Ховарда. Будь хотя бы один из них на месте, в качестве замены можно было бы взять первого же изъявившего согласие рекрута, что обошлось бы По в обычные двенадцать долларов вознаграждения. Похоже, что именно эту сумму По назвал Аллану, находясь в Ричмонде. Однако в отсутствие обоих офицеров, имеющих право взять в качестве замены новобранца, По вынужден был заплатить целых семьдесят пять долларов одному сержанту, чтобы тот согласился дослужить его срок. Он дал этому человеку двадцать пять долларов наличными деньгами и расписку на пятьдесят, которые взял потом из ста долларов, присланных ему из дома. Поскольку эти объяснения вполне согласуются с тогдашними уставными правилами, подозрения мистера Аллана и обвинение в лихоимстве, брошенное Эдгару По второй миссис Аллан, представляются лишенными всяких оснований.

Снабженный рекомендательными письмами нескольких хорошо знавших его офицеров, По простился с крепостью Монро и отправился в Ричмонд, где всю вторую половину апреля и первую неделю мая занимался в основном тем, что заручался поддержкой влиятельных лиц, способных посодействовать его

назначению в ВестПойнт. К делу соизволил приложить руку и Джон Аллан, получивший необходимые рекомендации от спикера законодательного собрания штата Эндрю Стивенсона и майора Джона Кэмпбелла, который знал По еще ребенком. Кроме того, еще когда По находился в Ричмонде, Аллан убедил полковника Уорта, представителя их штата в конгрессе, написать министру обороны письмо с просьбой принять участие в судьбе молодого человека. Ко всем этим похвалам, заверениям и лестным характеристикам Джон Аллан присоединил свое собственное письмо, также адресованное министру обороны. Однако что это были за «рекомендации»! Достаточно будет привести лишь последние фразы его послания (ибо все предыдущие выдержаны в таком же ледяном тоне): «…Должен откровенно заявить, сэр, что он (По) не состоит со мной ни в каком родстве и что подобную же заинтересованность я проявлял во многих, кому хотел помочь в делах, — из тех же побуждений, какие движут мною сейчас, ибо забота моя принадлежит всякому, кто оказывается в нужде. Для себя я ничего не прошу, но был бы признателен, если бы Вы явили любезность, оказав помощь подателю сего в осуществлении его планов. Со своей стороны буду искренне рад ответить взаимностью на любую услугу, которую Вы сможете ему оказать. Прошу извинить меня за откровенность, но с письмом этим я обращаюсь к солдату.

Ваш покорный слуга Джон Аллан».

С этими блестящими рекомендациями прямодушного альтруиста, утверждавшего, что «забота его принадлежит всякому, кто окажется в нужде», которые должны были обеспечить По горячую симпатию и покровительство министра обороны, он покинул Ричмонд 7 мая 1829 года и направился в Вашингтон.

Письмо Джона Аллана, очевидно, предназначалось для глаз самого По не в меньшей мере, чем для прочтения министром. Оно с предельной ясностью давало понять молодому поэту, что опекун считал его самым обыкновенным протеже, которого хотел сбыть с рук долой, устроив в Вест-Пойнт с тем, чтобы больше никогда о нем не слышать. «Должен откровенно заявить, сэр, что он не состоит со мной ни в каком родстве». Фраза эта означает, что он не собирался делать По своим наследником или принимать его у себя дома в качестве члена семьи. Формально исполняя обещание, данное покойной жене, он повиновался при этом чувству долга, но отнюдь не любви. Прошение, поданное По на имя министра обороны, возымело обычный результат: вместе с рекомендательными письмами оно было положено под сукно и на несколько месяцев забыто.

Перед отъездом По из Ричмонда Аллан снабдил его суммой в 50 долларов. Надо полагать, По задержался в Вашингтоне совсем ненадолго — только для того, чтобы лично передать свои бумаги в министерство обороны, — и сразу же выехал в Балтимор, к чему его побудили немаловажные причины. Во-первых, к этому моменту Джон Аллан, приложив надлежащие старания, ясно дал понять, что в ричмондском доме он отныне нежеланный гость. По мере того как охладевала «привязанность» к нему опекуна, По все яснее ощущал необходимость в установлении более прочных связей со своими настоящими родственниками в Балтиморе. Сведений о них он до той поры почти не имел, зная лишь, что дед его по отцовской линии, Дэйвид По, был главным квартирмейстером повстанческой армии в годы войны за независимость. Ратные его подвиги множились семейными преданиями и временем, так что довольно скоро он даже получил чин «генерала», которого на самом деле ему никто не присваивал. Обнаружив, что у него есть столь доблестный предок, По пришел в восторг. Только сейчас он стал сознавать, к какому славному роду принадлежит, и был уже вполне готов преобразиться из Эдгара Аллана в Эдгара По. Существовало и другое обстоятельство, заставлявшее По стремиться в Балтимор, которое он, впрочем, не осмелился открыть опекуну. Все его мысли были заняты планами издания нового поэтического сборника, и весной 1829 года началась долгая и ожесточенная борьба за литературное признание.

Приехав в Балтимор, По, не теряя времени, начал готовить к публикации «АльАараф», а также несколько новых и основательно переделанных старых стихотворений. Печальный опыт «Тамерлана» подсказывал, что очень мало просто напечатать произведение, главное — суметь привлечь к нему внимание публики и критики. Вот почему на сей раз он решил взяться за дело иначе, и метода, который тогда применил впервые, неизменно придерживался в дальнейшем. Теперь каждою новую работу он стал посылать какому-нибудь известному писателю, или просто влиятельному лицу, якобы лишь на отзыв, а на самом деле, чтобы возбудить к себе интерес и опереться таким образом на поддержку уважаемого в обществе человека. Рукопись своей второй книги он собственноручно передал Упльяму Вирту, популярному в ту пору писателю, которого знал еще в Ричмонде, надеясь, что его благосклонный отзыв произведет впечатление на издателей. Однако Вирт, чей вкус воспитывался на классических образцах, пришел в некоторое замешательство от причудливой образности «Аль-Аарафа», которая и поныне нередко сеет смятение в «упорядоченных» академических умах. Присланное им

письмо поэтому было хотя и доброжелательным, но весьма сдержанным. Отдавая должное эрудиции автора и выражая уверенность в том, что «современному читателю поэма понравится», он вместе с тем сомневается в том, чтобы она «пришлась по душе людям с более старомодными вкусами», к коим причисляет и себя самого.

Не зная, радоваться или огорчаться такому суждению, и чего в нем больше — похвалы или критики, По тем не менее решил присовокупить его к рукописи, с которой отправился в Филадельфию, чтобы показать ее там владельцам издательства «Кэри, Ли энд Кэри». Посетив мистера Ли в его конторе на Честнат-стрит, По имел с ним непродолжительную беседу, и в итоге издатель предложил ему поместить коекакие из стихотворений в журнале «Атлэнтик сувенир», приняв рукопись «Аль-Аарафа» на рассмотрение. С тем По и возвратился в Балтимор.

Еще до конца месяца По, должно быть, получил из Филадельфии обычный ответ, который издатели давали молодым поэтам: книга будет опубликована, если фирме будут представлены гарантии от любых убытков. Поэтому 29 мая По пишет Джону Аллану, пространно объясняя, почему для всякого молодого поэта важно, чтобы мир узнал его как можно раньше, и заканчивая просьбой поручиться за книгу суммой в 100 долларов. К письму он также приложил полученный от Вирта отзыв. При этом По заверяет Аллана, что давно уже перестал считать Байрона образцом для подражания. В ответном письме, пришедшем необычайно быстро, торговец наотрез отказал По в какой бы то ни было помощи и сурово осудил его поведение.

На протяжении всего пребывания Эдгара По в Балтиморе, с мая до конца 1829 года, письма, которые он получал от Джона Аллана, были полны саркастических замечаний, подозрении и упреков. Время от времени из Ричмонда приходили деньги — как раз вовремя, чтобы спасти его от голода, однако скрупулезность, с какой он отчитывается перед опекуном за каждый истраченный цент, дает ясное представление об условиях, которыми сопровождалась эта помощь. Помимо нескончаемых сетований на то, что По упорствует в намерении «транжирить» деньги на издание никчемных виршей, обычной темой этих писем были неотступно преследовавшие старика подозрения, связанные с размером вознаграждения, выплаченного сержанту, занявшему место По в 1-м артиллерийском полку. Развеять их но могли никакие самые очевидные факты и убедительные объяснения. Не оставляли его и сомнения в усердности хлопот, предпринимаемых воспитанником для получения назначения в

Вест-Пойнт. И потому По не упускал возможности продемонстрировать серьезность своих намерений в отношении военной карьеры. Его подстегивала бедность, в которой, быть может сознательно, держал его Аллан. И вот 23 июля он отправляется пешком в Вашингтон, истратив накануне почти весь долгожданный перевод из Ричмонда на оплату счета в гостинице.

В Вашингтоне он был принят лично министром обороны, который сказал ему, что число слушателей в Вест-Пойнте на десять человек превышает предписанное, однако посоветовал не забирать рекомендательных писем, потому что во время пребывания кадетов в летних лагерях подается больше всего прошений об отчислении из академии. Если количество таковых окажется больше десяти, то он может быть уверен, что в сентябре получит, наконец, назначение. Если же этого не произойдет, то По, заверил его министр, будет одним из первых, кого примут в следующем году. По высказал опасения, что тогда ему может помешать возраст, однако министр успокоил его, заявив, что ему будет двадцать один год вплоть до того дня, когда исполнится двадцать два. Прощаясь, министр заметил, что По совсем не обязательно было самому приезжать в Вашингтон. После чего По совершил «приятное» путешествие обратно в Балтимор. Опять-таки пешком.

26 июля он пишет Аллану, что уже объяснил ему все, нуждавшееся в объяснении, и испробовал для достижения цели все имевшиеся у него средства. Находясь в большом замешательстве, он хотел бы, чтобы Аллан наставил его, как поступить. Он добавляет, что охотно возвратился бы в Ричмонд, ежели бы опекун не дал ему понять, что не слишком желает его видеть.

В августе 1829 года в жизни По произошли изменения, имевшие для него исключительно важные последствия, — он поселился у своей тетки Марии Клемм, которая занимала в то время второй этаж небольшого двухэтажного дома на Милкстрит. Кроме самой мисс Клемм, здесь жили ее дочь Вирджиния и сын Генри, старая миссис По (бабка Эдгара по отцовской линии) и его брат, Вильям Генри Леонард По. Появление По еще более усугубило тесноту и скудость, в какой приходилось жить этим несчастным людям. В одном из писем Джону Аллану По говорит, что миссис По разбита параличом, миссис Клемм тоже постоянно хворает, а брат его Генри сделался таким горьким пьяницей, что совершенно не в состоянии о себе заботиться.

Погрязшее в нищете семейство Клеммов-По с трудом перебивалось на пенсию г-жи «генеральши» По, жалкие заработки Генри Клемма, ученика каменщика, мелкие суммы, изредка

получаемые Эдгаром из Ричмонда, и деньги, которые миссис Клемм зарабатывала шитьем, когда была в силах им заниматься. Генри По, оставивший морскую службу и подвизавшийся в качестве клерка в какой-то адвокатской конторе, был смертельно болен туберкулезом и к тому же, как пишет По, предавался безудержному пьянству.

По делил комнату в мансарде с братом, за которым уже тогда помогал ухаживать. В этом доме поэт впервые встретился со своей семилетней двоюродной сестрой, ставшей впоследствии его женой. В ту пору Вирджиния была шаловливой пухленькой девочкой с синими глазами и темно-каштановыми волосами, очаровывавшей всех своим веселым и ласковым нравом. Вскоре между ней и взрослым двоюродным братом возникла нежная привязанность, полная детской доверчивости и обожания с ее стороны и покровительственной заботы — с его. Миссис Клемм была женщиной, наделенной чрезвычайно сильными материнскими чувствами, и молодой племянник сразу же нашел место в ее добром сердце. Так было положено начало отношениям, оказавшим, может быть, самое благотворное и в то же время самое пагубное воздействие на дальнейшую жизнь По.

Памятуя о печальной судьбе, постигшей первую книгу из-за полной безвестности автора, По, окончательно обосновавшийся в мансарде дома на Милкстрит, всю осень и зиму 1829 года занимался тем, что рассылал редакторам и критикам письма и рукописи стихов, стараясь подготовить почву для публикации «Аль-Аарафа» — дело, которое он был преисполнен решимости довести до конца вопреки всему — Джону Аллану, Всст-Пойнту, бедности и отсутствию необходимых для работы условий.

Стремиться к самоутверждению и самовыражению в литературном творчестве его побуждали всепоглощающие чувства и желания, владевшие его душой, но часто не находившие удовлетворения в реальной жизни, и то глубокое ощущение ценности собственной личности, ее права на независимое существование, которое зовется гордостью. Не случайно он давно уже избрал своим наставником Байрона — и не только поэтическим, но и духовным. Из Балтимора он писал Джону Аллану, что больше не считает Байрона образцом для себя, и в определенном смысле это правда, ибо он был уже достаточно зрелым человеком и художником, чтобы понять, как ничтожно мало можно достичь одним лишь подражательством. Необходимость самобытности в творчестве — даже в использовании заимствованных тем и художественных приемов — была для него очевидна.

Итак, невзирая на все удары, а порою и издевки судьбы,

великий труд продолжался. Поглощенный работой, Эдгар редко покидал мансарду, где его умирающий брат лежал теперь целыми днями, сотрясаясь от надсадного кашля, или, исчезнув утром, возвращался за полночь, едва держась на ногах, и принимался заплетающимся языком похваляться своими подвигами и приключениями в Южной Америке и иных далеких и прекрасных заморских странах. В такие минуты По ловил и запоминал каждое его слово.

Мипул сентябрь, а уведомления о зачислении в Вест-Пойнтскую академию попрежнему не было. Редкие письма из Ричмонда становились все нетерпеливее и суровее. Мистер Аллан но на шутку встревожился. Неужели его хитроумный план сбыть По на государственное попечение все-таки не удался?! И он обвиняет По в том, что он якобы ввел его в заблуждение относительно обещания министра обороны удовлетворить просьбу о приеме в академию в сентябре 1829 года. В своем ответе По ссылается на предыдущее свое письмо, где в точности переданы слова министра, уверяя, что опекун его ошибается в своих предположениях. Он говорит, что сам поедет в Вашингтон и добьется, чтобы министр распорядился выправить все необходимые ему бумаги заблаговременно и вручил ему предписание о прибытии в Вест-Пойнт для вступительных испытаний в июне следующего года. Эти документы он попросит министра направить Аллану, дабы «рассеять все сомнения». И не без иронии добавляет: «Я объясню ему (министру), почему бумаги нужны мне немедленно, и думаю, что он не откажется их предоставить».

Однако в Вашингтон По все же не поехал, ибо в это время (конец октября) у него не было денег даже на то, чтобы совершить такое путешествие пешком. Тем не менее решительный тон письма, очевидно, успокоил Джона Аллана, который к тому же вряд ли хотел, чтобы министр подумал, будто он не доверяет слову столь высокопоставленной особы.

Не в пример хлопотам По в военном ведомстве его литературные труды давали гораздо более обнадеживающие результаты. Ему удалось привлечь к своей новой поэме внимание одного из самых известных в ту пору американских литературных критиков, Джона Нила, чьи рецензии, появлявшиеся на страницах издававшегося им же литературного обозрения «Янки энд Бостон литерери газетт», воспринимались тогдашней читающей публикой как откровения. Послав ему на отзыв некоторые из своих стихов, По был вознагражден следующей заметкой, появившейся в сентябрьском номере упомянутого журнала: «Строки Эдгара Аллана По из Балтимора о „Небесах“ — пусть ему

самому они и мнятся превосходящими все, что написано американскими поэтами, не считая нескольких вскользь упомянутых безделиц, — есть малопонятная фантазия, хотя фантазия и изысканная. Если Э. А. П. сможет до конца проявить свои способности, ему удастся сочинить прелестное, быть может, великолепное стихотворение. Здесь есть многое, что оправдывает такую надежду».

Слова эти, как сказал потом По, «были, насколько помнится, первыми словами поощрения, когда-либо слышанными мною».

Заметка в сентябрьском номере «Янки», подписанная знаменитым Джоном Нилом, должно быть, сослужила По двойную службу. Во-первых, верная мисс Валентайн или кто-нибудь из друзей наверняка не преминул показать ее Джону Аллану, заставив его призадуматься. Во всяком случае, в середине декабря По неожиданно получил от опекуна 80 долларов и позволение возвратиться домой. Вовторых, теперь, когда имя его появилось на страницах известного литературного обозрения, он уже мог смело вести переговоры с любым балтиморским издательством, ибо мнение видного критика с Севера тогда, как и сегодня, почиталось непререкаемой истиной на Юге, который не склонен баловать вниманием доморощенные таланты до тех пор, пока их не похвалят в другом месте. В итоге книга была принята к публикации. 18 ноября он пишет Аллану, что балтиморское издательство «Хэтч энд Даннинг» согласилось выпустить сборник на самых выгодных условиях, «обязавшись напечатать книгу и предоставить автору 250 экземпляров». Мистер Даннинг, спешит добавить он, отлично зная, что опекун тотчас вообразит, будто его втягивают в новые расходы, намеревается в ближайшее время посетить Ричмонд и сам подтвердит условия контракта.

Итак, после весьма своеобразного, но в целом достаточно обнадеживающего предуведомления второй поэтический сборник По — «Аль-Аараф, Тамерлан и малые стихотворения» — вышел в свет в декабре 1829 года в Балтиморе. Это была тоненькая книжка в одну восьмую листа в синем картонном переплете, с очень широкими полями и несколькими дополнительными титульными листами, отведенными для эпиграфов из испанских и английских поэтов. Посвящением взята строка из Кливленда:

Полней других испить кто чашу смог? Тому сей стих.

Главное место в книге занимали «Аль-Аараф» и «Тамерлан». Последний «с уважением» посвящался Джону Нилу и был, по существу, полностью переделан под впечатлением несчастной любви к Эльмире и с литературной точки зрения значительно

улучшен. За двумя поэмами после короткого предисловия следовали девять стихотворений, три из которых с некоторыми поправками были перепечатаны из первого сборника.

«Аль-Ааараф» представляет собой попытку молодого поэта облечь в аллегорическую форму свою философию красоты. И хотя аллегории его весьма туманны, в поэме много прекрасных строк. Название ее заимствовано у арабских поэтов, обозначавших словом «Аль-Ааараф» некую область между землей и небесами — ни рай, ни ад, — где обретаются души тех, кто своей жизнью не заслужил ни вечных мук, ни вечного блаженства. Свой идеал красоты По воплотил в прекрасной деве Незейе, обитающей на далекой звезде:

> …Ее планета дремлет, пламенея,
> Под четырьмя светилами небес…[10]

В космическом видении темы ощущается влияние Мильтона; достаточно явственно звучат и мотивы «Королевы Мэб» Шелли, причудливо переплетаясь с реминисценциями из Байрона и Мура. Несмотря на этот простительный для молодого поэта грех, поэма носит глубокий отпечаток своеобразного гения По, чей взор в поисках прекрасного достигает самых сокровенных уголков вселенной.

По оставался в Балтиморе до конца 1829 года, дождавшись выхода из печати всего тиража книги (несколько экземпляров он немедленно послал редакторам различных журналов на рецензию). После чего он попрощался с Клеммами и другими балтиморскими родственниками и, воспользовавшись полученным от Аллана разрешением вернуться домой, отправился в Ричмонд, увенчанный новыми лаврами и с порядочным запасом экземпляров только что опубликованного сборника, которые намеревался раздарить друзьям.

Прибыв в Ричмонд еще до окончания рождественских праздников, он нашел свою старую комнату в доме Аллана готовой: к его приезду. После тесноты и убожества его балтиморского жилища просторный, богато обставленный особняк, утопающий в зелени садов, показался ему, наверное, сказочным дворцом. По встретили радостные улыбки знавших его с детства чернокожих слуг, преданных ему, как и раньше, и, конечно же, добрая мисс Валентайн, чья привязанность нисколько не ослабела с годами. Но до чего грустные воспоминания нахлынули на него, едва он только переступил порог! Фрэнсис Аллан не стало, ее комната пустовала; не было и Эльмиры, с которой они когда-то катались на качелях и смотрели в телескоп

на звезды. То, что в начале января 1830 года По уже находился в Ричмонде, не подлежит сомнению, так как именно в это время из магазина «Эллиса и Аллана» им было получено по заказу кое-какое платье, в том числе сделанная по последней лондонской моде шляпа. Несмотря на все старания миссис Клемм, без конца что-то штопавшей или перелицовывавшей, гардероб его после трудного года в Балтиморе пребывал, должно быть, в плачевном состоянии.

На следующий по возвращении вечер По случайно повстречался в книжном магазине с Томасом Боллингом, своим университетским товарищем (и, судя по его письмам, приятнейшим молодым человеком). Боллинг приехал домой из Шарлотсвилла на рождественские каникулы, и после столь долгого перерыва старым друзьям было о чем поговорить и что вспомнить. По подарил Боллингу экземпляр «Аль-Аарафа» и поведал ему о своих мифических «заморских путешествиях», ибо действительные факты его весьма небогатой событиями армейской жизни не годились для романтической биографии, какую, по его мнению, полагалось иметь уже опубликовавшему две книжки поэту. На Боллинга рассказ произвел большое впечатление, и можно не сомневаться, что весть о захватывающих приключениях и блестящем успехе, выпавших на долю «Гаффи», он принес в университет, чем, безусловно, помог рассеять неприязнь по отношению к бывшему игроку, так и не заплатившему долгов чести.

Таким образом, уже тогда стала обретать вид «легенда о По», начало которой положил он сам, побуждаемый стремлением казаться, человеком, непохожим на других, — искателем приключений, который оставил университет, чтобы повидать свет. И надо сказать, что ему вполне удалось произвести желаемый эффект. В этих рассказах, по всей видимости, он всегда отталкивался от реальных эпизодов из жизни своего брата Генри.

По часто бывал в городе, навещая старых друзей, которым имел обыкновение дарить лично или пересылать через ричмондских книготорговцев свою новую книжку. Поскольку лишь очень немногие были способны попять его стихи, в отношении к ним со стороны местной публики преобладала насмешливая ирония, ведь за ней легче всего скрыть невежество. В подобном пренебрежительном мнении городским знатокам поэзии помогла укрепиться рецензия в балтиморском журнале «Минерва и изумруд», написанная, вероятно, довольно известным в то время критиком Дж. Хьюиттом, который самым беспощадным образом высмеял молодого автора. Редактором журнала был тогда Руфус Доус, и По, возможно, вспомнил об этом позднее,

когда буквально растерзал его живьем в статье для филадельфийского ежемесячника «Грэхэмс мэгэзин».

О последнем посещении Эдгаром По дома Аллана зимой и весной 1830 года известно не так уж много. По все еще ожидал зачисления в Вест-Пойнт, и по этой причине опекун терпел его у себя скорее как временного гостя, нежели члена семьи. Аллан был теперь вдовцом, причем с порядочным состоянием, которое уже само по себе делало его завидной партией. Его хозяйство вела сестра покойной жены, мисс Валентайн, и бережливый торговец стал подумывать, не сделать ли домоправительницу законной женой. За год до смерти Фрэнсис Аллан он написал в одном письме, что мисс Валентайн «все такая же веселая толстушка, как и раньше». Надо думать, что за столь короткий промежуток времени она не утратила привлекательности; к тому же женщина эта хорошо знала, сколько сахара класть ему в кофе, всегда была рядом и вообще отлично его понимала. И Аллан начал оказывать ей явные знаки внимания. Каковы были ответные чувства мисс Валентайн, мы не знаем. Несомненно, возможность стать полновластной хозяйкой одного из лучших ричмондских домов была довольно соблазнительна. Однако намерения Аллана возмутили По до глубины души. Со дня смерти Фрэнсис Аллан не прошло еще и года, и он не питал никаких иллюзий относительно утонченности нежных чувств, обуревавших опекуна. По решительно воспротивился этому союзу и напомнил «тетушке Нэнси» обо всех обидах и несправедливостях, которые претерпела от мужа ее покойная сестра. Быть может, он даже как-то помешал ухаживаниям Аллана. Так или иначе, но мисс Валентайн отказала Джону Аллану — вероятно, под влиянием По, — что окончательно разрушило последние слабые узы, связывавшие воедино семейство Фрэнсис Аллан. Негодованию Аллана не было предела. Неужели он никогда не избавится от этого наглеца, постоянно вносящего расстройство в его столь разумные и логичные планы? Нет, он должен теперь же положить этому конец раз и навсегда! И По был обвинен в попытке помешать Аллану обзавестись законным наследником. Впрочем, у него, вероятно, имелись и «другие причины», причем довольно веские. Каковы бы они ни были, эти причины, следствие их известно — По был без промедления отправлен в Вест-Пойнт. Через компаньона Аллана, Чарльза Эллиса, удалось получить рекомендательное письмо брата последнего сенатора от штата Миссисипи, Паухэтена Эллиса, адресованное министру обороны. Как обычно, вмешательство сенатора возымело действие на чиновников из военного ведомства, и 31 марта 1830 года опекун По, наверное, не без внутренней радости, подписал следующий документ:

«Его превосходительству, Министру обороны, Вашингтон.

Сэр!

Как опекун Эдгара Аллана По я удостоверяю настоящим свое согласие на подписание им бумаг, обязующих его к службе Соединенным Штатам в течение пяти лет, если он не будет уволен раньше, как оговорено в Вашем письме о зачислении его в кадеты.

С уважением, Ваш покорный слуга

Джон Аллан».

По вернулся в Балтимор в середине апреля 1830 года, временно поселившись у своей тетки Марии Клемм, ибо письма теперь направлялись для передачи ему на имя его брата Генри, который тоже жил с

Клеммами. Ласковый прием, оказанный ему миссис Клемм, и неподдельное ликование Вирджинии составили, вероятно, радующий сердце контраст с атмосферой дома, который он только что покинул. То обстоятельство, что он вот-вот должен был вновь надеть военный мундир и, вероятно, на всю жизнь, нисколько не отразилось на его литературных планах. Безусловно, еще тогда у него появились сомнения относительно продолжительности предстоящей армейской карьеры. Он уже работал над стихотворениями, которые опубликовал годом позже, и надеялся, что, подчинившись воле опекуна и сделавшись офицером, сможет обеспечивать себя всем необходимым и заручиться дальнейшим покровительством Аллана.

Посетив по пути Филадельфию и Нью-Йорк, По прибыл в Вест-Пойнт в конце июня 1830 года, как раз к началу вступительных испытаний в академию. 28 июня он пишет Аллану, что экзамены только что закончились, добавляя с наивностью истинного виргинца, что очень многим соискателям из «хороших семей» было отказано в приеме. И среди них даже сыну губернатора! Очевидно, По несколько обескуражила сугубо деловая обстановка, царившая в академии, и, как бы подготавливая опекуна к возможным осложнениям в будущем, он спешит сообщить, что завершить полный курс удастся менее чем четверти поступивших. «Буду весьма рад, — заключает он, — если Вы ответите на это письмо». Ему, вероятно, хотелось узнать, куда дует ветер в Ричмонде, да и любая весточка из дому, полученная в первые дни службы, действует до странного успокоительно на людей, вырванных из привычного окружения. 1 июля По принес присягу, поклявшись «охранять Конституцию Соединенных Штатов и защищать их от любых врагов». На следующее утро он

проснулся в палатке под ненавистные всякому бывалому солдату звуки играющей побудки трубы и нехотя натянул кадетский мундир.

В то самое время, когда кадет Эдгар Аллан По обучался выполнению ружейных приемов на летнем плацу Военной академии Соединенных Штатов, показывая изумительную для «новичка» сноровку, мистер Аллан с большим удовольствием пользовался гостеприимством своего друга Джона Майо, пригласившего его на свою плантацию недалеко от Ричмонда. В числе гостей была и мисс Луиза Габриэлла Паттерсон (племянница миссис Майо), весьма энергичная особа лет тридцати из Нью-Йорка. Прелести мисс Паттерсоп пленили Аллана; оказанные богатым вдовцом знаки внимания встретили благосклонный прием, и вскоре они обручились, тем самым навсегда разлучив По с домом, где прошла его юность.

Глава двенадцатая

Довольно длительный период в короткой жизни Эдгара По, проведенный в Вест-Пойнте, где он попытался сделать карьеру, которую Аллан считал для него наиболее подходящей, можно рассматривать в целом как своего рода духовную интерлюдию. Продлилась она с июня 1830 года по февраль 1831 года, и за это время у По созрело бесповоротное решение, презрев всякий диктат извне, следовать без дальнейших промедлений и блужданий по избранному им пути литературного творчества. В то время как По-кадет пребывал в академии, маршируя по плацу или томясь в классной комнате, душа и помыслы поэта уносились в иные пределы.

В Вест-Пойнте По ожидало письмо от опекуна, пересланное братом Генри из Балтимора. В письме он нашел двадцатидолларовую банкноту и жалобы на то, что он увез из дому кое-какие вещи, ему не принадлежавшие. Речь шла, судя по его ответу, о нескольких книгах, находившихся в его комнате, и стоявшем там же бронзовом чернильном приборе, на котором были выгравированы имя Аллана и год — 1813-й. Все эти предметы в течение многих лет не покидали комнаты По, а некоторые из книг были наверняка подарены ему Фрэнсис Аллан или куплены им самим для своей маленькой библиотеки. Ничто так убедительно не показывает, как этот случай, до какой степени доходила его мелкая скаредность.

Денежные дела По в Вест-Пойнте были почти так же плачевны, как и в университете. Аллан, очевидно, полагал, что присланных им двадцати долларов должно хватить на все время пребывания По в академии. Эта скромная сумма, да еще два шерстяных одеяла, выданных По из запасов «Эллиса и Аллана», явились последними свидетельствами теплых чувств, испытываемых к нему опекуном, который считал, что, получая в академии целых 28 долларов в месяц и бесплатный стол, Эдгар прекрасно мог сам позаботиться о своих нуждах. Родители кадетов обычно открывали для них в академии специальные счета, с которых те могли брать деньги на покупку учебных принадлежностей, книг, одежды и прочих необходимых вещей. У По такого счета не было. Позднее он написал опекуну, прося прислать ему инструменты для черчения и «Кембриджский учебник математики», однако ответа не получил. Собственно говоря, Аллан вообще не писал ему с июня 1830 года по январь 1831 года, явно считая, что с момента принятия Эдгаром присяги близким отношениям между ними наступил конец.

Вест-Пойнтская военная академия состояла в ту пору из пяти каменных зданий, в которых находились административные помещения, классные комнаты и казармы. Стояли они на холмах, склоны которых сбегали к берегу Гудзона, а чуть ниже и ближе к реке располагались кирпичные дома для офицеров и преподавателей и несколько старых военных складов, где хранилось оружие и амуниция. Старые деревянные бараки были сожжены за несколько лет до приезда По.

В 1830 году академии исполнилось 28 лет. Здесь одновременно обучалось около 250 кадетов. Штат офицеров, преподавателей и прислуги насчитывал более тридцати человек. Предпочтение при зачислении в Вест-Пойнт закон отдавал потомкам офицеров Революционной армии, чем и объясняется стремление По во что бы то ни стало отыскать в Балтиморе следы своего деда, «генерала» Дэйвида По. На втором месте шли тогда сыновья офицеров, принимавших участие в войне 1812 года против Англии. Приемный возраст находился в пределах от 14 до 21 года. Поступавшим было, как правило, 16—18 лет, и большинство из них По превосходил и возрастом и опытом.

Рассчитанный на четыре года курс предусматривал изучение естествознания, философии, химии, высшей математики, инженерного дела, баллистики, черчения, географии, истории, этики, национального законодательства и французского языка. Столь насыщенная программа почти полностью лишала досуга питомцев Вест-Пойнта. День начинался ранним подъемом; после завтрака (наверняка не слишком обильного) кадеты расходились по классам, где проводили несколько часов; затем обедали и в четыре пополудни возвращались в казармы, чтобы переодеться для строевых занятий, которым почти целиком отводился остаток дневного времени. После ужина снова шли в классы. В девять часов вечера звучал сигнал «в казармы», а вскоре вслед за ним — «тушить огни». Увольнения были редкостью, праздники — еще большей. Времени предаваться мечтам оставалось немного.

В Вест-Пойнте По явственно ощутил первые признаки ухудшения здоровья. Есть достаточные основания полагать, что он принадлежал к тому типу людей, к которым очень рано приходит зрелость. Расцвета сил он, видимо, достиг еще в то время, когда многие из его сверстников только вступали в пору возмужания. Несмотря на его ранние успехи в плавании, известно, что он не любил физических упражнений и легко уставал. У него было слабое сердце и мало энергии. Любой режим жизни, требующий постоянных и длительных физических усилий, истощал не только его тело, но и дух. И пребывание в суровых условиях Вест-Пойнта, где совсем не оставалось времени для

отдыха или уединения, было худшим испытанием, какое могло выпасть на его долю. Утомительное однообразие кадетской рутины, неизбежное общество однокашников и неудобства казарменной жизни лишали его того, без чего он не мыслил своего существования, — возможности грезить, изредка черпая из являвшихся фантазий идеи и образы, достойные быть увековеченными.

Людям обыкновенным, какими в массе своей были его товарищи-кадеты, совершенно неведомо то чувство безысходности, раздражения и глубокой досады, которое овладевает художником, если в редкие минуты творческого вдохновения его вынуждают отвлекаться от работы ради пустой болтовни, в угоду светским условностям или для обязательных и неотложных, но в конечном счете бесполезных дел. Шести месяцев такой жизни оказалось достаточно, чтобы повергнуть По в тоску и уныние и довести до нервного истощения. Детство в доме Джона Аллана, затем пора тревог, голода и невзгод, несчастная любовь, смерть женщины, заменившей ему мать, — таковы были испытания, через которые пришлось пройти поэту. О том, что все эти обстоятельства делают его достойным всяческого сочувствия, едва ли надо говорить. И влияние, которое они оказали на судьбу По, заслуживает самого глубокого внимания.

Хорошо известно, что муштра в летних лагерях отличается в Вест-Пойнте особой суровостью. Именно в этот период офицеры-наставники совместными усилиями кое-как обтесывают зеленых юнцов, только что поступивших в академию, готовя их к трудам и тяготам предстоящего учебного года. Не меньшую роль, чем уставы и проповеди военных капелланов, в воспитании молодого пополнения играли «кадеты-старики», которые на первых порах нещадно «гоняли» неоперившихся новичков.

Впрочем, Эдгару удалось избежать чрезмерного внимания со стороны «стариков», ибо, прослужив два года в армии, он и сам уже считался чуть ли не ветераном. Будучи на несколько лет старше своих товарищей и производя впечатление вполне зрелого человека, он заметно выделялся среди остальных кадетов, что способствовало созданию таинственного и романтического ореола вокруг его имени и прошлого. Он прослыл гордецом и нелюдимом, и злые языки в академии шутили, утверждая, будто он, добившись назначения в Вест-Пойнт для своего умершего ранее сына, занял сам его место.

Поистине, трудно представить себе более нелепый парадокс, чем заточение молодого литературного дарования в стенах заведения, которое в ту пору и на протяжении нескольких последующих лет просвещало и обучало военному искусству

многих из тех, кто позднее воспользовался полученными там знаниями, чтобы попытаться разрушить устои взрастившей их нации. Мир По зиждился на философских и этических традициях европейского толка, с которыми он впервые познакомился на страницах английских журналов, продававшихся в магазине «Эллиса и Аллана». Его разрозненные философские и критические заметки тех дней содержат самые ранние попытки осмыслить возможные последствия развития наук для человечества, сомнения в совершенствах демократии, равно как и в нравственных ценностях общества, сделавшего главной своей целью материальное благополучие, и, наконец, странные опыты в области психологии и астрономической математики.

Все эти мысли были пока еще очень туманными и по-юношески незрелыми, но они уже начинали всерьез занимать молодого кадета, который, повинуясь зычным командам, вышагивал в коротком мундирчике и кивере по вест-пойнтскому плацу, учился брать ружье «на караул» и салютовать флагу, не символизировавшему для него ничего такого, что бы он действительно любил, и олицетворявшему очень многое, к чему он питал откровенную неприязнь. За свои труды он получал каждый день завтрак, обед, ужин и девяносто центов серебром. Тем не менее, как это ни странно, именно тогда обретала форму вдохновленная Кольриджем и другими романтиками его собственная теория поэзии. И, что еще более удивительно, он продолжал вопреки всему писать стихи. Взирая на постепенно меняющееся лицо мира, еще совсем недавно не знавшего машин, По не разделял блаженного ликования большинства современников по поводу происходящих перемен. В октябрьском номере журнала «Филадельфия кэскет» за 1830 год появляется в перепечатке из его первого сборника

Сонет к науке

Наука! Ты, дочь времени седого,
Преобразить все сущее смогла,
Зачем, как гриф, простерла ты сурово
Рассудочности серые крыла?
Не назову ни мудрой, ни желанной
Ту, что от барда в золоте светил
Сокрыла путь, лучами осиянный,
Когда в эфире дерзко он парил.
И кто низверг Диану с колесницы?
Из-за кого, оставя кров лесной,
Гамадриада в край иной стремится?
Наяду разлучила ты с волной,

С поляной — Эльфа, а с легендой — Пинда
Меня в мечтах под сенью тамаринда.[11]

Подходило к концу лето 1830 года, события которого решающим образом повлияли на отношения По с Джоном Алланом, разрушив все надежды, какие у него могли быть, на дальнейшее покровительство опекуна. Все письма По домой оставались без ответа. Мистер Аллан уехал летом на свою плантацию в окрестностях Ричмонда и приятно проводил время в ухаживаниях за избранницей своего сердца, жившей по соседству. Известие о таком обороте дел наверняка дошло до По через земляков-виргинцев, бывавших в Вест-Пойнте, и не могло его не взволновать, ибо происходящее самым непосредственным образом затрагивало его интересы. Появление законного наследника еще больше расшатало бы и без того весьма непрочное основание, на котором строились его расчеты на содействие и благосклонность опекуна в будущем.

5 октября 1830 года в Нью-Йорке Аллан сочетался вторым браком с мисс Паттерсон. На свадебную церемонию, состоявшуюся в доме родителей невесты, были приглашены Гэльты и другие ричмондскпе родственники и друзья. Счастливая пара вернулась жить в Ричмонд. В одном из писем По высказывает надежду, что Аллан навестит его в Вест-Пойнте, к другим кадетам довольно часто приезжали родственники, — однако тот меньше всего думал сейчас о свидании с воспитанником. Вторая жена полностью стерла из его памяти как приятные, так и тягостные воспоминания о первой. Перед свадьбой он покаялся нареченной в былых грехах и сумасбродствах, не утаив и их последствий; был, несмотря ни на что, прощен, и теперь, не желая ворошить прошлое или рисковать осложнениями в дальнейшем, зарекся даже произносить имя По. Ибо воспитанник его принадлежал всецело миру Фрэнсис Аллан, миру, который для доброго торговца, переживавшего сейчас вторую молодость, просто перестал существовать. Для его новой жены Эдгар По был не более чем безликим именем, которым звался сын каких-то актеров и никчемный рифмоплет, для самого Аллана — дурным воспоминанием.

В октябре батальон кадетов встал на зимние квартиры. По вместе с двумя товарищами занимал комнату в южном казарменном корпусе. Обстановка ее, как и других подобных помещении, отличалась спартанской простотой: три кровати, столько же стульев, общий стол и по шкафчику на каждого, где хранились предметы обмундирования и амуниции, — для них

правилами было отведено строго определенное место. Отапливалась комната небольшим камином.

Номер, где жил По, очень скоро приобрел у начальства дурную репутацию, и те из кадетов, которые не желали слишком часто фигурировать в списках получивших взыскания нарушителей дисциплины, старались избегать общения с его обитателями. Из-под проворного пера одного из них то и дело выходили рифмованные сатиры и диатрибы на офицеров и преподавателей. Опусы эти были достаточно остроумны, чтобы не только забавлять, но и жалить.

Вместе с По квартировал молодой человек по фамилии Гибсон, которому, несмотря на то, что свои воспоминания он записал лишь много лет спустя, мы обязаны, очевидно, самым достоверным описанием «кадета По»: «В то время По, хотя было ему всего двадцать лет, выглядел гораздо старше своего возраста. Лицо его не покидало усталое, скучающее и недовольное выражение, надолго запоминавшееся тем, кто его близко знал. Всякая шутка на его счет легко приводила По в раздражение… Уже в самом начале своего недолгого пребывания в Вест-Пойнте он прославился поэтическим талантом; ежедневно из комнаты 28 появлялись стихи и эпиграммы на темы кадетской жизни, быстро распространявшиеся по всей академии…

Учебой По совершенно пренебрегал. Я сомневаюсь, чтобы он проштудировал хотя бы одну страницу из Лакруа, разве что иногда, уже в классе, пробежит глазами заданное место, пока отвечают товарищи по отделению. С первых же дней стало очевидно, что у него нет намерения заканчивать полный курс; он не успел еще пробыть в академии и недели, а преподаватели и кадеты старших классов уже записали его в «залетные пташки».

Из письма, написанного Эдгаром По опекуну накануне поступления в Вест-Пойнт, ясно, что он всецело полагался на свой армейский опыт и университетскую подготовку, рассчитывая пройти курс в академии за очень короткое время — всего за шесть месяцев. Однако, оказавшись в Вест-Пойнте, он вскоре понял, что из этого ничего не получится. И основное препятствие заключалось не в сложности программы, а скорее в самом ее построении. Эта ошибка в оценке своих возможностей и, как следствие, необходимость более длительного пребывания в академии, вместе с растущим отвращением к безотрадному кадетскому существованию и объясняют, наверное, выражение усталости и недовольства на лице По, о котором спустя тридцать лет вспоминал его товарищ. В армии По нашел способ избавиться от бремени солдатской муштры и выкраивал время на размышления и занятия сочинительством, подвизаясь по

канцелярской части, что давало некоторые привилегии. Однако в ВестПойнте выскользнуть из железных тисков дисциплины не было никакой возможности, и молодой поэт оказался в положении галерного раба, прикованного к веслу, мучительная тяжесть которого с каждым взмахом становится все невыносимее. Мысль о том, что подобная жизнь будет его уделом до конца дней, не могла не приводить в отчаяние. Даже неожиданное продление вест-пойнтской интерлюдии показалось ему испытанием, которого он не в силах выдержать, и, как справедливо заключили его товарищи, По решил распрощаться с академией как можно скорее.

В пору обучения в Вест-Пойнте он снова начал пить — как почти всегда, понемногу. Однако и эта малость была для него чрезмерна и еще больше расшатывала его и без того ослабленные нервы. Впрочем, историям о том, что его не раз находили в караульной мертвецки пьяным, едва ли стоит верить. Будь это правдой, ему, наверное, не пришлось бы впоследствии преднамеренно уклоняться от исполнения своих обязанностей, чтобы добиться увольнения из академии. Тем не менее бутылка с бренди была частой гостьей в номере 28, собирая вокруг себя такую компанию, какую могли привлечь ее содержимое и вдохновенные речи главного устроителя пирушек.

Каким, должно быть, странным малым казался товарищам этот Эдгар По! Было в нем нечто такое, чего они никак не могли понять. От таких людей и впрямь можно ждать чего угодно! Спору нет, они интересны, однако слишком сближаться с ними небезопасно. Здесь, как и везде, По был обречен на одиночество — опечаленный и в то же время гордый своим отчуждением. И это сочетание одиночества, тоски, гордости и стремления излить боль души, чтобы обрести утешение, которое могли дать ему лишь мечты, впервые нашло выражение в поистине прекрасных поэтических творениях.

Ночами, после отбоя, дождавшись, когда товарищи забудутся в тяжелом, лишенном сновидений сне, который столь часто бежал от него самого, гонимый трепетом мятущейся души, он вставал с постели и садился за стол в холодной голой комнате, чтобы при свете тщательно затененной свечи предать бумаге гордые строки «Израфила». Могли ли знать его безмятежно спавшие друзья, эти усердные охотники за банальной мудростью учебников и наставлений, что среди них обитает поэт, чья лира звучит чище и сладостнее, чем песнопения божьих архангелов! Сколько истинно человеческого и земного в этой утешавшей его вере, что даже на небесах голос его возвысился бы над всеми другими и был бы им предпочтен. Из этой гигантской, почти безумной гордыни

родились стихи, заканчивающиеся величественным пеаном:

И все же, Израфил,
Когда б Аллах судил
Тебе — петь людям, мне — взмыть
в космос твой,
Ты б, ангел, счастьем не затмил
Певца тоски земной,
А мне б — достало дерзких сил
Звенеть небесною струной.[12]

Исполненные тоски по дому грезы уносили его в Ричмонд, в счастливые дни детства, к Фрэнсис Аллан и его юным друзьям. По принадлежал к тем чувствительным натурам, в которых события повседневной жизни часто отзываются мучительной болью. Она дремала, пока По оставался в давно знакомом и привычном окружении, однако новая и неприветливая обстановка пробуждала и обостряла ее, делая почти невыносимой, отчего прошлое в силу контраста начинало казаться порою райского блаженства. И его внутренний мир был столь ярок и многогранен, что перед ним бледнела и отступала реальная действительность; чувства, вызванные дорогими ему образами, рождавшимися в этом мире, По часто переносил на те места, с которыми было связано их возникновение, и потому город, дом или даже укромный уголок в саду приобретали для него черты прекрасные и романтические, как и все, что навевает сладостные воспоминания.

Одним из таких мест был в его воображении Ричмонд; дома, окрестные поля, река и призрачные образы людей, населявших далекие дни его детства, остались в окутанном золотистой дымкой крае вечной весны — Земле Обетованной его грез, в святилище, раскинувшемся на чудесном зеленом островке, затерянном в морских просторах. О милые, милые, навеки исчезнувшие лица! Шепот ласковых голосов! Бесценная, полная неизбывной печали память о минувшем!

То была невозвратная пора счастья, гармонии и любви. Эта неутолимая тоска и вечные сожаления о былом, это страстное томление души принадлежат к тому роду переживаний, которые нередко вдохновляют великие поэтические творения. Для По идеализированные образы прошлого были единственным утешением, как строки, обращенные к Елене, или эти, посвященные Саре:

Когда в сладостном томленьи

Близ ручья уединенья
Я ищу, мечтой пленен,
Чудится твой голос дальний
Мне в журчаньи вод хрустальных
Вечно длись, о дивный сон!

Из новых стихотворений, написанных в Вест-Пойнте и Ричмонде, — «К Елене», «Спящая», «Гимн», «Страна фей», «Долина тревоги», — добавив к ним некоторые из вещей, напечатанных в Балтиморе, он составил рукописный сборник, который показал начальнику академии полковнику Тэйеру. Тот отнесся к стихам с одобрением и разрешил открыть среди кадетов подписку на публикацию сборника по 75 центов за экземпляр. Высокая оценка, которую полковник Тэйер, вероятно, дал этой поэтической работе, и помощь, оказанная им в ее издании, объясняют то восхищение, какое внушал По этот офицер — единственный человек в Вест-Пойнте, о ком позднее он отзывался с большой симпатией. Заранее получив гарантию продажи нескольких сотен экземпляров — в подписке приняли участие почти все кадеты, — По написал ньюйоркскому издателю Эламу Блиссу, который, как передают, лично приехал в ВестПойнт, чтобы договориться с молодым автором о выпуске книги в свет.

Как долго еще По оставался бы в Вест-Пойнте, обучаясь нелегким солдатским наукам, сказать трудно. Однако его решение оставить академию было ускорено происшествием, которое, как подтвердили дальнейшие события, лишило его последних надежд получить от щедрот Аллана как при его жизни, так и после смерти. Случившееся явилось полной и весьма неприятной неожиданностью.

Сержант Грсйвз, он же Задира, прождал до конца 1830 года в надежде, что задолжавший ему По все же заплатит причитавшуюся с него сумму, в чем его уверяло и письмо, присланное в мае бывшим его сослуживцем. Однако к зиме терпение солдата, который по-прежнему пребывал в крепости Монро, совершенно истощилось, и он написал теперь уже Джону Аллану, требуя немедленно покончить с делом. В руках сержанта находилось одно из писем По, где тот дерзко утверждал, что опекун его редко бывает трезвым, и компрометирующий характер этих сведений позволил кредитору быстро добиться желаемого. Разве мог такой почтенный человек, как Джон Аллан, только что вступивший в новый брак, допустить, чтобы какой-то солдафон разгуливал с письмом его воспитанника, в котором содержались столь порочащие его доброе имя утверждения. В итоге, как

сообщает вторая жена Аллана, «мистер Аллан послал ему (сержанту) деньги… и лишил По своей благосклонности». По крайней мере, эту часть ее объяснения можно считать правдой от начала и до конца.

Взбешенный Аллан отправил По письмо, которое было, наверное, шедевром эпистолярной брани. Он получил его вместо поздравления с наступившим новым, 1831 годом. 3 января По написал ответ. В нем он более подробно, чем где-либо еще, излагает все обстоятельства своей предшествующей жизни.

Необходимости хранить терпение и скрывать свои чувства в надежде на будущие милости опекуна или из привязанности к Аллану, остатки которой могли еще жить в его душе, больше не существовало. Понимая, что открытый вызов ему уже ничем не грозит, По, сорвав с себя маску, бросает в лицо Аллану горькую правду.

Он признает, что действительно писал Задире и подтверждает пресловутое обвинение в пьянстве. Об истинности его По оставляет судить богу и совести Аллана. Далее он осыпает опекуна множеством упреков, которые, даже если учесть оскорбленные чувства, владевшие автором письма, звучат внушительным обвинительным актом против Джона Аллана. Его скупость, сыгравшая роковую для По роль в Шарлотсвилле, сделала свое недоброе дело и в Вест-Пойнте. Но прежде всего По укоряет Аллана в недостатке теплых чувств по отношению к себе, говоря, что лишь Фрэпсис Аллан действительно заботилась о нем как о собственном сыне. «Если бы она не умерла вдали от меня, сожалеть мне было бы не о чем».

Быть может, наиболее значительны в этом исступленном письме те места, где По пишет о своем расстроенном здоровье. Несмотря на безусловно присутствующую в них известную долю жалости к себе, в его утверждении, что он (благодарение богу!) не проживет долго и что в будущем его ожидают нищета и болезни, много печальной правды. В конце письма он объявляет о своем намерении уйти из академии. Если из дому не будет прислало необходимое письменное разрешение, лаконично уведомляет он Аллана, он покинет Вест-Пойнт в течение десяти дней. С момента же написания письма он будет пренебрегать строевой службой и посещением лекций. Письмо это, начатое 3 января, было отправлено только 5-го. Через несколько дней Аллан собственной рукой написал на обороте его последней страницы: «Получив настоящее письмо 10 (января) и учтя его заключение, я не счел нужным отвечать. Запись эта сделана мной 13-го, и я по-прежнему не вижу основательных причин менять свое мнение. Не думаю, чтобы в юноше было хотя бы одно доброе качество. Пусть

поступает, как хочет. Я мог бы, впрочем, спасти его, но только не на тех условиях, о каких он говорит, ибо не верю ни единому его слову. Письмо это — наглое и несправедливое измышление».

Сокрушить оковы военной дисциплины оказалось делом более долгим, чем предполагал По. Согласия Аллана на его отставку все не приходило, и молодой человек вынужден был привести в исполнение свою угрозу. Больших усилий это не потребовало — надо было лишь идти по линии наименьшего сопротивления. Получив письмо из Ричмонда, По просто-напросто бросил учебу и службу. Хотя действовал он по заранее обдуманному плану, все происходившее служит в какой-то мере подтверждением его слов о том, что он слишком болен, чтобы оставаться в академии. Начиная с 7 января он перестал являться на поверки, строевые и классные занятия и даже в церковь, не подчиняясь приказам пытавшихся образумить его командиров.

28 января состоялось заседание вест-пойнтского трибунала, который должен был судить нескольких кадетов за нарушение уставных предписаний. В предыдущие две недели По с недюжинной изобретательностью ухитрился совершить почти все возможные дисциплинарные проступки. Вследствие чего, покончив с несколькими другими делами, «суд приступил к слушанию дела кадета Эдгара Аллана По Военной академии Соединенных Штатов, обвиняемого в следующем:

Обвинение 1-е — Грубое нарушение служебного долга.

Обвинение 2-е — Неповиновение приказам».

В нескольких пунктах обвинений подробнейшим образом перечисляются все провинности злокозненного кадета По, доказанные неопровержимыми документальными свидетельствами, как-то: поверочными листами, классными журналами и письменными донесениями офицеров-наставников.

«По зрелом рассмотрении представленных доказательств» суд признал По «виновным по всем пунктам обвинений» и постановил «уволить кадета Э. А. По от службы Соединенным Штатам». Датой вступления приговора в силу было определено 6 марта 1831 года с тем, чтобы из жалованья По за период с 28 января могла быть удержана сумма его долга академии. На указанное число актив По в расчетах с академией должен был составить 24 цента. Однако за две недели до наступления этого дня он уже находился на пути в Нью-Йорк.

19 февраля следующий из Олбани пароход причалил к пустынной вестпойнтской пристани, чтобы взять на борт одинокого пассажира, странное одеяние которого состояло из плохонького и изрядно поношенного костюма, кадетской шинели и помятой шляпы, а багаж — из небольшого, окованного железом

сундучка. Вскоре подняли трап, и старенькое колесное суденышко «Генри Экфорд» зашлепало вниз по Гудзону, направляясь в Нью-Йорк. Стоявший на палубе молодой человек зябко поежился, не без мрачных предчувствий перебирал жалкую горстку монет в кармане. Билет до Нью-Йорка стоил 75 центов — почти все, что у него было. Буксирный трос, на котором «Генри Экфорд» тащил за собой две тяжело груженные баржи, натянулся, со свистом и брызгами вырвавшись из воды; на длинный прощальный гудок парохода, прокатившийся по зажатой высокими берегами реке, отозвалась сигнальная труба в Вест-Пойнте. Будущие полководцы армий Соединенных Штатов и Конфедерации, печатая шаг, шли к заветным генеральским звездам. Эдгару По было с ними не по пути.

Глава тринадцатая

По прибыл в Нью-Йорк 20 февраля 1831 года и оставался там до конца марта. О его занятиях в этот период известно чрезвычайно мало. Молодого человека, поселившегося неподалеку от Мэдисон-сквер, можно точнее всего описать его же словами как «уставшего от дорог скитальца». В карманах у него не было в буквальном смысле ни гроша. Одет он был не по сезону легко — после Вест-Пойнта в его гардеробе осталось слишком мало штатского платья, а на запасы «Эллиса и Аллана» рассчитывать больше не приходилось. План его состоял в том, чтобы подыскать какую-нибудь литературную работу в одной из нью-йоркских газет в надежде со временем получить хотя бы небольшой гонорар за свою новую книжку. Но пока что надо было как-то добывать пропитание. Ко всему прочему, резко ухудшилось его здоровье.

В последнем письме из Вест-Пойнта он заверил Джона Аллана, что никогда больше не станет беспокоить его просьбами о помощи. Доведенный до отчаяния голодом и тяжелой болезнью, он вынужден был вновь испить чашу унижения, не имея другого выхода. Через два дня после отъезда из Вест-Пойнта он пишет опекуну из Нью-Йорка. Ему кажется, что смерть уже стоит у порога его холодной каморки, и он умоляет Аллана не дать ему умереть с голоду.

Разумеется, письмо это кажется излишне жалостным, однако надо помнить, что написано оно было болезненно чувствительным, страдающим от тяжелого недомогания молодым человеком, оказавшимся в одиночестве и без средств к существованию в незнакомом городе. Куда, как не домой, мог он обратиться с призывом о помощи? «Ничего не говорите сестре, — просит он Аллана. — Я буду каждый день посылать на почту за ответом». Но ждал он напрасно. Дома у него больше не было. Письмо было не без злорадства подшито вместе с ненужными деловыми бумагами, и лишь два года спустя твердая рука написала на обороте его несколько полных холодного негодования фраз.

Впрочем, примерно через неделю после того, как было отправлено письмо в Ричмонд, По — наверняка к немалому своему удивлению — все же поправился и смог заняться чтением гранок в издательство Элама Блисса, где готовили к печати его поэтический сборник. Мистер Блисс, человек доброго и отзывчивого характера, проникшись сочувствием к молодому поэту, иногда приглашал его к себе обедать, и это

гостеприимство, по крайней мере для По, значило больше, чем простая светская любезность.

Одно из немногих воспоминаний о жизни По в этот период оставил некий Питер Пиз, познакомившийся с ним еще в Шарлотсвилле, где он служил приказчиком в каком-то магазине. Он пишет, что встретил По сначала в Бостоне, а потом в НьюЙорке, и оба раза в одинаково отчаянном положении. С его слов известно, что По имел обыкновение прогуливаться под вязами на Мэдисон-сквер и однажды обедал с Пизом в каком-то ресторанчике неподалеку. За столом он сообщил, что наконец-то «угодил в цель», желая сказать, что ему улыбнулось счастье, и, вероятно, имея в виду скорый выход в свет своей новой книги. Это весьма характерное для него замечание: ничто не могло смирить гордость молодого поэта, который жил в ту пору честолюбивыми надеждами, связанными с только что законченной работой.

Деньги по-прежнему были для По одной из главных проблем. Основная часть той суммы, на какую удалось подписать книгу, могла быть получена лишь по прибытии закупленного количества экземпляров в Вест-Пойнт. Кое-как перебиться помогли, возможно, один-два аванса. По послал письмо в Балтимор брату Генри, которому уже и так задолжал, однако тот был болен и ничем не мог ему помочь. К началу марта стало понятно, что в Нью-Йорке молодой безвестный поэт не сможет заработать на жизнь, и По пишет начальнику Вест-Пойнтскои академии, полковнику Тэйеру, чью благосклонность, однако, он, кажется, переоценил. Полковник действительно был добр к нему, но в силу занимаемого положения относился с определенным предубеждением к бывшим кадетам, изгнанным из академии за «грубое нарушение служебного долга и неповиновение приказам».

Полковник Тэйер на письмо не ответил, и По вскоре отказался от всякой мысли продолжить военную карьеру. То был его последний и к тому же продиктованный нуждой шаг в этом направлении. Небезынтересно, впрочем, отметить, что уже тогда По начал думать об отъезде за границу как о возможном выходе. Быть может, интуиция подсказывала ему, что его талант скорее оценят там, где он впоследствии и в самом деле получил наибольшее признание. Во всяком случае, оставаться в Нью-Йорке не имело никакого смысла. Убедившись в этом, он вновь обратил свои помыслы к Балтимору, где у него хотя бы были родственники, через которых он надеялся приобрести друзей. По крайней мере, на гостеприимство и материнскую привязанность миссис Клемм он мог рассчитывать всегда. Тем временем увидел свет его новый сборник.

«Стихотворения» По (второе издание) были опубликованы издательством Элама Блисса в конце марта, и разочарованные вест-пойнтские кадеты, бормоча проклятия, пытались проникнуть в смысл причудливых строк «Израфила», «Линор», «Спящей», «Долины тревоги», столь непохожих на обычные каламбуры и эпиграммы бывшего их однокашника, которые они ожидали найти в этой книжке. Досадного чувства, что их одурачили, не помогла рассеять даже надпись на титульном листе: «Корпусу кадетов Соединенных Штатов с уважением посвящается».

Разумеется, никому из молодых людей и в голову не приходило, что посвящению этому суждено надолго прославить «корпус кадетов». На несколько мгновений перед их глазами возникла темная фигура того, кто так и не стал одним из них. Затем снова раздался властный зов труб, заглушивший их иронический смех. Уже в третий раз попытка молодого поэта добиться славы была вознаграждена лишь насмешками и малой, слишком малой толикой звонкой монеты. На свой более чем скромный гонорар он прожил, еще несколько дней в Нью-Йорке, а затем отправился в Балтимор, истратив на переезд скудные остатки полученных от издательства денег. Уставший от дорог скиталец устремился к родным берегам. Впрочем, стрелка компаса, указывающая путь к дому, сейчас в нерешительности колебалась между Балтимором и Ричмондом, ибо город, где По провел детство и юность, по-прежнему притягивал его точно магнит. Там все еще жила Эльмира, да и множество других воспоминаний, связанных с этим местом, влекли его с неослабевающей силой.

Третий поэтический сборник По открывало авторское предисловие, озаглавленное «Письмо к г-ну…». Оно начиналось обращением «Уважаемый Б.!», и не исключено, что анонимным адресатом был не кто иной, как Элам Блисс. Послание к «г-ну Б.» более всего примечательно тем, что в нем По впервые излагает свою теорию поэтической критики. Отмечая, как трудно американскому автору добиться того, чтобы его воспринимали всерьез, По продолжает:

«Вам известно, сколь велики преграды, воздвигнутые на пути американского писателя. Его читают, если читают вообще, постоянно сравнивая с выдающимися умами, признанными всем человечеством… Наши любители старины предпочитают далекие страны далеким временам. Даже наши светские щеголи первым делом ищут взглядом на обложке или титульном листе название города, где издана книга — Лондон, Париж или Женева, — каждая буква в котором стоит целой хвалебной рецензии».

После этого краткого вступления, посвященного проблеме,

ставшей впоследствии излюбленной темой его язвительных критических выступлений, он стремительно пробегает мысленным взором этические догматы Аристотеля, пользуясь случаем, чтобы мимоходом бросить камень в нравоучительную поэзию, и от нее переходит к Вордсворту, обходясь с ним весьма нелюбезно. Далее он говорит о Кольридже, к которому относится с большим почтением. Ему По и в самом деле в значительной мере обязан своей теорией поэзии, резюме которой завершает предисловие:

«Поэтическое творение, по моему мнению, отличается от научного тем, что имеет непосредственной своей целью удовольствие, а не истину, от прозаического — тем, что стремится к удовольствию неопределенному, в то время как цель прозы — удовольствие определенное. Поэзия является таковой в той мере, в какой достигает своей цели. В прозе доступные восприятию образы возникают из определенных, в поэзии же — из неопределенных ощущений, в которых существенное место принадлежит музыке, ибо постижение красоты звуков есть самое неопределенное из наших чувствований. Музыка, соединенная с доставляющей удовольствие идеей, есть поэзия, без таковой идеи — просто музыка; идея же без музыки есть проза в силу самой своей определенности».

Приведенный отрывок содержит в изначальной форме основные посылки знаменитой лекции «Поэтический принцип», прочитанной По много лет спустя. Мысли эти, уходящие корнями в теории Кольриджа, послужили По основой для создания собственных канонов поэтического творчества и критики. Подобно почти всем критическим опытам в области поэтики, предпринимаемым самими поэтами, рассуждения По представляли собой в конечном счете целенаправленную и изобретательную апологию его собственного поэтического метода.

Мир, который По видел вокруг себя, совершая путешествие из Нью-Йорка в Балтимор, все еще хранил свой древний облик, черты которого мало изменились за многие столетия, разделявшие времена Юлия Цезаря и Наполеона. Скорости и ритмы этого мира задавали конная упряжка и водяная мельница, а мысль по-прежнему вращалась вокруг откровений греческих, римских и иудейских мудрецов и поэтов. Редкие пока знамения новой эпохи только начинали проникать в его жизнь. Время от времени белоснежные паруса заволакивали клубы дыма, рвущиеся из топок неповоротливых пароходов, кое-где вырастали фабричные трубы, бросавшие вызов высокомерному господству церковных и дворцовых шпилей; ландшафт то тут, то там

пересекали голубые ленты судоходных каналов, а в сельской глуши квакеры в недоумении повторяли услышанное от путепроходцев странное словосочетание «железная дорога». Пройдет немного лет, и деревенскую тишину разорвет скрежет колес и пыхтение первого паровоза, и ликующие фермеры будут бросать в воздух шляпы, приветствуя проносящегося мимо «железного коня». Природе суждено было вскоре пробудиться от безмятежного сна, ибо в городах уже набирала силу промышленность будущего индустриального колосса. Непредвиденные излишки бюджетных средств федеральное казначейство делило между штатами, ассигнуя деньги на «национальное благоустройство». Производство и продажа товаров, ставшие со временем самодовлеющей целью американского общества, уже начали подчинять себе все его интересы. В последний раз По видел во всей полноте картину дышащего спокойствием мира, в котором родился. Через несколько лет в знакомом с детства пейзаже произошли огромные перемены, до неузнаваемости преобразившие окружающее и нарушившие утонченную взаимосвязь вещей, их вечную и мудрую гармонию, которую лишь природе под силу сотворить в столь грандиозной необъятности и которую люди назвали красотой. Процесс этот, происходивший так стремительно и в первых своих бурных проявлениях прямо на глазах у По, не укрылся от его взгляда и нашел отклик в его творчестве. Подобно древним божествам, которых «преобразившая все сущее» и «простершая рассудочности серые крыла» наука изгнала из стихий, где те некогда властвовали, он тоже искал спасения в иных пределах — там, куда звали его мечты и видения, в более цельном мире своей ранней юности, в грезах, навеянных книгами давних времен. Всей душой он стремился к этой недосягаемой области, глядя в прошлое с ностальгической тоской — с той странной печалью, что бросает романтический отсвет на некогда виденные уединенные уголки природы, воспоминания о которых наполняли его сердце мистическим восторгом. Воссоздать их очарование он пытался в «Долине разноцветных трав», «Зачарованном саде», новелле «Поместье Аргейм». Вместе с желанием «вернуться к минувшему», столь безнадежно неосуществимым, с годами углублялась пропасть между царством его фантазий и окружающей действительностью, усиливалась и обострялась его психологическая несовместимость с реальностью, дисгармония между стремлениями и необходимостью, вызывавшая в нем растущее внутреннее сопротивление. Этот разлом, оставивший по одну сторону действительное, а по другую — воображаемое, следует постоянно иметь в виду, ибо иначе невозможно постичь

смысл мучительной дилеммы По — личности, не нашедшей своего места в жизни. Попытки избежать боли или хотя бы облегчить ее, все рискованные уловки, к которым он прибегал, часто таили в себе еще большую опасность, чем сам недуг. Собственно, самые лекарства, что он для себя находил, были, по существу, симптомами прогрессирующей болезни, которую он старался превозмочь. То было странное, с годами все более запутывающееся переплетение причин и следствий, действием которых он был в конце концов извергнут из того мира, где жизнь казалась ему невыносимой пыткой. Развязка явилась трагедией, отголоски которой звучат и поныне.

Через несколько дней после отъезда из Нью-Йорка По прибыл в Балтимор. Тогда это был третий по величине город Соединенных Штатов, и он, подобно многим другим американским городам, в то время как раз вступал в период удивительно бурного развития. Расположенный у впадения в океан реки Потапско, устье которой образует удобную, защищенную холмами гавань, Балтимор уже в ту пору был крупным морским и речным портом. Его широкие улицы украшали многочисленные монументы и внушительные общественные здания, чьи архитектурные совершенства ограничивались в основном великолепными фасадами. Над низкими черными крышами домов возвышались купол городского собора, величественный памятник Джорджу Вашингтону, стройный шпиль церкви св. Павла и круглая, диковинного вида дроболитейная башня.

Тетка По Мария Клемм жила в деловом районе города, где были сосредоточены арматорские конторы и всякого рода торговые заведения, у подножия пологого холма, на склоне которого раскинулись фешенебельные кварталы. Сюда, в гостеприимный дом на Милк-стрит, По возвратился в конце марта 1831 года. Нетрудно представить, с каким безудержным восторгом Вирджиния (ставшая уже совсем большой девочкой) встретила кузена Эдди, который поднялся в комнату, не снимая щеголеватой кадетской шинели; как немного растерянная, однако искренне обрадованная миссис Клемм бросила шитье, чтобы заключить странника в крепкие материнские объятия. Бледный, с ввалившимися щеками Генри приветствовал брата слабым, но сердечным рукопожатием; даже изможденное лицо разбитой параличом бабки По, уже не покидавшей постели, на мгновение озарилось улыбкой. В тот вечер Мадди, как звали в семье миссис Клемм, поставила на стол еще один прибор и налила в кастрюлю с супом еще одну чашку воды, пока Эдгар распаковывал свой нехитрый гардероб и раскладывал по полкам привезенные книги

и бумаги. Он снова поселился в мансарде вместе с Генри. Благодаря миссис Клемм у братьев была пища и крыша над головой. Эдгару предстояло прожить так много лет. Дни Генри были сочтены.

Глава четырнадцатая

Весной 1831 года По принялся за поиски постоянной литературной работы. 6 мая он пишет Уильяму Гвинну, владельцу и редактору балтиморской «Федерал газетт», прося предоставить ему должность в редакции еженедельника. Женитьба Джона Аллана, говорит По, совершенно изменила его виды на будущее, и, кроме того, его опекун хочет, чтобы он оставался в Балтиморе. Когда-то между По и Гвинном вышла размолвка по поводу оценки, которую последний дал «Аль-Аарафу». Теперь По приносил извинения и просил редактора отнестись к нему великодушно. Однако Гвинн не счел нужным ответить. По не мог встретиться с ним лично, потому что не покидал своей комнаты из-за «сильного повреждения колена». Следующим шагом было письмо к его другу Нэйтану Бруксу с просьбой предоставить ему пост младшего учителя в школе для мальчиков, которую д-р Брукс недавно открыл в Райстертауне, штат Мэриленд. Однако вакансия оказалась уже занятой. Возможность поступления на службу в качестве преподавателя По постоянно имел в виду во время пребывания в Балтиморе — эта работа давала постоянный доход и какой-то досуг для занятий сочинительством.

Спустя два месяца смерть избавила бедствующее семейство миссис Клемм от тяжелого бремени, каким был для нее совершенно беспомощный Генри По. Он скончался от туберкулеза 1 августа 1831 года; весь июнь и июль Эдгар продолжал заботливо ухаживать за умирающим братом. Как и Джон Китс, не отходивший от постели брата Тома в его предсмертные дни, По наблюдал за неотвратимым угасанием Генри, пораженного тем же страшным недугом. Времени для работы оставалось очень мало, и к тому же все происходящее оказывало на По невыразимо гнетущее воздействие, усугубляемое крайней бедностью.

Генри По не стало, и миссис Клемм, чей собственный сын «мало что собой значил» (говорят, что позднее он ушел из дому и сделался моряком), хорошо понимала, что в доме нужен мужчина — защитник и, поелику возможно, кормилец. Всякий, кто способен зарабатывать деньги игрой в слова, думала она, должен быть гением. К тому же, и это было главное, она питала глубокую привязанность к Эдгару По. Его душа, облик, связывающее их кровное родство были достаточны сами по себе. Однако особой притягательной силой для женщины ее склада обладало то обстоятельство, что По нуждался в помощи. Переступив порог дома миссис Клемм по возвращении из НьюЙорка, он нашел

убежище в крепких объятиях этой мужественной, властной и в то же время бесконечно нежной и отзывчивой женщины, из которых, преодолев отчаянное и самоотверженное сопротивление, его смогла вырвать лишь смерть. Последующая женитьба на Вирджинии скрепила отношения, наложившие самый глубокий отпечаток на вторую половину его жизни. Ибо на протяжении остававшихся ему двадцати лет миссис Клемм играла в делах По ту же роль, какая в первые два десятилетия принадлежала Джону Аллану. Впрочем, ни в чем ином этих двух людей сравнить нельзя. Без ясного понимания значительного влияния, оказанного на По Марией Клемм, невозможно составить верного представления о нем самом.

Мария По (Клемм) родилась 17 марта 1790 года и была на пять или шесть лет младше своего брата Дэйвида, отца Эдгара По. Родители ее, «генерал» Дэйвид По и Элизабет Кернс По, жили тогда в Балтиморе. В возрасте 27 лет она вышла замуж за Уильяма Клемма, вдовца с пятью детьми, очень небольшим состоянием и кое-какими видами на будущее. Спустя девять лет, в 1826 году, мистер Клемм умер, оставив жену без средств к существованию и с двумя детьми на руках, родившимися от их брака — восьмилетним Генри и четырехлетней Вирджинией. Немногое оставшееся после него имущество частью отошло детям от первой жены, частью попало в тяжбу. Генри, как уже говорилось, стал каменотесом, но проку от него было мало, ибо он страдал запоями. После его исчезновения место сына для миссис Клемм окончательно занял Эдгар По, который теперь делил кров с самыми близкими из его оставшихся в живых родственников — теткой, бабкой по отцовской линии и двоюродной сестрой. Вирджинии было в ту пору только девять лет, однако спустя всего лишь четыре года она стала женой По.

Летом 1831 года По, по-прежнему помогая ухаживать за братом, попытался хоть как-то облегчить тяжелое положение семьи, приняв участие в устроенном газетой «Филадельфия сэтэрдей курьер» конкурсе на лучший рассказ, за который была назначена премия в 100 долларов. По послал несколько новелл, но награда все же досталась некой Делии С. Бейкон за рассказ «Мученик любви». Старания По, впрочем, не пропали даром, потому что редактор согласился напечатать его «Метценгерштейна», который появился на страницах упомянутой газеты 14 января 1832 года. Это был первый опубликованный По рассказ.

Однако рассказ, напечатанный в январе 1832 года, никак не помог прокормить семью летом 1831-го, и миссис Клемм приходилось отправляться с рыночной корзиной не в торговые

ряды, а к родственникам и знакомым. Эта большая плетеная корзина хорошо запомнилась многим из тех, кому не раз доводилось вносить лепту в ее содержимое. В черном вдовьем чепце, дородная, с круглым добродушным лицом, омраченным взывающей к состраданию скорбью, миссис Клемм являлась нежданной, сеявшей замешательство гостьей; в руке у нее была уже описанная корзина, в чистых серых глазах — тревожная мольба, а на устах — печальный рассказ о претерпеваемых ее домочадцами лишениях, который заставил бы разрыдаться даже маску Комедии. Устоять перед ней не мог никто, ибо все, что она говорила, было горькой правдой: Вирджиния ходит в лохмотьях, «милый Эдди» очень болен, старая миссис По стоит одной ногой в могиле (агония ее продолжалась уже пять лет), сама она — бедная вдова, сын Генри снова заглядывает в бутылку, огонь в камине погас, и в доме совсем нечего есть! Что можно было ответить этой осанистой, опрятной, просящей о помощи женщине, которая столь красочно описывала свою нелегкую долю? Слов не находилось — оставалось лишь положить что-нибудь в корзину. Ее темный, ненасытный зев проглатывал детское платьице, цыпленка, несколько картофелин, реп или хлебных караваев и захлопывался в унисон с прощальными благословениями хозяйки. Некоторое время корзина не покидала дома, однако рано или поздно снова наставал ее час. Ибо череде бедствий, в таком изобилии обрушившихся на миссис Клемм, не было конца. К счастью для великого поэта, женщина эта обладала редкостным, изощренным нуждой умением находить прямую дорогу к человеческому сердцу, минуя воздвигнутые умом преграды. Духом она была чемто сродни тем сестрам-черницам, на которых в своем вдовьем трауре походила и видом, что от века скитаются по миру, стучась в каждую дверь, чтобы напомнить благоденствующим о нищих, сиротах и страдальцах, живущих рядом и ждущих подаяния. Как ни противна была эта роль ее врожденному чувству собственного достоинства, играла она ее превосходно, так что сам св. Франциск мог бы гордиться такой ученицей. Ее слова, жесты и жертвенное самоотречение взывали о милосердии к голодной старости, обездоленному детству и беспечному гению. Противостоять ей могли лишь редакторы, но и они делали это со слезами на глазах. Несколько раз ей удалось одолжить денег даже у издателя. Поистине, благотворительность не знает более блистательного триумфа!

Тем не менее даже ее поразительные способности иногда оказывались тщетными. 7 ноября 1831 года Эдгар Аллан По был арестован за неуплату долга, который он «и не помышлял платить». Речь, очевидно, шла о 80 долларах, взятых взаймы при

поручительстве По его покойным братом Генри, который был теперь свободен от всех земных обязательств. Эдгар немедленно написал Джону Аллану. Молодому поэту реально угрожала тюрьма. Он чувствовал себя нездоровым и писал, что уже не в состоянии переносить такие суровые тяготы, как раньше. В Балтиморе закон был очень строг к несостоятельным должникам. Неуплата долга в каких-нибудь пять долларов могла повлечь за собой тюремное заключение, и, кроме того, уроженцы других городов не имели спасительного права объявлять себя банкротами. В постскриптуме По добавляет: «Я предпринял все возможные усилия, но напрасно». Письмо было отправлено 18 ноября, однако осталось без ответа. Спустя более двух недель, 5 декабря, миссис Клемм сама пишет Джону Аллану душераздирающее письмо, в котором присоединяется к просьбе По. Стиль и содержание этого послания делают ей честь. Ей каким-то чудом удалось самой собрать 20 долларов, однако этого недостаточно. Она напоминает Аллану, что По больше не к кому обратиться за помощью, и говорит, что, кроме упомянутых 80 долларов, у него нет других долгов, что молодой человек был все это время очень добр к ней и помогал чем только мог. Письмо содержит указание на то, что Джон Аллан «отказался» выручить По, хотя под этим, вероятно, подразумевается лишь его затянувшееся молчание.

Еще через десять дней По в полном отчаянии снова пишет Аллану. Ему казалось, что перед ним уже отверзлись двери темницы. То было одно из самых униженных и умоляющих писем, с которыми По когда-либо обращался к опекуну.

Впрочем, Джон Аллан не был столь бездушен, как можно предположить из письма его воспитанника, хотя то обстоятельство, что косвенным образом в бедах По был повинен и он, давало последнему достаточные основания так думать. Как мы видели, письмо миссис Клемм было послано 5 декабря, а 7-го Джон Аллан написал распоряжение для своего агента в Балтиморе «предпринять необходимое для освобождения Эдгара По и передать ему сумму в 20 долларов, дабы избавить его от дальнейших затруднений», но по какой-то причине забыл отправить письмо адресату и вспомнил о нем лишь 12 января 1832 года. Не на шутку встревоженный столь несвойственным ему небрежением в денежном деле, он пишет на обороте письма По от 15 декабря: «Самому отнести распоряжение на почту». Тем не менее помощь, видимо, подоспела вовремя, ибо достоверно известно, что в тюрьму По не попал.

1832 год представляется самым неясным в жизни Эдгара Аллана По. В его биографии период этот во многих отношениях

остается белым пятном. Относящейся к нему переписки не сохранилось, где находился По в течение значительной части года, неизвестно, что создает благодатную почву для всевозможных гипотез. И все же немногие заслуживающие доверия сведения заставляют предположить, что все это время По провел в доме на Милк-стрит и что «Рассказы Фолио клуба» и стихотворение «Колизей», появившиеся в 1833 году в газете «Балтимор сэтэрдей визитэр», были написаны именно там. Другие его прозаические вещи, печатавшиеся в «Филадельфия сэтэрдей курьер» на протяжении 1832 года, были, вероятно, завершены годом раньше.

Главным событием этого периода была романтическая любовь По к некой Мэри Девро, молодой девушке, жившей по соседству с Клеммами. Ее воспоминания были опубликованы лишь сорок лет спустя, и поэтому сейчас трудно точно сказать, к какому именно времени относится описываемый в них эпизод из жизни По. Однако многочисленные свидетельства указывают на то, что некоторые из событий, о которых там идет речь, произошли в 1832 году.

Мансарда, где обитал По, выходила окнами во двор, образуемый несколькими домами по Эссекс-стрит, которые находились в старом городе. По часами просиживал за письменным столом у себя в комнате и однажды, взглянув через двор, почти сплошь завешанный полощущимся на ветру стираным бельем, он заметил в окне дома напротив хорошенькую девушку с золотисто-каштановыми волосами, завитыми по тогдашней моде в крупные, свободно ниспадающие локоны. Она тоже увидела его, и со временем молодые люди, проникшись взаимной симпатией, стали подавать друг другу знаки взмахами платка; к их невинному флирту вскоре присоединилась подруга Мэри Девро, Мэри Ньюмэн. Обе девушки знали, что По был молодым солдатом и поэтом, и сердца их при виде его трепетали не меньше, чем зажатые в руках платочки.

Одним летним вечером, когда Мэри Девро и Мэри Ньюмэн сидели, беседуя на смежных, разделенных лишь балюстрадой верандах их домов по Эссекс-стрит, мимо проходил Эдгар По, направлявшийся к дому миссис Клемм. Увидев девушек, изящный молодой человек остановился и поклонился. О том, что произошло потом, нам лучше всего поведает — быть может, с некоторыми опущениями, — сама Мэри Девро:

«Мистер По пересек улицу и подошел к крыльцу Ньюмэнов. При его приближении я отвернулась, потому что была еще очень молода и застенчива. Он сказал: „Здравствуйте, мисс Ньюмэн“. Она представила его мне, и тут ее зачем-то позвали в дом. По

тотчас перепрыгнул через балюстраду и присел рядом со мной. Он сказал, что у меня самые прекрасные волосы, какие ему когда-либо приходилось видеть, именно о таких всегда грезили поэты. С той поры он стал приходить ко мне каждый вечер; так продолжалось около года, и за все это время, вплоть до нашей последней ссоры, он, насколько я знаю, не выпил ни капли вина… Как он был ласков!.. Любовь его была полна страсти… Сблизившись с мистером По, я оказалась в довольно большом отчуждении. Многие из моих подруг боялись его и перестали со мной видеться. Я чаще встречалась тогда с его друзьями. Он презирал невежественных людей и терпеть не мог пустой светской болтовни. …Если он любил, то любил до безумия. Нежный и очень ласковый, он тем не менее отличался вспыльчивым и порывистым нравом и был до крайности ревнив. Чувства его были сильны, и владеть ими он почти не умел. Ему не хватало уравновешенности; ум его был чрезмерно развит. Он насмехался над святынями веры и никогда не ходил в церковь… Он часто говорил о какой-то связанной с ним тайне, проникнуть в которую он был не в силах. Он думал, что рожден для страдания, и от этого жизнь его переполняла горечь. Миссис Клемм тоже туманно упоминала о некой семейной тайне, заключавшей в себе нечто позорное. Однажды По дал мне прочесть письмо от мистера Аллана, в котором тот, имея в виду меня, грозил оставить По без единого гроша, если он женится на такой девушке.

Как-то летом, лунной ночью, мы гуляли на мосту, который находился неподалеку от того места, где я жила. У противоположного конца моста стоял дом священника. Внезапно Эдди взял меня за руку и потянул за собой, говоря: «Идем, Мэри, идем и обвенчаемся теперь же! К чему нам ждать?!» Мы были в тот момент всего лишь в двух кварталах от моего дома. Эдгар продолжал сопровождать меня и вошел в дом вслед за мной. Мы не были официально обручены, но хорошо понимали друг друга. Однако в ту пору обстоятельства его были таковы, что он не мог жениться. Когда мой брат узнал, что у нас часто бывает По, то спросил меня: «Неужели ты собираешься выйти замуж за этого человека, Мэри? Мне легче было бы увидеть тебя в могиле, чем его женой! Он и себя-то не в состоянии прокормить, не говоря уж о тебе!» Я отвечала, будучи столь же романтична, как Эдди, что предпочту разделить черствую корку с ним, чем дворец с кем-нибудь другим. Единственное, что меня в нем отталкивало, это его высокомерие. Он был горд и относился с пренебрежением к моему дяде, чье занятие ему не нравилось. Зато отца моего он любил и часто подолгу с ним беседовал…

Разлучившая нас ссора произошла так: однажды вечером я

ждала Эдгара в гостиной, но он все не шел. Наконец, уже около десяти часов, в комнату заглянула моя мать и сказала: «Пойдем, Мэри, пора спать». Окна в гостиной были отворены, и я сидела перед одним из них, склонившись на подоконник и положив голову на руки. Из глаз у меня текли слезы. Эдди появился вскоре после того, как мать вышла, и я сразу заметила, что он пил. Это был первый за весь год случай, когда он притронулся к вину. Найдя парадную дверь запертой, он подошел к окну, подле которого я сидела, и распахнул настежь почти закрытые ставни. Он приподнял мою голову и стал рассказывать, где он был. Ему встретились на мосту какие-то кадеты из Вест-Пойнта, которые оказались его старыми друзьями, и пригласили его в «Барнумс-отель», где все вместе поужинали и выпили шампанского. Он постарался оставить их как можно скорее, чтобы прийти ко мне и все объяснить. Выпив только один бокал, он опьянел. Думаю, что в тот вечер он выпил гораздо больше. Что до рассказов, будто он был отъявленным пьяницей, то я его никогда таким не знала.

Я вышла, открыла дверь и присела рядом с ним на залитом лунным светом крыльце. Спустя короткое время между нами произошла ссора, о причинах которой мне не хотелось бы говорить. В конце концов, я бросилась прочь с крыльца, пробежала вокруг дома и оказалась в комнате, где была мать.

— Мэри, Мэри! Что случилось? — спросила она. По, кинувшись за мной, тоже вошел в комнату. Я была очень испугана, и мать велела мне подняться наверх. Так я и сделала. По сказал:

— Я хочу говорить с вашей дочерью! Если вы не скажете ей немедля спуститься, я сам пойду за ней. У меня есть на это право!

Моя мать была рослой женщиной и, заслонив собой вход на лестницу, сказала:

— Вы не имеете права! Я не позволю вам подняться!

— Нет, имею! — возразил По. — Теперь она жена моя перед небесами.

Мать ответила, что ему лучше идти домой спать, и он ушел…

После ссоры… я перестала видеться и переписываться с мистером По и отсылала его письма назад нераспечатанными. Мать отказала ему от дома. Он прислал мне письмо с Вирджинией. И его я отправила обратно, не вскрывая. Потом он написал снова, и на этот раз я прочла письмо. Обращаясь ко мне официально «мисс Девро», он в саркастических выражениях укорял меня за мое бессердечие и непреклонность. Я показала письмо матери, а та — бабушке, которая в это время гостила у нас. Прочтя письмо, бабушка отнесла его моему дяде Джеймсу. Дядя был так возмущен и оскорблен, что без моего ведома

написал мистеру По резкий и язвительный ответ. В это же время мистер По опубликовал в одной балтиморской газете стихотворение из шести или восьми строф, назвав его «К Мэри». Речь в нем шла о ветренности и непостоянстве, и тон его был очень суров. Все мои друзья и друзья По знали, к кому обращены стихи, что еще больше усилило возмущение дядюшки.

Мистер По пришел в такое бешенство от полученного письма, что купил плеть из воловьей кожи и, придя в магазин к дяде, избил его. В ту пору дяде было больше пятидесяти лет. Тетушка и оба ее сына бросились в магазин и, защищая дядю, порвали черный сюртук его обидчика на спине от пояса до воротника. Тогда мистер По засунул плеть в рукав и, как был, в разорванном сюртуке направился вверх по улице к нашему дому, сопровождаемый толпой мальчишек. Войдя к нам, он спросил отца и, когда тот вышел к нему, сказал, что только что видел дядюшку; показав написанное последним письмо, он заявил, что глубоко оскорблен и что избил дядюшку плетью. Меня позвали вниз. Увидев меня, мистер По достал из рукава плеть и бросил к моим ногам, сказав: «Возьмите, я ее вам дарю! «

Вскоре после того, как произошла эта волнующая мелодраматическая сцена, Девро уехали из Балтимора, и лишь много лет спустя судьба снова свела их с По. В рассказе Мэри Девро, девушки не очень образованной, но умной, есть кое-что примечательное, и как свидетельство человека, знавшего По столь близко, он заслуживает большого доверия. Едва ли нужно говорить, как неимоверно трудно жить вместе с таким нервным и легковозбудимым человеком, каким был По. Лишь преданная любовь и долготерпение миссис Клемм могли выдержать подобное испытание.

Приблизительно в то время, когда, по словам Мэри Девро, опекун угрожал оставить По «без единого гроша», если он на ней женится, Джон Аллан был как раз занят составлением завещания. Этот документ, продиктованный напоминаниями о всесилии смерти, был подписан 17 апреля 1832 года, ибо даже после поездки на воды в Хот-Спрингс в 1829 году здоровье Аллана продолжало неуклонно ухудшаться. «Напоминания» вновь приняли вид прогрессирующей водянки. Известия об этом вскоре дошли до По, который вел тогда оживленную переписку с Ричмондом. Старые слуги в ричмондском доме, не забывшие ни добрых старых дней, ни «мистера Эдди», изредка сообщали ему последние новости. О делах опекуна он мог узнать и от Макензи, по-прежнему друживших с мисс Валентайн.

У По было множество причин стремиться в Ричмонд. Помимо того, что там был его «дом» — обстоятельство, само по себе

немаловажное, — он еще питал некоторую надежду на благосклонный прием со стороны опекуна, что означало бы для него немедленное облегчение его отчаянного положения и перемены к лучшему в будущем. По приехал в Ричмонд, где он не был более двух лет, в июне 1832 года. Возвращение в родные места всегда вызывает к жизни связанные с ними чувства и переживания. Маленькая столица Виргинии едва ли могла измениться с тех пор, как он видел ее в последний раз, — даже узор виноградных лоз, увивавших стены домов, казался все тем же. И когда он отворил железную дверь ограды и ступил на знакомую дорожку, у него не было и тени сомнения в том, что он действительно «возвращается домой». Все, что он видел вокруг, жило в самых сокровенных его мечтах. Ему открыл пожилой дворецкий, и По велел отнести вещи в «его комнату». Это не был жест, которым он хотел заявить о своих притязаниях, а просто давшая о себе знать старая привычка. Одновременно он выразил желание видеть мисс Валентайн. Ее не оказалось дома, а дворецкий сообщил ему, что комната «мастера Эдди» теперь отведена для гостей. По этому поводу между слугой и По возник спор. По считал комнату своей безраздельной собственностью. Ведь там все еще оставались его вещи, думал он. Чернокожий старик слуга пришел в замешательство. Тогда По попросил позвать миссис Аллан, которая вскоре спустилась в гостиную.

Там она нашла какого-то незнакомого молодого человека, который вел себя так, точно был членом семьи Алланов. К вящему своему изумлению, она услышала от него упреки в том, что она осмелилась распоряжаться в собственном доме так, как считала нужным. Что до По, то он, как и всегда в минуты сильного волнения, не сумел совладать с чувствами и принялся укорять эту «чужую женщину», захватившую место Фрэнсис Аллан без всякого на то права. Донесшийся из комнаты наверху капризный крик «наследника» нимало его не успокоил. Говорят, что даже ребенок не избежал его едких замечаний и будто в запальчивости он заявил, что, выходя замуж за Джона Аллана, теперешняя жена опекуна руководствовалась далеко не бескорыстными соображениями. Миссис Аллан отвечала, что отнюдь не рассматривает По в качестве члена семьи, с чьими желаниями надлежит сообразовываться в делах домоустройства, но, напротив, знает его всего лишь как нахлебника, живущего милостью ее мужа. Разговор получился весьма неприятным и привел обоих в крайнее раздражение. Для миссис Аллан присутствие в доме По явилось нежеланным напоминанием о правах любимого приемного сына первой жены, угрожавшего самим устоям, на которых зиждилось благополучие ее детей (их

было уже двое) и ее собственное. Она послала в контору за Джоном Алланом, написав в записке, что она и Эдгар По «не могут оставаться и дня под одной крышей». В какой-то момент По исполнился решимости отстоять свои «права» и остался сидеть в гостиной. Но вот с улицы послышался сердитый стук трости и тяжелое топанье хромой ноги Джона Аллана, и этого оказалось достаточным, чтобы изменить если не чувства По, то, во всяком случае, его намерения. Он пересек зал и вышел через парадную дверь в то самое мгновение, когда Аллан вошел через боковую.

По отправился к Макензи и рассказал им о происшедшем. Макензи были простыми, отзывчивыми и все понимающими людьми. С ними еще жила Розали, а Джэк Макензи был по-прежнему его верным другом. Мисс Валентайн, которой По не застал, когда пришел к Алланам, прислала ему денег со слугой. Помогли, наверное, и Макензи. Через некоторое время он возвратился в Балтимор.

Известие о неудачном завершении визита в Ричмонд принесло мало радости прозябавшему в бедности семейству миссис Клемм. Единственное, чего удалось добиться По, — это еще больше углубить отчуждение между собой и Джоном Алланом. Последний больше никогда ему не писал, да и сам По пытался возобновить связь с опекуном лишь однажды. Рассчитывать оставалось только на себя, и он продолжал испытывать усердным пером новые и новые страницы с самой малой надеждой на то, что старательно выведенные красивым и четким почерком строки будут когда-нибудь напечатаны.

Следует заметить, что большинство домов, в которых По бывал в это время, привлекали его преимущественно тем, что там жили и собирались хорошенькие молодые девушки. В их кругу он чувствовал себя свободнее и приятнее, нежели в обществе молодых людей своего возраста, ибо неизменно становился предметом особого внимания и немалого восхищения, что приводило его в прекрасное расположение духа. Даже трудные месяцы, проведенные в Балтиморе, не были лишены светлых мгновений. Прислушавшись получше, на фоне безрадостного лейтмотива нужды и лишений можно различить мелодичные звуки фортепиано, которым По внимал в окружении юных прелестниц, их звонкие голоса, шорох длинных платьев и легкую поступь расшитых бисером туфелек по мягким, еще не расцветшим викторианским узором коврам. Спустя полвека одна старая дама написала о человеке, в ее памяти навсегда оставшемся молодым:

«Мистер По ростом был около пяти футов восьми дюймов, с темными, почти черными волосами, которые он носил длинными,

зачесывая назад, как принято у студентов. Волосы его были тонкими и шелковистыми. Ни усов, ни бороды он не отпускал. Нос у него был длинный, прямой, черты лица правильные и тонкие, прекрасный рисунок губ. Он был бледен, и щеки его никогда не окрашивал румянец; кожу его отличал красивый и чистый оливковый оттенок. Выражение лица он имел меланхолическое. Худощавый, но великолепно сложенный, он держался по-военному прямо и ходил быстрым шагом. Но более всего пленяли его манеры. Они были полны изящества. Когда он смотрел на вас, то казалось, что он читает ваши мысли. Голос он имел приятный и мелодичный, но несильный. Одевался По всегда в черный, застегнутый на все пуговицы сюртук со стоячим, на кадетский или военный манер воротником; отложной воротник рубашки был схвачен черным, завязанным свободным узлом галстуком. Он не следовал за модой, а придерживался своего собственного стиля, который отличала некоторая небрежность, точно его мало заботила одежда. По виду его сразу можно было сказать, что он совсем не такой, как другие молодые люди».

Таков довольно полный портрет двадцатидвухлетнего По. Осенью 1832 года миссис Клемм переселилась с Милк-стрит в дом э 3 на Эмити-стрит, где жила вплоть до отъезда всего семейства в Ричмонд в 1835 году. Вместе с ней в новое жилище перебрались дочь Вирджиния и племянник Эдгар.

Глава пятнадцатая

Крайне мал был успех, выпавший до сих пор на долю По в его усилиях добиться известности или денег писательским пером. Иные из его стихотворений согрели несколько сердец, способных почувствовать жар божественного огня, и ближайшие знакомые говорили и думали о нем как о поэте. Если не считать этого, три его небольшие книжки словно провалились в пустоту. И он с горечью сознавал, что занятия изящной словесностью давно бы уже привели его в мансарду Чаттертона, не попади он раньше в мансарду миссис Клемм. Вот почему По, как мы уже видели, решил искать приложения своим талантам в другой, более прибыльной области. Он всерьез заинтересовался журналистикой и стал изучать выходившие в то время периодические издания, в первую очередь журналы. Результат был двояким: с одной стороны, он начал регулярно писать прозу, и в 1832 году пять новелл — первые из его опубликованных прозаических произведений — были напечатаны в газете «Филадельфия сэтэрдей курьер», той самой, чей конкурс на лучший рассказ он не сумел выиграть. Другой гранью нового увлечения По было появление его теорий об американской журналистике и литературной критике. Муза его тоже не была праздной — он работал над стихотворением «Колизей» и даже предпринял попытку написать драму «Полициан». Однако ему явно недоставало связей в издательских кругах. Приобрести их за то время, что он прожил в Балтиморе, ему не удалось, и зимой 1833 года казалось, что рассказам его, как и стихам, суждено кануть в небытие незамеченными и неоплаканными.

Достоин удивления тот факт, что с 1827 по 1833 год, в пору горестей и невзгод, По сумел совершить столь значительный литературный труд. Еще более удивительно то — и здесь мы находим убедительное свидетельство владевшей им неутолимой жажды творчества, — что он вообще нашел в себе силы что-либо сделать. Есть основания думать, что период нервного расстройства и болезни в Нью-Йорке был следствием слишком большого напряжения душевных и физических сил в предшествующие годы. Подтачивавший его недуг наступал путями, отчасти предопределенными наследственностью. Слабое сердце, делавшее его временами совершенно беспомощным, расшатанные нервы и первые признаки тех состояний, которые вызвали впоследствии помутнение рассудка, — все это отныне оказывало на него губительное действие. Ибо можно с полной уверенностью сказать, что с того момента, как По оставил Вест-

Пойнт, он уже никогда не был совершенно здоровым человеком. Он, как и прежде, испытывал периоды душевного и творческого подъема, однако они снова и снова сменялись все более глубоким упадком сил. Голод, тревоги, разочарования и распущенный образ жизни привели к трагическому исходу — всего лишь шестнадцать лет спустя и в том же городе, где он впервые нашел приют у миссис Клемм.

Зимой 1833 года По целыми днями бродил по улицам Балтимора в поисках случайной работы. Несмотря на помощь родственников, места в газете ему получить не удалось.

За весь этот год он написал лишь одно письмо, в каждой строчке которого звучит отчаяние. 12 апреля 1833 года По в последний раз воззвал к Джону Аллану. Он говорит, что Аллан не помогал ему в течение двух лет и не пишет уже три года и что, хоть и мало надеясь на ответ, он не может удержаться от еще одной попытки привлечь к себе внимание опекуна. У него совершенно нет друзей, продолжает По. поэтому он не в состоянии найти работу и погибает, в прямом смысле слова погибает, лишенный всякой помощи. Хотя, добавляет он с горечью, его нельзя упрекнуть ни в праздности, ни в безнравственности, ни в оскорбительных для общества поступках, за которые он мог бы быть по справедливости наказан голодом и нищетой. «Ради всего святого, пожалейте меня и спасите от гибели!» Таковы были последние слова, написанные им опекуну.

Однако Джон Аллан уже приближался к тем пределам, куда не доходят письма. Его водянка быстро обострялась, и он чувствовал себя все хуже. Зимой и весной 1833 года он время от времени добавлял новые распоряжения к своему завещанию, которые носили столь конфиденциальный характер, что он писал их собственной рукой, дабы избежать необходимости засвидетельствования их подлинности посторонними лицами. В марте умер один из побочных детей Аллана, однако то обстоятельство, что теперь претендентов на его «благодеяния» стало меньше, не побудило его включить в их число Эдгара По, хотя он имел по крайней мере моральное право на его помощь.

В июле 1833 года «Балтимор сэтэрдей визитэр», выходившая одно время в Балтиморе еженедельная газета, которую в ту пору весьма успешно редактировал некий Лэмберт Уилмер, объявила конкурс на лучший рассказ и стихотворение, назначив за них премии соответственно в 50 и 25 долларов. В назначенное редактором жюри вошли гг. Джон П. Кеннеди, Джеймс Х. Миллер и д-р Дж. Лэтроуб, который и оставил нам рассказ о том, что произошло дальше: «Мы собрались погожим летним днем, после обеда, на выходящей в сад веранде моего дома на Малбери-стрит

и, расположившись вокруг стола, на котором было несколько бутылок доброго старого вина и коробка хороших сигар, приступили к многотрудным обязанностям литературных критиков. Я оказался самым молодым из нас троих, и мне было поручено вскрывать конверты и читать вслух присланные рукописи. Возле меня поставили корзину для отвергнутых нами опусов…

О большинстве представленных на наш суд произведений у меня не сохранилось никаких воспоминаний. Одни были отклонены по прочтении нескольких строчек, другие — очень немногие — отложены для дальнейшего рассмотрения. Эти последние затем тоже не выдержали критики, и жюри готово уже было заключить, что ни одна из работ не заслуживает назначенной премии, когда взгляд мой упал на небольшую, в четверть листа, тетрадь, до сих пор по случайности не замеченную, быть может, потому, что видом своим она столь мало походила на внушительных размеров манускрипты, с которыми ей предстояло состязаться…

Помню, что, пока я читал про себя первую страницу, г-н Кеннеди и доктор наполнили свои бокалы и закурили сигары. Когда я сказал, что у нас, кажется, появилась наконец надежда присудить премию, они засмеялись так, словно в этом сомневались, и поудобнее устроились в креслах, в то время как я начал читать. Не успел я прочесть и нескольких страниц, как друзья мои заинтересовались не меньше меня. Закончив первый рассказ, я перешел ко второму, затем к третьему и т. д. и не остановился, пока не прочел всю тетрадь, прерываемый лишь восклицаниями моих товарищей: «Превосходно! Великолепно!» — и тому подобными. Все, что они услышали, было отмечено печатью гения. Ни малейшего признака неуверенности в построении фразы, ни одного неудачного оборота, ни единой неверно поставленной запятой, ни избитых сентенций или пространных рассуждений, отнимающих силу у глубокой мысли. Во всем царила редкостная гармония логики и воображения… Анализ запутанных обстоятельств путем искусного сопоставления косвенных свидетельств покорил заседавших в жюри юристов, а поразительное богатство научных познаний автора и классическая красота языка привели в восторг всех троих.

Когда чтение было закончено, мы стали решать, какой из вещей отдать предпочтение, испытав большое затруднение в выборе. Были вновь прочитаны вслух отрывки из различных рассказов, и в итоге жюри остановилось на «Рукописи, найденной в бутылке»…»

Вскоре, 19 октября 1833 года, очередной номер «Сэтэрдей

визитэр» вышел со следующим объявлением, которое, должно быть, принесло По не меньшее облегчение, чем осужденному приказ о помиловании.

«…Среди прозаических произведений было немало обладающих разнообразными и высокими достоинствами, однако исключительная сила и совершенство тех, что были присланы автором „Рассказов Фолио клуба“, не оставили никаких оснований для колебаний. Ввиду этого мы присудили премию рассказу, озаглавленному „Рукопись, найденная в бутылке“. Мы считаем также своим долгом заявить, что автору, заботясь о преумножении собственной известности, равно как и удовольствии читающей публики, следует сделать достоянием последней все вошедшие в сборник произведения. Рассказы эти в высочайшей степени отмечены пылким, живым и поэтическим воображением, богатством языка, неистощимой изобретательностью, разнообразной и удивительной ученостью.

Джон П. Кеннеди, Дж. Б. Лэтроуб, Джеймс Х. Миллер».

В том же номере был напечатан и удостоенный награды рассказ.

В наше время, когда литературных премий стало так много, что их почти перестали замечать, трудно понять значение этой награды. Полученные деньги, разумеется, пришлись весьма кстати, однако не только в этом состояла ее ценность. Впервые По оказался в центре внимания довольно большого числа читателей, ибо сообщение о присуждении ему премии поместили и другие газеты. Покинув тень кулис, он наконец ступил на залитую ярким светом литературную сцену, и с той поры все, что он на ней делал, хотя и не всегда вознаграждалось рукоплесканиями, было озарено этим волшебным сиянием. Кроме того, ему удалось приобрести влиятельных друзей, что в тот момент было, наверное, важнее всего. Одним из самых верных и надежных из них стал Джон П. Кеннеди, эсквайр, — благожелательный и умудренный жизнью человек, известный балтиморский писатель.

В понедельник, после появления в «Визитэре» радостного для По известия, он посетил всех членов жюри, чтобы выразить им свою признательность. Мистер Клауд, владелец и издатель газеты, уже успел побывать у Джона Кеннеди, дав такой отзыв о молодом авторе, что в одно время пробудил и любопытство и симпатию доброго джентльмена. Явившись к нему на следующий день, По встретил весьма любезный прием; манеры и внешность гостя вполне подтвердили интересный рассказ, услышанный Кеннеди накануне. Молодой писатель был приглашен бывать в доме, слывшем в ту пору одним из самых блестящих литературных и светских салонов в Балтиморе. Одним словом, в

смысле, хотя и ограниченном, но совершенно определенном, мистер Кеннеди сделался для По полезным покровителем. Едва ли другой начинающий литератор когда-либо нуждался в таком человеке больше, чем он.

Не забыл По поблагодарить и мистера Лэтроуба и доктора Миллера, с которым также завязал знакомство и позднее переписывался. Дружба с Ламбертом Уилмером, редактором «Визитэра», продолжалась довольно долго. Он и По обсуждали идею вместе основать в Балтиморе литературный журнал. Это был первый из многих подобных планов, с течением времени все больше захватывавших По и в значительной мере поглощавших его мысли и энергию. Всем этим проектам создания «великого американского журнала» всегда недоставало двух необходимых условий — капитала и. постоянства характера в предполагаемом редакторе и владельце.

По внял совету напечатать другие рассказы из «Фолио клуба» и в конце 1833 года отправился в Филадельфию, с тем чтобы убедить старых своих знакомцев, «Кэри энд Ли», издать сборник его рассказов, к которым он позднее добавил несколько новых. В этом деле немалую помощь оказал ему мистер Кеннеди. Кроме того, ему удалось поместить другую новеллу из упомянутой серии, «Видение», в «Гоудис лэйдис бук»; она появилась в январском номере этого журнала за 1834 год.

В начале года до По дошли вести о приближении события, которое не могло не оказать влияния на его дальнейшую судьбу и требовало его присутствия в Ричмонде. Джон Аллан умирал, и в феврале 1834 года По вновь оказался перед знакомыми дверями ричмондского особняка с твердым намерением встретиться и поговорить с опекуном. Должно быть, он хотел смиренно напомнить о своих «правах», поведать об одолевавшей его нужде, возможно, раз и навсегда объясниться, покончить со всеми распрями и, получив прощение, которого можно было ожидать от лежащего на смертном одре человека, вновь вернуться в лоно семьи с надеждой разделить благодеяния родственной любви. Конец был близок, и возможность примирения, пусть даже самая ничтожная, давала По шанс. Пренебречь им он просто не мог. Целый мир воспоминаний, связанных с Джоном Алланом, которого он когда-то считал своим отцом, и важные для его будущего интересы влекли По столь неодолимо, что он попытался силой проникнуть в дом, хотя оказанный ему там в последний раз прием не должен был оставить у него никаких сомнений относительно чувств, которые Алланы питали к своему злосчастному «родственнику».

После его визита прошлой весной слугам были даны

распоряжения, как поступить в случае, если «мастер Эдди» вновь пожелает посетить ричмондский особняк. Однако прозорливость хозяев оказалась тщетной. По ворвался в дом, оттолкнув дворецкого, и проворно взбежал по лестнице, ведущей в большую комнату с окнами на передний двор, в которой, откинувшись на подушки, сидел и читал газету Джон Аллан. Рядом с ним лежала трость. Водянка сделала его совершенно беспомощным. Насмешливо-ироническая улыбка, часто игравшая у него на губах в молодости и придававшая лицу почти приятное выражение, давно угасла. Ставший еще более крючковатым ястребиный нос и кустистые черные брови угрожающе нависли над сообщающей последние новости газетой. Но вдруг его маленькие пронзительные глазки скользнули вверх и узрели в дверях призрак, явившийся из прошлого. Время точно вернулось вспять, и перед ним, как когда-то много лет назад, стоял его юный «приемный сын» и с мольбой глядел на «отца», по обыкновению чувствуя себя в его присутствии скованно и неловко. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, эти два непримиримых духом человека, встретившихся в последний раз. Затем По с довольно жалким видом попытался приблизиться и заговорить со стариком. Но Аллан, точно защищаясь от нападения, схватил прислоненную к креслу трость и стал свирепо ею размахивать, изрыгая поток брани и проклятий. Он кричал, что побьет По, если тот осмелится подойти к нему ближе, и угрожающе приподнялся с кресла, словно умирающая хищная птица — страшная, неукротимая, способная и погибая сразить врага. На его крики прибежала испуганная жена и слуги-рабы, которые с позором вытолкали По за дверь. Вслед ему неслись возмущенные вопли немощного, дрожащего от гнева старика. По возвратился в Балтимор, до глубины души потрясенный и удрученный фактом, что в мире существовал человек, ненавидевший его до последнего вздоха.

Возможно, появление По в Ричмонде ускорило кончину его опекуна. Впрочем, она не застала Джона Аллана врасплох. О том, что предшествующие два года прошли для него в тягостном ожидании этого дня, ясно свидетельствуют даты составления и характер его завещания. В декабре 1833 года он был занят тем, что вместе со своим старым партнером Чарльзом Эллисом приводил в порядок и сворачивал дела фирмы, совладельцами которой они были. Спустя несколько недель Ричмонд посетил По, и с этого момента состояние Аллана начало резко ухудшаться. Спустя еще неделю его не стало. 27 марта около одиннадцати часов утра домашние услышали ужасный крик миссис Аллан, хлопотавшей в это время в комнате больного. Поспешив туда, они

обнаружили Джона Аллана мертвым в его кресле.

Завещание Аллана, где Эдгар По даже не упоминается, было странным и весьма сомнительным с правовой точки зрения документом, бросившим новый свет на ряд неприятных обстоятельств, в течение длительного времени угрожавших благополучию его домочадцев, — обстоятельств, в которых По сыграл столь важную роль. У Джона Аллана оказалось неожиданно многочисленное потомство, о котором он хотел позаботиться. Правда, смысл его намерений был слишком неясен, ибо излагались они в крайне туманных выражениях и с явными нарушениями юридической формы — могло возникнуть вполне оправданное подозрение, что автор завещания больше радел о сохранении своего доброго имени, нежели о благе наследников.

Не приходится сомневаться, что даже слабая надежда на получение наследства не переставала занимать мысли По, когда он жил в Балтиморе. Джон Аллан не был столь черств и непреклонен, чтобы оставаться глухим к просьбам о помощи, и, как мы видели, иногда на них откликался. Смерть его положила всему этому конец, и По мог рассчитывать теперь только на себя самого. Последние узы чувств и интересов, связывавшие его с прошлым, распались.

Свойство душевного склада По было таково, что он не мог не тяготеть к людям, способным преодолевать жизненные трудности, и всегда искал их поддержки. Сам он не обладал такой способностью, подобно очень многим художникам, для которых реальность заключена в их мечтах и фантазиях. Именно поэтому даже в мыслях он не смог до конца порвать с Джоном Алланом. В этом проявлялся не эгоизм, но лишь стремление как-то защитить себя, косвенным образом восполнить недостаток тех качеств характера, которых он был волей случая лишен. Вместе с тем, как это ни странно, он никогда не соглашался признать чью-либо власть над собой как вытекающее из такой зависимости следствие. Здесь-то и происходил неизбежный надлом, отношения тотчас же рушились, и По искал другую, более или менее надежную опору или другую грудь, на которую можно было бы склонить «гордое, но усталое чело». В будущем ситуации этой суждено было повторяться вновь и вновь так же, как и в прошлом: освободившись от Джона Аллана, голодающий По был вынужден прибегнуть к помощи другого покровителя — армии; не найдя в себе сил терпеть ее порядки, он поступил в Вест-Пойнт, где с ним произошло в точности то же самое; избегнув военной карьеры, но безвозвратно утратив расположение Джона Аллана, он обрел пристанище у своей тетки, доброй и любвеобильной миссис Клемм. Они, казалось, были посланы друг другу самим

провидением, и с психологической точки зрения их отношения были действительно благотворны для обоих. Возвратившись в Балтимор, По всем существом своим ощутил, что именно маленький коттедж на Эмити-стрит, а не роскошный ричмондский особняк был его настоящим домом.

И поэтому неудивительно, что и По и миссис Клемм явилась мысль (если они не думали об этом даже раньше) скрепить взаимную привязанность, уже объединявшую обитателей дома на Эмити-стрит, брачным союзом. Вирджиния была еще юной, совсем юной девушкой — ей шел только тринадцатый год, — но она быстро расцветала, превращаясь в женщину, да и замуж в те времена, особенно на Юге, выходили очень рано. Многим матерям семейств часто не было и семнадцати лет. Связи Эдгара с другими девушками, должно быть, тревожили миссис Клемм. Если бы он женился на одной из них, то мог бы покинуть свою тетку или привести жену к ней в дом, где и без того царили скудость и теснота. И конечно же, миссис Клемм искренне любила По. Их связывали родственные узы, и теперь она считала себя его матерью. Женитьба По на Вирджинии наилучшим образом отвечала интересам всего семейства, и сами молодые люди, несомненно, испытывали взаимную склонность. Однако Вирджиния все же была еще слишком молода для официального вступления в брак, и, кроме того, балтиморские родственники миссис Клемм решительно возражали против его немедленного заключения.

Несмотря на новые надежды и некоторую известность, которые принесла Эдгару По полученная им литературная премия, положение его во второй половине 1834 года осложнилось более чем когда-либо. Предложение опубликовать сборник его рассказов, с которым он обратился к издательству «Кари энд Ли» в Филадельфии, оставалось без ответа, найти хоть какую-нибудь подходящую работу по-прежнему не удавалось. Все внимание миссис Клемм было поглощено уходом за старухой бабкой, доживавшей последние дни. Сам По тоже испытывал недомогание, приближаясь к одному из тех периодов полной прострации, причиной которых были истощенные нервы и слабое сердце. Неврастенического склада герой, появляющийся в рассказах, написанных им в Балтиморе, отражает тогдашнее его состояние. «Визитэр» напечатал в начале года стихотворение По «Колизей», однако даже его страницы стали менее гостеприимны с тех пор, как Лэмберт Уилмер вынужден был покинуть пост редактора, оказавшись при этом в крайне бедственных обстоятельствах, и место его занял некий Хьюитт, который сам писал стихи и видел в По опасного соперника. Маленькое

семейство на Эмити-стрит изнемогало от безденежья, и в ноябре 1834 года По, озабоченный и встревоженный отсутствием известий из Филадельфии, пишет письмо своему другу мистеру Кеннеди с просьбой помочь ему добиться аванса от «Кэри анд Ли» в счет будущего гонорара за сборник рассказов.

Кеннеди получил письмо, когда уже садился в экипаж, чтобы ехать в Анаполис, и ответить смог лишь в конце декабря. Он сообщил, что издательство не отказалось от намерения опубликовать составленный По сборник и, приняв во внимание его, Кеннеди, просьбу по мере возможности помочь автору, поместило один из рассказов в местном еженедельнике «Сувенир», заплатившем по одному доллару за страницу. Вырученные таким образом 15 долларов находятся у Кеннеди и могут быть получены По в любое удобное для него время.

Однако дружеское участие, которое стареющий писатель принял в судьбе По, этим не ограничилось. Пятнадцатью долларами миссис Клемм распорядилась с величайшей бережливостью, не истратив попусту ни единого пенни. И все же в марте 1835 года По снова пишет мистеру Кеннеди, прося его употребить свое влияние на попечительский совет публичных школ с тем, чтобы он мог получить место школьного учителя. «… Есть ли у меня надежда?.. Заседание совета, где будет принято решение, назначено на 18-е, а объявление о вакансии только сейчас попалось мне на глаза». В ответ на письмо мистер Кеннеди в тот же день, воскресенье 15 марта 1835 года, послал ему приглашение на обед. Через несколько часов он получил от По следующую записку:

> «Уважаемый Сэр!
>
> Ваше любезное приглашение сегодня на обед больно ранило мои чувства. Я не могу прийти — и по причинам самого унизительного свойства, касающимся моей внешности. Вы можете вообразить, какой глубокий стыд я испытывал, делая Вам это признание, но оно необходимо. Если Вы друг мой настолько, что можете одолжить, мне 20 долларов, я буду у Вас завтра — в противном случае это невозможно, и мне лишь останется покориться судьбе.
>
> Искренне Ваш. Э. А. По
>
> Воскресенье, 15 марта».

Эта коротенькая записка ознаменовала собой поворотный пункт в литературной карьере По. Трудно представить, до какого отчаяния он должен был дойти, чтобы гордость, руководившая всеми его поступками, отступила столь далеко. Мистер Кеннеди

был тронут до глубины души. Письмо полностью открыло ему истинное положение По. Занавески на окнах маленького гордого домика на мгновение раздвинулись, и взору его предстало бедно одетое семейство, сидящее вокруг пустого стола. Человек добрый и отзывчивый, Кеннеди не пожалел усилий, чтобы помочь, — он, конечно же, сделал бы это и раньше, если бы знал, как нужна его поддержка. По снабдили приличной одеждой, он был приглашен к Кеннеди и окружен всяческим вниманием за уставленным яствами столом (кое-что наверняка нашлось и для корзины миссис Клемм). Мистер Кеннеди даже предоставил в его распоряжение свою верховую лошадь «для прогулок». Последнее было для виргинца поистине верхом светской любезности. Оказавшись в седле, Эдгар По вновь почувствовал себя джентльменом.

Но самую большую услугу мистер Кеннеди оказал По тем, что представил молодого автора редактору ричмондского журнала «Сазерн литерери мессенджер», которому тот по совету своего покровителя предложил некоторые из своих рассказов. «Береника» была принята и появилась в мартовском номере «Мессенджера» за 1835 год в сопровождении весьма хвалебного предисловия от редакции. На редактора рассказ произвел большое впечатление, и, воспользовавшись ссылкой По на Кеннеди, он написал последнему, осведомляясь о своем новом корреспонденте. Кеннеди не замедлил ответить:

«Балтимор, 13 апреля 1835 года.

Уважаемый Сэр! По поступил правильно, сославшись на меня. Он искусно владеет пером и пишет в классическом и изысканном стиле. Ему не хватает опыта и руководства, но я не сомневаюсь, что он может быть Вам очень полезен. Человек этот очень беден. Я посоветовал ему писать что-нибудь для каждого номера вашего журнала и сказал, что Вы, возможно, сочтете в своих интересах предоставить ему какую-нибудь постоянную должность… Молодой человек обладает живым воображением и немного экстравагантен. Сейчас он работает над трагедией, но я склонил его заняться чем-нибудь таким, что может принести деньги…»

Намек мистера Кеннеди был понят правильно. «Береника» явилась первой ласточкой, и в течение нескольких следующих месяцев в каждом номере «Мессенджера» печатался какой-нибудь рассказ, критическая статья или рецензия По. Джон Кеннеди не только спас его, но и «сделал» как писателя. По никогда не забывал этого и через много лет с неохладевшим чувством благодарности сказал: «Мистер Кеннеди всегда был мне

истинным другом — первым истинным другом, повстречавшимся на моем пути, — ему я обязан самой жизнью».

Томас Уилкис Уайт, редактор журнала «Сазерн литерери мессенджер», был уроженцем штата Виргиния и принадлежал к многочисленному племени странствующих журналистов, которые в 30-х годах прошлого века сменяли друг друга в шатких редакторских креслах всевозможных журналов, подобно призракам, появлявшимся то тут, то там по всей Америке, чтобы в большинстве своем мирно кануть в небытие, оставив по себе тусклую и недолгую память. Уайт обладал хорошими деловыми способностями и был приятным человеком, хотя и себе на уме. Однако ему недоставало образования, литературных способностей и редакторского кругозора для того, чтобы привести журнал к большому успеху. В 1834 году у «Мессенджера» было всего несколько сотен подписчиков. Очень скоро Уайт понял, что По как раз тот человек, какой нужен журналу. Он по достоинству оценил материалы, которые По присылал на протяжении всей весны 1835 года, и предложил ему постоянное место в своем ежемесячнике. 2 июня По написал Уайту пространное письмо, в котором, коснувшись многих относящихся к журналу предметов, говорит: «…Вы спрашиваете, соглашусь ли я приехать в Ричмонд, если случится так, что этой зимой Вам понадобятся мои услуги. Могу ответить, что сделал бы это с величайшим удовольствием. С некоторых пор я испытываю живейшее желание посетить Ричмонд и был бы рад любому разумному поводу для такого визита…»

Однако переезд в Ричмонд пришлось пока что отложить. Мистер Уайт еще не был готов принять По на службу, а старая миссис По находилась при смерти. Чеки на 5—10 долларов, изредка приходившие из редакции «Мессенджера», помогали кое-как отогнать нужду, во всяком случае, на то время, пока перо повиновалось обитателю маленькой комнатушки на Эмити-стрит… Однажды везший почту пароход был ограблен неким Уильямом Джонсом, в результате чего По понес «небольшой убыток» — он как раз купил и послал Уайту несколько банок особо качественной типографской краски.

Еще 30 мая 1835 года По написал Уайту в Ричмонд, упомянув о серьезной болезни, перенесенной им около этого времени:

«Я уже несколько дней не видел мистера Кеннеди, будучи слишком нездоров, чтобы выходить из дому… Когда я с некоторой поспешностью писал очерк, который послал Вам, я чувствовал себя так дурно, что едва различал лист бумаги, на котором писал, и закончил в состоянии полного изнеможения…»

12 июня он снова пишет Уайту:

«Рад сообщить Вам, что я уже совершенно поправился, хотя доктор Баклер еще три недели назад уверяд, что спасти меня может лишь морское путешествие…»

Видимо, речь шла не о простом недомогании. Доктор Баклер не стал бы рекомендовать стесненному в средствах молодому поэту морское путешествие, не будь у него достаточных оснований для тревоги. Ему казалось, что только оно может спасти пациента. И болезнь эта была лишь повторением нескольких подобных кризисов, пережитых им в предыдущие четыре года. Вспомним, что он неоднократно жаловался на здоровье в письмах к Джону Аллану.

Вскоре в жизни По должна была открыться новая страница, ибо пребывание в Балтиморе подходило к концу. Чем же были заняты в это время обитатели маленького домика с невысокой трубой и одиноким окном в мансарде? Миссис Клемм с утра до вечера хлопотала по дому и ухаживала за умирающей бабкой. Трижды в день мать, дочь и племянник собирались за покрытым белоснежной скатертью и уставленным прекрасной фарфоровой посудой столом. Вирджиния по-детски беззаботно щебетала, изредка обращая на Эдгара наивно-вопрошающий взгляд больших темных глаз. О чем думал тогда сам По — молодой честолюбец, одержимый дерзновенными помыслами? Какие нежные слова шептали они друг другу, оставаясь наедине? Было в этом что-то странное, неправдоподобное, похожее на ставшие явью грезы. Странное и в то же время манящее. Какое-то неведомое чувство исподволь овладевало его душой. «Лигейя» стала реальностью и все больше захватывала его воображение. Но так ли на самом деле? Ведь была еще и Эльмира.

7 июля 1835 года умерла миссис По. Ей было семьдесят восемь лет. В тех обстоятельствах смерть ее могла принести лишь облегчение. Миссис Клемм стала теперь отдавать все внимание Эдгару и Вирджинии. Их осталось трое, и им суждено было прожить так еще немало лет. По мог идти дальше путем, который указывала его звезда.

Под шлепанье пароходных колес Балтимор растаял в утренней дымке. Впереди был Ричмонд, влекший По со всей силой незабвенного прошлого и многообещающего будущего. Мечта его близилась к осуществлению — он возвращался на родину, увенчанный чужеземными лаврами. Были они еще не слишком пышными, но тем не менее заметными и очень ему к лицу.

Миссис Клемм осталась в Бостоне, дожидаясь окончания затянувшейся тяжбы из-за наследства покойного мужа и присматривая за Вирджинией. Была середина лета 1835 года.

Глава шестнадцатая

В облике молодого человека, вновь появившегося в Ричмонде в первые августовские дни 1835 года, вне всяких сомнений, было нечто примечательное: особым образом завязанный черный галстук, тесный двубортный сюртук, застегнутый с точно отмеренной и подчеркнутой небрежностью, гордая осанка и стремительная нервная походка, пронзительный взгляд больших серо-голубых глаз и не покидающая губ капризно-ироническая усмешка — все это останавливало внимание. На улице вслед ему оборачивались и мужчины и женщины, говоря вслух или про себя: «Вот идет Эдгар По». Даже случайная встреча с ним оставляла след в памяти и воображении.

Первые несколько дней он прожил у Макензи. Розали по-прежнему была там — счастливый, не омраченный мыслями о будущем взрослый ребенок. Мистер и миссис Макензи встретили его с обычным радушием, но больше всех обрадовался молодой Джек Макензи — все такой же грубовато-добродушный и веселый, как раньше. Мисс Валентайн (тетушка Нэнси) украдкой пришла от Алланов, чтобы повидать Эдгара и рассказать ему о последних часах опекуна, шепнув несколько слов о завещании. Впрочем, здесь она не могла сообщить ему ничего нового — с упомянутым документом По уже был знаком во всех подробностях. Сама мисс Валентайн, во всяком случае, чувствовала себя вполне обеспеченной с отписанными ей 300 долларами годового дохода и бесплатным столом и стиркой в доме покойного торговца.

С каким, должно быть, странным чувством проходил По мимо большого дома с занавешенными окнами, прислушиваясь к крикам играющего в саду старшего сына Джона Аллана, или отвечал на радостные приветствия встреченных на улице старых слуг, зная наверняка, что во всем этом ему уже нет и никогда больше не будет места. С таким же чувством он заглядывал, оказываясь поблизости, в лавку «Эллиса и Аллана». Знакомый полумрак, и даже запахи все те же. В конторе стол Джона Аллана на прежнем месте, как и шкатулка с письмами. Нет лишь самого Аллана — ему уже не вернуться.

Прошлое, однако, забыто не было. Память о нем хранили письма в старой шкатулке и сердца тех, кто оставался в доме на Мэйн-стрит. Приезд По очень встревожил вдову Аллана, хотя она и не подала виду, что знает о нем. У нее и так уже было немало неприятностей в связи с завещанием, а По, явись у него такое желание, мог очень многое рассказать. Поэтому нужно быть как можно осторожнее, а самое главное, избегать новых скандалов. И

тяжелые двери особняка Алланов больше ни разу не отворились перед По — бесшумно и таинственно закрылись для него и некоторые другие ричмондские двери. Sub rosa[13] в известных кругах местного общества поползли какие-то слухи. Со временем это сыграло свою роль, особенно когда выросли дети Аллана.

И все же в большинстве своем старые друзья остались ему верны — Джек Макензи, Боб Кейбелл, Гэльты, не говоря уж о Робе Стенарде. По был принят во многих домах, хозяева которых в суждении о нем больше полагались на свои собственные впечатления. Многие знали достаточно, чтобы относиться к разговорам о несправедливости По к Джону Аллану с должной долей недоверия. Что до рассказов о его пристрастии к картам в университетскую пору, то об этом слышали и раньше, да и сам грех был не из тех, за которые изгоняют из танцзалов. Даже на незаплаченные мелкие долги можно было посмотреть сквозь пальцы, когда речь шла о том, чтобы простить очаровательного молодого человека, вот-вот добьющегося славы и к тому же умеющего так оживить светскую беседу. На первых порах возвращение По в Ричмонд весьма походило на триумф. Кое-кто исподтишка посмеивался над некой недавно овдовевшей гордой дамой, родом не из Виргинии, которая жила на столь широкую ногу. И потому приемного сына Фрэнсис Аллан не обходили вниманием. После Балтимора, где уделом его была нищета, он жил точно в прекрасном сне. В каждом доме он находил вино, музыку, прелестных женщин и весьма почтительное отношение к «изящной словесности». И временами все это кружило ему голову.

Немного погостив у Макензи, По поселился в пансионе миссис Пуэр на Бэнкстрит, одном из тех претенциозно-приличных заведений, каких было особенно много на тогдашнем Юге.

Редакция журнала «Сазерн литерери мессенджер» находилась на углу Главной и Пятнадцатой улиц, в солидном трехэтажном кирпичном здании под шиферной крышей, с крутыми скатами и короткой дымовой трубой. «Мессенджер» занимал весь второй этаж, а на первом помещалась сапожная мастерская некоего Арчера. По поднимался в свое святилище по наружной лестнице с Пятнадцатой улицы. Место оказалось удивительно знакомым, ибо как раз в соседнем доме (сюда даже доносились крики переговаривающихся через стены приказчиков) располагались лавка и склады «Эллиса и Аллана». Сколько раз По ходил этой дорогой на службу, когда был в приказчиках у своего опекуна! Он помнил даже небольшой подъем кирпичной мостовой на Пятнадцатой улице, начинавшийся сразу от угла. Те дни все еще столь живо стояли перед глазами, что даже теперь он вздрагивал, заслышав стук трости и звук тяжелых шагов снаружи.

В той же комнате, где По, сидел и сам главный редактор, мистер Уайт, — коренастый джентльмен средних лет с добродушным румяным лицом. Сюда то и дело заглядывали посетители — местные литературные знаменитости, печатавшиеся на страницах журнала, — чтобы поболтать или попросить о какой-нибудь услуге. Из передней комнаты слышался шотландский говор метранпажей Уильяма Макфарленда и Джона Фергюссона, укладывающих матрицы на круглые черные пластины прессов или колдующих над квадратными ячейками наборной кассы. На вбитых в стену ржавых крюках висели гранки. Ежедневная почта была очень обильна и большей частью сваливалась в кучу на стол По. Книг на рецензию присылали много, и молодому редактору приходилось работать не покладая рук.

Как правило, По сидел в редакции один, так как мистер Уайт, уверившись в литературных талантах своего помощника, проводил почти все время, разъезжая по штату в поисках желающих подписаться на его журнал. К приходу По подписчиков было всего 700 человек. Благодаря совместным усилиям молодого одаренного писателя и искушенного в журнальном деле Уайта число их стало стремительно расти. Предаваться мечтам было некогда. В небольшом помещении редакции, освещенном тусклым светом, просачивающимся сквозь запыленные стекла, постоянно кто-нибудь сидел, стоял или расхаживал взад-вперед, разглагольствуя на самые разнообразные темы и прерываясь лишь для того, чтобы сплюнуть на пол табачную слюну. Гора книг, ждущих рецензии, не уменьшалась; Макфарленд кричал, чтобы поскорее несли материал в набор; воздух был пропитан запахом горящей в лампах ворвани и типографской краски. Несколько дней в месяц По допоздна просиживал на службе, надписывая адреса подписчиков на конвертах с экземплярами очередного номера журнала. Вечером, усталый, он возвращался в пансион миссис Пуэр, чтобы поужинать.

Исподволь к нему уже подбиралась тоска. Если бы только миссис Клемм и Вирджиния могли приехать жить к нему! Может быть, позже? Ведь пока что ему платили всего 10 долларов в неделю.

Вскоре из Балтимора пришли известия, превратившие уныние в отчаяние. Воспользовавшись его отсутствием, брат миссис Клемм, Нельсон По, пытался расстроить его помолвку с Вирджинией и забрать юную племянницу в свою семью. Казалось, что надеждам По обрести домашний очаг суждено рассыпаться в прах или же отдалиться, обрекая его на нестерпимо долгое ожидание. Особое отвращение у По вызвала необходимость

ежедневно встречаться за общим столом с другими постояльцами пансиона. Общество этих людей, случайно оказавшихся вместе и стремившихся в одно и то же время насытить и желудок, и любопытство, было невыносимо. Хозяйка представила его как «нашего поэта», и это его погубило. Поэт! Что и говорить, редкая диковинка для его сотрапезников. Скрыться нельзя — ведь всякий, кто ищет уединения, подозрителен. И он вынужден был слушать бессмысленную болтовню и невежественный вздор, чувствуя, что начинает сходить с ума. За что боги наслали на него проклятие великих мечтаний и любви к прекрасному, усадив за один стол с глупцами и чревоугодниками, которые давятся, услышав сколько-нибудь глубокое замечание, и недоуменно глядят на того, кто его сделал? Поистине божественная шутка. Это страшнее, чем солдатская кухня, ибо бежать ему больше некуда. И он все сильнее тосковал по домашним стенам, которые могли бы дать ему убежище. Подавленный и удрученный, он снова ищет поддержки у Джона Кеннеди:

> «Ричмонд, 11 сентября 1835 года.
>
> Уважаемый Сэр!
>
> Я получил вчера письмо от доктора Миллера, в котором он сообщает, что Вы уже возвратились в Балтимор. Спешу поэтому написать Вам, чтобы выразить в письме то, что всегда находил невозможным сказать словами, — глубокую благодарность за деятельную помощь, которую Вы мне неоднократно оказывали, и Вашу доброту. Ваше влияние побудило мистера Уайта предоставить мне место в редакции журнала в качестве его помощника с жалованьем 520 долларов в год. Мое новое положение вполне меня устраивает, и по многим причинам — но, увы, теперь ничто, кажется, не может принести мне ни радости, ни даже самого малого удовлетворения. Прошу извинить меня, уважаемый сэр, если письмо это покажется Вам слишком бессвязным. Чувства мои сейчас поистине достойны жалости. Я переживаю такой глубокий упадок духа, какого никогда не знал раньше. Мои усилия побороть одолевающую меня меланхолию тщетны. Вы поверите мне, если я скажу, что по-прежнему чувствую себя несчастным, несмотря на значительное улучшение обстоятельств моей жизни. Я говорю, что Вы мне поверите, по той простой причине, что человек, пишущий ради эффекта, не станет писать так, как я. Сердце мое открыто перед Вами — читайте в нем, если оно заслуживает быть

прочтенным. Я страдаю — и не знаю почему. Утешьте меня, ибо Вы можете. Но поторопитесь, иначе будет поздно. Ответьте мне немедля. Уверьте меня в том, что жить стоит, что жить нужно, и Вы докажете мне свою дружбу. Убедите меня поступать благоразумно. Я не хочу сказать — я не хочу, чтобы Вы сочли все, что я пишу Вам сейчас, шуткой. Ибо я чувствую, что слова мои бессвязны — но я превозмогу свой недуг. Вы не можете не видеть, что я испытываю упадок духа, который погубит меня, если продлится долго. Напишите же мне, и поскорее. Вразумите меня. Ваши слова будут иметь для меня больший вес, чем чьи-либо еще, ибо Вы были мне другом, когда никто другой не был. Ответьте непременно, если Вам дорог Ваш будущий душевный покой.

Э. А. По».

Это страшное письмо было написано в приступе раскаяния, последовавшего за периодом, на протяжении которого По много пил, пытаясь забыться, и который привел его к полному физическому и умственному истощению. Стремясь унять душевную боль, он предал себя другим мукам. Порочный круг замкнулся. Желанный ангел забвения обернулся демоном, от которого не было спасения. Мысль эта сводила с ума. Неужели армейская кабала, голод, разрыв с Алланом, честолюбивые мечты — неужели все было напрасно? Когда-то у него похитили Эльмиру, а теперь хотят отнять и Вирджинию, и вместе с ней миссис Клемм, на чью мужественную поддержку он опирался. К Джону Кеннеди тянулась, ища помощи, рука утопающего, над которым на мгновение уже сомкнулись темные воды. В постскриптуме, почти таком же длинном, как само письмо, По говорит о судьбе своего сборника рассказов, находящегося у «Кэри энд Ли», и порицает некоего собрата по перу, укравшего (!) несколько оригинальных мыслей из его «Ганса Пфааля». С годами личность его словно раздвоилась, и теперь в нем независимо друг от друга жили По-человек и По-писатель.

Через несколько дней мистер Кеннеди ответил:

«Балтимор, 19 сентября 1835 года.

Мой дорогой По!

Мне жаль видеть Вас в столь плачевном состоянии, о каком свидетельствует Ваше письмо. Странно, что как раз в то время, когда все Вас хвалят и когда, после стольких несчастий и лишений, фортуна начала Вам улыбаться, Вы становитесь жертвой злых духов хандры и

печали. Впрочем, людям вашего возраста и характера свойственны подобные метания. Но будьте покойны — чтобы навеки одолеть противника, нужно лишь немного решимости. Вставайте пораньше, живите полно и свободно, знакомьтесь с людьми веселого нрава, и я не сомневаюсь, что Вы скоро сможете послать к дьяволу все Ваши тревоги. Отныне Вы, без сомнения, будете преуспевать на литературном поприще и умножите не только свои жизненные блага, но и писательскую известность, которая, и мне доставляет большое удовольствие Вам это сообщить, повсеместно растет. Не могли бы Вы, скажем, написать несколько забавных пьесок на манер французских водевилей? Если да (а я полагаю, Вам это не составит труда), то ими можно было бы превосходно распорядиться, продав ньюйоркским антрепренерам. Мне хотелось бы, чтобы Вы подумали над этой идеей…»

И впрямь, отличная идея — несколько легких фарсов, чтобы отвлечь его мысли от той неведомой, населенной жуткими призраками страны, в которой они слишком часто блуждали, и к тому же первое упоминание Нью-Йорка. Мистер Кеннеди и сам не догадывался, каким был хорошим советчиком. Однако «противник» был не так прост, как он воображал. Сила его была загадочна, и в первой же схватке он уже одержал верх. Маловероятно, чтобы письмо Кеннеди застало По в Ричмонде. Он расстался с мистером Уайтом и возвратился в Балтимор. Отношения между миссис Клемм и семьей ее брата до предела осложнились из-за Вирджинии. Оттягивать решающий шаг больше было нельзя, и 22 сентября 1835 года По тайно обвенчался со своей юной двоюродной сестрой в епископальной церкви св. Павла. Единственным свидетелем была миссис Клемм, и священник — уступив, видимо, настойчивым просьбам самого По, который очень хотел сохранить все в секрете от балтиморских родственников, — даже не сделал никакой записи в приходской книге. Достоверность события подтверждают лишь отметка в муниципальном регистре и слово самой миссис Клемм. Впрочем, сомневаться в том, что тайное обручение действительно состоялось, не приходится.

Вирджиния была одновременно испугана состоянием, в котором находился Эдгар, и взволнована мыслью о предстоящем бракосочетании, чувствуя, что в этом событии ей впервые в жизни отведена необходимая и действительно важная роль и что оно сразу же сделает ее такой же взрослой и уважаемой женщиной,

как другие замужние дамы. Каково же было ее разочарование, когда она обнаружила, что свидетелем всему будет только ее мать. Свойственные таким церемониям и столь дорогие женскому сердцу красота и торжественность совершенно отсутствовали. У невесты даже не было фаты. Но обиднее всего, что и потом ей запретили рассказывать о происшедшем. Тем временем к Эдгару По вернулось спокойствие. Теперь у него был дом. Обрел ли он вместе с ним и жену в полном смысле слова, судить трудно. Высказывавшиеся на этот счет сомнения, наверное, уже никогда не будут разрешены.

Через несколько дней после более чем скромной брачной церемонии По написал мистеру Уайту, прося взять его обратно в «Мессенджер» и обещая вести себя самым примерным образом. Мистер Уайт ответил письмом, из которого ясно, что он был для По добрым и умным другом, чьим терпением тот неоднократно злоупотреблял.

«Ричмонд, 29 сентября 1835 года.

Дорогой Эдгар!

Если бы только в моих силах было излить тебе все, что я чувствую, языком, каковым я желал бы владеть для подобного случая! Этого мне не дано, и потому удовольствуюсь тем, что скажу все попросту, как умею.

В искренности всех твоих обещаний я вполне уверен. Но есть у меня опасение, Эдгар, что, ступив на эти улицы снова, ты забудешь о своих зароках и опять станешь пить хмельное — и так до тех пор, пока оно совсем не отнимет у тебя рассудок. Положись на собственные силы и пропадешь! Уповай на помощь создателя и спасешься…

У тебя блестящие таланты, Эдгар, и тебе надобно добиться, чтоб и их, и тебя самого уважали. Научись уважать себя сам, и очень скоро увидишь, что тебя уважают и другие. Распрощайся с бутылкой и с собутыльниками — навсегда!

Скажи мне, что ты можешь и хочешь это сделать, дай мне знать, что твердо решил никогда больше не уступать соблазну.

На тот случай, если ты снова приедешь в Ричмонд и снова станешь моим помощником, между нами должно быть ясно оговорено, что я буду считать себя свободным от всяких обязательств с той минуты, когда увижу тебя пьяным.

Тот, кто пьет до завтрака, идет по опасному пути.

Тот, кто может так поступать, не сделает дела, как должно…

Твой верный друг Т. У. Уайт».

Глядя на опустевшее кресло в своей ричмондской конторе, этот добряк, должно быть, с большим сожалением вспоминал о талантливом и порывистом молодом человеке, который еще недавно его занимал. Об истинных причинах пристрастия По к хмельному мистер Уайт догадываться не мог. Но теплота, которой проникнуты строки письма, говорит о том, что продиктовано оно было чувствами более глубокими, нежели простое желание вернуть ценного для журнала человека. По дал обещание, которое от него требовалось, и через несколько дней возвратился в Ричмонд. Миссис Клемм вскоре поспешила за ним, зная, что помощь ее крайне необходима.

По поселился вместе с молодой женой и тещей в пансионе миссис Йаррингтон, выходящем окнами на Кэпитол-сквер и расположенном на той же улице, что и заведение миссис Пуэр. Это был двухэтажный кирпичный дом с большими зелеными ставнями, часто встречавшимися в Ричмонде. По занимал просторную комнату на втором этаже, прямо над гостиной. Об их семейном укладе точно ничего не известно. Все, что касалось брака По и Вирджинии, держали в строгом секрете. Друзьям По лишь сообщил, что его тетка и юная двоюродная сестра, находящиеся у него на иждивении, переехали жить к нему. На тех, кто видел Вирджинию в ту пору, она не производила впечатления взрослой женщины. Поведением своим она скорее походила на веселую девочку, что, собственно, и неудивительно, если учесть, что ей было всего тринадцать лет. Для своего возраста она была довольно мала ростом, «пухленькая», хорошенькая, но не особенно, ласкового и тихого нрава и по-детски простодушная.

Розали, или, как ее чаще называли, «Розе По», исполнилось уже двадцать пять лет, но по умственному развитию она казалась сверстницей Вирджинии. Сестра несколько докучала Эдгару, ибо имела привычку повсюду следовать за ним с терпеливым и кротким обожанием, чем временами приводила молодого человека в смущение. Ее по-прежнему привлекали детские забавы, и вместе с Вирджинией они, точно две маленькие девочки, любили играть в саду у Макензи — взвизгивая от удовольствия, катались на качелях или прыгали через веревочку. Один из эпизодов отроческой идиллии, какой были первые годы супружеской жизни По, сохранили для нас воспоминания миссис Макензи. Она рассказывает, что однажды вечером По заехал к

ним, чтобы забрать и отвезти домой Вирджинию, которая встретила его с таким «безудержным восторгом», что воспитанная в викторианском духе миссис Макензи была шокирована.

Печальная правда заключалась в том, что Вирджиния, вероятно, слишком во многом походила на Розали. Она тоже преждевременно остановилась в своем развитии. Когда ей было уже больше двадцати, многие из тех, кто ее знал, отмечали, что выглядела она лет на пятнадцать. Ум ее развивался более нормально, чем у двоюродной сестры, однако полной физической зрелости она так и не достигла. В случае с Розали все обстояло наоборот.

Уже в ту пору детскую миловидность Вирджинии портил мучнисто-белый цвет лица, приобретший позднее восковой оттенок. Деталь эта сама по себе могла бы показаться неважной, если бы не тот факт, что несколькими годами позже она заболела туберкулезом, от которого впоследствии умерла. Вирджиния выросла в том же доме, где от этой болезни умер Генри По — должно быть, в роду По существовала наследственная предрасположенность к чахотке, и скудный образ жизни, который вела семья миссис Клемм, во многом ей способствовал. Внешность жены-ребенка, свойственные ей болезненность и некоторые странные, неуловимо-тонкие черты духовного облика были воплощены Эдгаром По в героинях его произведений. Вирджиния стала «Лигейей», «Эулалией», «Элеонорой», сестрой заглавного героя в «Падении дома Ашеров», быть может, даже «Аннабель Ли» или, например, «Береникой»:

«Береника была мне двоюродной сестрой, и мы росли вместе в имении моего отца. Но как мало походили мы друг на друга! Я — слабый здоровьем, всегда погруженный в мрачные думы. Она — проворная и грациозная, переполняемая жизненными силами… О, эта великолепная и такая фантастическая красота! О, прелестная сильфида аргейлмских кущ!.. Но потом — потом все окутал таинственный и ужасный мрак, и лучше бы вовек не рассказывать этой повести. Недуг, роковой недуг, точно знойный вихрь пустыни, пронизал все ее естество; прямо на моих глазах в уме ее, привычках и нраве происходили глубочайшие перемены, и действие их было столь утонченным и страшным, что нарушало самую гармонию ее души…»

Таковы они были все — каждый раз чем-то несхожие с Вирджинией и тем не менее всегда ее повторяющие. Угасающие, бледные, словно покойницы, женщины, которые обычно состоят в родстве со своими возлюбленными, подстерегаемые призраком кровосмешения, таящимся во тьме фамильной усыпальницы. То была страница из жизни самого По.

В Ричмонде По начал в свободные часы учить Вирджинию французскому и игре на арфе. Она пела нежным, тоненьким, как у девочки, голосом, с модными тогда руладами, напоминавшими птичьи трели. Миссис Клемм по-прежнему занималась хозяйством. Ее пошатнувшееся в Балтиморе здоровье улучшилось благодаря достатку, от которого она уже давно отвыкла, и сравнительно спокойному существованию. Корзина на несколько месяцев была забыта — кроме всего прочего, миссис Клемм очень хорошо понимала и тогда, и позднее, как много значит для карьеры Эдгара респектабельность его семейства.

Что до самого По, то в будние дни он бывал очень занят, с головой уйдя в свою новую работу. Молодой редактор «Мессенджера» постепенно завоевывал если и не громкую славу, то, во всяком случае, весьма видное место в современной американской журналистике и литературе. На протяжении 1835 года он опубликовал в журнале Уайта тридцать семь рецензий на книги американских и зарубежных авторов, девять рассказов, четыре стихотворения и несколько отрывков из драмы «Полициан». Помимо этого, он писал многочисленные критические статьи и заметки, редактировал печатавшиеся в журнале материалы и вел оживленную переписку.

В работе его уже тогда ясно определились два главных направления, по которым она продолжалась и в дальнейшем — художественное и критическое. Поскольку редакторские обязанности оставляли ему очень мало досуга, его творческий гений на время отступил в тень. Большинство опубликованных им рассказов и стихотворений были извлечены из богатых запасов, созданных в балтиморский период или еще раньше. В 1835 году им были написаны лишь одна или две небольшие новеллы, что касается остальных, то они были взяты из более раннего сборника «Рассказы Фолио клуба». Основную же часть новых произведений составляли критические работы. Именно на страницах «Мессенджера» По впервые стяжал славу храбрейшего из гладиаторов на американской литературной арене того времени. До сих пор американские критики сходились в своих «потешных» схватках, вооруженные деревянными или, во всяком случае, изрядно притупленными мечами. И вот среди них явился По, чей сверкающий клинок разил глубоко и беспощадно. Он вызывал страх, ненависть и восхищение.

Почти все произведения изящной словесности, на которые По писал рецензии в 1835—1836 годах, мир счел за благо забыть, чем и обрек на столь же безнадежное забвение труды их единственного талантливого критика. Это, впрочем, нисколько не умаляет их важности для своего времени. Книги, газетные и

журнальные публикации, речи, стихи, которые По довелось прочесть в 30-е годы, помогли ему основательно изучить литературу того периода и приобрести необходимый профессиональному критику опыт. Исключая лишь Карлейля, время подтвердило его суждения.

Критический дар По коренился в сложнейшем сочетании свойств его личности и мировоззрения. Питая подлинное уважение к настоящей литературе, он был наделен, точно шестым чувством, способностью во многих случаях предвидеть участь литературных творений в борьбе с разрушительным временем. Ранее и постоянно продолжавшееся знакомство с европейскими периодическими изданиями придало истинную широту его взглядам. Образцом ему служили выдающиеся критики, писавшие для английских журналов, в особенности Маколей. Высокие художественные идеалы и приверженность к материалистической философия воспитали в нем отвращение к ханжеству; проведенная в среде провинциальной аристократии юность научила ненавидеть снобов — даже если они родом из Новой Англии. Литература была его главной, всепоглощающей страстью, и потому он не выносил дилетантов. Ему было нестерпимо сознавать, что литературная премия, при всей эфемерности такой награды, та премия, ради которой он голодал и работал как одержимый, может достаться бездарности, только и умеющей, что ловко раздувать в глазах публики свои жалкие успехи. Безвкусный сентиментализм, хотя и сам По не избежал его влияния, был главным фальшивым кумиром, который он стремился низвергнуть. Великий лирик и в прозе, и в поэзии, он не терпел поддельных чувств и безошибочно их распознавал. Ко всему этому примешивалась склонность к педантизму, становившаяся все более явной по мере того, как его колеблющаяся вера в здравость собственного ума требовала себе новых и новых тайных подтверждений. И наконец, над всем и вся гордо царило его «я», ощущавшее себя вознесенным тем выше, чем глубже он унижал других. Этого человека обуревала почти безумная жажда славы — несовершенство, мало свойственное благородным умам.

Таковы были начала, союз которых породил По-критика. Вскоре в ответ на его бичующие статьи мистер Уайт начал получать протесты. Время от времени он и другие пытались увещевать По. Журналу грозило привлечение к суду за клевету, у него могли появиться враги — да, собственно, уже появились. На нового критика обратили внимание даже в Нью-Йорке. Но число подписчиков стремительно выросло с трехзначной до внушительной четырехзначной цифры. Почтенные коллеги по

ремеслу наблюдали и перепечатывали, и круг читателей становился все шире и шире. Жалованье По, если не выросло так же резко, как популярность «Мессенджера», все же дошло постепенно до 15 долларов в неделю, помимо гонораров. Пока Вирджиния и Розали резвились во дворе у Макензи, перо молодого редактора вновь и вновь опускалось в смесь чернил и желчи, и написанные им строки производили действие быстрое и заметное.

Дела По пошли лучше, и в январе 1836 года он пишет Джону Кеннеди:

> «Уважаемый Сэр!
>
> Хотя я до сих пор не сообщил Вам о получении письма, присланного Вами несколько месяцев назад, содержащиеся в нем советы оказали на меня весьма большое влияние. С того дня я сражался с врагом мужественно и теперь, поверьте, доволен и счастлив во всех отношениях. Знаю, что Вы будете рады это слышать. Чувствую я себя лучше, чем когда-либо за последние несколько лет, ум мой всецело поглощен работой, денежные затруднения миновали без следа. У меня неплохие виды на успех — одним словом, все идет хорошо. Я никогда не забуду, кому в значительной мере обязан теперешним своим благополучием. Без Вашей своевременной помощи я рухнул бы под тяжестью испытаний. Мистер Уайт очень добр и, помимо моего жалованья в 520 долларов, щедро платит мне за дополнительную работу, так что зарабатываю я около 800 долларов год. Кроме того, я получаю от издателей все новые публикации. В следующем году, то есть когда начну работу над вторым годовым томом журнала, жалованье мое должно быть повышено до 1000 долларов. Мои ричмондские друзья встретили меня с распростертыми объятиями, и известность моя растет — особенно на Юге. Сравните все это с совершенно плачевными обстоятельствами, в которых Вы нашли меня, и Вы поймете, сколь веские у меня причины быть благодарным Господу Богу и Вам…
>
> Весьма искренне Ваш
>
> Эдгар. А. По».

Рукопись «Рассказов Фолио клуба» по-прежнему находилась у «Кэри энд Ли» в Филадельфии и до сих пор не была напечатана. В феврале она была возвращена По, за исключением одного рассказа. Большинство оставшихся появилось позднее в

«Мессенджере».

Теперь По написал в Нью-Йорк своему знакомому Дж. Полдингу, попросив его предложить сборник издательству «Харперс», что тот и сделал. Однако книгу отклонили, и в марте 1836 года Полдинг сообщает По:

«…Я сожалею о решении издательства, хотя и не возражал против него, ибо не хочу толкать их на предприятие, которое могло бы повлечь за собой убыток, и потому отнесся ко всему так, как отнесся бы, коснись дело меня самого…»

В другом письме к По, написанном две недели спустя, Полдинг подал ему интересную идею: «Полагаю, что Вам стоило бы попытаться, если позволяет время, написать повесть с продолжением…» Это подсказало По замысел «Повести о приключениях Артура Гордона Пима», которая вскоре начала печататься в «Мессенджере» и является единственным заметным художественным произведением, созданным По в Ричмонде.

Через некоторое время По снова венчался с Вирджинией. На этот раз церемония была публичной и состоялась в пансионе миссис Йаррингтон 16 мая 1836 года. Причины, побудившие По устроить повторное бракосочетание, сложны, но отнюдь не загадочны. Как мы видели, в сентябре 1835 года обряд был совершен тайно — главным образом потому, что родственники миссис Клемм противились замужеству Вирджинии. С тех пор все те же родственники постоянно помогали миссис Клемм деньгами, ибо в их глазах Эдгар по-прежнему оставался лишь ее племянником, великодушно согласившимся взять на себя заботы о благополучии тетки и двоюродной сестры. Разумеется, они и не подумали бы тратить деньги на вспоможение молодому человеку, имеющему собственный постоянный доход и живущему в браке с двоюродной сестрой, которая казалась им слишком молодой для замужества. Теперь уже никак нельзя было открыть этот секрет — ведь тогда родственники поняли бы, что их просто-напросто одурачили. Неизбежные при таком обороте дела семейные осложнения пришлись бы совсем некстати. Поэтому самым удобным решением проблемы было просто обвенчаться вновь. Уехав из Балтимора, они уже могли не опасаться вмешательства брата миссис Клемм, Нельсона По, и теперь на стороне Эдгара был еще тот довод, что он уже фактически сделался кормильцем тетки и двоюродной сестры. Кроме того, если бы По объявил в Ричмонде, что женился на тринадцатилетней девочке, это могло поставить его в крайне неловкое положение, да и само такое утверждение встретили бы с недоверием. Совсем не исключено также, что По и Вирджиния до сих пор не жили, как муж с женой — между Эдгаром и миссис Клемм, возможно, было условлено,

что он должен подождать, пока Вирджиния не достигнет зрелости. И Вирджиния, и миссис Клемм, без сомнения, хотели, чтобы были соблюдены необходимые приличия и устроено подобающее случаю торжество, пусть даже самое скромное. Предыдущая церемония, когда не было ни обручальных колец, ни свадебного пирога, ни гостей, показалась всем троим какой-то ненастоящей. Теперь, когда По неожиданно сделался «обеспеченным» человеком, стало возможно бракосочетание по всем правилам. Вторичная женитьба По разрешила все упомянутые затруднения и позволила ему избежать бесконечных и неприятных объяснений. Однако необычная молодость невесты могла и сейчас смутить многих и потому тщательно скрывалась.

Из брачного обязательства, подписанного в суде города Ричмонда 16 мая 1836 года, явствует, что в присутствии Чарльза Ховарда, секретаря суда, и Томаса Клиленда, свидетеля, было под присягой подтверждено, что «Вирджиния Э. Клемм достигла возраста полных двадцати и одного года». На самом деле ей еще не исполнилось тогда и четырнадцати. Несоответствие поистине разительное. Клиленд, который был другом По и квартировал в одном с ним пансионе, слыл набожным просвитерианином и вряд ли стал бы клясться в том, чему не верил. Несмотря на чрезвычайно юный вид Вирджинии, По, миссис Клемм и, возможно, даже сама невеста убедили его в том, что она гораздо старше, чем кажется.

Медовый месяц чета По провела в доме Хайрэма Хейнса, редактора питерсбергской газеты «Констеллэйшн» — издания демократического толка, весьма этим гордившегося. Они также бывали у Эдвина Спархока, другого знакомого из числа местных журналистов, и у доктора Робинсона, который, поговорив с По на приеме, отметил, что тот блестящий собеседник. По, хоть ему там и понравилось, наверняка не преминул заметить, что остальные гости изъяснялись с несколько провинциальной незатейливостью. Ему уже не терпелось поскорее оказаться в более изысканном обществе, где можно было вволю порассуждать об иных материях. В конце мая молодой редактор и его юная жена возвратились в Ричмонд.

Эдгара теперь трудно было застать дома. «Изящный, с темными вьющимися волосами, одетый на байроновский манер — поэт всем своим обликом», он с большей охотой проводил время в доме мистера Уайта, слушая, как его дочь Элиза читает из Шекспира, или отправлялся в редакцию — ему нравилась ни на миг не утихавшая там суматоха, занятная болтовня коллег-журналистов, доставляла немалое удовольствие переписка с Дж. К. Адамсом и миссис Сигурни; вечерами он навещал своих старых

друзей Салли или сидел с приятелями в «Корт Хаус тэверн». Словом, было немало мест, которые его привлекали, и где бы он ни появлялся, ему всегда предлагали вина. Иногда он принимал угощения и после этого всякий раз возвращался домой больным и несколько дней не вставал с постели. «Бедный Эдди сегодня так нездоров, что не смог пойти на службу» — таково было обычное объяснение миссис Клемм. Она так любила его, что в конце концов сама поверила в эту версию, хотя и знала, как она далека от истины.

На протяжении всего года По продолжал энергичную деятельность на литературно-критическом поприще. В «Мессенджере» было опубликовано около восьмидесяти рецензий и критических обзоров, помимо шести стихотворений, четырех очерков и трех новелл. Кроме того, он вел оживленную переписку как редактор журнала и работал над «Повестью о приключениях Артура Гордона Пима», которую после публикации в «Мессенджере» намеревался предложить нью-йоркскому издательству «Харперс». Его рецензии охватывали все области современной литературы — от «Воспоминаний» Кольриджа до «Писем молодым дамам» миссис Сигурни. Интерес По к поэтической критике оказал заметное влияние на его собственное творчество. Его стихотворения стали совершеннее по форме и могли уже не страшиться испытания временем. Рассказы «Метценгерштейн», «Человек-жираф» и некоторые другие он написал несколько раньше, однако все очерки были новыми. Наиболее примечательным среди них был «Шахматный автомат Мельцеля», где По сделал попытку раскрыть принцип действия механического шахматиста, который путешествовал по американским городам вместе со своим создателем, неизменно выигрывая партии с живыми противниками. Возможно, интерес По к этой диковине был вызван статьей, появившейся незадолго до того в балтиморском журнале «Норт Американ», с которым сотрудничал в 1827 году его брат Генри. Многих людей искусство автомата скорее озадачивало, чем забавляло, и объяснение, предложенное Эдгаром По, хотя и не во всем правильное, произвело настоящую маленькую сенсацию. Очерк явился первым произведением, где По выступил в роли непогрешимого логика и проницательного аналитика, предвосхитив метод, к которому прибег позднее в своих детективных рассказах, таких, как «Убийство на улице Морг», — метод, увековеченный в триумфе Шерлока Холмса.

Другие его публикации под общим названием «Пинакидиа» представляли собой избранные места из записной книжки писателя, которые проливают интересный свет на литературные и

журналистские заимствования По, делавшиеся почти всегда из второстепенных источников. Все эти заметки — надо полагать, по недосмотру наборщиков — были опубликованы как «оригинальные произведения», хотя таковыми отнюдь не являлись.

Подобно многим другим литераторам и выдающимся личностям своего времени, По имел обыкновение делать заметки о прочитанном, и в них часто попадали извлечения из бесчисленных книг, журналов и газет, с которыми он знакомился по роду своих редакторских обязанностей. Он также никогда не упускал случая порыться в пыльных фолиантах публичных и частных библиотек, проникая подчас в самые потаенные их закоулки. Эти золотые крупицы, отсеянные от песка и грязи, были сами по себе не так уж ценны, однако служили По неисчерпаемым источником редкостных и любопытных сведений, удивительных научных познаний и цитат, способных на время усыпить или, напротив, взбудоражить даже самые искушенные умы. А какой это был полемический арсенал, какое грозное оружие в его битве с плагиаторами — настоящими и мнимыми! Обвинения, которые он им бросал, подтверждались не всегда, хотя и достаточно часто, но звучали они каждый раз очень правдоподобно. В обширном мелководье тогдашней американской словесности эрудиция молодого ричмондского критика поражала почти невероятной глубиной.

Но было в этом увлечении и нечто большее. Привычка делать вырезки из газет и заметки о прочитанном помогала накопить интересный и оригинальный материал. Из забытой всеми старинной книги или малопримечательной провинциальной газетки По черпал сведения о реальных событиях, любопытные факты, описания далеких стран и краев; все это он запоминал и, когда наставало время, легко извлекал нужный ему факт из своего маленького архива. Подобные заимствования он использовал в своих произведениях с большим эффектом, неизменно связывая их с идеями и событиями, волновавшими современников. И пусть причудливые и непонятные французские титулы или цитаты и их источники оказывались порою искаженными — придавать этому значение могли разве что напрочь лишенные воображения схоласты, — но именно талант По часто давал жизнь тому, что в ином случае было бы обречено на забвение.

Уже в 1836 году он смело вступил на литературную сцену как единственный достойный внимания американский критик. Взлет его был стремителен, и покорить эту вершину ему помог «Сазерн литерери мессенджер». Менее чем за два года мало кому

известный до того журнал завоевал всеобщее признание, поставившее его в один ряд с такими публикациями, как «Нью инглэндер» и «Кникербокер», и даже стал временами тревожить погрязший в местническом самодовольстве ежемесячник «Норт Американ ревю», который дотоле решительно отказывался прислушиваться к голосам, доносившимся из местностей к югу от Делавера.

Поздней осенью предыдущего, 1835 года молодой писатель Теодор Фэй, имевший множество друзей в нью-йоркских литературных кругах и среди редакторов кникербокерских журналов, опубликовал роман под названием «Норман Лесли». Встречен он был славословящим хором столичной критики, который отозвался раболепным эхом в провинции. Книга была на редкость скверной, а восторги критиков — на редкость безудержными. В декабре 1835 года По выступил на страницах «Мессенджера» с рецензией на упомянутый роман, буквально уничтожив и книгу и автора. И сделал он это так остроумно, так ярко и убедительно, что публика прониклась живейшим интересом к ричмондскому критику и его журналу, от которых теперь с нетерпением ждали новых подвигов.

Нью-йоркские газеты какое-то время крепились, сочтя за благо с достоинством промолчать, однако нанесенное оскорбление было столь жгучим, что стерпеть его безропотно было положительно невозможно. В конце концов 9 апреля 1836 года «НьюЙорк миррор» разразилась ядовитой статьей, в которой пыталась высмеять критический метод По и обвинить его в пристрастности и необъективности.

По не стал медлить с ответом, который был напечатан в апрельском номере «Мессенджера». Легко отведя ничем не подкрепленные обвинения, молодой виргинец воспользовался случаем, чтобы утвердить свою идею о необходимости широты критического кругозора и пагубности литературного провинциализма:

«…Гордость, рожденная чересчур поспешно присвоенным правом на литературную свободу, все больше усиливает в нас склонность к громогласному самовосхвалению. С самонадеянной и бессмысленной заносчивостью мы отбрасываем всякое почтение к зарубежным образцам. Упоенные ребяческим тщеславием, мы забываем, что театром, на котором разыгрывается литературное действие, является весь мир, и сколько есть мочи кричим о необходимости поощрять отечественные таланты, — в слепоте своей воображая, что достигнем цели, без разбору превознося и хорошее, и посредственное, и просто плохое, — но не даем себе труда подумать о том, что так называемое „поощрение“, при

подобном его понимании, на деле превращается в свою противоположность. Одним словом, нимало не стыдясь многих позорных литературных провалов, причина которым — наши собственные непомерные претензии и ложный патриотизм, и нимало не сожалея о том, что все эти нелепости — нашей домашней выделки, мы упрямо цепляемся за изначально порочную идею и, таким образом, — как ни смешон сей парадокс, — часто восхищаемся глупой книгой лишь потому, что в глупости ее столько истинно американского».

К концу 1836 года Ричмонд и южные штаты стали слишком узким полем деятельности для молодого, быстро завоевывающего известность автора и редактора, который стремился теперь перенести свои труды на более благодатную литературную почву. В январе 1837 года в «Сазерн литерери мессенджер» появилось следующее сообщение:

«Ввиду того, что внимание мистера По привлекли сейчас иные предметы, настоящим номером журнала он слагает с себя обязанности редактора „Мессенджера“. Его последней редакционной статьей за этот месяц будет рецензия на книгу профессора Энтона „Цицерон“ — дальнейшее принадлежит перу его преемника. С наилучшими пожеланиями журналу, его немногим недругам и многочисленным друзьям, мистер По хотел бы теперь в мире попрощаться со всеми».

Желание По расстаться с «Мессенджером» не было, однако, вызвано причинами только творческого порядка. К концу 1836 года он стал довольно часто пить, вследствие чего здоровье его снова ухудшилось. Несмотря на то, что жалованье его достигло 1000 долларов в год, он порядочно задолжал. С ростом его писательской известности в нем появилась некоторая заносчивость, порицавшаяся даже друзьями. Мистер Уайт был терпелив, но и ему досаждало далеко не примерное поведение По; к тому же никому не нравится, когда на него смотрят свысока. Тем не менее расстались они друзьями. Запас материалов для журнала, имевшихся в распоряжении молодого редактора, быстро истощался, о чем свидетельствуют страницы «Мессенджера» того периода, однако в течение еще какого-то времени По продолжал печататься. Больше всего ему хотелось завершить публикацию «Приключений Артура Гордона Пима».

В середине января По опять слег и, не вставая с постели, постепенно сворачивал свою переписку и принимал от авторов последние статьи для «Мессенджера», которые впоследствии не понравились мистеру Уайту. Рассказывают, что По якобы попытался вернуться в журнал, но в утверждении этом много сомнительного, и не исключено, что такие выгодные для себя

слухи распускал сам Уайт. За то время, пока журнал был во власти По, тираж его увеличился с 500 до 3500 экземпляров. Сам По приобрел весьма ценный опыт, позволивший ему ясно представить возможности периодического издания национального масштаба. Он был первым из журналистов, задумавшим создать журнал в современном значении этого слова, то есть крупную, многоплановую публикацию. То был грандиозный замысел, который он надеялся претворить в жизнь, уже тогда понимая, что сделать это можно лишь в Филадельфии или Нью-Йорке.

Итак, По снова отправился в путь. С ним были миссис Клемм и Вирджиния. Его маленькая жена заметно повзрослела. На короткое время они скрываются из виду, а затем мы встречаем их уже в Нью-Йорке. В Ричмонде По оставил горстку заклятых врагов и немало добрых друзей. Великий эксперимент начался.

Глава семнадцатая

Путешествие из Ричмонда в Нью-Йорк заняло несколько недель. Сопровождаемый своим маленьким семейством, По заехал по пути в Филадельфию и Балтимор, чтобы навестить родственников, друзей и кое-каких знакомых из литературного мира. В Балтиморе он встретился и держал совет с Кеннеди, который был хорошо осведомлен о причинах переезда. Уход из журнала мистера Уайта был серьезным шагом с точки зрения возможных последствий для финансового и общественного положения По. Отказаться от услуг По с большей, чем можно было ожидать, готовностью Уайта побудили, очевидно, какие-то осложнения, возникшие в его отношениях с молодым талантливым редактором.

По, миссис Клемм и Вирджиния прибыли в Нью-Йорк в конце февраля 1837 года. Для всех троих город этот таил много нового и непривычного. Здесь не было ни старых знакомых, с которыми можно поболтать на улице, ни друзей, ни родственников, как в Ричмонде или Балтиморе. Они оказались в пугающем одиночестве, лишенные возможности обратиться к комулибо за поддержкой. Те небольшие сбережения, что у них были, уже подходили к концу. По подал в отставку с поста редактора «Мессенджера» 3 января, и с тех пор, как ему в последний раз выплатили жалованье, минуло три недели. Правда, мистер Уайт продолжал печатать новые части «Артура Гордона Пима» и некоторые другие вещи, которые посылал По. Связи с «Мессенджером» отнюдь не прервались, да и родственники миссис Клемм были настроены благосклонно. Тем не менее достаток семейства в это время был в лучшем случае очень скромным.

Сначала По поселились в Манхэттене, на углу Шестой авеню и Уэверли-плэйс, в довольно ветхом кирпичном доме, на одном этаже с неким шотландцем по имени Уильям Гоуэнс, который был тогда и на протяжении многих последующих лет известным в Нью-Йорке книготорговцем. Мистер Гоуэнс скоро сделался другом По и его семьи и последовал за ними, когда они переехали на новое место. Он, как никто другой, помог По установить полезные связи: в литературных кругах. По часто приходил в магазин Гоуэнса в дом э 169 на Бродвее, чтобы покопаться в книгах; детские впечатления от пребывания в Шотландии и знание шотландского характера, приобретенные в длительном общении с шотландскими кланами в Ричмонде, позволили молодому писателю быстро завоевать доверие этого

человека.

Однако литературные дела По сталкивались с неожиданными затруднениями и продвигались разочаровывающе медленно. Причин было несколько.

По приехал в Нью-Йорк в самый разгар биржевой паники, вызванной необдуманной финансовой политикой президента Джексона. Естественным следствием создавшегося катастрофического положения было временное прекращение деятельности большого числа журналов и газет и нежелание издателей идти на риск, печатая кого-либо, кроме самых известных английских авторов. Журнал «Нью-Йорк ревю», на который По так рассчитывал, закрылся до октября 1837 года. Заставить издателей расплачиваться за статьи или рассказы наличными не было никакой возможности. Изо дня в день По обивал пороги редакций. Его работа в «Мессенджере» была настолько хорошо известна, что ему повсюду оказывали вежливый прием, но дальне обмена любезностями дело не шло. Нападки По на современных ему литераторов молчаливо помнили и не прощали. Его друг Полдинг готовился к отъезду в Вашингтон, а профессор Энтон, хотя как и раньше питал к нему расположение, был довольно слабой опорой. Приходилось очень тяжело, и возможно, все кончилось бы настоящим крушением, если бы не самоотверженные усилия миссис Клемм, которая, несмотря на дороговизну жизни, решила пополнить доходы семьи, взяв в дом постояльцев. Весной 1837 года По переехали в старое деревянное здание на Кармайн-стрит, неподалеку от церкви св. Иоанна. Это было унылого вида строение под высокой, с крутыми скатами крышей, над которой торчала одинокая кирпичная труба. С фасада на улицу сурово смотрели семь окон со ставнями. Парадная дверь выходила на крыльцо с чугунными перилами. Комнат было вполне достаточно для небольшой семьи и двух-трех постояльцев, которых поневоле пришлось пригласить. Одним из пансионеров стал Уильям Гоуэнс. Он переехал вместе с По и долгое время жил с ними, оставив подробное описание своих друзей в ту пору: «Восемь месяцев или более того мы жили под одним кровом и ели за одним столом. В течение этого времени я часто видел его (По), имел возможность неоднократно беседовать с ним и должен сказать, что никогда не замечал в нем ни пристрастия к вину, ни каких-либо иных порочных склонностей; напротив, он был одним из самых учтивых, благородных и умных людей, с которыми мне довелось встретиться в моих странствиях по разным краям и странам; кроме того, имелась еще одна причина, побуждавшая его быть хорошим человеком, равно как и хорошим мужем, ибо судьба

дала ему жену несравненной красоты и очарования. Глаза ее могли поспорить с глазами гурии, а лицо достойно было гениального резца Кановы: нрава она была необычайно кроткого и ласкового и любила мужа столь же нежно, как мать — своего первенца. По имел наружность необыкновенно приятную и располагающую, которую дамы, безусловно, назвали бы красивой».

Мистер Гоуэнс имел репутацию «богатого и эксцентричного книгочея», что извиняет излишнюю, хотя и достаточно обычную для того времени, цветистость стиля. Одно несомненно — семья По жила счастливо и согласно, а Вирджиния и в самом деле привлекала внимание. Сравнение ее глаз с «глазами гурии» наводит на мысль о влажном лихорадочном блеске во взгляде, свойственном больным туберкулезом людям. Она расцвела, стала более женственной и очень привязалась к По. Когда он шел по улице, возвращаясь домой, она радостно окликала его из окна второго этажа; вечерами, с наступлением сумерек, они иногда гуляли по узким дорожкам находившегося поблизости церковного кладбища.

Гоуэнс и вправду был настоящим другом. 30 марта 1837 года нью-йоркские книготорговцы устроили обед в отеле «Сити», пригласив знаменитых литераторов и художников, среди которых были Вашингтон Ирвинг, Уильям Брайант, Джеймс Полдинг и другие. Пришли также известные живописцы Генри Инмен и Трамбелл. Гоуэнс позвал и По. Прием был великолепен, и здесь молодой писатель и критик, приехавший с Юга, впервые появился в обществе кникербокеров, не преминув воспользоваться случаем, чтобы завязать полезные знакомства.

С творческой точки зрения уход По из «Мессенджера» был благотворен. Как всегда, когда его время и энергию не поглощали повседневные редакторские обязанности, творческое начало выступило на передний план. В Нью-Йорке у По почти не было работы, и он вновь принялся сочинять рассказы.

1837—1838 годы знаменуют начало второго периода в его творческой деятельности. Первый завершился двумя годами раньше в Балтиморе. На Кармайн-стрит По написал последние строки «Приключений Артура Гордона Пима» и здесь же увидел напечатанным свой рассказ-притчу «Сиопа, или Молчание» — одно из самых прекрасных его прозаических произведений. В нем он полнее, чем где-либо еще, воплотил мысль, высказанную в «Аль-Аарафе»:

> Наш мир — мир слов, и мы зовем «молчаньем»
> Спокойствие, гордясь простым названьем.[14]

«Молчание», появившееся осенью 1837 года в сборнике «Балтимор бук», было первым произведением, написанным после отъезда из Ричмонда. Эта новелла выдержана в духе «психологической автобиографии» и носит следы влияния Кольриджа, немецкой метафизики и мистического спиритуализма, отвечавшего веяниям времени. Трансцендентализм и спиритуализм уже начинали проникать в литературу и в творчестве По обретали особый, причудливо-жуткий оттенок.

В душе молодого мечтателя, силой обстоятельства вынужденного проводить большую часть времени в доме на Кармайн-стрит, трудясь над своими рукописями, действительно было нечто болезненное. С тех пор как публика впервые окунулась в мрачную жуть готических романов, страсть ее к литературным ужасам не ослабевала. Впрочем, «Франкенштейн» и другие подобные истории, хотя от них порою и подирал мороз по коже, в конечном счете представляли собой не более чем дань литературной моде. Их герои походили скорее на восковых кукол, а не на людей из плоти и крови, и своей смертью пугали тем меньше, чем нереальнее казалось их существование. Напротив, нагнетенная до предела атмосфера новелл, которые начал теперь писать По, поражала своей подлинностью. Рисуемые им физические и душевные муки были отображением настоящих страданий, ужасов и боли. От страниц этих веяло удушливым могильным смрадом. Совершавшиеся на них убийства были жестоки и отвратительны, мертвецы — неукротимы в своем стремлении вторгнуться в мир живых. Все это поражало новизной и художественной силой.

Среди оркестровых фуг и лирических вариаций на темы страха, созданных По, «Приключения Артура Гордона Пима» следует рассматривать как прелюдию, в которой автор еще не очень уверенно ищет гармонии будущих шедевров. Марриэт и Купер привили читателю вкус к морским историям. В те дни большой интерес публики вызывала организуемая американским правительством экспедиция в Антарктиду. Руководить ее подготовкой и осуществлением было поручено некоему Дж. Рейнольдсу, которого По знал лично. Смельчаки отправлялись в далекое море мрака, которое когда-то бороздили герои «Старого морехода», и По завораживали тайны, скрывавшиеся за неприступной стеной льдов. Он также был хорошо знаком с «Повестью о четырех путешествиях в Южное море и Тихий океан» Морелла, романом «Бунт на корабле», только что

опубликованным издательством «Харперс», и «Асторией» Ирвинга. Эти книги и его собственная страсть к ужасам, которую он уже вполне насытил чтением историй о кораблекрушениях, кровавых побоищах и зверских убийствах, были источниками, откуда он черпал вдохновение и фактический материал для своей четвертой по счету и первой прозаической книги, выпущенной в свет фирмой «Харперс» в июле 1838 года. Сами издатели излагали ее содержание так: «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима из Нантакета, включающая подробный рассказ о бунте и ужасающей резне на борту американского брига „Дельфин“, направляющегося в южные моря, а также описывающая освобождение судна из рук пиратов оставшимися в живых моряками, постигшее их кораблекрушение и их невыносимые страдания от жажды и голода, спасение несчастных английской шхуной „Джейн Грай“, короткое плавание последней в Антарктическом океане, ее захват и убийство экипажа туземцами с островов, лежащих на 84-м градусе южной широты, равно как и невероятные приключения и открытия еще дальше к югу, последовавшие за этим бедственным происшествием».

Весь 1837-й и первую половину 1838 года По как бы жил ожиданием лучших времен. Из-за неблагоприятной финансовой конъюнктуры осуществление грандиозных планов, связанных с изданием собственного журнала, пришлось отложить — однако они по-прежнему занимали его мысли. Однажды Гоуэнс представил По некоему Джеймсу Педдеру и его семье. Родом англичанин, Педдер писал рассказы для детей и был довольно обаятельным человеком. В 1838 году он отправился в Филадельфию, где начал редактировать журнал «Фармерс кабинет», которым успешно руководил вплоть до 1850 года. Отъезд Педдера в Филадельфию заставил и По обратить взоры в том же направлении. В Нью-Йорке надеяться, кажется, было не на что. Зима 1838 года выдалась на редкость суровой и трудной; вызванные ею лишения усугубляла нехватка денег. Несмотря на все старания миссис Клемм, семья снова оказалась в долгах. По написал Кеннеди, надеясь, что он поможет ему выпутаться из, как всегда, «временных» затруднений, однако тот и сам был в стесненных обстоятельствах и на этот раз ничего не смог сделать для своего молодого друга.

Летом дела приняли такой дурной оборот, что По уже нечем стало платить за квартиру. Каким-то образом одолжив денег, он покинул Нью-Йорк, чтобы присоединиться к Педдеру в Филадельфии. Вскоре за ним в город квакеров последовали миссис Клемм и Вирджиния; к концу августа все трое снова были вместе.

Переезд на новое место принес новые надежды. Некоторое время казалось даже, что первый номер «великого американского журнала» в недалеком будущем увидит свет. Почва была подготовлена, и текст проспекта, возвещающего о рождении этого чуда, уже давно вращался в голове будущего редактора.

Глава восемнадцатая

Переехав летом 1838 года в Филадельфию, По и его маленькое семейство поселились вместе с Джеймсом Педдером в пансионе на Двенадцатой улице, который содержали сестры Педдера.

Педдер имел обширные связи с выходившими в Филадельфии журналами, и не исключено, что именно по его совету, а быть может, и с его помощью По убедили перебраться на новое место. Пансион был, разумеется, лишь временным пристанищем, которое По собирался покинуть, как только удастся поступить на службу и подыскать более подходящее жилье. Полоса неудач в Нью-Йорке снова оставила его без гроша в кармане. Деньги на переезд были взяты в долг, и, надо думать, миссис Клемм стоило немалых трудов и унижений найти покладистых заимодавцев. На этот раз жертвой собственного мягкосердечия стал некий господин по имени Бэйард, которого сам По, должно быть, и не знал. Что до решения переехать в Филадельфию, то оно отнюдь не было скоропалительным или необдуманным, ибо город этот по праву считался главным центром американской журналистики, и По не без оснований надеялся, что здесь его таланты скорее найдут применение.

Спустя несколько недель по приезде в город, где ему предстояло провести шесть лет, семейство По переселилось в другой пансион, находившийся на Арч-стрит — чистенькое и ухоженное заведение с весьма добропорядочной репутацией. На втором этаже дома располагались светлые и просторные комнаты с белоснежными занавесками на окнах и зелеными обоями. Здесь По прожили до конца сентября 1838 года.

В конце 30-х годов прошлого века Филадельфия была вторым по количеству населения городом Соединенных Штатов, уступая в многолюдности лишь Нью-Йорку. Постройка канала, соединившего озеро Эри с рекой Гудзон, бурный приток населения, начавшийся вместе с первой большой волной иммиграции из Европы, стремительное развитие морских перевозок и усиление американского торгового флота — все это несколько десятилетий назад вывело Нью-Йорк на первое место; однако превосходство это пока что не было неоспоримым, и поскольку Филадельфия продолжала оставаться одним из крупнейших в стране морских портов, вокруг которого продолжала разрастаться сеть железных дорог и каналов, в ту пору мало кто решился бы утверждать, что Манхэттен сумеет в конечном итоге удержать свое преимущество.

В Филадельфии, где обосновался Эдгар По, издавалось немало журналов, среди которых наибольшей известностью пользовались «Гоудис лейдис бук», «Грэхэмс кэскет», «Бэртонс джентльменс магазин», «Александерс уикли мессенджер»; с ними соседствовало множество преуспевающих газет и целое семейство альманахов. В город отовсюду устремились опытные и сведущие редакторы, и в их числе первым следует упомянуть Луиса Гоуди, чей журнал для дам «Гоудис лейдис бук» был в ту пору самым читаемым из американских изданий подобного рода.

Распространение демократических идей всеобщего просвещения способствовало небывалому росту читательской аудитории, которую составляли теперь представители всех классов, и По одним из первых среди литераторов вполне осознал значение происходящих перемен. До сих пор писателям в большинстве случаев волей-неволей приходилось обращаться в своих произведениях к тем, кто мог их прочесть, — к замкнутому просвещенному меньшинству, чьи художественные вкусы складывались под влиянием классического образования и аристократических идеалов. Но уже к концу 30-х годов прошлого века на арену американской общественной жизни вступило первое поколение, прошедшее через систему обучения в бесплатных государственных школах, и положение в значительной степени изменилось. Понимая это, По всеми силами стремился завоевать известность среди этих хотя и необразованных, но читающих людей, однако при этом обращался к ним так, как если бы всем им была свойственна склонность к серьезной литературе, глубоким размышлениям, тонкому юмору и проницательной критике. В этом и состояло его главное заблуждение. Сама по себе идея создания большого и разностороннего журнала имела немалые шансы на коммерческий успех, однако его собственные чуждые компромиссов художественные устремления были пока явно недоступны читательскому пониманию. Вот почему деятельность По на журналистском поприще получала достаточно широкое признание современников лишь в тех случаях, когда направлялась хорошо знавшими вкусы публики владельцами или редакторами изданий, в которых он сотрудничал. Но именно с такой профанацией, с опошлением искусства он и не мог примирить свои независимые воззрения на литературное творчество.

В силу этих причин и кроющейся за ними логики По блестяще преуспел в умножении тиражей «Мессенджера» и других журналов, где ему довелось работать, и они же в сочетании с присущими ему человеческими несовершенствами объясняют тот

факт, что все его попытки основать собственный журнал неизменно терпели неудачу. Однако для литературы и потомства последствия такого стечения обстоятельств были весьма благоприятны. Ни сам По, ни его многочисленные работодатели не отдавали себе отчета в том, что происходящее подчиняется некой пагубной закономерности. И По, сам того не подозревая, продолжал писать для горстки избранных ценителей, способных увидеть и понять лучшее, что было в его произведениях. Все остальное, написанное им в угоду требованиям тогдашней литературной конъюнктуры, не смогло противостоять неотвратимому и разрушительному действию времени. Поистине странный парадокс заключается в том, что как раз те свойства творчества По, которые принесли ему впоследствии мировую славу, роковым образом лишали его всякой надежды на сиюминутный успех и материальное благополучие. До конца дней своих он был обречен на изнурительную борьбу с безысходной и унизительной нищетой.

Большинству других писателей его времени удавалось тем или иным образом избегнуть бедности: Лонгфелло преподавал в университете, Эмерсон был священником, Готорна выручала какая-то мелкая чиновничья должность — такой же долго и тщетно добивался По, Лоуэлл спасался сразу несколькими путями. Из всего этого поколения литераторов лишь По был почти напрочь лишен житейского практицизма, всю жизнь оставаясь поэтом и мечтателем, чьим единственным и весьма ненадежным средством к существованию было его перо. Среди американских писателей той эпохи он являл собой яркий пример отрешенного от окружающей суеты художника, извечного голодающего поэта, на нищету которого не раз указывали презрительными перстами его более практичные соотечественники. И по сей еще день многие американские школьные учебники характеризуют По как гениального писателя, но ужасающе безнравственного человека. Так посредственность утверждается в своем недоверии ко всему необычному, а невежество тщится облагородить себя респектабельностью.

Целая плеяда уже упомянутых журналов и газет, выходивших в Филадельфии в 1838—1839 годах, не могла, разумеется, существовать без поддержки искусств и ремесел, и сюда отовсюду стекались более или менее одаренные художники и иллюстраторы, печатники, граверы, литографы, переплетчики и т. п. В городе на каждом шагу попадались их мастерские и увеселительные заведения, где они имели обыкновение собираться в часы досуга. В этих-то местах, среди разношерстной газетной братии, По и проводил теперь большую часть времени.

Город в ту пору был почти целиком застроен домами из красного кирпича с отделкой из белого камня и полированными мраморными ступенями. Улицы с проложенными посередине каменными сточными желобами мостили булыжником, сменявшимся на перекрестках плотно пригнанной брусчаткой. Для пешеходов во всех жилых и деловых районах были устроены сложенные из кирпича широкие и тенистые тротуары. Здесь было множество обнесенных оградами садов и церковных дворов, часто встречались открытые пространства, среди которых выделялась площадь Франклина со знаменитым фонтаном, — город чрезвычайно гордился своей системой водоснабжения, тогда одной из лучших в мире.

Весьма необычной для тех времен была планировка города, расчерченного на квадраты пересекающимися под прямым углом и последовательно пронумерованными улицами — к несчастью, этому во всех смыслах слова схематическому подходу к градоустройству впоследствии суждено было одержать верх по всей стране. Дома с их до странности правильной и точной нумерацией, казалось, всем своим гордым и строгим видом говорили о степенстве и добропорядочности их обитателей. Все это, вместе взятое, производило впечатление благоустроенности и достатка, что, однако, не лишало город бесспорной и своеобразной прелести.

Деловые интересы обычно приводили По в нижнюю часть города, куда он отправлялся, минуя по пути белую колоннаду Коммерческой биржи, по Док-стрит — длинной и широкой улице, чей размашистый S-образный извив заканчивался в районе, где были сосредоточены редакции газет и журналов, издательства, типографии и граверные мастерские, в которых По вскоре сделался частым гостем. У находившейся рядом речной пристани теснилось целое скопище судов всех родов и оснасток, чьи паруса и мачты высились над плоскими крышами выстроившихся вдоль набережной складов, отделенных друг от друга узкими, мощенными камнем проходами. Мимо них с оглушительным грохотом, сопровождаемым проклятьями кучеров и беспрерывным щелканьем длинных кнутов, катились по булыжной мостовой груженные тяжелыми тюками с товаром телеги и фуры, набитые пассажирами линейки, юркие кабриолеты и шарабаны.

Но в целом Филадельфия была все же царством пешеходов, и при тогдашних ее размерах этот способ передвижения не был особенно утомительным: пройдя с десяток кварталов в любом направлении, человек уже оказывался «за городом». С наступлением сумерек начинали свой обход ночные сторожа, останавливаясь на углах, чтобы зажечь заправленные ворванью

уличные фонари, постучать колотушкой или зычным криком: «Все спокойно», возвестить о прошествии еще одного ночного часа.

На рассвете город просыпался от стука лошадиных подков и громыхания телег и фургонов, в которых восседали дебелые и краснощекие немецкие фермерши, прижимая к себе глиняные горшки со сливочным маслом и набитые буханками ржаного хлеба и кругами сыра корзины. Эти караваны направлялись к длинным, приземистым рыночным павильонам, протянувшимся на целые кварталы вдоль Верхней (Рыночной) улицы. Сюда, под их высокие, покоящиеся на сваях крыши, на перегороженные деревянными стенками прилавки, свозились поражавшие чужестранцев своим богатством плоды одной из изобильнейших земледельческих областей в Соединенных Штатах.

То был цветущий и щедрый мир, составлявший странный контраст с мрачными и причудливыми фантазиями нового его обитателя. Значительную часть читателей По составляли теперь люди, принадлежавшие к зажиточной прослойке местного общества, — те самые, что с таким упоением занимались куплей-продажей и поглощали за завтраком кукурузную кашу со свининой, заедая ее кровяной колбасой, — лишь с немногими из них он мог надеяться найти общий язык.

В узкий круг местной литературной элиты По так а не проник, однако сумел постепенно свести знакомство с владельцами многих журналов и редакторами газет. В их обществе он появлялся фигурой приметной и диковинной: всегда одетый в черное, с устремленным в пространство взглядом, созерцающим нездешний, пригрезившийся мир. Но и он, говорил По, был лишь сном во сне, ибо столь мало замечаемая им реальность казалась поэту еще более иллюзорной, чем мечты, и с населявшими ее людьми он общался, точно с бесплотными духами.

И все же именно в Филадельфии ему суждено было провести самые благополучные, если и не самые счастливые дни своей жизни. Единственной омрачавшей их тенью было постоянно ухудшавшееся здоровью Вирджинии, обреченной медленно угасать на протяжении следующих десяти лет. Вскоре наступил день, когда ей и ее обремененному долгами мужу пришлось расстаться с хотя и далеко не роскошным, но в высшей степени респектабельным пансионом на Арч-стрит и с гостеприимным семейством Педдеров.

В первых числах сентября 1838 года По переехал на новое место, в «маленький домик», как он называет его сам, на Шестнадцатой улице, о котором известно меньше, чем о любом другом жилище, давшем приют его семье в Филадельфии. Здание

это впоследствии снесли, и сейчас даже трудно сказать, как долго там оставались По. Судя по всему, речь идет о том самом доме, который капитан Майн Рид, познакомившийся с По приблизительно в это время, описывает как «трехкомнатную пристройку из крашеных досок (должно быть, с чердаком и чуланом), примыкавшую к стене четырехэтажного кирпичного здания». Тем более что ни к каким другим местам в Филадельфии, где жила семья По, это описание не подходит. Большее из того, что По сделал для журнала Бэртона, было, очевидно, написано здесь осенью 1838-го и в начале зимы 1839 года.

За день до переезда с Арч-стрит По послал письмо своему старому балтиморскому другу Нэйтану Бруксу, сообщая о том, что, будучи занятым двумя важными делами, он не сможет написать критическую статью о Вашингтоне Ирвинге, о чем ранее просил его Брукс. Последний как раз в это время начал издавать собственный журнал, названный «Американ мьюзиэм», в котором уже успел напечатать немало из того, что По сделал в Нью-Йорке. На какие именно «два важных дела» ссылается По как на причину своего отказа, сказать с определенностью трудно. Так или иначе, одним из них почти наверняка была подготовка материала для учебника конхиологии — науки о раковинах и моллюсках.

«Первая книга конхиолога или введение в малакологию черепокожных, специально предназначенная для использования в школах…» и т. п. была пятой книгой, которую По украсил своим именем. Ее выпустило в свет издательство «Хэсуэлл, Баррингтон энд Хэсуэлл». Тираж первого издания неизвестен. Для По это была чисто случайная работа, за которую он взялся в надежде кое-как перебиться на вырученные от продажи учебника деньги до тех пор, пока ему не удастся обзавестись литературными связями в Филадельфии.

Издательство помещалось в доме по Рыночной улице, и здесь По проводил большую часть времени осенью 1838 года и в первые месяцы 1839-го, работая над книгой о раковинах. В этом многотрудном занятии он опирался на помощь некоего гна Ли и жившего по соседству профессора Томаса Вайата, который, собственно, и был душой всего предприятия и главным поставщиком необходимых научных данных. Еще до описываемых событий издательство «Харперс» выпустило «Новое превосходное руководство по конхиологии» Вайата, однако книга получилась такой дорогой, что о повторном издании не могло быть и речи. Разъезжая по стране с лекциями, Вайат торговал своим учебником, и говорили, будто он заплатил По 50 долларов за право поместить его имя на титульном листе, полагая, что это

оживит сбыт. План этот был явно рассчитан на то, чтобы избежать конфликта с фирмой «Харперс» по поводу авторских прав, и в результате По лишился «благорасположения» издательства, в чем он раскаялся шестью годами позже, когда попытался опубликовать с его помощью и при содействии профессора Энтона собрание своих сочинений.

«Первая книга конхиолога» была снабжена предисловием и введением, сделанными По и подписанными «Э.А.П.», в которых он объяснял построение учебника и выражал признательность Ли и Вайату за оказанное содействие. Далее следовала вводная глава с цитатами из Бергмана, де Бланвиля и Паркинсона, а за ней — двенадцать страниц прекрасно выполненных цветных гравюр с изображениями раковин и их частей, дерзостно извлеченных in toto[15] из опубликованного в Англии «Учебника конхиолога» некоего капитана Томаса Брауна, ссылок на который не делается. Что касается номенклатуры и описаний раковин, то они были просто пересказом соответствующих разделов из книги Вайата. На это у По, разумеется, имелось согласие самого автора. Описания моллюсков уже поднаторевший в новом деле По перевел из Кювье, сделав надлежащие ссылки на источник. Несчастный капитан Браун, однако, был предан полному забвению. Книга завершалась глоссарием и алфавитным указателем, составленными самим Вайатом. В 1840 году книга вышла под именем По вторым изданием с дополнениями на десяти страницах, в 1845-м она была выпущена той же фирмой в третий раз, но без указания автора. Ее также перепечатали в Англии, а всего насчитывается не менее девяти изданий.

Прошло совсем немного времени, и По был обвинен о том, что похитил весь труд у Брауна. На это он дал следующий исполненный возмущения ответ: «Мною были написаны предисловие и введение, а описания моллюсков и т. п. переведены из Кювье. Все школьные учебники делаются именно так». Далее он описывает обычные приемы этого «ремесла», утверждая, что не имел ни малейшего намерения выдать книгу за оригинальный труд. Приводимые им в свою защиту аргументы лишь частично подтверждаются фактами, и в самом лучшем случае книгу следует считать результатом весьма неудачной литературной сделки. Впоследствии она принесла ему больше поношений, чем доходов, хотя, без сомнения, вся эта история привлекла внимание По к вопиющему положению дел в области международного авторского права — предмета, который он позднее обсуждал с Диккенсом, заинтересовавшись настолько, что даже всерьез взялся за изучение юриспруденции.

Время, свободное от занятий конхиологией, По посвящал в

начале 1839 года работе над критическими статьями для различных журналов, где его уже знали, и установлению контактов с местными газетчиками — среди них оказался и давний его приятель, Лэмберт Уилмер, который, будучи смещен с поста редактора «Визитэра», ушел из Балтимора пешком и, добравшись до Филадельфии, был теперь опять (в какой уже раз) на коне. Неудивительно поэтому, что в майском номере журнала «Сэтэрдей ивнинг кроникл», где теперь подвизался Уилмер, появился рассказ-гротеск По «Черт на колокольне», высмеивавший суеверия и предрассудки обывателей. Месяцем раньше журнал «Балтимор мьюзиэм» напечатал его стихотворение «Дворец призраков», которое он ввел в новеллу «Падение дома Ашеров».

То, что собственные его переживания, равно как и странные обстоятельства его брака, составляют отчасти сюжетную основу и новеллы и стихотворения, не вызывает ни малейшего сомнения; описание же Родерика Ашера представляет собой самый точный из известных словесных портретов По, который можно было бы назвать «Автопортрет художника в тридцать лет». Что до чахнущей на глазах леди Мэделайн, то в ней нетрудно узнать Вирджинию. «Недуг леди Мэделайн смущал и озадачивал самых искусных из врачей… Неизбывное равнодушие ко всему…», ее странные отношения с братом, неизъяснимая причина, внушающая Ашеру желание видеть ее погребенной заживо, — все это не что иное, как болезненные отголоски мук, испытанных По у постели своей медленно умирающей жены и двоюродной сестры.

К тому времени для завершения галереи его идеальных типов недоставало лишь одного образа. Юный и гордый байронический герой исчез вместе с Эльмирой Ройстер, принцессой из «Тамерлана». Тоскующая и оплакиваемая «Елена», слившая в себе черты г-жи Стенард и Фрэнсис Аллан, была многократно воспета в одах и элегиях; «Лигейя», странный духовный антипод Вирджинии, призрачным утешением явилась в холодную темницу его супружества. Всех этих таинственных героинь неизменно настигали недуги и ранняя смерть. В Балтиморе и Нью-Йорке центральной фигурой в произведениях По сделался неврастеник и ипохондрик, преследуемый кровосмесительными фантазиями мистик, жертва наркотического дурмана и суеверных страхов. То были многоликие ипостаси самого По и любимых им женщин, двойники, чей придуманный мир он наполнял страданием, пытаясь облегчить тем самым бремя печалей и разочарований, отягощавших его собственную жизнь. Дворцы, сады и покои, населенные этими призраками, блистают роскошным убранством,

оно точно причудливая карикатура на нищенское убожество настоящих его жилищ и безотрадную обстановку тех мест, куда забрасывала его судьба.

В Филадельфии появился на свет последний из придуманных По литературных персонажей. На этот раз, встревоженный первыми предвестиями умственного расстройства, По ищет спасения от нависшей опасности, перевоплощаясь в героя, который рисуется в его воображении как наделенный сверхъестественной силой ума логик, блестящий аналитик, легко распутывающий любые загадки и головоломки, удачливый кладоискатель и проницательный детектив, раскрывающий самые таинственные преступления. Новый персонаж оказался оригинальной литературной находкой, и из всех героев, созданных фантазией По, завоевал в конечном счете наибольшую популярность у читателя. Появление его было предзнаменовано лишь немногими намеками в более ранних произведениях. Однако известно, что весной 1839 года По всерьез заинтересовался методами составления и решения криптограмм, и одним из первых свидетельств этого увлечения можно, очевидно, считать таинственные иероглифы, фигурирующие в «Приключениях Артура Гордона Пима». В январе 1840 года он бросил со страниц «Александерс уикли», ничем не примечательного филадельфийского журнала, «вызов всему миру», объявив, что берется разгадать любую присланную ему криптограмму. Поскольку «мир», где был известен принадлежавший г-н Александеру скромный еженедельник, охватывал самое большее несколько сотен читателей, По вполне успешно справился с решением немногих пришедших в ответ на «вызов» головоломок. Как мы увидим дальше, тот же трюк, но с большим размахом, он проделал позднее в журнале Грэхэма, показав себя чрезвычайно искусным криптографом.

Сведений о том, какой образ жизни вели По и его семья в первые шесть месяцев пребывания в Филадельфии, почти не сохранилось. За материалы, время от времени публиковавшиеся им в газетах и журналах, он не получал почти ничего. Денег попрежнему отчаянно не хватало, и в домике на Шестнадцатой улице, где семья оставалась до начала осени 1839 года, прочно поселилась нужда. Г-жа Клемм и Варджиния вынуждены были снова взяться за шитье, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Ставшее уже привычным бедственное положение было облегчено поступлением По на службу в качестве редактора и корреспондента журнала «Бэртонс джентльменс мэгэзин». При каких обстоятельствах состоялось знакомство По с Бэртоном,

трудно сказать с уверенностью; возможно, их свели друг с другом Брукс или Уилмер, которые в свое время сотрудничали с бэртоновским ежемесячником. В апреле того года Бэртон написал рецензию на «Артура Гордона Пима», отозвавшись о повести с изрядной долей сарказма. Невзирая на это, подвергнутый критике автор вскоре обратился к рецензенту и редактору с предложением своих услуг, на которое получил следующий ответ:

«Филадельфия, 10 мая 1839 года.

Эдгару А. По, эсквайру.

Милостивый государь!

Я уделил должное внимание Вашему предложению. У меня действительно имеется желание заключить в некотором роде договор, наподобие того, что Вы предлагаете, и я не знаю никого, кто мог бы лучше Вас соответствовать моим нуждам. Теперешние расходы журнала до ужасного велики, много больше, чем допустимо при моих тиражах. Я уверен, что издержки мои выше, чем в любом ныне существующем издании, считая и ежемесячники, вдвое превосходящие мой в цене. Конкуренция растет, и соперников с каждым днем все больше.

Давайте остановимся, скажем, на 10 долларах в неделю в течение оставшегося до конца года времени. Если мы решим остаться вместе и дальше — чему я не вижу причин не сбыться, — Ваше предложение вступит в силу в 1840 году. Любому из нас надлежит уведомить другого по крайней мере за месяц о намерении расторгнуть договор.

Два часа работы в день за отдельными исключениями будет, я полагаю, вполне достаточно, кроме тех случаев, когда речь пойдет о вещах Вашего собственного сочинения. Так или иначе, Вам всегда легко удастся найти время для любого другого необременительного для Вас занятия — при условии, что Вы не станете использовать Ваши таланты в интересах каких бы то ни было других изданий, стремящихся помешать успеху ДМ.

Сегодня в три я обедаю у себя дома. Если захотите разделить со мной доброго барашка, буду рад. Если нет, пишите или заходите ко мне, когда Вам будет угодно.

Засим остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой

У. Э. Бэртон».

Бэртон был англичанином. В его приглашении «разделить доброго барашка» есть нечто чревоугодническое, однако в то время По едва ли мог устоять перед таким искушением. Право, он, должно быть, не раз уже со вздохом вспоминал обильные застолья Фрэнсис Аллан, украшенные всеми заморскими деликатесами, какие она только могла отыскать в кладовых Джона Аллана. Поэтому, вне всяких сомнений, в три часа пополудни 10 мая 1839 года он сидел за столом напротив здоровяка Билли Бэртона, как две капли воды похожего на Джона Булля, и, вне всяких сомнений, обсуждал с хозяином его журнал и баранину, и то и другое весьма пространно и с большим жаром.

Договор, заключенный По с Бэртоном, во многом походил на предыдущий его контракт с Уайтом и устанавливал для него такое же начальное жалованье. Была там, впрочем, одна важная оговорка, по крайней мере со стороны По, который уже тогда вынашивал замысел создания собственного журнала и не собирался продаваться в такую же кабалу, в какую попал в прошлый раз. Все, что он считал себя обязанным делать, — это писать для Бэртона, и когда последний поместил его имя рядом со своим на титульном листе июльского номера — первого, в котором была напечатана статья По, — это, как передают, послужило поводом к их первой размолвке. Во всяком случае, По никогда не отождествлял себя с бэртоновским журналом в той же мере и таким же образом, как с «Мессенджером».

«Джентльменс мэгэзин», корреспондентом и волей-неволей редактором которого он оказался, был основан в 1837 году Уильямом Эвансом Бэртоном, английским комедиантом. Этого человека отличала величайшая деловая сметка и еще большее самомнение. Он утверждал, что окончил Кембриджский университет (!), и желал прославить свое имя не только как комедийный актер и антрепренер, в чем ему удалось до некоторой степени преуспеть, но также домогался быть увенчанным на своей новой родине литературными лаврами. По его собственным словам, журнал Бэртона должен был завоевать право лежать «на столике в гостиной каждого джентльмена в Соединенных Штатах». Воодушевленный этой высокой целью, он решился сыграть в рулетку с судьбой, основав свой журнал в самый разгар финансовой паники, и немалым комплиментом его деловому чутью является тот летописно подтвержденный факт, что ему удалось добиться полного успеха там, где гораздо раньше вступившие на это поприще люди потерпели фиаско. Знаменитый американский актер Джозеф Джефферсон оставил в своих мемуарах прекрасное описание этого человека: «Бэртон… был одним из забавнейших людей, когда-либо живших на свете. Как

исполнитель фарсовых ролей он в свое время не знал себе равных… Наибольшими его удачами следует считать Микобера и Капитана Катля; лицо Бэртона напоминало большую географическую карту, на которую были нанесены все испытываемые им чувства…»

Некоторые из этих слишком уж плохо скрытых эмоций пришлись Эдгару По очень не по вкусу. Уже с первых дней знакомства он не мог не испытывать презрения к тому свойству Бэртоновой натуры, которое впоследствии весьма точно определил как «фиглярство».

Вначале Бэртон был не только владельцем, но и редактором, и журнал поэтому грешил той же тяжеловесной банальностью, что и его создатель. Стихи были тягучими и пресными, как недопеченные пироги, рассказы же, напротив, поражали воздушной легкостью, ибо не были отягощены никаким смыслом. Неожиданное появление на этих страницах произведений По можно сравнить с золотоносной жилой, внезапно сверкнувшей на тусклом фоне пустой породы. В августовском номере был напечатан «Человек, которого изрубили в куски», в сентябрьском — «Падение дома Ашеров»; в октябре — ноябре появились «Вильям Вильсон» и «Морелла», а в самом конце года — «Разговор Эйрос и Хармионы». Помимо этого, было еще несколько наспех написанных книжных обозрений и, наконец, ряд перепечаток — как всегда, с исправлениями — уже увидевших свет стихотворений. К ним По добавил и два новых — «К Ианте на небесах» и «Духи усопших».

Редакция «Бэртонс джентльменс мэгэзин», который По непочтительно называл «Джентс. мэг.», находилась на углу улиц Бэнк-элли и Док-стрит. Как раз в этом месте Док-стрит делает один из ее широких изгибов и, пересекаясь с Бэнк-элли, образует скругленный угол, в те дни укрытый полотняным навесом какого-то магазина. Под этим навесом По не раз видели прогуливающимся и беседующим с друзьями. Выстроенное в классическом стиле здание биржи возвышалось прямо напротив, по другую сторону Док-стрит, по которой сновали тяжелые подводы, возившие грузы к расположенной ниже пристани; в этом же районе, вдоль Фрэнт-стрит и в соседних переулках находились печатные цехи, граверные и переплетные мастерские. Сюда время от времени захаживал по делам По, нередко в обществе некоего англичанина по фамилии Александер, типографа, или еще с кем-нибудь из приятелей. Поблизости были также редакции нескольких газет.

Прохаживаясь по аркаде, соединявшей улицы Честнат-стрит и Лафайет, и имея несколько минут досуга, можно было осмотреть

собрание древностей г-на Пила, находившееся в длинной галерее на втором этаже, где часто устраивались танцевальные вечера. Главной достопримечательностью коллекции был частично реставрированный с помощью гипса огромный скелет мамонта. Не исключено, что именно он вдохновил Хирста на создание замечательной поэмы «Пришествие Мамонта», рецензируя которую По воскликнет «однако же!» по поводу одного станса, в котором автор, отдавшись полету разыгравшейся поэтической фантазии и забыв о всякой осторожности, заставляет Мамонта одним прыжком перемахнуть через могучую Миссисипи.

Работа у Бэртона позволила По завязать немало полезных и длительных знакомств. Однажды в конце 1839 года он повстречался в редакции с неким весьма чудаковатым господином, которого звали Томас Данн Инглиш, — последний отмечает в своем описании По его хорошо вычищенный костюм и очень чистое белье — в те времена, очевидно, нечто совершенно необычное для редактора. Они прошлись вместе по Честнат-стрит до Третьей улицы, где Инглиш открыл позднее редакцию своего журнала для детей «Джон Донки», для которого он написал немало всякой сентиментальной ерунды. В тот раз они расстались, чрезвычайно довольные друг другом. В дальнейшем сближение продолжалось, приведя их к компаньонству в НьюЙорке, закончившемуся столь нашумевшим судебным процессом. В Филадельфии. Инглиш был частым гостем в семье По. Г-жу По он описывает как изящную женщину с прекрасными манерами, а говоря о г-же Клемм, подмечает, что для Эдгара она была скорее матерью, чем тещей. Сам Инглиш тоже питал слабость к поэтической музе. Он написал бывшую какое-то время весьма популярной балладу «Бен Болт», вещь довольно жалобную и слезливую, а позднее представил По другому молодому поэту и светскому человеку, который занимался изучением права. Это был Генри Беч Хирст, о нем еще пойдет речь ниже.

Все это время, впрочем, По ни на минуту не забывал о своем замысле основать собственный журнал, и план этот быстро приобретал все большую и большую определенность. Бэртон тоже не сидел сложа руки, решив употребить свою энергию на дальнейшие завоевания в царстве Мельпомены, но теперь уже в качестве владельца театра. Новое предприятие часто требовало его присутствия в Нью-Йорке, и большая часть журнальной рутины легла на плечи По — это обстоятельство, пожалуй, вполне оправдывало его мнение о том, что условия контракта нарушаются. Временами он выполнял свои обязанности без особого рвения, чем приводил Бэртона в крайнее раздражение; былая теплота и добросердечие стали быстро исчезать из их

отношений, к концу года они уже не испытывали друг к другу ни малейшей симпатии.

Конец сентября 1839 года ознаменовал для По начало очень хлопотной поры, последовавшей за менее плодотворным, чем обычно, периодом творческих трудов. Сейчас он готовил к выпуску в свет двухтомный сборник своих рассказов, окончательное соглашении об издании которого было достигнуто в конце месяца. Публикация предпринималась издательством «Ли энд Бланшар» на свой страх и риск, и в случае неуспеха книги автор отказывался от любых претензий на вознаграждение.

По крайней мере нуждался в благоприятных критических отзывах на свои рассказы — ими он собирался украсить объявления о выходе из печати нового сборника. Чтобы получить такие отзывы, он завязал широкую переписку со своими друзьями из числа литераторов и публицистов. Среди тех, к кому он обратился за помощью, были Вашингтон Ирвинг, редактор «Сазерн литерери мессенджер» Джеймс Хит, довольно известный писатель из Виргинии Пендлтон Кук и д-р Дж. Снодграсс из Балтимора, какое-то время участвовавший вместе с Бруксом в издании «Мьюзиэма» — убежденный аболиционист и весьма заметная в обществе фигура.

Ирвингу По послал два номера бэртоновского журнала с опубликованными в них рассказами «Падение дома Ашеров» и «Вильям Вильсон». Ирвинг откликнулся на них двумя письмами, в последнем из которых писал:

«Я могу повторить то, что уже сказал в отношении предыдущего произведения („Падение дома Ашеров“), которое Вы мне любезно направили, а именно, что, на мой взгляд, сборник вещей, написанных в том же стиле и с таким же мастерством, был бы в высшей степени благосклонно воспринят публикой. Вам одному могу сказать по секрету, что последний рассказ („Вильям Вильсон“) представляется мне много более удачным с точки зрения стиля. Он проще. В первом Вы слишком уж хотели нарисовать происходящее как можно ярче и зримее, либо были не слишком уверены в произведенном впечатлении и потому переложили красок. Вещь эта грешит недостатком лучшего рода — избытком живописности. Поверьте, нет никакой опасности, что изобразительный эффект ее исчезнет, ибо он очень велик».

Время не поддержало Ирвинга в его суждении. Именно в живописной экспрессии, пронизывающей «Падение дома Ашеров», заключается секрет художественного воздействия этого произведения, оттеснившего «Вильяма Вильсон» на второй план.

Где-то в конце 1839-го или начале 1840 года — более точно время установить не удается — По с семьей переехал с

Шестнадцатой улицы в дом на Коутс-стрит, выходящий окнами прямо на реку Шуйкиль. Находился он в противоположном от редакции «Бэртонс мэгэзин» конце города, и, чтобы добраться туда, По приходилось проделывать пешком путь длиной почти в три мили или ехать дилижансом, которые начиная с 1829 года ходили от кофеен на Фрэнт-стрит до набережной Шуйкиля. Дорога, которой обычно шел По, лежала вдоль длинной мрачной стены Центральной тюрьмы штата Восточная Пенсильвания, «огромной и внушительной, как крепость». Мимо этой каменной твердыни, всем видом своим напоминавшей о человеческих страданиях — «узники содержатся в одиночных камерах, своды которых многократно отражают и усиливают каждый звук», — поэт проходил дважды почти каждый день.

Дом представлял собой трехэтажное кирпичное здание с крыльцом из белого мрамора, стоявшее на небольшом, треугольной формы участке, образованном пересечением улиц Коутс-стрит и Фэрмаунт-драйв с каким-то безымянным переулком. Это было, наверное, самое удобное жилище из всех, где им доводилось останавливаться с тех пор, как они покинули Ричмонд. Местность вокруг была тогда открытая, если не считать нескольких разбросанных там и сям домов; правда, совсем близко находился железнодорожный парк, где вагоны перегонялись в ту пору конной тягой, но зато из окон открывался прекрасный вид на реку и окрестности.

На берегу реки, прямо у подножия небольшой возвышенности, на которой стоял дом, одиноко маячила диковинная постройка, известная в городе под названием «Пагоды»; создателем ее был знаменитый своими эксцентричными вкусами архитектор Браун. Это китайского вида сооружение было частью построенного по его же проекту ипподрома, к тому времени уже заброшенного. Впрочем, здесь все еще можно было порою видеть не чуждых спортивного духа филадельфийских джентльменов, которые выезжали своих чистокровных скакунов, запряженных в легкие беговые колесницы. Прямо за домом высилась дроболитейная башня — одна из тех, что долго оставались характерной приметой филадельфийского пейзажа. Новое жилище По состояло из располагавшихся на первом этаже столовой и гостиной (она же его рабочий кабинет), и нескольких просторных спален, помещавшихся на втором. Кухня находилась в полуподвале. По-видимому, именно в доме на Коутс-стрит было написано большинство статей и рассказов, появившихся в журнале Грэхэма, и, вероятно, здесь же По впервые почудился шорох крыльев «Ворона». В одной из спален наверху он иногда проводил целые

недели, прикованный к постели болезнью.

Близость реки позволяла По заниматься плаванием — единственным видом физических упражнении, к которому он имел привычку и склонность. С переездом на Коутс-стрит следует также связывать пробуждение у него интереса к природе близлежащих окрестностей. Теперь он часто отправлялся на пикники и лодочные прогулки вверх по рекам Шуйкиль и Виссахикон, а иногда и в охотничьи экспедиции. В семье Детвайлеров, жившей по соседству с По, около Лемон-хилл, вспоминали поездку на лодке в плавни за камышовой дичью, совершенную По вместе с одним из молодых Детвайлеров. Любопытно, что на веслах сидел последний, а стрелял знавший толк в охоте По, который вернулся из похода с богатой добычей.

Хотя в новом «особняке» По суждено было провести самые безоблачные дни в своей жизни, относящиеся к периоду его редакторской деятельности в «Грэхэмс мэгэзин», когда семье удалось хоть на время высвободиться из тисков нужды, и руки Вирджинии, оставив иголки и нитки, вновь запорхали по клавишам ее маленького пианино, первые месяцы пребывания на Коутс-стрит были нерадостными. То было скудное время, и жить помогали лишь надежды на скорый выход в свет первого номера «великого журнала». Порою денег на оплату почтового сбора за рассылку проспектов нового журнала не хватало, и По отправляли их друзьям целыми пачками для распространения. Однако не было на свете силы, способной лишить их жилище безупречной чистоты и спокойного уюта, созданных неустанными трудами любящей миссис Клемм, которая была заботливой матерью обоим своим «детям». И хотя стены его и не украшал «расшитый золотом пурпур», они все же служили надежной защитой от внешнего мира. По не держали служанку, и Вирджинию часто видели работающей в маленьком садике перед домом, где она выращивала цветы и ухаживала за несколькими фруктовыми деревьями, в то время как мать хлопотала по дому. Вирджинии хватало самого крошечного клочка земля, чтобы порадовать своего Эдди цветами. Привязанность По к этой хрупкой женщине-ребенку была сейчас сильнее, чем когда-либо раньше; он боготворил ее, и образ Вирджинии слился для него с владевшей его мечтами «Лпгейей». Это не было всепоглощающее чувственное влечение, какое испытывает мужчина к любимой и любящей его женщине, но трепетная нежность, обостренная усиливающимся страхом утраты, щемящая жалость, стремящаяся уберечь ту, на кого она обращена, от всех забот и печалей. Нередко такое чувство бывает глубже и долговечнее страсти.

Вечерами она пела ему, сидя у камина, а миссис Клемм

занималась рукоделием; иногда он читал им глуховатым голосом, способным потревожить даже призраков, свои стихи или какой-нибудь жуткий рассказ, держа в руках испещренную красивым и четким почерком рукопись, свернутую в свиток, точно древний манускрипт (он имел привычку писать на листках нотной бумаги, склеенных краями в длинную ленту). Выпадали, однако, и мрачные дни, когда Вирджинию одолевала слабость и недомогание, а Эдгар вдруг впадал в глубочайшую меланхолию и исчезал из дома бог весть куда, чтобы быть приведенным обратно в беспамятстве и изнеможении обеспокоенными и любопытствующими соседями или самой г-жой Клемм, действовавшей просьбами и увещаниями. Силы совершенно покидали его; беспомощный и павший духом, он по нескольку дней не вставал с постели, полубезумный от боли и раскаяния. В последние месяцы 1839 года приступы эти вконец расшатали его здоровье, вызвав тяжелое нервное расстройство. Осаждаемый сонмом все тех же демонов, он не выдержал натиска и бросился искать спасения в вине.

Продолжительные периоды, в которые он пренебрегал делами журнала, и резкость некоторых его критических статей были, надо полагать, главными причинами, приведшими к ухудшению его отношений с Бэртоном, ибо именно в это время По предпринял попытку порвать с «Джентльменс мэгэзин». Быстро раскаявшись, он послал Бэртону отчаянное просительное письмо, и мир был на время восстановлен. Между тем в последний месяц уходящего 1839 года наконец увидел свет сборник его рассказов.

«Гротески и арабески» были опубликованы в Филадельфии издательством «Ли и Бланшар» в декабре 1839 года, однако на титульном листе годом выпуска указан 1840й. Двухтомник, изданный тиражом 750 экземпляров, был посвящен полковнику Уильяму Дрейтону. Первый том, насчитывавший 243 страницы, открывался предисловием, в котором По старался отвести обвинение в копировании немецких образцов и особо отмечал тот факт, что все рассказы связаны своего рода идейной общностью, ибо с самого начала предназначались для публикации в виде сборника с тем, чтобы «сохранить присущее им до определенной степени единство замысла». Далее следовали четырнадцать новелл. Во второй том были включены десять рассказов и приложение. Название сборника подсказала статья сэра Вальтера Скотта, появившаяся в июльском номере журнала «Форин куортерли ревю». В него вошли все опубликованные к тому времени рассказы По с добавлением еще одного — «Почему у французика рука на перевязи». В них предстают в завершенном

виде все литературные типы, когда-либо созданные По, исключая лишь «Непогрешимого логика», которому предстояло появиться в недалеком будущем вместе с серией рассказов, основанных на методе дедуктивных рассуждений.

По прожил в Филадельфии уже полтора года.

У него появилось немало полезных друзей и знакомых, известность его выросла. В 1839-м под его именем вышли в свет две книги и были напечатаны некоторые из его лучших рассказов. Однако денег ему это почти не принесло, и он снова впал в уныние. Отношения с Бэртоном обострялись, и окончательный разрыв был неминуем.

В начале 1840 года По энергично занимался сразу несколькими делами. Он все еще писал кое-какие мелочи для Бэртона, но мысли его были поглощены планами создания журнала, единственным владельцем и редактором которого должен был стать он сам. Поскольку собственным капиталом По не располагал, подготовку к выпуску журнала, который предполагалось назвать «Пенн мэгэзин», он вел, и весьма деятельно, по трем разным направлениям: публиковал объявления о предстоящем появлении нового журнала в различных периодических изданиях, старался привлечь к сотрудничеству известных литераторов и, наконец, делал все возможное, чтобы заранее набрать достаточное количество подписчиков и таким образом обеспечить своему предприятию необходимую финансовую поддержку на начальном этапе.

В этих усилиях По мог опираться лишь на помощь и содействие своих друзей и литературных единомышленников. Все его письма того периода посвящены почти исключительно делам «Пенна» и адресованы родственникам, в Балтиморе, старым ричмондским друзьям, коллегам из западных штатов и тем редакторам журналов, которые, как он совершенно точно знал, либо благоволили к нему, либо его боялись.

Идея издания собственного журнала зиждилась на уверенности По в том, что, избавившись от одиозного влияния таких редакторов, как Уайт и Бэртон, и полностью взяв бразды правления в свои руки, он сможет завоевать симпатии более многочисленной и в то же время более изысканной аудитории смелостью критических суждений и высокими достоинствами литературных материалов.

Проспект «Пенна» (игра слов в названии[16], должно быть, приводила его в восторг) дает полное представление о том, на чем основывались его надежды. Разумеется, литературные теории автора не могли быть всеобъемлюще изложены в сочинении такого сугубо практического назначения, как

«Проспект
Ежемесячного Литературного Журнала
«ПЕНН»
Издатель и Редактор Эдгар А. По
Филадельфия
К читающей публике.

С тех пор как я сложил с себя обязанности редактора журнала «Сазерн литерери мессенджер» в начале третьего года пребывания на этом посту, меня не покидала мысль основать новый журнал, сохранив некоторые из главных особенностей упомянутого ежемесячника и полностью либо в значительной мере изменив остальное. Однако в силу множества разнообразных причин исполнение этого намерения приходилось откладывать, и лишь теперь я получил возможность попытаться его осуществить.

Тем, кто помнит первые дни существования ричмондского журнала, о котором идет речь, едва ли нужно говорить, что характерной его чертой была излишняя резкость критических заметок в рубрике, посвященной новым книгам. «Пенн» сохранит эту суровость в суждениях лишь настолько, насколько того требует справедливость в строжайшем смысле слова. Будем надеяться, что прошедшие годы умерили воинственность критика, не отняв, однако, от него творческой энергии. Впрочем, они, конечно же, не научили его читать книги глазами их издателей, равно как и не убедили в том, что интересы литературы не связаны с интересами истины. Первая и главная цель будущего журнала — приобрести известность в качестве издания, имеющего всегда и по всем предметам суждение честное и смелое. Ведущим его назначением станет утверждение словом и подкрепление делом неотъемлемых прав совершенно независимой критической мысли, чьи преимущества он будет доказывать собственным своим существованием…

Что касается других качеств «Пенна», то здесь достаточно ограничиться лишь несколькими словами.

Он направит свои усилия на содействие всеобщим интересам словесности безотносительно к отдельным географическим областям, рассматривая в качестве истинной аудитории писателя весь мир. За пределами литературы, в собственном смысле слова, он представит заботам лучших наставников задачи общественного просвещения в предметах наисерьезнейшей важности. Главная цель его заключается в том, чтобы доставлять удовольствие — посредством разнообразия, оригинальности и остроумия. Здесь, однако, уместно заметить, что сказанное в этом проспекте ни в коем случае не следует толковать как намерение

осквернить чистоту журнала хотя бы самой малой примесью фиглярства, непристойности или пошлости — пороков, каковыми страдают некоторые из лучших европейских изданий. Во всех областях и жанрах литературы он будет черпать из высочайших и прозрачнейших источников…»

В проспекте сжато и в упрощенном для предполагаемого читателя виде изложены основные идеи По о принципах литературной критики и издательского дела — идеи довольно здравые, хотя и неизвестно, удалось ли бы такому человеку, каким был «редактор и издатель», окажись у него даже необходимые финансовые средства, в полной мере претворить в жизнь свои намерения — в особенности там, где речь идет о критике.

Отклики, которые По получал на свои обращения, в целом весьма обнадеживали. Ободряющих обещаний поддержки со стороны подписчиков и собратьев по перу становилось все больше, и в какой-то момент могло показаться, что первый номер «Пенна» и в самом деле увидит свет в январе 1841 года, как утверждало объявление, появившееся в газете «Филадельфия сэтэрдей кроникл» от 13 июня 1840 года. Однако целый ряд непредвиденных событий и вынужденные перемены в планах По на будущее неожиданно заставили его отсрочить дату выхода журнала. Этими событиями были новый нервный кризис, окончательный разрыв с Бэртоном и увлечение По работой в качестве редактора другого крупного периодического издания.

Во второй половине зимы и начале весны 1840 года По продолжал, хотя и без особой охоты, работать с Бэртоном. Однако последнего театральные дела стали интересовать теперь больше, чем издательские, и он без лишнего шума начал переговоры о продаже своего журнала, ничего не сказав По. Со своей стороны, По вел в это время переговоры по поводу своего «Пенна», не ставя в известность Бэртона. Именно и тот момент до каждого из них дошли сведения о частных предприятиях, которыми был занят другой. Само собой, пренебрежение По своими обязанностями и его частые отсутствия вызывали у Бэртона раздражение, впрочем, надо учитывать, что По был болен. Как обычно в таких случаях, обоим было в чем упрекнуть друг друга, когда дошло до объяснений. Постоянные ссоры Бэртона с театральными антрепренерами привели его к решению купить собственный театр, а журнал без ведома По был объявлен к продаже. Узнав об этом, По, как утверждал Бэртон, попытался воспользоваться списками подписчиков «Бэртонс мэгэзин» для своего «Пенна». По заявил, что считает Бэртона «низким и бесчестным человеком». Вдобавок ко всему Бэртон подолгу не появлялся в редакции,

занятый театральными прожектами. В феврале он уехал в Нью-Йорк. По вынужден был нести двойное бремя и, устав от всего этого, ясно дал понять, как относится к подобному разделению обязанностей, тоже перестав ходить на службу. Это ускорило развязку. Вернувшись, Бэртон нашел пустую редакцию и заваленный письмами и рукописями стол, не обнаружив никаких признаков подготовки к выпуску очередного номера журнала. Благодаря невероятным стараниям владельца он все же появился в срок, однако По нерадивость стоила места.

В мае 1840 года По познакомился и вскоре подружился с Ф. У. Томасом, который задержался в Филадельфии, возвращаясь к себе в Сент-Луис из Балтимора, где он принимал участие в съезде партии вигов. По с семьей все еще жил на Коутсстрит, и Томас побывал у них а гостях. Между ними тотчас возникла живейшая симпатия. Особенно очаровали Томаса Вирджиния и миссис Клемм. Нашел он дорогу и к сердцу По, который вспоминал позднее, что их беседа часто обращалась к «одному любимому имени» — речь шла о Фрэнсис, приемной матери По.

Этих двух людей объединяло многое; оба были писателями, поэтами и редакторами, оба выросли на Юге и давно знали друг о друге через общих знакомых. Как и По, Томас страдал расстроенным здоровьем. Навсегда оставшись калекой — видимо, вследствие туберкулеза костей, — он долго и с большим трудом добивался литературного признания. В Балтиморе, в ту пору, когда По служил в армии, Томас хорошо знал его брата Генри, и однажды они даже оказались соперниками в любви. Как раз тогда он впервые услышал о По и его творчестве. По, со своей стороны, очень интересовался романом Томаса «Клинтон Брэдшоу», ибо в нем описывались люди, которых По знал, когда жил в Балтиморе. В Филадельфии они сошлись очень близко и подолгу беседовали о поэзии и других литературных предметах. По дал Томасу немало дельных советов о том, как сочинять романы. Вечера, которые они проводили вместе на Коутс-стрит, оживляла Вирджиния, любившая петь своим нежным звонким голосом одну из песен Томаса, «Говорят, разлука — враг любви».

Средства По, и без того очень скудные, быстро иссякли вскоре после того, как он покинул бэртоновский журнал. Последний его материал, помещенный там, датируется июнем 1840 года. С этого времени и до января 1841 года, когда он начал сотрудничать с «Грэхэмс мэгэзин», публикации его были немногочисленны, носили в основном случайный характер и проходили незамеченными.

Большую часть времени занимали переписка относительно «Пенна» и наблюдение за печатанием и рассылкой

цитировавшегося выше проспекта. Творческий застой в этот период можно приписать и постепенно одолевавшей его осенью 1840 года болезни, из-за которой он слег в декабре, оправившись лишь к середине января следующего года. Достоверно известно, что после скандала с Бэртоном По снова впал в нервное расстройство. Что явилось причиной, а что — следствием, сказать трудно. Переплетения их были слишком сложны.

В октябре 1840 года Бэртону удалось продать «Джентльменс мэгэзин» за 3500 долларов Джорджу Грэхэму, владельцу бесцветного и малоинтересного ежемесячника «Эткинсонс кэскет», издававшегося в Филадельфии в течение десяти месяцев. На деньги, вырученные от этой сделки, положившей конец его литературным амбициям, Бэртон купил известный в Филадельфии цирк «Кукс олимпик», где снова смог посвятить себя настоящему своему призванию — антрепренера и паяца.

Глава девятнадцатая

Сделавшись владельцем «Джентльменс мэгэзин», мистер Грэхэм решил, что ему незачем издавать целых два журнала, сочтя более разумным слить их в один, который получил название «Грэхэмс мэгэзин». Не забыл он и о молодом редакторе Бэртона — 18 января По имел с Грэхэмом беседу, и между ними было заключено соглашение, сулившее По самые выгодные условия, на каких ему когда-либо доводилось работать. Опыт с Уайтом и Бэртоном кое-чему его научил, и теперь он с самого начала откровенно рассказал новому патрону о своем желании открыть собственный журнал и иметь возможность оказывать влияние на характер грэхэмовского издания, если займет кресло его редактора. Их договор поэтому был до известной степени компромиссом.

Отказываться от идеи «Пенна» По не собирался, однако предпочел некоторое время выждать. В случае, если новый редактор докажет свои способности, Грэхэм обещал поддержать его начинание или взять По в компаньоны — в зависимости от обстоятельств. А пока По предоставлялось право принимать значительное, если не решающее, участие в руководстве деятельностью журнала, публиковать в нем свои рассказы, стихи, статьи и рецензии и, самое главное, добиваться, чтобы страницы его осветились блеском имен и таланта наиболее известных литераторов тех лет.

Джордж Рекс Грэхэм, которому предстояло сыграть важную роль в карьере По, был по-своему замечательным и, в общем, не лишенным способностей человеком. Сын филадельфийского коммерсанта, разорившегося во время одной из частых тогда биржевых паник, Грэхэм еще подростком выучился столярному делу. чтобы заработать на жизнь. Позднее он изучал право и был допущен к адвокатской практике в 1839 году. Тогда же он стал одним из редакторов газеты «Сэтэрдей ивнинг пост» и купил журнал «Эткинсонс кэскет». Основав в 1841 году «Грэхэмс мэгэзин», он положил начало самому плодотворному и успешному периоду своей издательской деятельности. Грэхэм был первым в Соединенных Штатах, кому удалось создать крупный журнал национального значения, выходящий многотысячными тиражами, который можно считать предтечей современных американских изданий подобного рода. В таком предприятии опыт, идеи и дарования По могли очень пригодиться Грэхэму, обладавшему превосходнейшим чутьем в выборе помощников.

Грэхэм объявил, что «стремится найти золотую середину

между тяжелой и скучной литературой, которую читают только тори, и слащавой сентиментальностью, ставшей лейтмотивом эпохи». Кроме того, он по-новому подошел к вознаграждению сотрудничающих с ним авторов, намного увеличив гонорары. Лонгфелло, например, получал за стихотворение 50 долларов, часто и больше. Поэту-песеннику Джорджу Моррису заранее гарантировалась такая же сумма за любую написанную им песню, как бы плоха она ни оказалась. За роман «Острова в заливе» («Джек Тайер») Фенимору Куперу заплатили 1800 долларов, хотя Грэхэм сам признал, что эта публикация не прибавила журналу ни единого нового подписчика. Щедро платили и другим писателям — разумеется, учитывая степень одаренности и популярности. Печатавшиеся в журнале гравюры стоили от 100 до 200 долларов за доску, а вместе с типографскими издержками — краска и бумага были самыми дорогими — около 500. Словом, в расходах на журнал мистер Грэхэм не скупился, и эта щедрость окупалась сторицей. К сожалению, распространялась она не на всех. Молодой редактор журнала «Грэхэмс мэгэзин», «охватывающего все области литературы, с гравюрами и рисунками мод, а также нотами музыкальных пьес в переложении для фортепиано, арфы и гитары», получил жалованье, которое иначе, как скудным, не назовешь, — всего 800 долларов в год.

За статьи, рассказы и стихотворения, которые он писал в добавление к своей обычной работе, По платили совсем небольшое вознаграждение постранично; в сравнении с ним гонорары Лонгфелло и других казались просто баснословными. Быть может, это обстоятельство в определенной степени повлияло на отношение По к своим более удачливым собратьям по перу из Новой Англии, ибо в славе их было — но крайней мере, в прямом смысле, — больше золотого блеска, чем в его собственной. Нет сомнений, что отсрочить выпуск «Пенна» По согласился лишь в обмен на обещание прибавки к жалованью по истечении шести месяцев работы, а также в предвидении возможности сделаться через год совладельцем «Грэхэмс мэгэзин». Журнал начал печататься, имея 5 тысяч подписчиков, а спустя всего год число их достигло 40 тысяч. Какова бы ни была роль, которую сыграли деловые способности Грэхэма, большая часть этого феноменального успеха, безусловно, принадлежит По, ибо с 1 января 1841-го по апрель 1842 года он, по существу, безраздельно властвовал над судьбами журнала.

К несчастью, именно то, что успех был столь велик, вызвало у Грэхэма нежелание делить его со своим редактором или принимать участие в осуществлении заветного плана По, от которого тот, однако, упорно не хотел отказываться. Отношения с

Грэхэмом стали повторением — в более широком смысле и без досадных личных распрей — его отношений с Уайтом и Бэртоном. Все те же пресловутые «небрежности» с его стороны привели вновь к осложнениям, теперь более серьезным, и та же призрачная мечта сделаться хозяином собственного таланта продолжала смущать его ум, не позволяя всецело подчинить себя чужим интересам.

Редакция журнала, где теперь работал По, помещалась на верхнем этаже трехэтажного кирпичного здания на Честнат-стрит. Сюда По являлся почти каждый день, совершая пешую прогулку с Коутс-стрит через весь город. Здесь, за редакторским столом, он писал статьи и рассказы, которые на протяжении следующих полутора лет волновали воображение читателей, умножая славу их автора.

По утрам мистер Грэхэм и его супруга, жившие теперь на широкую ногу, подкатывали в собственном экипаже к дому, где находилась редакция, преодолевали три лестничных марша и, оказавшись в своих владениях, принимались разбирать только что доставленную почту, грудой сваленную на столе. Они извлекали из конвертов банкноты и казначейские билеты, предоставляя отвечать на письма По и его помощникам. Затем с кипами денег в руках оба поспешно отбывали, чтобы как можно скорее обратить их в звонкую монету по самому высокому курсу в лавках менял на соседней улице. Эти набеги, без сомнения, до глубины души возмущали молодого редактора, на чьих плечах лежало основное бремя работы. В течение двух лет утренняя жатва ни разу не разочаровала Грэхэмов. К июлю 1841 года число подписчиков выросло до 20 тысяч, что к концу года принесло владельцу журнала 15 тысяч долларов чистого дохода. Впрочем, доля По в этом урожае была крайне мала.

Однако Грэхэмы были далеко но единственными, хотя и самыми частыми гостями в доме на Честнат-стрит. В редакцию нередко наведывались местные литераторы, журналисты и художники: Томас Данн Инглиш, братья Петерсоны, Роберт Салли и капитан Майн Рид — молодой, располагающий к себе писатель, внешне чемто похожий на Наполеона III, автор романа «На бревне по Амазонке», который печатался с продолжением в детском журнале «Ауэр янг фоукс» и держал в трепетном напряжении целую армию юных искателей приключений. Майн Рид и Инглиш имели обыкновение сопровождать По, когда тот возвращался домой на Коутс-стрит — все трое жили по соседству.

Не обходили вниманием журнал и более маститые писатели — оказываясь в Филадельфии, они считали своим долгом нанести визит Грэхэму и грозному мистеру По, чтобы предложить плоды

своих трудов покупателю, дававшему самую высокую цену.

Встречи эти неизменно кончались обедами у Грэхэмов, которые, разбогатев, не жалели денег на большие приемы и обильные застолья, сзывая к себе всех, кто мог блеснуть умом и талантом. Гостей потчевали лучшим, что дарил достаток, и эти пиршества долго помнились тем, кого на них приглашали.

Впрочем, светские удовольствия и развлечения, которым предавался По, имели, подобно медали, свою оборотную и далеко не столь блестящую сторону. Миссис Клемм всерьез тревожили частые застолья у Грэхэмов, и она теперь допоздна просиживала у них на кухне, чтобы потом проводить По домой. Всякий раз она не забывала прихватить с собой и знаменитую корзину, в которой уносила остатки трапезы, неотступно следуя за Эдди, ибо, предоставленный самому себе, тот непременно заглянул бы к своему другу Генри Хирсту пропустить рюмку-другую бренди или абсента, и уж тогда жди всяких неприятностей. Вечер мог закончиться в какой-нибудь веселой портовой таверне, после чего По долго бы не вставал с постели. Но пока что все шло хорошо — он работал много и упорно.

По не только прекрасно справлялся с многочисленными обязанностями редактора крупного литературного журнала, но и оказался очень полезен патрону тем, что сумел привлечь к сотрудничеству с «Грэхэмс мэгэзин» известных литераторов и журналистов, чьи имена обладали для читателя магнетической силой. Значительную часть времени весной 1841 года По посвящал переписке с разными американскими авторами, прося их прислать что-нибудь для его журнала. Часто эти письма напоминали циркуляры, в которые вносились лишь самые необходимые изменения, чтобы приспособить их к каждому отдельному случаю. В составлении подобных посланий он очень поднаторел и часто получал на них благоприятные отклики.

По успешно действовал подобным же образом, работая у Бэртона и Уайта; теперь же в руках его была еще одна приманка — соблазнительные грэхэмовские гонорары и солидная репутация журнала, страницы которого он готов был предоставить своим корреспондентам. Среди тех, кому он предложил сотрудничать в «Грэхэмс мэгэзин», были Вашингтон Ирвинг, Фенимор Купер, Натаниель Уиллис и многие другие.

Но даже занимаемую им теперь должность, которая давала ему весьма видное положение в обществе, По считал лишь временным прибежищем. Более всего его привлекала возможность поступления на государственную службу. Ее преимущества — высокое жалованье и обилие свободного времени — были известны ему из первых рук: его друг Фрэнсис

Томас работал в одном из департаментов в Вашингтоне и звал По последовать его примеру, живописуя в письмах все блага, которые это сулило.

В течение двух лет эта идея не давала покоя обоим. Томас и другие знакомые пытались хлопотать за По и однажды пригласили его в Вашингтон, чтобы снести с людьми, на чье покровительство можно было рассчитывать. По очень хотел приехать, но… «Видит бог, как я желал бы приехать в Вашингтон, но — все та же известная тебе история: нет денег — даже чтобы добраться туда, не говоря уже о том, чтобы возвратиться. Бедность тяжела, однако, живя так из честных побуждений, я не смею сетовать… Я с радостью согласился бы на любую должность — пусть даже с жалованьем 500 долларов в год, — лишь бы иметь возможность зарабатывать на пропитание делом, далеким от литературы. Чеканить звонкую монету из собственных мыслей, повинуясь кивку хозяина, есть, думается мне, труднейший на свете удел…»

Весной 1842 года По познакомился со многими из тех людей, которые сыграли чрезвычайно важную роль в его жизни. Быть может, самые далеко идущие последствия имела для него встреча с Руфусом Грисвольдом.

Преподобный д-р Руфус Грисвольд — ибо таков был по праву принадлежавший этому джентльмену титул — родился в городе Бонсоне, штат Вермонт, в 1815 году, и в молодости немало путешествовал по Соединенным Штатам и за границей. Пробыв какое-то время в ученичестве у типографа и издателя, он занялся затем изучением теологии и сделался баптистским священником. Позднее он оставил это даже тогда малодоходное поприще, чтобы стать редактором, издателем, а также, пожалуй, самым осведомленным и бойко пишущим биографом в тогдашней Америке. В ту пору в Соединенных Штатах не было ни одного сколько-нибудь известного или неизвестного, но хотя бы чем-то примечательного писателя, о котором Грисвольд но знал бы в общих чертах решительно всего. Редактируя произведения всевозможных родов и жанров и поддерживая постоянные связи с различными периодическими изданиями, он со свойственной ему ловкостью ума сумел проникнуть в обстоятельства жизни, изучить склонности и понять устремления многих современных ему писателей. Вдобавок ко всему он был от природы проницательным — пожалуй, слишком проницательным человеком. Не будь он столь глубоким знатоком людских несовершенств, ему, возможно, удалось бы добиться большего на литературной стезе. Нападки на По, предпринятые после его смерти преподобным доктором, от которых отдавало мелким

пакостничеством, сочетавшимся с изощренным умением подмешивать к истине искусно отмеренную толику правдоподобной лжи, вызвали позднее справедливое осуждение многих комментаторов, в особенности тех, кто симпатизировал По.

Впервые судьба свела Грисвольда и По в Филадельфии ранней весной 1841 года — как раз в это время Грисвольд готовил к печати свою антологию «Поэты и поэзия Америки», которая вышла в свет в апреле 1842 года и выдержала впоследствии двадцать девять переизданий. По уже довольно долго не писал стихов — мешали увлечение прозой и не терпящие отлагательств журналистские дела, — однако отнюдь не забыл своей первой литературной любви. Он постоянно печатал в различных журналах стихотворения, вошедшие в три его сборника, внося в них новые и новые исправления, и не мог, разумеется, упустить такой возможности, какую давала антология Грисвольда. Грисвольд, в свою очередь, был рад оказать услугу молодому и быстро завоевывающему известность редактору «Грэхэмс мэгэзин». В результате переписки между ними в марте 1841 года несколько стихотворений и очерк жизни По — весьма отрывочный и недостоверный — были включены в новую антологию с умеренно хвалебной заметкой от составителя. Самым запоминающимся из этих стихотворений был «Дворец призраков» — тот самый, из-за которого По обвинил, причем без достаточных оснований, в плагиате Лонгфелло, прочтя его «Осажденный город». Грисвольду По написал, и это интересно отметить, что под «Дворцом призраков» он подразумевает «преследуемый призраками, помутившийся рассудок». Покуда ничто еще не омрачало отношений между двумя молодыми людьми, знакомство которых имело для обоих столь губительные последствия.

Первое столкновение между ними произошло довольно скоро. Грисвольд больше всего на свете желал сам сделаться поэтом, однако его творческие потуги приносили весьма плачевные результаты, и По не давал себе труда скрывать свое пренебрежение к таким опусам. С другой стороны, никаких похвал, которыми Грисвольд мог бы одарить По, не хватило бы, чтобы утолить его жгучее тщеславие. Скромная же их мера, доставшаяся ему в действительности, была воспринята поэтом как оскорбление. Его сочли равным многим, но отнюдь не первым. Подобной оценки он простить не смог. По высмеивал антологию Грисвольда в публичном выступлении; так вспыхнула вражда, отголоски которой не утихали, даже когда обоих уже не было в живых.

Несмотря на неудачу, постигшую друзей По в попытках выхлопотать ему государственную синекуру, и на отказ издателей опубликовать новый сборник его рассказов, в жизни его ни раньше, ни потом не было времени, когда бы небеса казались столь безоблачными, а будущее — многообещающим, как летом и осенью 1841 года. Он чувствовал себя вполне здоровым, насколько это вообще было для него возможно, и пока что находил в себе силы надлежащим образом исполнять свои обязанности, преодолев пристрастие к вину. Он был редактором значительного, возможно, самого значительного журнала в стране, литературным критиком, которого уважали и боялись. Дом его, хотя и не отличался особым достатком, был удобен и даже красив. В здоровье Вирджинии еще не произошло рокового ухудшения, и она по-прежнему могла сопровождать мужа во время прогулок или пикников на Виссахиконе. Известность По продолжала расти, и сейчас его окружали друзья — старые и приобретенные недавно. Они любили собираться вместе в доме на Коутс-стрит, который миссис Клемм содержала в безукоризненной чистоте; она весьма разумно распоряжалась банковским счетом По и с помощью Вирджинии старалась, как могла, пополнить семейный бюджет, зарабатывая шитьем. Вирджинии уже исполнилось восемнадцать лет, однако один из знавших ее тогда друзей сообщает, что «ей едва можно было дать четырнадцать». В жаркие дни По часто ходил купаться на реку, и Вирджиния. любила за ним наблюдать. В церкви ни По, ни его домашние, судя по всему, не бывали. По субботам (ибо именно субботу, а не воскресенье квакерская Филадельфия была склонна считать святым днем) По иногда вставал пораньше и отправлялся на лодке вверх по Виссахикону, протекавшему тогда по живописной, уходящей прочь от города долине, чтобы в мечтательном уединении провести несколько часов на тихом, поросшем густой травой берегу.

«Песни, которые мы посвящаем музам, тем прекраснее, чем легче наш карман», — заметил По в одной из рецензий, хотя собственная его жизнь опровергала утверждение о том, что поэтов вдохновляет голод. Наиболее плодотворный в творческом отношении период его жизни был отмечен относительным достатком и благополучием. В те дни По много писал для каждого номера грэхэмовского ежемесячника, не оставляя вниманием и другие издания.

Характер его критических статей не претерпел существенных изменений по сравнению с тем, что он печатал в «Сазерн литерери мессенджер» несколько лет назад. Разумеется, автор их стал немного учтивее и пожитейски мудрее — и это более

доброжелательное отношение было оправдано, ибо книги, которые он теперь рецензировал, в целом выгодно отличались от произведений, написанных в предыдущее десятилетие. Поэты были уже не так слащавы, а прозаики временами хотя бы делали вид, что испытывают интерес к реальному миру. Лонгфелло, например, удостоился похвалы за поэтический талант, хотя и был осужден как подражатель; зато Теннисону По воздал полной мерой как «величайшему» из английских поэтов.

Тогда же он довел до совершенства свой метод логических рассуждений, придав ему форму литературного приема, который использовал в рассказах «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Низвержение в Мальстрем». В них появляется последний и самый оригинальный из созданных им героев — «непогрешимый логик».

Образы и сюжеты «Гротесков и арабесок», отражающие навязчивые душевные состояния самого По, тревожили его сознание, ибо он не мог не понимать, что многое в этих рассказах несло на себе явственный отпечаток каких-то психических отклонений — особенно в тех из них, где живописуются ужасающие муки терзаемой человеческой плоти и кровавые убийства или изображаются странные отношения между героями и героинями. И он вступил в борьбу с осаждавшими его темными и неведомыми силами. Больше всего его беспокоило то, что все написанное им до сих пор было словно продиктовано извне, помимо его собственной воли. Теперь он решил, что будет строить свои произведения по строгим законам логики, тщательно отбирая и анализируя.

Вот почему следующим его литературным самовоплощением стал герой, наделенный почти сверхчеловеческой силой ума, детектив-логик и убежденный враг преступности. Теперь главные персонажи его рассказов уже не предаются каннибальским пиршествам и не кромсают человеческих тел, а, напротив, преследуют изуверов, стремясь помешать их злодеяниям. Да нет же, как бы говорит себе По, на самом деле люди на такое не способны — и в рассказе появляется страшная обезьяна, совершающая отвратительные зверства, к изображению которых его по-прежнему толкала фантазия.

Не в силах разорвать порочного круга, «холодный мыслитель» вопреки себе самому вновь и вновь возвращался к тому, от чего пытался бежать, — к убийствам и до неузнаваемости обезображенным трупам женщин. Выхода не было. Но как он жаждал его найти! В тиши дома на Коутс-стрит в то время, как миссис Клемм и Вирджиния шили, сидя у горящего камина, перо молодого писателя продолжало лихорадочно сновать по

аккуратно склеенным вместе листам голубоватой бумаги, поверяя им языком прекрасным и звучным ужасные видения, теснившиеся в его воспаленном мозгу и заставившие содрогнуться не одно поколение читателей.

Поистине это было одно из самых странных семейств на свете! Пока в соседней комнате Вирджиния играла со своей кошечкой, а миссис Клемм ощипывала цыпленка к обеду, рожденная воображением По кровожадная обезьяна сдирала скальпы со своих жертв. Что толку говорить о том, что о сбежавшем из зверинца орангутанге По мог прочесть в какой-то ныне забытой пенсильванской газете, или о том, что происшедшее в ту пору в Нью-Йорке убийство, как обычно, заполнило газеты леденящими кровь подробностями. Все это могло дать толчок странным фантазиям, однако не объясняет причин последовавшей позднее катастрофы.

Впрочем, сейчас молодой редактор все еще упорно считал себя самым разумным из людей. И в самом деле не было такой запутанной криптограммы, которую он не смог бы разгадать. В августе 1841 года По успешно решил на страницах своего журнала одну из таких задач, присланную из Вашингтона Томасом, который сообщает, что статьи По, посвященные головоломкам и тайнописи, привлекли там большое внимание и даже были показаны одному из сыновей президента — разумеется, с тем, чтобы заручиться его поддержкой в хлопотах о казенной должности для По. (Система для решения головоломок могла бы прийтись политикам как нельзя более кстати!)

Безупречный логик весьма скоро проявил себя и как критик. В феврале 1841 года По поместил в «Грэхэмс мэгэзин» рецензию на роман «Барнеби Радж», попытавшись предсказать в ней дальнейшее развитие сюжета этого произведения, которое печаталось с продолжением. Догадки его подтвердились, по поводу чего Диккенс, как говорят, воскликнул: «Этот По, должно быть, сам сатана!»

Как мы видели, По был одержим идеей человеческого полета, в возможности которого не сомневался. В мыслях ему уже рисовался управляемый воздушный шар. Он даже предвидел появление небоскребов, упоминая в одном из рассказов о постройке двадцатиэтажиого здания в Манхэттене. Предсказывая многочисленные перемены в облике мира, По, как правило, был проницателен, и некоторые из его предвидений оказались поразительно близки к истине. Однако в отличие от большинства современников он не разделял веры в безусловные преимущества «прогресса», слишком хорошо видя противоречия и зияющие пустоты в мировоззрении общества, поставившего во главу всего

материальное благополучие. Последнее никогда не было для По пределом устремлений.

К концу 1841 года стало совершенно очевидно, что Грэхэм не собирается помогать По в издании нового журнала — его собственный преуспевал, и остальное мало его заботило. Не выказывал он и намерения сделать По компаньоном в предприятии, неожиданно оказавшемся столь доходным. Однако человек этот был от природы так добродушен и любезен, что поводов для ссор с ним не находил даже По. Грэхэм не досаждал ему мелкими придирками, которыми в свое время изводил его Бэртон, заслуживший тем самым презрение своего бывшего помощника. И все же отказ Грэхэма поддержать По в новом начинании или сделать его совладельцем «Грэхэмс мэгэзин» являлся — во всяком случае, по мнению молодого редактора, — нарушением основного условия их соглашения.

Вероятно, Грэхэму очень хотелось удержать человека, благодаря которому число его подписчиков каждый месяц увеличивалось на несколько тысяч, но По был не удовлетворен и временами обнаруживал обычную для себя нетерпимость. Язвительность его критики всегда беспокоила тех, для кого он писал, не меньше, чем тех, о ком он писал.

Затем в первые месяцы наступившего 1842 года в семье По произошли события, вновь толкнувшие его к «несообразностям», причины которых были столь сложны. Продлившийся около года период, когда он, в общем, чувствовал себя сравнительно хорошо и вел весьма умеренный образ жизни, подходил к концу; близилось «низвержение в Мальстрем». О трагических обстоятельствах, приведших к катастрофе, пойдет речь дальше.

Глава двадцатая

Однажды вечером, в конце января 1842 года, в доме По на Коутс-стрит собралось небольшое общество. В камине пылал огонь, и пока Эдди развлекал гостей беседой и чтением вслух, миссис Клемм, за которой ходила по пятам кошка Катарина, хлопотала у большого сверкающего кофейника (ее любимого), готовясь подать немудреное вечернее угощение. Вирджиния по обыкновению должна была порадовать собравшихся музыкой. По очень гордился женой, ибо всеми своими скромными светскими совершенствами — умением немного говорить по-французски и петь под собственный аккомпанемент — она была обязана именно ему. Принесли арфу, и Вирджиния с большими блестящими глазами на бледном, как воск, лице пробежала легкими детскими ручками по струнам и начала петь. Сейчас, как никогда, во всем ее облике и движениях было что-то ангельски неземное, вызывавшее у По почти благоговейный восторг.

Голос ее, звонкий и верный, поднялся на несколько нот выше — и вдруг оборвался. Она схватилась руками за горло, и грудь ее обагрилась хлынувшей изо рта кровью. По и все остальные кинулись к ней. Какое-то мгновение казалось, что она умирает. Забрызганный ее кровью По отнес Вирджинию наверх и положил на постель. Пока миссис Клемм готовила холодные компрессы и пыталась помочь дочери простыми домашними средствами, Эдгар бросился за доктором.

Ехать пришлось через весь город. Когда доктор Джон Кирсли Митчелл, услышав отчаянный трезвон колокольчика, поспешил открыть дверь, он увидел перед собой обезумевшего от волнения молодого человека, который, пытаясь что-то объяснить на ходу. усадил его в экипаж и во весь опор погнал лошадей обратно на Коутс-стрит. По показалось, что прошла целая вечность, прежде чем во тьме снова замерцали огни на берегу реки, и они остановились у его дома.

Здравость рассудка По была странным образом зависима от жизни Вирджинии, которая воплощала собой единственно возможный компромисс с реальностью в его отношениях с женщинами, — столь сложных и утонченных, что понять, куда вели все потаенные ответвления этого лабиринта, едва ли кому-нибудь удастся. Самая мысль о том, что он может ее потерять, приводила его в состояние, граничащее с умопомешательством. Он но мог думать об этом без ужаса и содрогания. Теперь же, когда он явственно увидел кровавое знамение опасности, мир пошатнулся, и небеса, казалось, готовы были обрушиться на

землю.

Роковое событие, происшедшее январским вечером 1842 года, было не только предвестьем скорой смерти Вирджинии, но и ознаменовало для самого По начало все более углубляющегося душевного расстройства. На руках у доктора Митчелла оказался не один, а сразу два тяжело больных человека, и состояние По повергало его в гораздо большее замешательство, чем недуг Вирджинии, который хотя и был неизлечим, но, во всяком случае, не представлял никакого труда для распознания. С этой поры дела По на службе пошли из рук вон плохо. Он снова начал пить и часто был «небрежен». У Вирджинии продолжались приступы, каждый из которых приводил ее мужа в отчаяние. По уходил из дому, пил и иногда пропадал где-то по нескольку дней. К концу зимы такие случаи участились. Весной у него обострилась давнишняя болезнь сердца. Мистер Грэхэм вынужден был пригласить в редакцию помощника со стороны. Им оказался Руфус Грисвольд.

Объяснение происходившему По дал сам в письме к одному из друзей, написанном в 1848 году:

«Вы спрашиваете, могу ли я „хотя бы намеком дать Вам понять“, в чем состояло „ужасное несчастье“, ставшее причиной тех „странностей в поведении“, о которых я столь глубоко сожалею. Да, я могу Вам ответить, и не только намеком. „Несчастье“ это было самым страшным из тех, что могут постичь человека. Шесть лет назад моя жена, которую я любил так, как не любил ни один смертный, повредила внутренний кровеносный сосуд, когда пела. Состояние ее сочли безнадежным. Уже навеки простившись с нею, я пережил все муки, которые несла мне ее кончина. Однако ей сделалось лучше, и ко мне вернулась надежда. Через год у нее снова лопнул сосуд. Все повторилось для меня сначала. Потом снова, снова, снова и снова — через разные промежутки времени. И всякий раз, когда к ней подступала смерть, меня терзали все те же муки. С каждым новым обострением болезни я любил жену все нежнее и все отчаяннее держался за ее жизнь. Но, будучи от природы человеком чувствительным и необычайно нервным, я временами впадал в безумие, сменявшееся долгими периодами ужасного просветления. В этих состояниях совершенной бессознательности я пил — один Господь знает, сколько и как часто. Разумеется, мои враги приписывали безумие злоупотреблению вином, но отнюдь не наоборот. И, право, я уже оставил всякую надежду на исцеление, когда обрел его в смерти моей жены. Кончину ее я смог встретить, как подобает мужчине. Ужасных и бесконечных колебаний между надеждой и отчаянием — вот чего я не в силах

был выдержать, полностью не утратив рассудка. С гибелью того, что было моей жизнью, я возродился к новому, но — боже милостивый! — какому же печальному бытию».

В действительности же «исцеление» так и не наступило, и начиная с 1842 года падение неуклонно ускорялось.

Как-то По познакомился с одним молодым правоведом — приятным и располагающим к себе человеком, имевшим, однако, весьма эксцентричные привычки. Нового друга, который держал адвокатскую контору на Принс-стрит, звали Генри Бек Хирст. По в ту пору очень интересовался законами об авторских нравах — предметом, неоднократно упоминавшимся в его переписке с Томасом, и поэтому стал часто бывать у Хирста. Последний, однако, вовсе не был поглощен занятиями юриспруденцией. Родители его, с которыми он позднее испортил отношения, женившись против их воли, имели недурной доход, и Генри предпочитал изучать жизнь пернатых, собирать птичьи гнезда и яйца и писать стихи, нежели корпеть над фолиантами, посвященными гражданско-правовому деликту. Еще он очень любил загородные прогулки.

Хирст дружил с неким Джорджем Липпардом, известным в Филадельфии молодым сумасбродом, который носил волосы длинными, спутанными локонами, одевался в синий сюртук, туго стянутый в талии, и щеголял с полным пренебрежением к тогдашней моде вырезным бархатным воротником.

Липпард имел обыкновение ночевать в заброшенном доме на площади Франклина, около сотни пустующих комнат которого были открыты для всякого рода самочинных постояльцев, не желавших отягощать себя расходами на жилье. Липпард почивал, подложив под голову саквояж, и видел во сне сплошные кошмары. Место это он прозвал «монашеской обителью» и сочинил о нем сумасшедший «готический» роман, где было все — ухмыляющиеся черепа, скитающиеся по темным коридорам зловещие фигуры в капюшонах, таинственные тени, скользящие по залитому лунным светом полу. В других своих книгах и пьесах он бичевал ханжество филадельфийских обывателей, разоблачая скрывавшиеся за ним безнравственность и порочность. Книги эти вызывали бури протеста в местном обществе, а представление одной из пьес было прервано разъяренной и негодующей толпой во главе с мэром города. Через Хирста Липпард, видимо, познакомился с По. Все трое были в известном смысле братьями по духу.

Хирст и По часто заглядывали к художнику-иллюстратору Джону Сартейну, с которым оба были в приятельских отношениях. Сартейн пил абсент, Хирст обожал бренди, и потому

неудивительно, что поздние пирушки, которые устраивали художник, чудаковатый птицелов-законник и будущий автор «Ворона», внушали миссис Клемм серьезные опасения.

Хирст сделался самым близким после Томаса другом По в бытность последнего в Филадельфии. Томас жил в Вашингтоне, и общаться они могли лишь посредством переписки или во время приятных для обоих, но довольно редких встреч. Точно так же, как По бродил когда-то по Балтимору в обществе Уилмера, он теперь гулял по улицам Филадельфии или ее окрестностям, сопровождаемый Хирстом. Беседы их вращались главным образом вокруг литературных тем. По в это время уже работал над «Вороном» и не раз обсуждал его замысел с Хирстом. В этих беседах, вероятно, родились некоторые идеи и образы стихотворения. Однако Хирст, чье сознание со временем окончательно отуманил алкоголь, говоря об этих прогулках позднее, вспоминал, что стихи «были сочинены» им самим. В этом утверждении он упорствовал долгие годы, и, поскольку о его близости с По было хорошо известно многим в Филадельфии, нашлось немало людей, которые из жалости ему верили, указывая при этом на некоторое сходство между «Вороном» и написанным ранее стихотворением Хирста «Сова». С другой стороны, многие поэтические сочинения Хирста изобилуют явными заимствованиями из По, на что тот не преминул обратить внимание публики. По-видимому, влияние было взаимным, однако ни тот, ни другой не желали этого признавать, и досадная литературная тяжба не прекращалась. История была не нова: гений почерпнул нечто у посредственности и создал шедевр. Посредственность отозвалась оскорбленным ропотом, унося обиду в могилу, и была бы забыта потомством, если бы не памятная встреча с По.

Однако описанное выше произошло несколько позже, а в Филадельфии они еще долго оставались добрыми друзьями и часто проводили время вместе — потягивали абсент с Сартейном, часами просиживали в маленькой конторе Хирста на Принс-стрит за бокалом бренди, копались в законах об авторском праве, читали стихи — и говорили. Каждым воскресным утром Хирст отправлялся к По, жившему теперь в небольшом домике на Спринг-Гарден-стрит, чтобы позавтракать со своим другом. Сохранилось воспоминание об одной особенно роскошной трапезе, состоявшей из восхитительной делаварской сельди с печеным картофелем, к которой миссис Клемм подала целое блюдо дымящихся мэрилендских слоеных пирожков.

В начале марта 1842 года в Филадельфию приехал с лекциями Чарльз Диккенс, остановившийся в знаменитой тогда

гостинице, фасад которой украшал орел с разинутым в крике клювом — эмблема эта, кстати сказать, вызывала у классика непреодолимое отвращение. Речь идет о старинном отеле «Соединенные Штаты» на Честнат-стрит. Огромную популярность Диккенса в тогдашней Америке трудно представить сегодняшнему читателю, который заглядывает в его книги разве что в школе. В те времена в сотнях тысяч семей чтение вслух после ужина было в таком же обычае, как и вечерняя молитва. В конце дня взрослые в нетерпеливом ожидании собирались у очагов, чтобы послушать «Крошку Доррит», «Маленького Тима» или «Оливера Твиста», готовые смеяться и плакать над ними вместе с детьми. Буквально тысячи людей знали наизусть целые страницы из книг Диккенса, и его визит за океан больше напоминал приезд триумфатора, а не гастролирующего лектора. Мужчины, женщины, дети — все любили этого волшебника слова, который сотворил для них больше чудес, чем любой другой английский писатель.

По не мог быть слишком пылким поклонником чужого творчества, однако не пренебрег возможностью сообщить знаменитости о своем существовании. Он написал Диккенсу в гостиницу, приложив к письму предсказание развития сюжета «Барнеби Раджа», которое включил в свою рецензию на этот роман, а также двухтомник недавно опубликованного сборника «Гротески и арабески». Диккенс заинтересовался и сейчас же ответил. По имел с Диккенсом две продолжительные беседы.

Диккенс сильно пострадал от пиратских перепечаток его произведений в Америке. Филадельфия с ее многочисленными издательствами была одним из тех мест, где его финансовым интересам наносился наибольший ущерб, и поэтому в тот момент вопросы охраны международного авторского права живо его занимали. Речь между двумя литераторами как раз и пошла об этом предмете, а также о надеждах молодого американского новеллиста и поэта добиться признания в Англии. По обратился к Диккенсу с просьбой порекомендовать одну из его книг какому-нибудь лондонскому издательству, и тот охотно пообещал это сделать. Потом По еще раз увиделся с Диккенсом, который принял его у себя в номере, одетый по-домашнему. Он попытался укрепить первое благоприятное впечатление, произведенное на англичанина, и убедить его в значимости своего творчества. Их беседа коснулась также Теннисона и Эмерсона, одно из стихотворений которого По прочел вслух. Диккенс составил весьма лестное мнение об американском коллеге и никогда не забывал их встречи. Спустя много лет, уже после смерти По, он, будучи в Балтиморе, счел своим долгом навестить бедствующую

миссис Клемм.

Приезд Диккенса при всей важности этого события лишь на время вырвал По из тисков депрессии. Всю весну 1842 года состояние Вирджинии оставалось опасным. что отражалось на его настроении и поведении. В апреле его дела с Грэхэмом, по сути, зашли в тупик. Без сомнения, ладить с По в ту пору было очень трудно. Однажды Чарльз Петерсон, второй редактор «Грэхэмс мэгэзин», человек энергичный и способный, который временами очень остро ощущал свое подчиненное положение в редакции, о чем-то с ним заспорил. Находившийся здесь же Грэхэм вынужден был вмешаться. Последовало бурное объяснение, ускорившее давно назревавшую развязку. Хотя Грэхэм и постарался впоследствии, защищая По от свирепых нападок Грисвольда, смягчить всю эту историю, случившееся, как свидетельствует один из друзей издателя, принудило его к решению отказать По от места. То же самое сообщает и уже известный нам Джон Сартейн, которому Грэхэм сказал: «Кому-то из двоих, либо Петерсону, либо По, придется уйти — работать вместе они не могут».

Грэхэму очень не хотелось расставаться с По. Он хорошо понимал причины неприятностей, происходящих с его редактором, и искренне ему сочувствовал. Несмотря на то что По был глубоко разочарован и обижен на Грэхэма, который так и не выполнил обещания помочь ему основать собственный журнал, между двумя этими людьми не произошло личной ссоры, подобной размолвке По с Бэртоном. Одним апрельским днем, придя в редакцию после довольно длительного отсутствия, По обнаружил, что его кресло занято Руфусом Грисвольдом. Оценив ситуацию с первого взгляда, он круто повернулся и вышел из комнаты, чтобы никогда больше там не появляться. В письме, написанном несколько месяцев спустя, сам По так рассказывает о своем уходе от Грэхэма:

«Моя работа в „Грэхэмс мэгэзин“ прекратилась майским номером журнала, который был готов к первому апреля — с этого момента руководство взял на себя г-н Грисвольд… Ни с г-ном Грэхэмом, ни с г-ном Грисвольдом у меня не было никакой ссоры, хотя я и не питаю особого уважения ни к тому, ни к другому… Я предпринимаю настойчивые усилия, которые, впрочем, пока держу в тайне, чтобы возобновить подготовку к изданию журнала „Пенн мэгэзин“, и совершенно уверен, что смогу выпустить первый номер 1 января 1843 года… Первоначально я имел намерение выпустить его 1 января 1842 года. Отказаться от этого плана меня побудили лишь заверения г-на Грэхэма. Он сказал, что, если я поступлю к нему на жалованье в качестве редактора,

оставив на время собственные проекты, то по истечении шести месяцев или самое большее одного года он сам присоединится к моему начинанию. Поскольку г-н Грэхэм располагал капиталом, а у меня денег не было, я почел самым разумным согласиться на его предложение. Дальнейшее показало его человеком ненадежным, а меня самого — крайне неосмотрительным. По сути дела, все это время я боролся против самого себя. Всякий мой шаг, подсказанный интересами „Грэхэмс мэгэзин“ и направленный на то, чтобы сделать журнал более прибыльным предприятием, одновременно делал его владельца все менее склонным сдержать данное мне слово. Когда был заключен наш с ним договор (устный), у него было 6 тысяч подписчиков, а к моменту моего ухода — 40 тысяч. Немудрено, что он поддался соблазну бросить меня в трудную минуту…»

Потеря важной должности в журнале, для успеха которого он сделал так много, не была воспринята По столь невозмутимо, как может показаться из его писем. Начать с того, что уход от Грэхэма опять вверг его в бедность. Новое огорчение еще больше усилило его отчаяние, вызванное болезнью Вирджинии, и он впервые в жизни тяжело запил. Над событиями тех дней для нас вновь приподнимет занавес Мэри Девро, в которую По был влюблен в Балтиморе, успевшая уже выйти замуж и перебраться в Джерси.

Оставив дом и больную Вирджинию, По пустился в разгул и вскоре оказался в Нью-Йорке, где разыскал мужа Мэри, у которого узнал ее адрес. Тут же забыв его, он немало удивил пассажиров парома, курсировавшего между Нью-Йорком и Джерси, тем, что всю дорогу бродил по палубе, спрашивая у каждого встречного адрес Мэри Девро. Паром прибыл в Джерси и возвратился обратно по-прежнему с По на борту, который, не сходя на берег, вновь совершил путешествие в Джерси и еще раз вернулся, так и не ступив на сушу. Затем последовал еще один рейс, а за ним и другой. По уже начали принимать за умалишенного, когда ему наконец встретился какой-то матрос, знавший, где живет бывшая мисс Девро. Добрый малый оказался лицом к лицу с человеком без шляпы, одетым во все черное, который, пытаясь остановить на нем взгляд блуждающих глаз, с перекошенным ртом доказывал, что добудет адрес, даже если ему «придется отправиться за ним в преисподнюю». Не в силах выдержать натиска повелительного виргинца, бедняга поспешно все рассказал. Позже, когда муж Мэри возвращался со службы домой на том же пароме, ему сообщили, что «какой-то сумасшедший разыскивает его жену». Тем временем По уже нашел Мэри.

«Мистер По не застал нас с сестрой дома, и, когда мы

вернулись, дверь нам открыл он сам. Мы поняли, что у него запой и что он не был дома уже несколько дней. „Так, значит, вы вышли замуж за этого проклятого…! — сказал он мне. — Любите ли вы его на самом деле? По любви ли вы за него вышли?“ Я ответила: „До этого никому нет дела, это касается только моего мужа и меня“. — „Вы его не любите, — сказал он тогда. — Ведь вы любите меня! Вы же знаете сами“.

Далее нам сообщают, что По остался к чаю, выпив, правда, только одну чашку. Но и она, кажется, произвела поразительное действие, ибо во время разговора за столом он сильно разволновался и, схватив стоявшее перед ним блюдо с редисом, принялся с такой яростью кромсать овощи столовым ножом, «что кусочки так и полетели во все стороны, и это всех очень позабавило». После «чая» По потребовал музыки, настаивая, чтобы Мэри исполнила его любимую песню, которую пела ему еще в Балтиморе, — «Приди на грудь ко мне, и улетят тревоги». Затем он исчез неизвестно куда.

Через несколько дней, оставив Вирджинию на попечение соседей, в город приехала миссис, Клемм, совершенно потерявшая голову от страха за «дорогого Эдди», чей путь ей, к счастью, удалось проследить от Филадельфии до дверей дома Мэри в Джерси. Вирджиния, сказала она, сходит с ума от беспокойства.

К этому времени, надо думать, никто уже не находил происходящее забавным. Отряд сочувствующих добровольцев из местных жителей отправился вместе с миссис Клемм и Мэри на поиски По, который был вскоре обнаружен в роще на окраине города — искусанный москитами и страшно исхудавший, ибо прошедшие несколько дней он прожил на чашке чая, выпитой в гостях у Мэри. «Он бродил в зарослях, точно безумец, — вспоминает она. — Миссис Клемм увезла его обратно в Филадельфию». За всем этим должно было последовать болезненное раскаяние и несколько дней в постели. В одной комнате — задыхающаяся от кашля Вирджиния, в другой — мечущийся в бреду Эдгар. Выдержать все это было под силу лишь миссис Клемм.

Дом на Спринг-Гарден-стрит, в который они переехали совсем недавно, поначалу был неплохо обставлен, однако в следующие два года комнаты мало-помалу пустели, ибо миссис Клемм пришлось постепенно заложить почти нею мебель. Пианино Вирджинии, теперь умолкнувшее, стояло в маленькой гостиной на первом этаже, рядом с широким, прекрасной работы диваном из красного дерева. Белые занавески на окнах, удобные стулья, цветы в горшочках, щебечущие в клетке птицы,

помещенные в рамки и развешанные по стенам журнальные гравюры придавали жилищу уют и очарование, которые отмечали все, кто там бывал. Для По дом был единственным местом, где он находил убежище от враждебного мира, Аргеймской обителью его грез. Несколько лет спустя он написал письмо, в котором опровергает обвинения, высказанные в его адрес небольшим журнальчиком «Уикли юниверс»; оно интересно тем, что позволяет подробнее узнать, каких привычек По придерживался в частной жизни:

«Дело обстоит таким образом: в привычках своих я решительно воздержан и не пренебрегаю ни одним из естественных правил, соблюдение которых необходимо для поддержания здоровья, то есть встаю рано, ем в меру, не пью ничего, кроме воды, регулярно и подолгу занимаюсь физическими упражнениями на открытом воздухе. Однако это моя частная жизнь — жизнь, отданная наукам и литературе и, разумеется, скрытая от постороннего взгляда. Стремление к обществу овладевает мной лишь тогда, когда я возбужден вином. Тогда и только тогда я имел обыкновение отправляться к друзьям, которые, редко видя меня в ином состоянии, а точнее сказать, не видя никогда, считают само собой разумеющимся, что я нахожусь в нем всегда. Те, кто действительно знает меня, знают, что это не так…»

Конечно же, По, подобно многим другим, страдал от того, что несовершенства и причуды человеческого характера привлекают всеобщее внимание и становятся предметом толков, злословия и насмешек, в то время как долгие часы добродетельного уединения кажутся столь бесцветными, что не оставляют никакого следа на газетных или журнальных страницах. Есть что-то трогательное и жалкое в этих нескольких строчках, написанных, чтобы защититься от целого потока брани, которая, каковы бы ни были причины, стала позднее крайне грубой и неоправданно частой. Перед нами исповедь человека тонкой и чувствительной души — чувствительной настолько, что он не мог выдержать столкновения с суровой реальностью, не прибегая к стимулирующим средствам. Но ведь именно эту обнаженность чувств мир и ценит в поэте.

Та часть города, где жил По, в его времена еще во многом сохраняла сельский вид. Дом на Спринг-Гарден-стрит был окружен садом и стоял под сенью огромного грушевого дерева. Летом он весь утопал в прекрасных ярких цветах, почти невидный с улицы за густыми переплетениями виноградной лозы. «Небольшой сад летом, а дом — зимой были полны изумительных цветов, сорта которых подбирал сам поэт».

Однако картины жизни, обрамлением которым служила чудесная природа, мало походили на пасторальные акварели. С уходом По из грэхэмовского журнала в доме воцарилась безжалостная и горькая нужда. Вирджиния продолжала болеть, Эдгар тоже был нездоров, и миссис Клемм вскоре снова пришлось прибегнуть к старым средствам, чтобы прокормить семью, однако теперь даже они иной раз не помогали. Летом 1842 года она даже была вынуждена обратиться за помощью в Филадельфийское благотворительное общество, когда в доме не осталось ничего съестного, кроме хлеба и сахара, да и тех ненадолго. Подсчитав все, что По заработал в 1842 году, остается лишь гадать, на какие деньги жила его семья. Сначала из дому исчезло пианино, затем множество других предметов обстановки, и спустя два года комнаты остались почти голыми, а миссис Клемм — с кипой закладных в руках. Печальной участи избежали лишь несколько стульев, кровати и великолепный красный ковер, с которым миссис Клемм ни за что не хотела расставаться.

То была жизнь, полная нелепых контрастов смешного и трагического. Часто после обеда По отправлялся прогуляться за город с Хирстом. Они беседовали о поэзии и высоких материях, и По, все больше и больше воодушевляясь какой-нибудь неземной темой, начинал строить прекрасные и величественные воздушные замки. Иногда они выбирали дерево на обочине проселка и прикрепляли к нему мишень, в которую

Хирст палил из пистолета. А порою целью оказывалась какая-нибудь неосторожная, насмерть перепуганная фермерская курица. Потом возвращались в город, чтобы наполнить бокалы в «юридической конторе» Хирста. Вечером По шел домой, мучимый угрызениями совести из-за пропавшего впустую дня, из-за того, что вновь заставил тревожиться миссис Клемм, которая не находила себе места в ожидании Эдди. Ночь он проводил у постели Вирджинии, пытаясь остановить ее страшный кашель. Бережно поддерживая под руки, он водил ее по комнате, а наутро едва не терял рассудок от ужаса, обнаруживая у себя на рубашке пятна ее крови.

С июня по сентябрь он не написал и нескольких строчек. Иногда он впадал в беспамятство и бродил. Доктор Митчелл, славный шотландец родом из Эршира, которому довелось жить и в Ричмонде, должно быть, не раз беседовал со своим пациентом о знакомом обоим шотландском городке Ирвине, где По ходил в школу совсем маленьким мальчиком, об Алланах и Гэльтах, которых Митчелл неплохо знал, и бог весть о чем еще. Доктор принял живое участие в своем пациенте и убедил некую леди из Саратога-Спрингс пригласить туда По в конце лета. Митчелл же

достал для него денег и снабдил необходимыми рекомендациями. В августе По уехал из Филадельфии.

Летом 1842 года его видели на водах в Саратога-Спрингс, тогда одном из самых фешенебельных курортов в Америке, в обществе одной замужней дамы, достаточно хорошо известной в Филадельфии, чтобы досужие языки немедля принялись на все лады склонять ее имя. Каждое утро в течение недели По приезжал вместе с ней на воды и принимал процедуры.

Поблизости от дома, где жила леди, был сад с большими деревьями и прудами для разведения форели. Туда часто приходил играть какой-то мальчуган; скоро он подружился — и это не просто легенда — с одетым в черное джентльменом со сверкающими глазами и странными жестами, который гулял в саду, разговаривая сам с собой. Вновь и вновь он рассказывал кому-то невидимому одну и ту же историю — что-то о мрачно вещающем вороне по имени Nevermore[17] — слово это джентльмен то и дело выкрикивал глухим голосом, потрясая воздетыми к небу руками.

По возвратился в Филадельфию как раз в тот момент, когда у Вирджинии начались частые кровоизлияния, и сам едва не умер от сердечного приступа — третьего за семь лет. Как обычно, потрясение произвело в нем резкую перемену, и он вновь на некоторое время отказался от вина. Поездка в Саратогу по совету и при содействии доктора Митчелла возымела, вероятно, благотворное действие.

На протяжении всего 1842 года — с единственным перерывом, пришедшимся, как и следовало ожидать, на июль и август, — По вел регулярную переписку со своим другом Томасом в Вашингтоне. Касалась она главным образом дел литературных и личных, но более всего — их совместного плана добиться для По заветных благ государственной службы.

Пробить брешь в стене казенного равнодушия они решили с помощью сына тогдашнего президента, Роберта Тайлера, который хорошо знал творчество По. Кампания началась тем, что По с похвалой отозвался об одном из стихотворений Роберта Тайлера. Во время очередного визита в Белый дом Томас довел этот факт до сведения молодого Тайлера и затем написал своему другу: «Роберт Тайлер был весьма польщен, узнав с моих слов, как благоприятно ты отозвался о его стихотворениях. Он заметил, что ценит твое мнение выше, чем мнение любого другого американского критика, в чем я с ним согласился. Убежден, что любая помощь, какую он мог бы тебе оказать, будет оказана с готовностью. Напиши мне откровенно о твоих соображениях по этому поводу…»

Побывав у судьи Блайта, который в ту пору заправлял раздачей федеральных должностей в Филадельфии, По написал Роберту Тайлеру, сообщая, что при дальнейшей его поддержке он мог бы рассчитывать на назначение в городское таможенное управление. Тайлер ответил 31 марта 1842 года, приложив к письму требовавшиеся рекомендации. Как всегда в таких случаях, дело затянулось, будучи к тому же осложнено тем, что фигура президента Тайлера не пользовалась популярностью в Филадельфии, где большее влияние имела противостоящая ему фракция в партии вигов. Мытарства По продлились до ноября 1842 года, и в итоге после всяческих перипетий его прошение о приеме на службу в таможню было отклонено.

Осенью 1842 года По завязал оживленную переписку с Джеймсом Расселом Лоуэллом. По любил творчество этого писателя и не раз хвалил его в печати. Лоуэлл в это время был весь поглощен подготовкой к дебюту своего нового литературного ежемесячника «Пайонир», первый номер которого должен был появиться в январе 1843 года. По написал ему из Филадельфии: «Я был бы рад присылать Вам каждый месяц какую-нибудь небольшую вещь такого характера и на таких условиях, какие Вы сочли бы приемлемыми на первых порах». Лоуэлл немедленно ответил, что он и сам намеревался просить По сотрудничать с «Пайониром», так как «это позволило бы ему заручиться дружбой едва ли не единственного смелого американского критика… Если бы я не получил Вашего письма, то скоро написал бы Вам сам. Я даю Вам „carte blanche“[18] на любое прозаическое или стихотворное сочинение, которое Вы соблаговолите прислать с одним только исключением…»

«Исключение» подразумевало статьи, подобные той, что появилась в журнале Грэхэма за предыдущий месяц и называлась «Руфус Доус. Ретроспективный критический очерк». Отправной точкой для «ретроспекции» послужили воспоминания По о нелестном суждении, которое Доус высказал в своей газете по поводу «АльАарафа», напечатанного в Балтиморе в 1829 году. Горький осадок, оставленный этим случаем, не исчез даже через четырнадцать лет, и сейчас По не упустил возможности, чтобы послать в недруга отравленную стрелу. Лоуэллу не нравилось в По это мстительное злопамятство, от которого суждено было пострадать и ему самому, и потому он с самого начала недвусмысленно дал понять, что не потерпит на страницах своего журнала никаких литературных вендетт. «Мне не хотелось бы получать статей вроде той, какую Вы написали о Доусе. Он плох как поэт, в чем я с Вами соглашусь, но как человек, без сомнения, имеет чувства, которые надобно щадить». Такую точку зрения По

был по природе своей просто не способен понять. Он первым пенял на недостаток великодушия в других, но и последним не признал бы его отсутствия в себе.

Лоуэлла интересовали прежде всего «хорошие рассказы (написанные с фантазией)». За каждое присланное сочинение он обещал платить По 13 долларов. В декабре 1842 года По передал Лоуэллу рукопись новеллы «Сердце-обличитель», предназначенной для первого номера «Пайонира». Тон их переписки по этому поводу весьма характерен.

Лоуэлл: «Мой дорогой друг! Мне следовало написать Вам раньше, но слишком многое отвлекало меня в последнее время, да и писать приходилось так часто, что вид пера и чернил стал вызывать у меня отвращение — поверьте, я просто не мог. Ваш рассказ „Сердце-обличитель“ будет помещен в моем первом номере. Г-н Такермэн (и тут, возможно, виновата Ваша статья об автографах) не захотел напечатать его в своем „Миселлэни“, и я был рад заполучить эту вещь для себя. Быть может, отказ согласиться с его приговором изобличает во мне человека самонадеянного…»

По (накануне рождества 1842 года): «Мой дорогой друг! Посылаю Вам небольшое стихотворение для второго номера вместе с моими наилучшими пожеланиями. Благодарю Вас за то, что Вы отвергли суждение г-на Такермэна, автора трактата „Дух поэзии“, — названного так, видимо, по ошибке, ибо поэзии там нет и духу… Буде сей господин все же примет когда-нибудь одно из моих литературных излияний, мне придется спросить себя, каким пошлым вздором я осквернил бумагу, чтобы заслужить одобрение подобного судьи. Он говорит: „Если бы г-н По соблаговолил писать свои статьи в более спокойном тоне…“ На это могу лишь ответить, что ежели г-н Т. будет и впредь так цепляться за свой покой, то он, в конце концов, упокоит свой журнал…»

«Пайонир» вышел 1 января 1843-го с упомянутым рассказом По, однако о «Пенне», который, как мы помним, должен был появиться в тот же срок, не было никаких вестей. И немудрено, ибо он уже окончил свои дни, так и не успев родиться, и уступал место «Стайлусу» — По решил переименовать будущий журнал, сочтя, что таким образом придаст новизны уже известному начинанию. В конечном его успехе он был уверен настолько, что даже отклонил предложение Грэхэма вернуться на старое место, не соблазнившись обещаниями более высокого жалованья и широких прав в руководстве журналом. Судя по всему, Грисвольдом мог быть доволен лишь сам Грисвольд.

В январе и феврале По проводил много времени в конторе у

Хирста или в доме Томаса Кларка, где всерьез обсуждались планы создания нового журнала. Настойчивые уговоры Хирста и По, ставших к тому моменту лучшими друзьями, и доносившиеся из Вашингтона панегирики Томаса убедили Кларка — издателя, редактора и достаточно обеспеченного человека — оказать «Стайлусу» финансовую поддержку. Будучи и писателем и политиком, Томас имел значительное влияние на Кларка, опиравшегося на помощь вашингтонского друга По в приобретении подписчиков и покровителей в высших кругах столичного общества. Тем или иным образом хлопоты о предоставлении По государственной должности, до сих пор не прекращенные, были связаны с будущим журналом. К концу января между По и Кларком были оговорены условия, после чего они подписали контракт с одним из лучших в Филадельфии художником, Ф. Дарли, который обязался снабжать «Стайлус» иллюстрациями.

Теперь предстояло создать соответствующую литературную рекламу самому По. Для этой цели была избрана филадельфийская газета «Сэтэрдей мьюзиэм», которая поместила во второй половине февраля написанный Хирстом биографический очерк и (очень скверный) портрет По. Под влиянием ли друзей По или по собственному почину на эту публикацию откликнулись и другие газеты. «Таймс» (Филадельфия) писала:

«В „Сэтэрдей мьюзиэм“ за эту неделю напечатан прекрасный портрет нашего друга Эдгара Аллана По, эсквайра, сопровожденный подробным описанием его поистине богатой событиями жизни. Мы считаем г-на По одним из самых одаренных, высоконравственных и образованных писателей наших дней и поэтому с удовольствием отмечаем, что в глазах света он теперь поставлен прессой на подобающую ему ступень».

В состряпанную Хирстом «биографию» По включил некоторые из своих криптограмм и пространно поведал об искусстве, которого достиг в их решении. Многие газеты нашли материал занимательным и целиком перепечатали очерк. Со стороны По это был удачный ход, который дает представление о подчас забавных приемах саморекламы, бытовавших в ту пору. Немного позднее в «Сэтэрдей мьюзиэм» появился проспект «Стайлуса», практически повторявший издательские доктрины По, изложенные в проспекте «Пенна» годом раньше. Томас показал очерк о По Роберту Тайлеру и другим друзьям в Вашингтоне, на которых он произвел немалое впечатление. Статьи По о шифрах и его рассказы вызвали в Вашингтоне живой интерес: Томас и его знакомые тоже не пожалели старании, устроив для По

возможность прочесть в Вашингтоне лекцию, быть принятым в Белом доме и заручиться на месте поддержкой известных людей и высокопоставленных чиновников. Ему представлялся блестящий шанс добиться осуществления своих самых дерзновенных литературных планов. Мистер Кларк ссудил его необходимой наличностью, и 8 марта 1843 года со скромной суммой в кармане и окрыленный как никогда смелыми надеждами, По сел на вашингтонский поезд и отправился в путь. Как и всегда в такие важные моменты, он, разумеется, был пожираем волнением и преисполнен безмерной самоуверенности.

Будучи холостяком, Томас квартировал в меблированных комнатах «Фуллерс-отель». Но удача по обыкновению отвернулась от По, ибо, приехав в гостиницу, куда его пригласил друг, он нашел Томаса больным. На первый взгляд это обстоятельство может показаться неважным, но в его литературной карьере оно сыграло роковую роль. Будь его верный друг здоров, он, возможно, смог бы защитить По от него самого. Увы, Томас не вставал с постели и вынужден был поручить По заботам их общего знакомого — Джозефа Доу, но без причины прозванного приятелями Буян Доу.

Владелец заведения, мистер Фуллер, прославившийся своим хлебосольством, устроил в тот вечер пирушку, во время которой сугубое внимание было уделено дегустации портвейна «из погребов Фуллера». По словам Доу, По «удалось уговорить» отведать вина. Фуллер был из тех хозяев, которые не любят, чтобы отказывались от их угощений. Наутро По проснулся больным, очевидно, истратив накануне все свои деньги, ибо не нашел, чем расплатиться с парикмахером, и тому пришлось постричь и побрить его для аудиенции у президента в кредит. Через день (11 марта) он почувствовал себя лучше и посетил все правительственные департаменты, вербуя подписчиков. Оставшись без гроша в кармане, он пишет в Филадельфию Кларку, сообщая, что расходы его оказались «больше, чем он ожидал», хотя он и «экономил на всем». «Я нашел подписчиков во всех департаментах, включая Президента, — добавляет он, — и полагаю, что произвел здесь сенсацию, которая пойдет на пользу журналу». Заканчивает он просьбой как можно скорее выслать ему 10 долларов.

По действительно произвел сенсацию, однако совсем не того рода, чтобы она могла принести пользу журналу. Явившись позже вместе с Доу в Белый дом, он выглядел так, что состояние его не укрылось от Роберта Тайлера. И поэтому было решено, что ему лучше не видеться с президентом. Как и всегда, на По был черный, испанского покроя плащ, который он из странной

прихоти носил наизнанку все то время, пока гостил в Вашингтоне, чем и правда привлекал всеобщее внимание, доставляя неловкость Доу. Последний к исходу четвертого дня счел своим долгом также написать мистеру Кларку:

«Вашингтон, 12 марта 1843 г.

Уважаемый сэр!

Считаю своей непременной обязанностью написать Вам это поспешное письмо, касающееся нашего общего друга Э. А. П.

Он прибыл сюда несколько дней назад. В первый вечер он казался несколько возбужденным после того, как его уговорили выпить немного портвейна. На следующий день он держался довольно уверенно, однако с тех пор бывал временами совершенно ненадежен.

Своим поведением здесь он ставит себя в уязвимое положение перед теми, кто может очень повредить ему в глазах Президента, и тем самым мешает нам сделать для него все, что мы желали бы сделать, если он возвратится в Филадельфию. Он не понимает политиков и не знает, как с ними следует обращаться, если хочешь получить для себя выгоду. Да и откуда ему знать?

Г-н Томас нездоров и не может сопровождать г-на П. домой. Мои дела и недомогание жены не позволяют мне сделать это самому. Учитывая все имеющие место обстоятельства, полагаю необходимым, чтобы Вы приехали сюда, дабы благополучно препроводить его домой. Здоровье миссис По в тяжелом состоянии, и, поскольку речь идет о человеческой жизни, я настоятельно прошу Вас не говорить ей ни единого слова до тех пор, пока он не вернется вместе с Вами…

Торжественно заявляю Вам, что пишу настоящее с полной ответственностью. Гн По — человек высочайшего ума, и мне нестерпима мысль о том, что он может сделаться жертвой бесчувственных людей, которые, подобно прожорливым моллюскам, хладнокровно подстерегают добычу и безжалостно пожирают все, что попадает в их щупальца…»

Письмо это написано добрым и заботливым, но глубоко встревоженным человеком. Оно принадлежит к числу самых сдержанных и разумных писем, когда-либо написанных о По. То, что Доу счел необходимым поставить в известность Кларка о фактах, которые в обычных обстоятельствах от него лучше было бы скрыть, говорит само за себя.

Лекцию По, назначенную на 13 марта, пришлось отменить. Видя, что Кларк не едет и не подает о себе вестей, Томас и Доу убедили По немедленно возвратиться в Филадельфию. Предприятие потерпело полное фиаско. «Прожорливые моллюски» не поверили, что несуразный, помятого вида джентльмен, с которым их познакомили, являет собой самую выдающуюся литературную фигуру их времени. Роберт Тайлер был весьма шокирован. Худшие из недостатков По выставлены напоказ не где-нибудь, а в приемной Белого дома. Он потерял или отпугнул многих друзей. Томас вынужден был приносить за него извинения, и даже Доу, которого никак не назовешь рабом приличий, поведение По вряд ли пришлось по вкусу. В их отношения так и не вернулась прежняя сердечность. Возможно, отчуждению способствовало и то обстоятельство, что По не вернул ему взятых взаймы восьми долларов. После возвращения из Вашингтона для По вновь пробил час испытаний — невзгоды стали обрушиваться на него одна за другой.

В мае 1843 года он пишет Лоуэллу: «Увы! План моего журнала провалился». Кларк пошел на попятную. По приписывает это его «идиотизму» и «слабоумию», но устами его говорили досада и разочарование, ибо его более благоразумный партнер просто-напросто поступил так, как велел ему здравый смысл. Доверие Кларка было основательно поколеблено событиями, происшедшими в Вашингтоне, и дальнейшее укрепило его во мнении, что, какими бы блестящими способностями ни обладал По как редактор и литератор, он ни в коей мере не был тем человеком, в деловом союзе с которым можно было бы рискнуть значительным и нелегко доставшимся капиталом. «Стайлус» потерпел крушение! Но По так и не отказался от своей идеи. Ведь успех был так близок! Иллюстрации и статьи для первого номера уже лежали у него на столе. Все усилия оказались напрасными. Его вновь постигла неудача, и вновь по той же причине.

Финансовые затруднения По достигли теперь крайней степени. Семье в буквальном смысле не на что было жить, а состояние Вирджинии вновь резко ухудшилось, о чем свидетельствует это письмо:

> «Дорогой Грисвольд!
>
> Не могли бы Вы прислать мне 5 долларов? Я болен, и Вирджиния совсем плоха. Приходите меня навестить. Петерсон говорит, что Вы подозреваете меня как автора какого-то странного анонимного письма. Я не писал его, однако захватите письмо с собой, когда соберетесь к нам, как обещали миссис Клемм. Я постараюсь уладить

дело поскорее…»

Нужда и в самом деле была зла, если По заставил себя обратиться к Грисвольду. Деньги он, кажется, получил. Все это время По то ругал, то хвалил Грисвольда в своих статьях и не раз с раздражающим сарказмом отзывался о его поэтической антологии на страницах «Сэтэрдей мьюзиэм».

Грисвольд жил в пансионе на Восьмой улице, где повстречал некую, по слухам, богатую леди. Он женился на ней, однако богатства не оказалось и в помине. А поскольку красотой леди, как говорят, была наделена еще меньше, чем золотом, мистер Грисвольд довольно долго пребывал в отвратительнейшем расположении духа. Приблизительно в ту пору он и начал травлю своего коллеги Петерсона в анонимных письмах и статьях и был впоследствии уволен за это Грэхэмом. Должно быть, одно из таких писем По и имеет в виду, когда утверждает, что ничего подобного не писал. Грисвольд же пытался свалить всю вину на него. Он прекрасно знал, что По снова предложено кресло редактора грэхэмовского журнала, что им, Грисвольдом, Грэхэм недоволен и что Петерсон — способный человек. Принимая во внимание характер преподобного доктора, нетрудно догадаться, какой вывод он сделал из этих обстоятельств.

Тогда же и самого По начали тревожить слухи, неизвестно кем распускаемые о нем в Филадельфии. Что касается разговоров о его пьянстве, то здесь ему некого винить, кроме себя. Но вдобавок к этому имя его стали самым скандальным образом связывать с именем дамы, любезно оказавшей ему гостеприимство в своем доме в Саратога-Спрингс, когда он был болен. Источники слухов установить невозможно, однако один из них, по крайней мере, почти не вызывает сомнений. Первые признаки нервного расстройства, приведшего позднее к появлению у По настоящей мании преследования, уже давали себя знать, и враждебная молва была, без сомнения, главной причиной, вынудившей его покинуть Филадельфию.

Единственный большой успех, выпавший на его долю в 1843 году, явился в виде премии, присужденной По за самый читаемый его рассказ «Золотой жук», который первоначально предназначался для публикации в «Стайлусе». Когда из этого ничего не вышло, он обратился в Грэхэму, который согласился поместить рассказ у себя в журнале. Но в это время газета «Доллар», печатавшаяся в том же здании, что и «Грэхэмс мэгэзин», только этажом ниже, объявила конкурс на лучший рассказ, назначив премию в 100 долларов. По упросил Грэхэма вернуть ему рукопись, вместо которой тот принял от него

критическую статью. Редактор «Доллара» Джозеф Сейлор хорошо знал По. Хотя это не оказало никакого влияния на присуждение премии — ее отдало По жюри, — напечатанное Сейлором объявление о результатах конкурса было выдержано в чрезвычайно лестном для По духе.

Огромная популярность «Золотого жука» объясняется отчасти тем, что в нем почти напрочь отсутствуют болезненные мотивы, преобладающие во многих других произведениях По. Правда, и здесь не обошлось без нескольких черепов и мертвецов, но их появления вполне можно было ожидать в истории о пиратских сокровищах. Обращение к впечатлениям прошлого, уже наметившееся в нескольких других его рассказах, для этой новеллы характерно в особенности, ибо в «Золотом жуке» По с почти фотографической точностью воссоздал природу острова Салливана, где побывал около пятнадцати лет назад. Единственным признаком филадельфийского периода является фигурирующая в рассказе криптограмма — предмет этот по-прежнему занимал его мысли с неотступностью навязчивой идеи.

Летом в одной из филадельфийских газет появилась статья, содержавшая особенно яростные нападки на По, который с полным основанием заподозрил в авторстве Грисвольда. Последний к тому моменту был уже изгнан из редакции «Грэхэмс мэгэзин» за подобные инсинуации в адрес Петерсона, в которых его неопровержимо уличили. Какова бы ни была доля горькой истины в утверждениях о пьянстве и временами легкомысленном поведении По, нельзя отрицать того факта, что и при его жизни, и после смерти Грисвольд играл по отношению к нему роль ложного друга. Весной и летом 1843 года Грисвольд, к несчастью, познакомился с миссис Клемм. Ей часто приходилось тогда носить по редакциям рукописи По; взывая к добрым чувствам издателей, она умоляла поторопиться с выплатой гонорара или хлопотала об авансах. Вкравшись в доверие к миссис Клемм, Грисвольду удалось проникнуть в самые сокровенные обстоятельства семейной жизни По, ясно увидеть омрачавшую ее трагическую тень. Все, что узнавал, он использовал для того, чтобы тайно вредить По; когда писателя не стало, он продолжал вымогать у впавшей в страшную бедность миссис Клемм нужные ему сведения, в одно и то же время пороча репутацию покойного друга и наживаясь на издании его произведений.

С середины лета 1843-го до весны 1844 года, когда По оставил Филадельфию, он пережил стремительное падение, приостановленное лишь переездом в Нью-Йорк, который увидел его уже иным, значительно переменившимся к худшему человеком. Главной причиной происшедшего следует считать

недуг Вирджинии и злоупотребление вином, в котором По искал избавления, будучи не в силах вынести преследовавших его бед. Большую часть времени он проводил теперь у постели больной жены, мучимый и сам подтачивающей душу и тело тоской. Когда же он покидал дом, то как одержимый скитался по улицам в одном из тех состояний, которое позднее описал Грисвольд, знавший его тогда особенно близко:

«…Он бродил по улицам, охваченный не то безумием, не то меланхолией, бормоча невнятные проклятия, или, подняв глаза к небу, страстно молился (не за себя, ибо считал или делал вид, что считает душу свою уже проклятой), но во имя счастья тех, кого в тот момент боготворил; или же, устремив взор в себя, в глубины истерзанного болью сердца, с лицом мрачнее тучи, он бросал вызов самым свирепым бурям и ночью, промокнув до нитки, шел сквозь дождь и ветер, отчаянно жестикулируя и обращая речи к неведомым духам, каковые только и могли внимать ему в такую пору, явившись на зов из тех чертогов тьмы, где его мятущаяся душа искала спасения от горестей, на которые он был обречен самой своей природой…»

Эти скитания тоже давали повод для столь досаждавших По толков. Когда он оказывался на улице, влекомый какой-то непонятной силой, никто уже не мог сказать, куда он направит стопы, и лишь миссис Клемм умела отыскать своего «Эдди», чтобы уходом и заботами вернуть ему подобие нормального человека.

После ухода Грисвольда из «Грэхэмс мэгэзин» По снова стал изредка помещать там критические статьи. Зимой 1843/44 года дела шли так плохо, что он даже попытался предложить один из ранних вариантов «Ворона» своему старому другу Розенбаху, по-прежнему работавшему в грэхэмовском журнале. Как рассказывал потом этот человек, По пришел однажды в редакцию с рукописью стихотворения в кармане и сказал, что Вирджиния и миссис Клемм голодают, а он совсем обезденежел. Стихотворение было прочитано находившимися там же Грэхэмом и Петерсоном и им не понравилось. Однако По настойчиво доказывал, что вещь хороша, точно так же, как неотложна его нужда в деньгах. Чтобы разрешить разногласия, Грэхэм созвал всех, кто работал в это время в редакции и типографии, пообещав подчиниться решению большинства. По сам прочел «Ворона» сгрудившимся вокруг клеркам и перепачканным краской наборщикам, но те присоединились к мнению Грэхэма. Стихотворение не взяли, однако из жалости и сострадания к автору и бывшему их редактору пустили по кругу шляпу, собрав для Вирджинии и миссис Клемм 15 долларов. Деньги передали миссис Клемм. Судя

по этому эпизоду, бедность По достигла последней крайности. Впрочем, оказанный «Ворону» холодный прием пошел на пользу — в последующие годы По продолжил работу над стихотворением.

Почти все, что он делал или задумывал в ту пору, несло на себе отпечаток тяжелого нервного состояния человека, не способного довести до конца никакой работы, требующей длительных усилий. Как следствие, вновь пробудился его интерес к поэзии. Мы уже видели, он периодически возвращался к давно уже начатому «Ворону», а в январе 1843 года «Грэхэмс мэгэзин» напечатал его первое за несколько лет значительное стихотворение «Червь-победитель». Лоуэллу он послал «Линор» — несравненно улучшенный вариант стихов, написанных еще в Вест-Пойнте. Учитывая состояние Вирджинии, неудивительно, что им опять завладели элегические настроения, а за строками «Червя-победителя» вновь встал жуткий призрак смерти.

Надежды По с помощью Диккенса издать что-нибудь в Англии не оправдались, и теперь он обратился к творчеству малоизвестного английского драматурга Р. Хорна, чью салонную пьесу «Орион» превознес до небес в мартовском номере «Грэхэмс мэгэзин», заявив, что в некоторых отношениях ее автор превосходит самого Мильтона. Между столь же изумленным, сколь и польщенным англичанином и его американским рецензентом завязалась переписка; верно рассчитав, что Хорн не откажется ответить любезностью на любезность, По попросил его содействия в издании сборника своих рассказов в Англии. Из этого, увы, ничего не вышло, хотя Хорн и в самом деле предпринял какие-то усилия.

В начале апреля 1844 года По довольно скоропалительно решает уехать из Филадельфии и еще раз попытать счастья в Нью-Йорке. Жизнь в Филадельфии превратилась для него в сплошную вереницу физических и духовных страданий, приведших его в полное смятение чувств. Скандалы и кривотолки, вызванные его пьянством, нищенское убожество семьи и давшая пищу для всяческих домыслов история с «леди из Саратоги» рождали в нем ощущение, что он жертва какого-то заговора, и мысль эта нашла благодатную почву в его болезненно восприимчивом сознании. Некогда открытые ему пути были теперь отрезаны, и, кроме того, чтобы обрести равновесие духа, ему важно было переменить обстановку, уехать из города, где буквально все, даже случайно встреченный на улице знакомый, напоминало о пережитых неудачах и неосуществленных замыслах. Не имея никаких определенных планов, он не знал, что будет делать и где будет жить. Слабая надежда убедить с помощью профессора Энтона

издательство «Харперс» опубликовать полное собрание его рассказов была единственным проблеском в тумане, который окутывал будущее. Миссис Клемм задержалась в Филадельфии, чтобы распорядиться жалкими остатками семейного имущества. Нескольким друзьям она и Вирджиния подарили черенки с лучших цветочных кустов из их сада. Ковры и полдюжины стульев с неохотой забрала домовладелица, которой По задолжали за квартиру. После отъезда Эдгара миссис Клемм продала его маленькую библиотечку торговавшему по соседству букинисту. Денег, чтобы уехать всем троим, не хватило, и она осталась наедине со своими воспоминаниями, предчувствиями и кошкой Катариной, которая в бездетной семье была всеобщей любимицей — Вирджиния ни за что не желала с ней расставаться.

Весенним утром 6 апреля 1844 года По, весь наличный капитал которого равнялся сейчас 11 долларам, вместе с Вирджинией навсегда покинул дом на СпрингсГарден-стрит. В семь часов их поезд отошел от платформы Филадельфийского вокзала, направляясь в Перт-Амбой. Добравшись до этого портового городка, они пересели на пароход, которым и прибыли в Нью-Йорк, встретивший их проливным дождем.

Глава двадцать первая

Приехав в Нью-Йорк, По и Вирджиния оставались в пансионе на Гринвичстрит. Чтобы добыть денег на жизнь и оплатить переезд миссис Клемм из Филадельфии, По устроил одну из тех хитроумных литературных мистификаций, которые доставляли ему такое упоительное наслаждение. В первую неделю пребывания в Нью-Йорке он посетил редактора газеты «Сан» и продал ему рукопись «Истории с воздушным шаром», а в субботу после его приезда в очередном утреннем номере газеты появилась словно бы впопыхах набранная заметка с якобы только что полученным сообщением об успешном перелете через Атлантику на воздушном шаре и обещанием передать все подробности события в специальном выпуске в десять часов утра. Экстренный номер вышел в объявленное время с рассказом По, которому был придан вид сенсационной новости, сообщенной корреспондентом «Сан». Искусного переплетения правды и вымысла, присущего «фантастическому реализму» По, оказалось достаточно, чтобы заморочить голову множеству людей, которые, раскрыв рты от изумления, читали в газете:

> ОШЕЛОМИТЕЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ!
> С НАРОЧНЫМ ИЗ НОРФОЛКА!
> ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ ЗА ТРИ ДНЯ!
> Поразительный триумф ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА г-на Монка Мэйсона.
> Благополучное приземление на острове Салливана близ Чарлстона (Южная Каролина) гг. Мэйсона, Роберта Холланда, Хенсона, Харрисона Эйнсуорта и четверых других после семидесяти пяти часов полета на управляемом воздушном шаре Виктория» с Континента на Континент.

В «Истории с воздушным шаром» точно так же, как и в «Золотом жуке». По, стремясь создать достоверный местный колорит, вновь вернулся мыслями на остров Салливана, который произвел на него немеркнущее впечатление. В те времена, когда новости доставлялись капитанами не всегда прибывающих в срок парусников, черпались из рассказов путешественников или подчас запаздывающих писем специальных корреспондентов, журналистика порою без зазрения совести мистифицировала публику, не страшась, как н наши дни, наказующих телеграфных опровержений. Чудеса прямо-таки носились в воздухе, а рассказ

По был написан необычайно изобретательно, интересно и со множеством убедительных деталей. Собственно говоря, он лишь предвосхитил приблизительно на столетие реальное событие. Как ни удивительно, но известие о действительно совершенном трансатлантическом перелете на воздушном шаре, появившееся много лет спустя в нью-йоркских газетах, сообщало о почти такой же его длительности и о многих путевых наблюдениях и происшествиях, отмеченных в бортовом журнале Мэйсона. С точки зрения автора, устроенный им розыгрыш был прекрасным способом сделать рассказ популярным среди читателей. Вся история наделала громкого и долго не утихавшего шума.

Разумеется, личность и местопребывание злокозненного мистификатора были вскоре раскрыты, а непосредственным результатом удачной продажи рукописи стало переселение в более просторные апартаменты в пансионе на Гринвич-стрит: теперь По и Вирджиния занимали две комнаты. Супруги немедленно послали за миссис Клемм, которая приехала через неделю или около того со слезами радости на глазах и корзиной, откуда выглядывала семейная любимица Катарина. Скоро нью-йоркские любители словесности узнали, что среди них появился знаменитый мистер По.

Однако положение его продолжало оставаться затруднительным. По был известен как редактор трех видных журналов, но при этом все хорошо знали и о странностях, даже крайностях, свойственных ему и как писателю, и как человеку. Им не только восхищались — его и боялись. Что до службы, то было очень немного мест, которые могли бы ему подойти. Редакторские кресла освобождались не слишком часто, да и пустующие занять было не так легко. По крайне не любил быть у кого-либо в подчинении. Его характер и склонности нисколько к этому не располагали. С тех пор как он сделался профессиональным редактором, призрак национального журнала все время витал у него за спиной, часто указывая направление его литературным устремлениям. Это видение, постоянно готовое обрести плоть, сопутствовало ему до конца дней.

С начала 1830-х годов По постоянно занимался литературным творчеством как профессиональный писатель. За это время он создал поэтические и прозаические произведения, исключительные достоинства которых признавали даже недоброжелатели. Тем не менее труд его не получал должного вознаграждения, и его уделом по-прежнему оставалась самая жалкая бедность. Литературное признание, с годами укреплявшееся, — вот единственное, чего ему удалось добиться. Впрочем, даже в этом ему кое-кто отказывал. Его собрание

сочинений распродавалось за бесценок, без авторского гонорара и все же не находило спроса. Несмотря на довольно частые периоды бездействия, вызванные врожденной слабостью здоровья и другими причинами, По работал с огромным упорством, о чем убедительно свидетельствует его обширное творческое наследие. Сотни рецензий, редакционных статей и заметок, множество рассказов, из которых можно было бы составить не менее пяти томов среднего объема, три книги стихотворений, работа в качестве редактора трех журналов, важная и всегда оживленная переписка — все это приносило доход, которого едва хватало, чтобы коекак свести концы с концами. В итоге нескольких лет тяжелого труда По оказался в апреле 1844 года в Нью-Йорке — с четырьмя долларами в кармане, лишенный всякой помощи и поддержки.

Нелепо было бы утверждать, что он «сам был во всем виноват». Говорить так — значит совершенно не принимать во внимание главную причину его бедности — слишком малое вознаграждение, которое он получал за свою работу. Лишь наименее значимая часть его творчества — журналистика — обладала какой-то ценностью на тогдашнем литературном рынке. Лучшее же из того, что он создал своим искусством, почти не привлекло покупателей. Господствовавшие в ту пору вкусы, несовершенство законов об авторском праве и постоянно наводнявшие страну английские книги лишали произведения Эдгара По всякой надежды на коммерческий успех.

В течение первых нескольких месяцев повторного пребывания в Нью-Йорке По жил главным образом на скудные доходы от того или иного рода литературной поденщины. Напечатанный в журнале «Гоудис лейдис бук» в сентябре 1844 года рассказ «Продолговатый ящик», очевидно, был закончен в Нью-Йорке, ибо местом действия, которое разворачивается в окрестностях Чарлстона, он связан с появившейся несколькими неделями раньше «Историей с воздушным шаром». В июне в журнале Грэхэма было опубликовано стихотворение «Страна сновидений». В «Истории с воздушным шаром» По прибег к более реалистическому, проникнутому оптимизмом методу, который уже с успехом применил в «Золотом жуке». Однако затем он вновь вернулся в идеальный мир воображения. «Продолговатый ящик», конечно же, оказался гробом. Мертвецы, преждевременные погребения и мрачные потусторонние пейзажи, которые он рисует в своих стихах, приоткрывают нам таинственные тропы, которыми он шел в мечтах, обретая меланхолическое утешение в заветном царстве фантазии. Для стороннего наблюдателя он просто-напросто переехал из Филадельфии в Нью-Йорк, на самом

же деле

Вот за демонами следом,
Тем путем, что им лишь ведом,
Где, воссев на черный трон,
Идол Ночь вершит закон,
Я прибрел сюда бесцельно
С некой Фулы запредельной,
За кругом земель, за хором планет,
Где ни мрак, ни свет и где времени нет.[19]

Это стихотворение знаменует собой возрождение его поэтического вдохновения, которым проникнуто творчество 1844—1849 годов. То была пора последнего цветения его таланта, когда По создал прекраснейшие из своих стихов: «Страну сновидений», «Ворона», «Улялюм», «Звон», «Аннабель Ли», а также некоторые менее значительные вещи. С другой стороны, в прозе созидательное начало его воображения все заметнее утрачивает прежнюю силу, а критика обнаруживает будничную приземленность мыслей и целей, выливаясь зачастую в злобную брань или непомерные восхваления. Теперь он уже почти не мог отрешиться в критических работах от чисто личных мотивов — гнев, зависть, раздражение или симпатии стали придавать легко различимый оттенок его отношению к литературным современникам.

Творчество Эдгара По в последние годы жизни, оборвавшейся в 1849 году, несет на себе явственный отпечаток его душевных и физических состояний. Излишества, которым он предавался в прошлые два года в Филадельфии, в сочетании с наследственным прежрасположением к раннему угасанию жизненных сил, оказали более губительное, чем когда-либо, воздействие и вызвали тяжелое нервное расстройство, заставившее его еще глубже уйти в себя. Этим и объясняется неспособность к продолжительным усилиям, необходимым для работы над художественной прозой, которая, если не считать нескольких пейзажных зарисовок, приняла теперь вид журнальных комментариев и переписки, и обращение после более чем десятилетнего перерыва к поэзии, отразившей углубляющийся внутренний разлад и едва ли не полное отчуждение от реальной действительности. В последние пять лет жизни он был почти всецело поглощен проблемами духовными, и постигшие его в этот период несчастья, несомненно, усилили склонность к самоостранению. Над некоторыми внешними обстоятельствами он был просто не властен, однако бесспорно и то, что растущее душевное смятение

вносило хаос и в его жизнь — он оказался в порочном круге, который, неумолимо сужаясь, душил его, точно петля на шее.

Весной 1844 года По писал биографический очерк о Джеймсе Расселе Лоуэлле, выдержанный в чрезвычайно хвалебном духе, в особенности там, где речь шла о поэзии этого автора, которой По искренне восхищался. Лоуэлл также работал над биографией По — гораздо более серьезным критическим произведением, содержавшим немало глубоких замечаний о тогдашнем состоянии американской литературы. Эта работа была напечатана в журнале Грэхэма за февраль 1845 года в рубрике «Наши авторы».

Все то время, пока они с великим усердием трудились друг ради друга, между По и Лоуэллом не прекращалась оживленная дружеская переписка. Суммируя мнение Лоуэлла о По, можно сказать, что он высоко ценил его творчество как художественное явление, страшась, однако, угадывавшихся за ним аномалий. Он также с большим одобрением отзывался о лучшем, что было в критических работах По, но осуждал их за излишнюю резкость. К самому По он относился с искренней симпатией и великодушным состраданием, хотя и не без осторожности.

В конце весны в Нью-Йорк приехала миссис Клемм, и обе комнаты на Гринвичстрит были отданы в полное распоряжение Вирджинии и ее матери. Сам По поселился в пансионе некой миссис Фостер в доме 4 по Энн-стрит. Свое жилище он похолостяцки делил с недавно появившимся у него приятелем, которого звали Чарльз Кертис, и вел довольно скудное и беспорядочное существование, нередко отдавая дань богемным развлечениям. В погребке на той же улице, который держала добрая женщина по имени Сэнди Уэлш, он повстречал немало братьев по духу, в основном журналистов, и этим людям станс за стансом читал «Ворона» в тогдашнем его виде. Присутствующие высказывали замечания, подчас и насмешливые, предлагая свои идеи, иные из которых По, как говорят, использовал. Позднее некоторые даже указывали, в каких именно местах По внес подсказанные ему изменения, однако в утверждениях этих много сомнительного.

Остальное время По обивал пороги редакций газет, куда приносил очерки на злобу дня, заметки о текущих событиях и тому подобную смесь. Весьма вероятно, что в периоды творческого застоя он прибегал к такого рода занятиям гораздо чаще, чем принято считать, и что не все его мелкие публикации удалось проследить.

Одна из самых поразительных особенностей той своеобразной эпохи заключалась в том, что ее сиятельную

уверенность в своем превосходстве над всеми предшествующими эрами и веками ни разу не омрачило хотя бы мимолетное облачко сомнения. Предвкушение уже, казалось, недалекого триумфа над природными стихиями, которого помогут добиться машины, породило теорию «прогресса», дотоле неслыханную, но теперь распространенную на все — от политики до дамских шляпок. Журналы, речи государственных мужей, социологические трактаты и романы — все звенело фанфарами победного самодовольства. Что до философии, то она совершенно прониклась убеждениями, что десять утверждений ровно в десять раз ближе к истине, чем одно отрицание, и что во вторник человечество просто не может не стать чуть-чуть лучше, чем было в понедельник. Вера эта была столь сильна, что публично выступить против нее никто не осмеливался. Но самое главное — насколько «благороднее» стали вкусы!

«Взгляните, — с ноткой пренебрежения обращается к своим читательницам дамский журнал „Гоудис лейдис бук“, — перед Вами вечернее платье и костюм для прогулок, какие носили в 1800 году. Начало нынешнего столетия принесло с собой такое небывалое развитие в области механических изобретений и их применения для улучшения удобств и благоустройства человеческого существования, какого не знала доселе мировая история. Мы полагаем, что наряду с другими усовершенствованиями решительным образом улучшилась и дамская мода. Посмотрите на эти рисунки (то есть на моды 1800 года), а теперь — на нашу „страничку мод“ и поблагодарите издателя „Лейдис бук“, показавшего средством такого сопоставления красоту и изящество нынешней нашей одежды».

И это тот самый журнал, которому По был счастлив предложить свою «Повесть Крутых гор» и благодарен за то, что ее согласились принять. «Гоудис лейдис бук» еще предстояло сыграть немаловажную роль в его собственных делах и в судьбе нескольких дам. По, как и раньше, поддерживал дружеские отношения с Луисом Гоуди, который был одним из тех людей, от чьего расположения зависела его жизнь.

Стоит ли удивляться тому, что порою По терял терпение или делался желчным — ведь голос его, то обличающий, то иронический, был, по существу, одинок в оглушительном хоре славословия. Ожидать, что он сможет возвыситься над всем этим, значило бы желать невозможного. Он мог лишь все больше и больше замыкаться в себе и покидал свое убежище только для того, чтобы бичевать и язвить. Как художник и мыслитель, он, без сомнения, испытывал значительную и оправданную неприязнь к современной ему Америке. Между его творчеством и его

временем зияла огромная пропасть. «Прогресс» обрек его на безнадежное одиночество.

С наступлением летней жары Вирджинию пришлось перевезти за город, где было прохладнее. В качестве сельского приюта была избрана старая ферма, помнившая еще времена Войны за независимость. Она располагалась вдоль Блумингдейлской дороги, милях в пяти-шести от Нью-Йорка. Усадьба, известная как дом, где был написан «Ворон», стояла на довольно высоком каменистом холме, в нескольких сотнях футов от того места, где нынешняя Восемьдесят четвертая улица пересекается с Бродвеем.

Довольно большой дом был построен в весьма распространенном когда-то колониальном стиле. Сбоку к нему примыкала более низкая пристройка. Над домом и пристройкой торчали две невысоких, сложенных из кирпича печных трубы. Палисадник выходил на Блумингдейлскую дорогу. Ведущая от калитки дорожка бежала мимо наполняемого каким-то ручейком маленького пруда, на берегу которого часто останавливали свои фургоны возчики, чтобы немного освежиться и отдохнуть. Дом и надворные постройки лежали в глубокой тени вековых деревьев, а над крышей поднималась одинокая плакучая ива.

Как-то весной, прогуливаясь по Блумингдейлской дороге, По познакомился с мистером Бреннаном и его супругой, жившими вместе с шестью или семью детьми на ферме — старшей дочери, Марте, было тогда лет четырнадцать. Чета Бреннан — оба происходили из Ирландии — владела 216 акрами земли, на которой они выращивали овощи, фрукты и цветы, возя их на продажу в город. Бреннаны обитали на ферме уже без малого пятьдесят лет и время от времени пускали к себе постояльцев, особенно летом. По договорился с ними насчет себя, Вирджинии и миссис Клемм. Его совершенно очаровали и само место, откуда открывался великолепный вид, и прекрасная кухня, и добрый нрав хозяек.

После тягот, пережитых семьей в Филадельфии, и тревожных дней на Гринвичстрит; когда Эдгар скитался по редакциям и неизвестно было, где взять денег на следующую неделю, Блумингдейл показался миссис Клемм и Вирджинии землей обетованной. По был недосягаем для влияний, доставлявших столько беспокойств его домашним, Вирджиния попала в благотворную для здоровья обстановку, а миссис Клемм могла в свое удовольствие насладиться уютом просторного жилища, обильным столом и респектабельным положением почтенной пансионерки. Она быстро сошлась с Бреннанами и любила посудачить с ними о том о сем. Искренняя дружба, связавшая

славную ирландскую чету и семью поэта, продлилась долго и, возможно, как-то повлияла на последующие переезды По и выбор жилья. По был теперь достаточно знаменит, чтобы вызывать любопытство у простого люда. Привычки его подмечали и запоминали.

Комната миссис Клемм находилась на первое этаже. По и Вирджиния поселились в мансарде; под ней находился кабинет По с большим камином, украшенным резной облицовкой; одна дверь выходила в коридор, другая — на Блумингдейлскую дорогу. Здесь был закончен «Ворон», строки которого навеки запечатлели некоторые предметы обстановки этой комнаты. До По ее занимал другой постоялец Бреннанов, француз, служивший в армии Наполеона и отправившийся в изгнание после падения Первой империи. Стены были обтянуты тяжелыми драпировками в стиле ампир и увешаны французскими гравюрами с изображением батальных сцен; немного громоздкая, обитая маркизетом мебель, книжный шкаф, прямоугольный письменный стол, стенные часы. Из двух небольших окон с квадратными переплетами и старинными толстыми стеклами открывался вид через Гудзон на Нью-Джерси. На прибитой над дверью полке стоял бюст «беломраморной Паллады».

Бреннаны сохранили немало воспоминаний о жизни По в их доме — о том, как он долгими часами писал у себя в кабинете, как вместе с Вирджинией любовался из окна закатами на Гудзоне, о рукописях и письмах, в беспорядке разбросанных по дощатому полу его комнаты, о его привычке подолгу в задумчивости сидеть на скамейке у пруда, в тени раскидистого дерева, куда за ним посылали кого-нибудь из детей, когда подходило время обедать. Юный Том Бреннан хорошо помнил, как их странный гость что-то чертил тростью в пыли или, взобравшись на вершину поднимавшегося невдалеке холма Маунт-Том, часами не отрывал мечтательного взгляда от струящегося внизу Гудзона.

Марту Бреннан соседи описывают как темноволосую и голубоглазую ирландскую красавицу. Она была почти ровесницей Вирджинии, которая не могла и мечтать о лучшей подруге. Марте часто приходилось видеть, как миссис По аккуратно склеивает в длинные свитки рукописи своего мужа, которыми она очень гордилась, хотя и мало понимала, о чем там идет речь. Для нее литературная ценность этих манускриптов заключалась в их внушительных размерах и затейливом виде, в каллиграфическом изяществе строк, выведенных медным пером Эдгара. Миссис Клемм знала в книгах больше толку. Будучи убежденной поклонницей творчества своего племянника, она слушала многое из того, что писал По, а когда тот уставал, варила ему кофе. По

придавал большое значение впечатлению, которое производили рассказы и стихотворения при чтении вслух. Стремясь достичь совершенной гармонии звукового рисунка прозы и стиха, он читал или декламировал написанное всякому, кто соглашался слушать, либо сочинял вслух, когда таковых не находилось.

На ферме По не докучали визитеры, однако сам он иногда бывал в Нью-Йорке, отправляясь туда пешком, если не было денег, чтобы доехать, — а случалось так довольно часто. Миссис Бреннан говорила. что за стол По всегда расплачивались в срок. Весь доход, на который По мог в это время рассчитывать. ограничивался гонорарами за три рассказа, посланных Гоуди, — доброму другу, заплатившему, должно быть, вперед, — очерк о Лоуэлле, помещенный в «Грэхэмс мэгэзин», и посланные в журнал «Коламбиен мэгэзин» новеллы «Ангел необъяснимого» и «Месмерическое откровение» — последний предмет, как и спиритические явления, в ту пору будоражил многие умы. В рассказе «Литературная жизнь Какваса Тама, эсквайра», одном из своих автобиографических произведений, написанных с большой долей иронии, он опять возвращается к эпизодам проведенной в Ричмонде молодости, которые изображает в сатирическом духе. Видимо, не без тайного удовольствия он послал эту юмореску в свой родной город, в журнал «Сазерн литерери мессенджер», где она появилась в декабре 1844 года и была несколько позднее перепечатана нью-йоркским еженедельником «Бродвей джорнэл».

Нет никаких сомнений в том, что «Ворон» обрел свою окончательную форму в доме на холмистом берегу Гудзона. Столь же достоверно известно, что у По уже имелся первый вариант стихотворения, когда он переехал жить на блумингдейлскую ферму. Как мы помним, идея «Ворона» зародилась четырьмя годами раньше в Филадельфии, когда По писал рецензию на роман Диккенса «Барнеби Радж», в котором эта птица играет важную роль.

«События, неподвластные моей воле, всегда препятствовали мне в приложении сколько-нибудь серьезных усилий в той области, которую при более благоприятных обстоятельствах я избрал бы своим поприщем, — говорит По, добавляя, — Поэзия для меня — не профессия, а страсть; к страстям же надлежит относиться с почтением — их не должно, да и невозможно пробуждать в себе по желанию, думая лишь о жалком вознаграждении или о еще более жалких похвалах толпы». В сельском доме на берегу Гудзона По впервые, хотя бы на короткое время, оказался в «более благоприятных обстоятельствах» и, помышляя об отнюдь не жалком вознаграждении, с великим старанием приступил к завершению работы над стихотворением,

которое считал шедевром, достойным всеобщего признания. Свидетелями этих трудов были стены его кабинета, где, несмотря на увещевания миссис Бреннан, он но рассеянности вырезал на каминной доске свое имя.

Сочинял он по большей части глубокой ночью. Наверное, именно теперь все стихотворение предстало перед его мысленным взором в законченной форме. Найденный ранее прием — вещий крик ворона, откликающегося на речи лирического героя, По соединил с причудливо-жуткой романтической обстановкой и эффектами, в изображении и сплетении которых он был столь искусен. Осенними ночами, когда продуваемый всеми ветрами дом сотрясали порывы бури, когда гас огонь в очаге и ветви деревьев стучались в окно, а на пол падала тень от бюста Паллады, в сознании поэта окружающие его предметы смешивались с изысканным декором жилища, куда переносило его воображение. В эти полуреальные, полуфантастические покои он впустил ворона из «Барнеби Раджа», чью роль, однако, сделал более выразительной, По использовал когда-то высказанную им же идею о том, что «на протяжении всей драмы Барнеби Раджа могло бы звучать пророческое карканье ворона».

Ощущение безысходного отчаяния и неизбежности крушения всех надежд возникло в По как выражение меланхолической тоски, причины которой следует искать в его духовной природе и трагической судьбе. Сочетание характерной для него темы «утраченной возлюбленной» с роковым смыслом слов, произносимых вороном, ясно указывает на то, что поэт уже всецело осознал, что его попытка или навязанная браком с Вирджинией необходимость отдать мечте место, предназначенное в жизни для реальной любви, обрекла его на страдания и боль. Теперь он потерял надежду восполнить в идеальном мире то, чего был лишен в действительности. Спустя год Р. Х. Хорн, прочтя стихотворение, написал По: «О „Вороне“ я того же мнения, что и мисс Баррет. Мне кажется также, что поэт хотел передать здесь крайне болезненное состояние воображения, наводящее на мысль о душе, которая готова низвергнуться в бездну исступления или мрачной тоски, беспрестанно угнетаемая одним и тем же неотступным чувством».

Объяснение, предложенное самим По в статье «Как я писал „Ворона“, или Философия творчества», в конечном счете ровно ничего не объясняет. С его стороны это была не более чем попытка дать рациональную интерпретацию собственному творческому процессу, логически истолковать его для себя самого. В этом критическом очерке он по-прежнему стремится

доказать всемогущество своего разума и одновременно возбудить интерес публики к «Ворону». Его спрашивали: «Мистер По, как вы написали „Ворона“?» На что он давал совершенно разумный ответ своей статьей. Не пускаясь в рассуждения о «таинстве творчества» и «божественном вдохновении», к которым издавна прибегали поэты, желавшие ускользнуть от самоанализа, По ответил со всей возможной обстоятельностью, заставив замолчать филистеров и преумножив спою славу логического гения. Среди тех, кого старался убедить автор, был и он сам. На самом же деле вопрос заключался не в том, как По написал «Ворона», а почему он его написал.

Необходимо, однако, сказать следующее. Длительный период, на протяжении которого создавался «Ворон» — по меньшей мере четыре года, — показывает, что сочинение и выстраивание этого произведения потребовало долгого и тщательного обдумывания, критического и художественного анализа, логической расстановки эффектов, кропотливой лепки сюжетной и тематической основы — словом, того, чего не сотворить силой одного только вдохновения. Изощренное мастерство поэта ощущается во всем — в изысканном музыкальном рисунке стихотворения, в умелом использовании ассонанса, рифмы, размера. Без сомнения, во многих случаях образы возникали в его сознании как бы одновременно со словами и ритмами, способными их запечатлеть. Но бесспорно и другое: умение По, когда «наития» не было, усердно, день за днем, месяц, за месяцем, нить за нитью ткать прекрасное художественное полотно говорит о том, как блестяще владел он поэтическим искусством. Ибо подобное было бы не под силу какому-нибудь сентиментальному рифмоплету.

В течение всего лета По продолжал переписываться с Лоуэллом. Главной темой их «эпистолярных бесед» была биография По, которую Лоуэлл готовил к публикации в сентябрьском номере «Грэхэмс мэгэзин». Лоуэлл пишет По, что борется с очередным приступом врожденной лености и никак не может взяться за перо. Леность эта, говорит он, «не была исправлена надлежащим воспитанием в детстве. Поверьте, я не из тех, кто, следуя еще далеко не исчезнувшей моде, желает, чтобы свет в доброте и снисходительности своей принимал свойственные им пороки как доказательство их гения». Подобные скрытые проповеди едва ли пришлись по душе По. В том же послании Лоуэлл просит По написать «нечто вроде духовной биографии… Вашу собственную оценку пережитого».

В одном из предыдущих писем По жаловался Лоуэллу на статью «Американская поэзия», напечатанную в журнале «Лондон

форин куортерли», в которой его назвали подражателем Теннисона. По считал, что она была написана или инспирирована Диккенсом — «у меня есть свои причины утверждать это». Он имел в виду то, что в статье содержались некоторые сведения, которые он сообщил Диккенсу во время их встречи в Филадельфии, а также в переписке. Позднее Лоуэлл написал По, что автор статьи — некий Фостер, однако По, имея на то серьезные основания, так и не поверил в непричастность Диккенса ко всей этой истории.

После перерыва, длившегося почти год, По возобновил переписку с Томасом:

> «Нью-Йорк, 8 сентября 1844 года.
>
> Мой дорогой Томас!
>
> Я был искренне рад получить твое письмо и почти столь же искренне удивлен, ибо, пока ты гадал, почему нет писем от меня, я чуть было не решил, что ты сам совсем меня забыл.
>
> Я уехал из Филадельфии и живу теперь милях в пяти от Нью-Йорка. В последние семь или восемь месяцев я сделался настоящим отшельником, и не на шутку — за все это время не видел ни единой живой души, кроме своих домашних, — они чувствуют себя хорошо и передают тебе самый добрый привет. Когда я говорю «хорошо», то имею в виду (что касается Вирджинии) не хуже, чем обычно. Здоровье ее, как и прежде, внушает большие опасения…»

По и в самом деле удалился от света. Лето 1844 года он, как того и желал, провел в полном отрешении от остального мира. Отшельническая жизнь возымела самое благотворное действие на его воображение… К сожалению, это творческое уединение не могло продолжиться, ибо деньги были на исходе. Приближалась зима, а с ней и конец сельской идиллии. Для миссис Клемм главным был сейчас вопрос не «где напечатать „Ворона“?», а «на что жить дальше?». Как школьник после долгих каникул, По с отвращением думал о той минуте, когда придется снова вернуться к повседневным трудам, и оттягивал ее до последнего. В конце сентября отчаявшаяся миссис Клемм взяла дело в собственные руки. Отправившись в город искать для По работу, она — безусловно, по его же совету — обратилась к редактору газеты «Уикли миррор», Натаниелю Паркеру Уиллису. С ним По вел в свое время переписку, и оба они хорошо знали друг друга по литературной деятельности.

Как раз в ту пору, когда к нему явилась с визитом миссис

Клемм, Уиллис готовился расширить свое дело, превратив издававшуюся им газету из еженедельной в ежедневную и переименовав ее в «Ивнинг миррор». При этом еженедельный номер сохранялся в качестве обозрения текущих событий и новостей, а также литературной и политической жизни. В таком деле По с его способностями, известностью и опытом мог оказаться очень полезным человеком. Уиллис взял его к себе «статейным корреспондентом», что в тогдашней журналистской иерархии ближе всего соответствовало нынешнему очеркисту. По должен был писать рецензии, короткие статьи и всякого рода заметки и реплики на злобу дня. Кроме того, ему, вероятно, приходилось читать присланные почтой рукописи, править идущие в набор материалы и помогать с верстской. Как раз такую работу он высмеял в маленькой юмореске «Как была набрана одна газетная статья», написанной, кстати, под впечатлением фельетона из какой-то французской газеты.

По приходил в редакцию к девяти утра, садился за свои стол в углу комнаты и, не отрываясь, работал до того момента, когда очередной номер сдавался в печать. Когда По сотрудничал с «Ивнинг миррор», Уиллис, по собственному признанию, знал его лишь с одной стороны — «как человека спокойного, терпеливого, трудолюбивого и весьма порядочного, который внушал глубочайшее уважение своим неизменно благородным поведением и способностями». Заметим, что По не только был трудолюбив, но и с готовностью соглашался, если его просил об этом патрон, смягчить уничтожающий тон своей критики или придать иронии более жизнерадостный оттенок. 7 октября 1844 года новая газета «Ивнинг миррор» впервые увидела свет, появившись с материалами, которые могли выйти только из-под пера По.

Полученная должность обеспечивала необходимый доход, однако теперешнее подчиненное положение уязвляло гордость По, еще недавно занимавшего столь солидное редакторское кресло в «Грэхэмс мэгэзин». Тем не менее и из этих обстоятельств он извлек все, что мог. Во втором номере появился хвалебный отзыв об английской поэтессе Элизабет Баррет (позднее Э. Браунинг), за которым последовали и другие. Через Хорна и Баррет По надеялся привлечь к себе внимание Теннисона и других поэтов и добиться, таким образом, признания в Англии. Главную ставку он делал теперь на «Ворона» и потому убедил Уиллиса еще до того, как расстался с ним, напечатать стихотворение в «Ивнинг миррор». Страницы этой газеты По использовал в своих интересах и иными, впрочем, достаточно законными путями. «Стайлус» был похоронен, однако

вдохновившая его идея продолжала жить, и По лишь выжидал удобного случая, чтобы вновь оседлать скакуна порезвее. После долгого лета, проведенного в мечтательном уединении, он, казалось, все еще был погружен в себя, и Уиллис с его неистребимым добродушием и жизнерадостной болтливостью временами жесточайшим образом досаждал По.

Семья по-прежнему оставалась у Бреннанов — Вирджиния чувствовала себя там лучше, да и жить на ферме было удобнее и дешевле, чем в пансионе. Однако По приходилось теперь совершать ежедневные путешествия в Нью-Йорк и обратно; деньги на то, чтобы доехать в экипаже или по реке, не всегда находились, а дважды в день проходить пешком по пять миль было выше его сил. Поэтому в ноябре они переехали обратно в город, поселившись в пансионе на Эмити-стрит, поближе к месту службы По.

Незадолго до того По постигло некоторое разочарование — Лоуэлл не успел вовремя закончить его биографию, чтобы поместить ее в сентябрьском номере «Грэхэмс мэгэзин», как было условлено с Грисвольдом. Публикация «жизнеописания», разумеется, способствовала бы росту популярности По и помогла бы добиться более высокого положения, к которому он так стремился. Очерк был завершен лишь к концу сентября, и Лоуэлл, ненадолго заехав в Нью-Йорк, оставил конверт с рукописью у своего друга, Чарльза Бриггса, довольно известного журналиста и литератора. Вскоре рукопись оказалась у По — вероятно, он послал за ней миссис Клемм. Во всяком случае, с Бриггсом он тогда не встретился, хотя Лоуэлл, видимо, специально передал пакет через него, чтобы свести их вместе. Тем не менее через несколько месяцев, когда По решил предпринять последнюю попытку утвердиться на журналистской стезе, они сделались партнерами.

В декабре Лоуэлл снова навестил Бриггса, который жил в Нью-Йорке на Нассау-стрит. Писал он под псевдонимом «Гарри Фрэнко» и как раз готовился приступить к изданию литературного еженедельника «Бродвей джорнэл», подыскивая для этого второго редактора или компаньона. Лоуэлл порекомендовал ему По, вновь доказав последнему свою дружбу. Сотрудничество По с «Бродвей джорнэл» поначалу носило эпизодический характер. Прежде чем предложить что-то серьезное, Бриггс хотел немного испытать По, и в первые месяцы нового, 1845 года тот изредка писал для нового журнала, не порывая пока связей с Уиллисом. Первый номер «Бродвей джорнэл» вышел в начале января, когда все усилия По были направлены на подготовку к публикации «Ворона».

Он возобновил давнюю дружбу с Джоном Ши, завязавшуюся еще в ВестПойнте, где тот служил интендантским писарем. На его советы и влияние в местных литературных кругах По возлагал немалые надежды, готовя к печати свой будущий шедевр. Совершенно ясно, что у него имелся продуманный во всех деталях план кампании, которая преследовала цель добиться самого широкого распространения стихотворения и создать вокруг него как можно больше толков и споров.

План этот предполагал почти одновременную публикацию произведения в возможно большем числе периодических изданий, которые представили бы в наиболее выгодном свете редкостные совершенства стихотворения и объяснили замысел автора. Чтобы разжечь любопытство публики, сочинение должно было появиться анонимно. Еще в январе 1845 года, за каких-нибудь несколько дней до опубликования, По продолжал вносить исправления в, казалось бы, уже окончательный вариант. Последние поправки были предложены им так поздно, что их даже не успели включить в текст.

По договоренности с Уиллисом «Ивнинг миррор», очевидно, получив уже готовые гранки из другого журнала, «Американ ревю», первой напечатала стихотворение 29 января 1845 года, предпослав ему заметку от редакции, в которой ощущается вдохновение По и стиль Уиллиса:

«Мы получили разрешение перепечатать (предварив ожидаемую публикацию во 2-м номере „Американ ревю“) следующее ниже замечательное стихотворение… Оно, по нашему мнению, являет собой единственный в своем роде и самый впечатляющий пример „поэзии момента“, известный американской литературе. Тонкостью же замысла, изумительным искусством стихосложения, неизменно высоким полетом фантазии и „зловещим очарованием“ произведение это превосходит все, что создано пишущими по-английски поэтами. Речь идет об одном из тех „литературных деликатесов“, которыми питается наше воображение. Строки эти навсегда останутся в памяти всякого, кто их прочтет».

Эта написанная с типично американской восторженностью заметка разнесла весть о «Вороне» по всей стране. Никогда еще на долю написанного американцем стихотворения не выпадало столь стремительного и широкого успеха. Ворон и в самом деле «грозил прогнать орла с национального герба». Проворные редакторские ножницы тотчас принялись за работу, и вскоре тираж стихотворения многократно умножился бесчисленными перепечатками.

В течение недели люди повторяли колдовские стансы,

теряясь в догадках об их таинственном авторе. И когда имя его открылось, По мгновенно прославился, превратившись в вызывающую всеобщее любопытство странную, романтическую, роковую и трагическую фигуру, какой с тех пор и оставался. Рукописи его стали приносить доход тем, кто ими владел, а письма сделались предметом целеустремленных поисков. Охотники за автографами были в ту пору поистине вездесущи.

Очерк Лоуэлла о По, появившийся некоторое время назад в «Грэхэмс мэгэзин», был перепечатан Уиллисом и достойным образом удовлетворил повсеместный интерес к новой знаменитости, дав ответ на множество волновавших публику вопросов. К яркому блеску популярности прибавился, таким образом, ореол авторитетного признания, и По в действительности оказался вознесенным на головокружительные высоты, к которым уже много лет стремился в мечтах. Не теряя времени, он принялся ковать пылающее жаром железо.

28 февраля По, чья слава приближалась к зениту, прочел лекцию в нью-йоркском историческом обществе, послушать которую собрались почти триста человек — завсегдатаи светских салонов, друзья-журналисты, поэты и писатели. Это выступление можно считать дебютом По на местной литературной сцене, состоявшимся при покровительстве Уиллиса. Лекция во многом напоминала ту, что он когда-то прочел в Филадельфии, и изобиловала обычными для него выпадами против фаворитизма редакторов, необъективности рецензентов и безграничного невежества презренных рифмоплетов. Произнесенный им «монолог» почти целиком состоял из кусочков его ранее печатавшихся рецензий. Изрядно досталось Брайенту, Лонгфелло, Дэвидсонам, Шебе Смиту и другим, однако местами критика все же перемежалась похвалами, которые в противовес ядовитому топу замечаний также были несколько преувеличены. В числе тех, кто удостоился особой благосклонности, была нью-йоркская поэтесса Фрэнсис Осгуд. Лекцию отличало еще и то, что ожесточенные нападки на Грисвольда, столь оживившие выступление По в Филадельфии, на этот раз полностью отсутствовали.

К тому времени По и Грисвольд возобновили, во всяком случае внешне, дипломатические отношения, хотя где-то в глубине продолжала тлеть старая вражда. С тех пор как По приехал в Нью-Йорк, он уже однажды столкнулся с Грисвольдом в редакции газеты «Трибюн», однако встреча получилась несколько неловкой. «Я не мог завязать разговора, — пишет он, — хотя очень этого желал». Столь настойчивое желание объяснялось тем, что Грисвольд готовил к печати новую антологию «Американские

прозаики» и исправлял уже вышедшую поэтическую антологию для повторного издания. По очень хотелось попасть в первую и внести улучшения в некоторые из своих стихотворений во второй. С этой целью в январе 1845 года он снова, после долгого перерыва, пишет Грисвольду. Опасаясь, что посвященная ему заметка от составителя может оказаться не слишком лестной, он просит: «…при теперешних Ваших чувствах Вы едва ли сможете отдать мне справедливость в какойлибо критической статье, и меня вполне устроит, если после моего имени Вы просто напишете: „Родился в 1811 году, в 1839 году опубликовал сборник рассказов „Гротески и арабески“; в последнее время живет в Нью-Йорке“.

Грисвольд, однако, ответил подчеркнуто любезно, и вскоре последовало новое сближение. Грисвольд прислал По кое-какие книги, а По направил ему рукописи нескольких рассказов и исправления к стихотворениям. Эти двое были слишком нужны друг другу, чтобы и дальше оставаться литературными противниками. По стал теперь так знаменит, что не замечать его или отзываться о нем с пренебрежением Грисвольд уже не мог. По, со своей стороны, тоже хорошо понимал, как необходимо ему дружеское расположение известного составителя антологий. Грисвольду удалось мало-помалу войти в доверие к По, из чего он извлек какую только мог выгоду. И тем не менее преподобный доктор отнюдь не простил бывшего врага. Своими письмами стараясь уверить его в своем добром отношении и уважении, он одновременно чернил По в глазах Бриггса, передавая тому все сплетни, которые ходили о По в Филадельфии. В январе Бриггс написал Лоуэллу: «По чрезвычайно мне нравится; г-н Грисвольд рассказывал мне о нем бог весть какие ужасные истории, но По опровергает их всем своим поведением».

Причины ненависти — ибо иначе это не назовешь, — которую Грисвольд испытывал к По, коренились в определенных свойствах натуры доктора. Он был из тех, кто в отношениях с людьми следует своим исключительно сильным пристрастиям и предубеждениям. К По он питал глубокую неприязнь, легко объяснимую с чисто человеческой точки зрения, и потому задался целью повредить ему, насколько было в его силах. Из деловых соображений он скрывал свои истинные чувства и сумел даже сделаться доверенным лицом По, который, таким образом, сам отдал себя в руки недруга.

Несмотря на ту добрую услугу, которую Грисвольд оказал По, Бриггс поначалу составил о нем весьма благоприятное мнение, и в середине января 1845 года автор «Ворона» вошел в долевое владение из одной трети еженедельником «Бродвей джорнэл». О

назначении его одним из трех редакторов (два других кресла занимали Бриггс и Биско) читателям было объявлено в начале марта. По сыграл на своей популярности и ускорил решение вопроса, убедив компаньонов, что его имя привлечет новых подписчиков. Примерно в это время Бриггс написал Лоуэллу: «По только мой помощник и никоим образом не помешает мне вести дело так, как я сочту нужным».

В этом мистер Бриггс глубоко заблуждался. С появлением в редакции По ему пришлось довольствоваться более чем скромной партией второй скрипки в весьма нестройно игравшем оркестре.

«Маленькая война с Лонгфелло», которую По с перерывами вел вот уже несколько лет, была отныне перенесена со страниц «Ивнинг миррор» на страницы «Бродвей джорнэл». Впервые за всю свою журналистскую карьеру По был волен писать как ему заблагорассудится, без всякого смягчающего влияния свыше, и обвинения в плагиате посыпались на несчастных собратьев по перу как из рога изобилия. Однажды был мимоходом обвинен — и без всяких на то оснований — даже Лоуэлл; учитывая его неизменную доброту к По, такое не назовешь иначе как ударом в спину. Плагиат чудился По повсюду и превратился для него в навязчивую идею.

Триумф «Ворона» и надежды — увы, малообоснованные — на «Бродвей джорнэл» привели По в состояние лихорадочного волнения, которое весной 1845 года явственно ощущалось во всем, что он делал и писал. Он также стал чаще, чем в предыдущие годы, бывать в обществе, и среди его новых знакомых было особенно много женщин. В те несколько месяцев 1844 года, которые он прожил в Нью-Йорке, По воздерживался от алкоголя, о чем в один голос говорят Бреннаны, Уиллис и остальные, кто постоянно видел его в редакции «Миррор». Однако сейчас он снова начал пить — и больше, чем когда-либо прежде.

Бриггс почти сразу стал проявлять недовольство и с этих пор не переставал докучать Лоуэллу раздраженными, хотя и довольно слабыми жалобами. Из-за недостатка у Бриггса капитала для того, чтобы упрочить свое положение в журнале, и его ссоры с другим партнером, Джоном Биско, он был очень скоро оттеснен от «кормила». Влияние По быстро усиливалось, и с того момента, как он приступил к редакторским обязанностям, все, кто поддерживал отношения с журналом, стали считать «хозяином» его.

Зимой 1845 года По завязал многочисленные знакомства в театральных кругах, где стяжал значительный престиж и как рецензент «Бродвей джорнэл», и как автор знаменитого «Ворона». Среди тех, кого он часто просил декламировать стихотворение

перед публикой, был Джеймс Мердок — актер подлинно талантливый, обладавший к тому же голосом редкой красоты. Об одном таком чтении вспоминает некий Александр Крейн, служивший тогда рассыльным в редакции «Бродвей джорнэл»:

«Как-то холодным зимним днем, когда все в редакции… „Джорнэла“, включая меня, были заняты работой, пришел По в сопровождении знаменитого актера Мердока. Они остановились у стола По, который созвал к себе всех, кто работал в журнале, в том числе и меня. Нас собралось человек десять, и среди них я был единственным мальчишкой».

Конечно же, перед глазами По стояла другая комната, где он несколько лет назад читал «Ворона» Грэхэму и его людям, которые нашли стихи неудачными и из жалости к поэту пустили по кругу шляпу. Какое же упоительное торжество испытывал он теперь, слушая, как его друг декламирует в редакции его собственного журнала все того же «Ворона», ставшего самым известным стихотворением в Америке. Да, то был сладостный миг! Горстка людей, удивленных, быть может, даже встревоженных внезапной тишиной, сменившей привычное лязганье печатных прессов, окружила стоящих у стола поэта и актера — двух прирожденных трагиков.

«Когда все были в сборе. По вытащил из кармана рукопись „Ворона“ и протянул ее Мердоку. Он хотел, чтобы мы услышали, как великий декламатор читает его повое стихотворение… Я был очарован этим соединением искусства двух гениев. Бессмертные стихи, прочитанные человеком, чей голос был подобен звону серебряных колоколов, навсегда остались самым дорогим воспоминанием моей жизни».

В сероватом свете, пробивавшемся через закопченные окна, мощно взмахнув крыльями, внезапно возникла большая темная птица, вызванная заклинаниями Мердока, и огласила комнату зловещим карканьем, вещая в такт причудливой музыке стиха. И на минуту все, кто внимал ей, превратились в печальных влюбленных — скорбящих, плененных вечностью мгновения и ослепленных черным лунным сиянием, пролитым душою бледного усталого человека, который стоял у забрызганного типографской краской стола, с лицом, искаженным болью неизъяснимого восторга…

По по-прежнему жил на Эмити-стрит. Вирджиния была уже безнадежна, и мысль о том, что он может ее потерять, приводила По в ужас. Необходимость заставляла его всерьез задуматься о будущем. Весной Уиллис представил его поэтессе Фрэнсис Осгуд, о стихах которой По очень высоко отозвался в своей февральской лекции.

Миссис Осгуд была весьма польщена похвалой По, на что он, собственно, и рассчитывал. Она описывает встречу с ним весной 1845 года, после опубликования «Ворона», оттиск которого По передал ей через Уиллиса с просьбой дать отзыв о стихотворении и удостоить автора личной беседой.

«Я никогда не забуду то утро, когда г-н Уиллис позвал меня в гостиную, чтобы принять По. Высоко держа свою гордую и красивую голову, с темными глазами, сияющими ярким светом чувства и мысли, с неподражаемым сочетанием обаяния и надменности в выражении лица и манерах, он приветствовал меня спокойно, серьезно, почти холодно, но столь искренне, что это не могло не произвести на меня глубокого впечатления. С того момента и до его смерти мы были друзьями, хотя виделись лишь в первый год нашего знакомства».

Миссис Осгуд не преминула выказать свою благосклонность окруженному романтической славой поэту. 5 апреля она поместила в «Бродвей джорнэл» стихотворение, в котором упоминался «Израфил». По ответил строками «К Ф. С. О-д». Она, разумеется, не могла знать, что стихи эти много лет назад уже печатались в «Мессенджере» и были посвящены тогда дочери его владельца Элизе Уайт. Впрочем, миссис Осгуд было бы грех жаловаться, ибо сама она послала поздравление в стихах Грисвольду, где имя последнего и ее собственное переплетались весьма тесно. По стал часто с ней видеться. Близость их росла и со временем вызвала гнев ее заподозрившей недоброе семьи. Миссис Клемм и Вирджиния, которая, видимо, была уже ко всему равнодушна или просто не способна на ревность, сперва поощряли эту дружбу.

Фрэнсис Сарджент Осгуд (урожденная Локк) была женой довольно посредственного американского художника Сэмюэля Осгуда, кисти которого принадлежит также один из портретов По. Она рано и в большом множестве начала писать чувствительные стихи; ее вещи и тогда и позже охотно печатали многочисленные американские журналы. Стиль ее — смесь выспренней риторики и сентиментальности — был не лишен тем не менее известного изящества, которым она главным образом и заслужила одобрение По. Вот как описывает ее другая американская поэтесса, Элизабет Оукс Смит:

«Обладая нравом пылким, чувствительным и порывистым, она самым существом своим воплощает правдивость и честь. Эта жрица прекрасного, с душой столь безыскусной, что все в ней, кажется, дышит искусством, снискала необычайное восхищение, уважение и любовь. Что до внешности, то это женщина среднего роста, стройная, пожалуй, даже хрупкая, исполненная грации и в

движении, и в покое; обычно бледная, с блестящими черными волосами и большими, лучистыми, необыкновенно выразительными серыми глазами».

Такова была очаровательная женщина, внушившая По чувства, природа которых была столь очевидна; они стали причиной скандальных слухов и вдохновили компрометирующую обоих переписку и похвалы, которыми По щедро осыпал миссис Осгуд.

По достиг к тому времени вершины прижизненной славы. «Ворон» был у всех на устах, а «война с Лонгфелло» — в центре всеобщего внимания. Будучи рецензентом «Бродвей джорнэл», он сделался театральным завсегдатаем. На одном из представлений какой-то актер, узнав среди зрителей По, в самом драматическом месте добавил к тексту своей роли знаменитую строчку из «Ворона» — «Никогда, о, никогда». Услышав ее, «весь зал содрогнулся, охваченный глубочайшим волнением». Трудно найти более убедительное свидетельство огромной силы воздействия, которое стихотворение производило на публику. Позднее По рассказывал об этом случае «без тени тщеславия, с широко открытыми, устремленными в неведомое глазами, точно скорбное эхо тех слов звучало в нем не умолкая».

Дела По в редакции «Бродвей джорнэл» шли совсем не гладко. Бриггс испытывал финансовые затруднения и был, кажется, шокирован флиртом По с миссис Осгуд, о котором уже заговорили в местных литературных салонах; похоже, что в сплетнях, распространяемых Грисвольдом о «леди из Саратоги», была изрядная доля правды. Однако куда больше его скандализировали заявления самого мистера По, который не верил в реформы, считал Библию вздором и был одержим маниакальной ненавистью к плагиаторам. Но что самое ужасное, он вступил в сговор с другим партнером, Джоном Биско, и явно намеревался продолжить вместе с упомянутым джентльменом издание «Джорнэла», когда сам Бриггс — а все шло к этому — выйдет из числа пайщиков. Иными и не могли быть чувства человека заурядного и лишенного воображения, которого неприятно поражали суждения изверившегося гения. Бриггсу нелегко было стерпеть высокомерное поведение По в редакции, но еще больше раздражало его благоговение, которое испытывали перед поэтом все, кто служил в журнале, даже мальчишки-рассыльные. И совсем уже немыслимыми казались его атеистические настроения, в те дни столь необычные, что их впору было принять за безумие. Да и то, что на страницах «Бродвей джорнэл» По оскорблял друзей Бриггса, вынужденного оплачивать его критические эскапады из своего тощего кошелька,

не могло не возмущать главного владельца и издателя. Он хотел даже исключить упоминание По в числе редакторов журнала, однако ему сообщили, что тот скоро собирается уехать в деревню, чтобы заняться сочинительством, и Бриггс сможет вести дела как сочтет нужным.

И к тому же По действительно брал на себя большую часть работы. Из-под его пера продолжали течь статьи и заметки на самые разнообразные темы — о мощении улиц, тайнах тюремных застенков, анастатической полиграфии, стихотворениях Хирста и трагедиях Софокла и бог весть о чем еще, не говоря уже о бесчисленных рецензиях, не оставлявших без внимания буквально ни одной сколько-нибудь примечательной публикации. 4 мая По пишет Томасу:

«В надежде, что ты пока не совсем махнул на меня рукой, решив, что я отправился в Техас или куда-нибудь еще, сажусь за стол, чтобы написать тебе несколько слов… Случилось так, что в недавно охватившем меня приступе усердия я взялся за столько дел сразу, что до сих пор не могу с ними разделаться. В последние три или четыре месяца работал по четырнадцать-пятнадцать часов в день — без всякого отдыха. Только теперь я понял, что такое рабство.

И все же, Томас, денег у меня не прибавилось. Сейчас я не богаче, чем был в самые скудные времена, — разве что надеждами, но их в оборот не пустишь. Я стал совладельцем из одной трети журнала «Бродвей джорнэл» и за все, что пишу для него, получаю ровно на столько же меньше. Однако в конечном счете все должно окупиться — по крайней мере, на это есть основания рассчитывать…»

Помимо всего прочего, он принимал гостей, бывал в литературных салонах и постоянно ухаживал за миссис Осгуд. Еще он позировал для портрета ее мужу, готовил к изданию антологию «Литературная Америка» и полное собрание своих стихотворений, переписывался с Чиверсом и Хорном, отвечал на письма с вопросами о «Вороне» и часто, слишком часто ездил развлекаться в город.

В мае По переехал с семьей на Бродвей, в старый дом, знавший лучшие дни в ту пору, когда им владел какой-то богатый коммерсант, а теперь отданный внаем. Они, поселились в комнате на третьем этаже, выходившей окнами во двор. Переехать на новое место их вынудила усилившаяся бедность. Именно здесь По посетил Лоуэлл, возвращавшийся домой из Филадельфии, где он задержался во время свадебного путешествия и провел несколько месяцев, сотрудничая в журнале «Пенсильвания фримен» и живя в том же пансионе на Арч-стрит,

в котором когда-то останавливался По. Лоуэлл с женой покинули Филадельфию в конце мая и, проехав в экипаже через весь Честерский округ, прибыли в Нью-Йорк, чтобы увидеться с По. К сожалению, более неудачного времени для визита нельзя было и придумать.

В предшествующие несколько дней По много пил и сейчас был зол и мрачен. Миссис Клемм не выходила из комнаты в течение всей беседы, которая, наверное, надолго оставила у нее неприятный осадок, ибо через пять лет она написала Лоуэллу извиняющееся письмо по поводу этой встречи. Лоуэлл описывает По как человека маленького роста, с мучнисто-белым лицом и красивыми темными глазами, глядящими из-под широкого, резко скошенного назад лба. Манеры его Лоуэлл нашел неестественными и напыщенными. По тоже был разочарован Лоуэллом и написал Чиверсу, что тот не соответствует его представлению о человеке высокого ума. «В облике его не было и половины того благородства, какое я ожидал увидеть».

Приблизительно в это время мистер Сондерс, служивший библиотекарем в ньюйоркском книгохранилище «Эстор», говорил с По, повстречав его на Бродвее:

«…По казался очень подавленным, переживая один из приступов механхолии, которым был подвержен. Он твердил о заговоре среди американских писателей, желавших принизить его гений и воспрепятствовать его работе. „Однако потомки нас рассудят, — сказал он, гордо сверкнув глазами. — Будущие поколения сумеют отсеять золото от песка, и тогда „Ворон“ воссияет над всем и вся, как алмаз чистейшей воды“.

В июне Бриггс ушел из «Бродвей джорнэл», вверив его дальнейшую судьбу, которую нетрудно было предсказать, Эдгару По. «Джорнэл» успел уже печально прославиться ожесточенной кампанией против Лонгфелло и беспощадностью критических статей. По поводу последних сам Лонгфелло заметил: «Резкость его[20] критики я никогда не приписывал ничему иному, кроме как раздражению чувствительной натуры, порожденному смутным ощущением совершаемой по отношению к ней несправедливости».

В этом великодушном суждении Лонгфелло был, по существу, прав. Смутное ощущение несправедливости быстро превращалось в манию преследования. В июле, к концу первых шести месяцев существования журнала, Бриггс рассчитывал избавиться от По. У него был друг, обещавший выкупить долю, принадлежавшую третьему партнеру, Биско. Тот, однако, заломил такую цепу, что напрочь отпугнул покупателя. После чего Бриггс, по-прежнему оставаясь совладельцем, сложил с себя редакторские

обязанности, убедив Биско продолжать издание самостоятельно. В этих обстоятельствах публикация журнала прервалась на неделю. По запил. Он утверждал, будто Бриггс его оскорбляет и поступает с ним непорядочно, хотя и должен ему деньги. В конце концов, изнуренный борьбой Бриггс, чтобы не лишиться сразу всего, позволил По и Биско продолжать вместе, а сам отныне полностью удалился от дел.

Первый июльский номер журнала представил По как его единственного редактора и владельца одной трети капитала. Теперь По прилагал энергичные усилия, чтобы выкупить доли остальных партнеров, и быстро наделал долгов, раздав друзьям множество расписок и векселей. Срок уплаты по большинству из них истекал 1 января следующего года. Многие уже возобновлялись до того, и оттягивать дальше их погашение не было никакой возможности. К концу года По обратился с умоляющим призывом выручить его к балтиморским родственникам, Джону Кеннеди, Чиверсу и, возможно, Уиллису. «Бродвей джорнэл» стал помещать больше объявлений, однако потерял немало подписчиков. Кеннеди ответил добрым и сердечным письмом, однако помочь своему протеже деньгами не смог или не пожелал. На этом письме переписка между ними прервалась. Начиная с лета 1845 года журнал уже просто агонизировал, целиком завися от своевременных впрыскиваний взятых в долг денег. По было нестерпимо видеть, как его заветный шанс постепенно ускользает из рук, и он продолжал трудиться, вести переписку и надеяться до последнего. Злоупотребление алкоголем подрывало его и без того истощенные силы. Он был угнетен, болен, беден и опутан долгами. Приближался новый кризис.

Дружба По с миссис Осгуд крепла. Он часто бывал у нее, и она тоже нередко навещала его дом; и отношения их давали пищу для многих толков.

В середине лета 1845 года По снова переселились — на этот раз в дом 85 на Эмити-стрит, неподалеку от пансиона, где они уже останавливались. Дом находился поблизости от площади Вашингтона. Здесь они прожили осень 1845-го и всю зиму следующего года. Как и Спринг-Гарден-стрит в Филадельфии, место это стало для них кладбищем надежд. Миссис Осгуд продолжала бывать у них, как и раньше.

«Нигде характер Эдгара По, — писала она потом, — не открывался мне самыми прекрасными своими гранями так, как в его собственном скромном, но исполненном поэтического очарования жилище. Веселый, добрый, остроумный — то кроткий, то своенравный, точно избалованный ребенок, — он находил и

для своей юной, нежной и боготворимой жены, и для всякого. кто к нему приходил, доброе слово, приветливую улыбку, любезное и учтивое внимание даже среди постоянно осаждавших его забот. Сидя за столом, над которым висел портрет его любимой и утраченной Линор, он терпеливо, усердно и не сетуя, часами писал своим необычайно четким и изящным почерком с быстротой. почти сверхъестественной, запечатлевая на бумаге подобные молниям мысли, озарявшие его изумительный, никогда не меркнущий ум…»

Фрэнсис Осгуд глубоко волновала воображение По. Она, наверное, обладала тем самым выражением глаз, которое прежде всего привлекало его в женщинах.

Вирджиния ничего не замечала и даже охотно способствовала их сближению. Однако миссис Клемм хоть и не сразу, но все же встревожилась. По неотступно следовал за Фрэнсис Осгуд. «Я уехала в Олбани, а затем в Бостон и Провиденс, стараясь избежать встреч с ним». Пересуды на их счет продолжались, доставляя немало беспокойства семье миссис Осгуд. Все это, конечно, приводило По в крайнее расстройство. Между ними продолжалась оживленная и весьма рискованная переписка и обмен стихотворными посланиями на страницах «Бродвей джорнэл». Отъезд миссис Осгуд в Олбани очень огорчил По, и он вскоре отправился вслед за ней. Они увиделись, однако подробности этой встречи неизвестны. Позднее они снова встречались, уже в Бостоне, а потом и в Провиденсе, куда По приехал с лекцией.

Однажды внимание По привлекли стихи жившей в Провиденсе поэтессы Хелен Уитмен, которые были опубликованы в журнале «Демокрэтик ревю». Прочтя их, он признал в авторе родственную душу. Красивая вдова с приличным состоянием, миссис Уитмен исповедовала трансцендентализм и вдобавок носила дорогое ему имя Хелен — «Елена». Подобное сочетание не могло не заинтересовать По. В поэзии ее жили настроения, созвучные его собственным. Фрэнсис Осгуд, встревоженная домогательствами По и вместе с тем опасавшаяся отвергнуть их в тот момент, когда он находился в таком смятении чувств, по-видимому, очень хотела, чтобы он познакомился с миссис Уитмен; она дождалась его после лекции и чтения стихов, и потом они допоздна бродили вдвоем по городу.

Именно в то посещение Провиденса По впервые увидел Хелен Уитмен — в розовом саду при свете луны, как говорил потом Грисвольд, опираясь на описание этой сцены в стихотворении По «К Елене». Впоследствии в одном из писем к миссис Уитмен По вспоминает:

«Вы, наверное, не забыли, как однажды, будучи проездом в Провиденсе вместе с миссис Осгуд, я наотрез отказался пойти с ней к Вам и даже вызвал ее гнев упрямством и кажущейся неразумностью своего отказа».

Однако той же летней ночью, не в силах заснуть, По отправился прогуляться и дошел до дома, где жила миссис Уитмен. Как раз в это время она вышла на порог подышать воздухом. Светила луна. Много позднее миссис Уитмен писала:

«Я вовсе не „бродила в розовом саду“, как это было угодно изобразить г-ну Грисвольду, а стояла на пороге или на дорожке перед домом в ту душную „июльскую ночь“, когда, увидев меня, поэт „предался мечтаньям“, из которых возникли потом его бессмертные стихи».

Тем не менее она произвела на По неизгладимое впечатление. Память о ней не потускнела, и случай тот был одним из многих, приведших позднее к их сближению.

Тогда же прервались отношения между По и миссис Осгуд, по крайней мере, увидеться им больше не пришлось. Она продолжала при случае оказывать ему услуги, но жить ей оставалось недолго, ибо миссис Осгуд была смертельно больна туберкулезом.

Осень 1845 года завершает последний период в жизни По, отмеченный созданием сколько-нибудь значительных прозаических произведений в художественном или публицистическом жанре. Написанное в последующие годы, за исключением одного или двух стихотворений, в значительной мере уступало в разнообразии тем и литературных достоинствах сделанному ранее. В октябре 1845 года По уже был на пороге очередного духовного и физического кризиса, которые неизменно следовали за периодами лихорадочно оживленной деятельности. После безмятежного лета у Бреннанов он трудился, не щадя себя. Его заветная мечта сделаться владельцем собственного журнала была, казалось, готова осуществиться. Чтобы подстегнуть себя, он в течение шести месяцев почти постоянно прибегал к алкоголю. У Вирджинии в ту пору вновь начались кровотечения из легких, что всегда приводило По в ужас. Наконец, его общение с миссис Осгуд и другими женщинами явно причиняло ему острые переживания. О бедности нечего и говорить. В результате у него появились симптомы, очень походившие на первые признаки умственного расстройства. Он был близок к краю пропасти и иногда почти его переступал. Все это имело гибельные последствия для его надежд и планов. В октябре он стал единственным владельцем и редактором журнала «Бродвей джорнэл» — и потерпел полный крах.

Печальным свидетельством теперешней неспособности По должным образом справляться с делами житейскими явился провал его лекции в Бостоне, с которой он выступил 16 октября в местной публичной читальне.

Атаки По на Лонгфелло и трансцендентализм сделались предметом оживленного обсуждения в Бостоне. Лоуэлл устроил так, что По пригласили туда с лекцией. Послушать его собралась многочисленная и полная ожиданий аудитория. Предполагалось, что специально для этого случая он напишет новое стихотворение и прочтет его в конце вечера. Однако, будучи в расстроенном состоянии духа, написать он ничего не смог, о чем и сообщил незадолго до отъезда в Бостон одному из организаторов лекции, своему давнишнему другу Томасу Инглишу. Тот посоветовал ему отменить выступление, но По, на свою беду, заупрямился.

Лекция началась с нескольких общих, выдержанных в достаточно увещевательном тоне замечаний о вредоносности дидактической ереси, после чего По прочел худшее из стихотворений, какое только можно было выбрать для подобного случая, — «Аль-Ааараф». Слишком длинное и совершенно непригодное для декламации, оно к тому же принадлежало к числу самых ранних его поэтических опытов. Потом прозвучал «Ворон», которого публика встретила аплодисментами. В целом, однако, и По, и его друзьям выступление принесло большое разочарование.

Как водится, некоторые нью-йоркские газеты перепечатали самые неодобрительные отзывы, опустив более благосклонные оценки, которые также были высказаны. Уязвленный По ответил несколькими раздраженными выпадами в адрес критиков на страницах «Бродвей джорнэл». Скрывая истинные причины неудачи, он попытался выдать всю историю за розыгрыш. Но его враги, которых он по большей части наделал сам, не желали так просто оставлять этого дела, и ответы По на их обвинения приобретали все более недостойный характер. В конце концов скандал постепенно утих, однако репутация По серьезно пострадала.

По стал единственным владельцем «Бродвей джорнэл», заплатив Биско 50 долларов в виде долговой расписки (за нее поручился его друг Хорас Грили), примеру которого По уговорил потом последовать еще нескольких знакомых, ибо журнал постоянно нуждался в денежных субсидиях. Единственное, что хоть как-то вознаградило поручителей, которым пришлось впоследствии расплачиваться с его долгами, были автографы По, украшавшие расписки. Несмотря на отчаянные усилия издателя, «Джорнэл» все же не удалось вызволить из сетей финансовых

затруднений. Спасти его могла сумма в 140 долларов, подлежавшая уплате до конца 1845 года, однако достать денег было негде. Некоторые из векселей По уже опротестовали, а его неплатежеспособность стала слишком хорошо известна, чтобы рассчитывать на новые займы. Над журналом нависла мрачная туча, появление которой доставило многим злорадное удовольствие.

6 декабря редакция «Бродвей джорнэл» была перенесена, очевидно, из-за невозможности платить за помещение, с Нассау-стрит в дом 103 на Бродвее, где жили Томас Инглиш и большой почитатель По — Томас Лейн. Похоже, что именно Лейн заплатил за издание последних двух номеров журнала. 20 декабря По зашел в редакцию и оставил материалы для очередного номера. Он плохо себя чувствовал и был в отчаянии — все думали, что Вирджиния умирает. По объявил Лейну и Инглишу, что хочет утопить горе в вине. Лейн попытался отговорить его от этого намерения, однако, потерпев неудачу, решил не затягивать агонию журнала и попросил По написать прощальное обращение от редакции.

Рождество По встретил у постели Вирджинии, погруженный в тоску и печальные раздумья. Имея на руках кое-какие неиспользованные материалы, Лейн и Инглиш подготовили последний номер журнала, который вышел 3 января 1846 года и был заключен следующим:

> «Прощальное слово к читателям.
>
> Ввиду неотложных дел, требующих моего полного внимания, а также учитывая, что цели, ради которых был создан «Бродвей джорнэл», в том, что касается моего личного участия, достигнуты, я хотел бы настоящим проститься с друзьями, равно как и с недругами, пожелав и тем и другим всяческих благ.
>
> Эдгар А. По».

Больше о «Бродвей джорнэл» никто не слышал. Непроницаемый мрак уныния озарил лишь один радостный луч. В октябре нью-йорское издательство «Уайли энд Патнэм» опубликовало новый поэтический сборник По — «Ворон» и другие стихотворения», в который вошли все стихи, написанные почти за двадцать предшествующих лет. Юношеские стихотворения были включены в книгу с важными, зачастую спасительными исправлениями, внесенными в разное время при подготовке многочисленных предыдущих публикаций. Это было, пожалуй, самое выдающееся собрание поэтических произведений, когда-либо изданное в Америке.

Какие бы сокрушительные неудачи ни постигали его в реальном мире, в этом маленьком томике усталый странник благополучно достиг родных берегов. И как ни тяжки были беды, обрушенные на него «громовым полетом лет», По все же удалось укрыться от них в недосягаемом убежище своего воображения.

О, пестрый мой Романс, нередко,
Вспорхнув у озера на ветку,
Глаза ты сонно закрывал,
Качался, головой кивал,
Тихонько что-то напевал,
И я, малыш, у попугая
Учился азбуке родной,
В зеленой чаще залегая
И наблюдая день-деньской
Недетским взглядом за тобой.

Но время, этот кондор вечный,
Мне громовым полетом лет
Несет такую бурю бед,
Что тешиться мечтой беспечной
Сил у меня сегодня нет.
Но от нее, коль на мгновенье
Дано и мне отдохновенье,
Не откажусь я все равно:
В ней тот не видит преступленья,
Чье сердце, в лад струне, должно
Всегда дрожать от напряженья.[21]

Глава двадцать вторая

Жизнь Эдгара По прошла в эпоху безвременья. В воздухе носилось множество идей, происходили важные события, однако, по крайней мере, в Америке ничто не обрело еще законченных форм — ни политика, ни социальные процессы, ни общественная мысль. Как следствие, в литературе господствовал такой же хаос. В Нью-Йорке, население которого уже приближалось к полумиллиону человек, общественные и литературные проблемы постоянно и оживленно обсуждались во всякого рода «салонах», покровительствуемых теми, кому экономическое процветание тех лет приносило наибольшие выгоды. Однако дискуссии эти при всей своей пылкости и сентиментальной патетике носили весьма поверхностный характер — так могли говорить лишь люди, еще не осознавшие социального и эстетического значения вопросов, о которых они беспрестанно толковали, и не ощущающие пока насущной необходимости их решения.

Время страницу за страницей листало календарь 1846 года. Под бравурный звон имперских литавр страна шла к войне с Мексикой. В июле 1845 года Техас принял предложение конгресса о присоединении к Соединенным Штатам, а в мае 1846 года президент Полк направил послание конгрессу с объявлением «состояния войны». Мексиканцы, говорилось там, вторглись на принадлежащую нам территорию и проливают кровь наших сограждан на нашей собственной земле. В итоге у южного соседа были безжалостно отторгнуты огромные пространства, и вопрос «рабство или свободные земли?» встал с особой остротой и ясностью. Отныне литература и журналистика стали все больше превращаться в арену борьбы между поборниками рабовладения и его противниками, между защитниками федерализма и сторонниками укрепления центральной государственной власти. В такой атмосфере утонченные творения лирической поэзии все меньше волновали умы и чувства людей, тогда как художественное отображение общественных проблем вызывало растущий интерес.

Мощный толчок, данный «прогрессу» бурным развитием прикладных наук и машинного производства, естественно, порождал надежды на столь же блистательные успехи в области психологии и искусства. Мир с наивной верой ожидал сотворения каких угодно новых, еще более удивительных чудес. Ибо в ту эпоху, когда человек с невиданной доселе стремительностью подчинял себе могучие силы природы, казалось само собой разумеющимся, что и область духовного будет вскоре покорена,

исследована и освоена, подобно пустынным техасским просторам.

С достигнутых сегодня вершин знания легко взирать на все это с покровительственным высокомерием великана, наблюдающего за суетливой возней пигмеев.

Однако нет сомнения, что происходившее было исполнено самого реального, хотя и не всегда ясного смысла для живших в то время людей, влекомых бурным потоком событий и не подозревавших еще о порогах и теснинах, которые ждали впереди. В понимании эпохи лежит ключ к пониманию рожденных ею выдающихся личностей. И нет нужды облачать По в покровы мистической таинственности, доискиваясь до истоков идей, вдохновивших такие его рассказы, как «Фон Кемпелен и его открытие», «Месмерическое откровение» или «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром», — они были написаны сыном своего времени, который, подобно многим другим, связывал самые смелые надежды с развитием естественных наук. «Разумеется, я не стану утверждать, будто удивлен тем, что необычайное происшествие с мистером Вальдемаром сделалось предметом столь оживленного обсуждения…» — говорит По. Что ж, ему вполне можно поверить, памятуя о том, где и когда это было сказано. Подобные происшествия действительно будоражили воображение его современников. Мир уже созрел для общения с феноменальным, и описанные в рассказе события были всерьез восприняты по обе стороны Атлантики. Один из читателей писал По:

«Бостон, 16 октября 1845. Уважаемый сэр!

Ваш рассказ о случае с г-ном Вальдемаром распространился в списках по всему нашему городу, вызвав очень большой интерес. Я могу без всяких оговорок заявить, что не испытываю ни малейшего сомнения в возможности подобного феномена, ибо собственноручно вернул к жизни человека, умершего от чрезмерного употребления горячительных напитков, и сделал это, когда он уже был положен в гроб для погребения».

В Англии По также привлек пристальное внимание миссис Браунинг и ее литературных единомышленников.

Искусство, с каким построены эти рассказы, и по сей день звучащие убедительно и не утратившие интереса для читателя, свидетельствует о том, что По с успехом перенес идеи современной ему научной мысли на почву художественного творчества. Следует помнить, что его кажущиеся, а иногда и действительные познания во многих науках и псевдонауках были результатом целеустремленного изучения специально

подобранных материалов, приспособленных к требованиям писательского замысла. Вдохнуть в них жизнь могло лишь его могучее воображение. Десятки и сотни подобных попыток, предпринятых другими авторами, давно забыты, а плоды их погребены на пыльных страницах старинных журналов и никем не читаемых книг.

В 1845 году, впервые со времен ранней юности в Ричмонде, По стали охотно принимать в свете. Он наконец добился благосклонности американского общества, которое притязало на важное место в мировой цивилизации и в ту пору действительно заявляло о себе весьма настойчиво.

В Балтиморе светским успехам препятствовали бедность и молодость По. Возвратившись в Ричмонд, он, как мы помним, нашел многие двери закрытыми для себя в силу семейных обстоятельств. В Филадельфии ему не удалось преодолеть традиционной замкнутости местного общества. И лишь в Нью-Йорке с его более демократическими нравами поэт, снискавший громкую славу публикацией «Ворона», получил возможность бывать в некоторых домах и, более того, сделался там весьма желанным гостем. Хотя салоны, где он появлялся, не принадлежали к числу самых блестящих, они, несомненно, были самыми интересными и играли заметную роль в литературной жизни города. Прием, оказанный По в гостиных, которые не только блистали хорошим тоном, но и претендовали на интеллектуальную изысканность, был одним из дарованных славой благ — вдвойне сладостным для того, кому пришлось изведать в жизни столько горечи.

После краха «Бродвей джорнэл» По стал чаще посещать места, где собирались «Literati» — нью-йоркские литераторы, критики и журналисты, такие, как Анна Линч, Фрэнсис Осгуд, Орвил Дьюи, Элизабет Оукс Смит. В Бруклине его нередко видели в доме Сары Анны Льюис, поэтессы могучего сентиментального дарования. Среди «Literati» вообще было немало женщин, которых тогда всерьез увлекала литература, но еще больше — погоня за литературной известностью. Вместе со средней руки писателями, поэтами и художниками бывали здесь также редакторы журналов и издатели — обойтись друг без друга они не могли. Временами — не слишком, правда, часто — эту слабо мерцающую звездную туманность пересекали орбиты более крупных и ярких светил. Весьма близки к ней были подобные же плеяды в Бостоне, Конкорде и Провиденсе.

Признанной королевой «Literati» была Анна Линч, чей дом на Уэверли Плэйс, где собиралось самое многочисленное и представительное общество, выделялся среди других

достоинствами настоящего салона. Весной 1846 года мисс Линч часто принимала у себя Эдгара Аллана По, который не без иронии определил талант этой поэтессы как «необычный», утверждая, что он «покоится на „Костях в пустыне“ (так называлось одно из ее стихотворений).

Бывавшее у мисс Линч общество, несомненно, заслуживает интереса. Здесь можно было встретить мисс Богарт, старую деву, писавшую напыщенные стансы, автора трагических строк, озаглавленных «Пришел он слишком поздно»; мистера Джиллеспи, слегка заикающегося математического гения; обаятельного и умного доктора Фрэнсиса, цветущего старого добряка, который впоследствии лечил По. Иногда приходил молчаливый, исполненный олимпийской величавости Уильям Брайент со своей немножко болтливой и тоже пишущей супругой; порою к ним присоединялся поэт Джордж Моррис («Помилуй это дерево, топор!»). Нередко наведывалась туда миссис Элизабет Оукс Смит, поборница эмансипации, пугавшая многих своим радикализмом; ее обычно сопровождали двое сыновей. Муж ее, мистер Шеба Смит, с чьей романтической поэмой «Паухэтен» По незадолго до того жестоко расправился в печати, предпочитал теперь сидеть дома. Навещали мисс Линч и доктор Грисвольд, и злая на язык, вечно сплетничающая миссис Эллит, и ее ближайшие подруги, миссис Эмбери и миссис Хьюит, и многие-многие другие.

«В одном углу скромно обставленной комнаты стоит круглолицая и румяная мисс Линч, рядом с ней — учтивая и изысканная миссис Эллит, которая прервала беседу, как только По начал свою тираду. Сам я[22] расположился на диване у стены; справа от меня — мисс Фуллер, слева — миссис Оукс Смит. У моих ног, точно маленькая девочка, устроилась на низенькой скамеечке миссис Осгуд и, подняв глаза, смотрит на По, как за минуту до того смотрела на мисс Фуллер и меня. Посреди комнаты стоит По и рассудительным тоном излагает свои суждения, изредка перемежая их в высшей степени эффектной декламацией…»

«…Наверное, никто не пользовался там более заметным вниманием, чем Эдгар По, — пишет некий Стоддард. — Его изящная фигура, благородные черты и странное выражение глаз приковывали к себе даже самые нелюбопытные взоры. Он не любил мужского круга, предпочитая общество умных женщин, перед которыми имел обыкновение произносить что-то вроде монологов, исполненных мечтательнопоэтического красноречия. Мужчины этого не выносили, однако женщины слушали его как завороженные, ни словом не прерывая…»

«Я часто встречаю г-на По на приемах, — пишет в письме к миссис Уитмен ее подруга, — где все взгляды обращены на него. Рассказы его, говорят, превосходны, а услышав хоть раз, как он читает, очень тихо, своего „Ворона“, уже вовек этого не забудешь. Люди думают, что в нем есть нечто необыкновенное; здесь рассказывают удивительнейшие истории, которым, самое странное, верят, о его месмерических опытах: при их упоминании он всегда улыбается. Улыбка его просто пленительна. Все хотят с ним познакомиться, но лишь немногим удается узнать его поближе».

Так уже тогда были пущены в оборот легенды об «Израфиле», «Вороне» и тому подобное. Рассказы о романе По с миссис Осгуд, болезни Вирджинии и вынужденной постоянно одалживать деньги миссис Клемм, о том, что д-р Грисвольд тоже влюблен в миссис Осгуд, не сходили с празднословных языков, как обыкновенно бывает с такими историями. «У По имелся соперник в лице домогавшегося ее благосклонности д-ра Грисвольда, которого страсть на время превратила в пылкого поэта», — пишет Стоддард. Замечание это не лишено смысла, если вспомнить, в каком тоне доктор писал о По после его смерти. Несколько позднее Фрэнсис Осгуд перестала видеться с По. Когда именно она приняла такое решение, остается не совсем ясно. Но пока у многих еще звучали в памяти строки, обращенные «К Ф***», и хранились вырезки из «Бродвей джорнэл»:

Любимая! Средь бурь и гроз,
Слепящих тьмой мой путь земной
(Бурьяном мрачный путь зарос,
Не видно там прекрасных роз),
Душевный нахожу покой,
Эдем среди блаженных грез,
Грез о тебе и светлых слез.
Мысль о тебе в уме моем Обетованный островок
В бурлящем море штормовом…
Бушует океан кругом,
Но, безмятежен и высок,
Простор небес над островком
Голубизной бездонной лег.[23]

Между тем здоровье Вирджинии продолжало ухудшаться. По не покидало уныние, светская жизнь доставляла ему немало переживаний и волнений, постоянной работы он не имел, однако по-прежнему писал как одержимый. Свидетельства тех, кто видел По в салонах «Literati», рисуют достаточно радостные картины,

но, когда, покинув залитые светом покои, он брел по окутанным тьмой пустынным улицам, на лицо его вновь ложилась мрачная тень, ибо мысли возвращались на адские круги отчаяния, увлекая его вслед за собой.

«Последний раз я повстречал его, — пишет Стоддард, — пасмурным осенним днем, уже клонившимся к вечеру. Внезапно полил сильный дождь, и он укрылся под каким-то навесом. Со мной был зонтик, и первым моим побуждением было предложить По дойти вместе со мной до дома, но что-то — разумеется, не равнодушие — остановило меня. Я пошел своей дорогой, оставив его там, под дождем — бледного, дрожащего, несчастного…»

Знакомство и общение с нью-йоркскими литераторами, знание мнений, которые имели о них современники, и их собственных воззрений По использовал и работе над серией критических заметок, печатавшихся в филадельфийском журнале «Гоудис лейдис бук» с мая по ноябрь 1846 года под общим названием «Литераторы НьюЙорка». Как мы уже знаем, По готовил к изданию и книгу «об американской словесности вообще», свою «Литературную Америку», которая должна была превзойти и отодвинуть в тень антологии Грисвольда. Над ней он усердно трудился в декабре 1846 года и позднее. Поэтому записки о «Literati» можно рассматривать как своего рода предварительную публикацию той части будущей книги, вторая посвящалась ньюйоркским авторам.

Читая эти очерки, не следует забывать, что они в наименьшей мере содержат критические суждения самого По, являясь по большей части его obiter dicta[24] и отражением существовавших тогда мнений о том, какое место занимали те или иные писатели в американской литературе. Встречающиеся там немногочисленные критические оценки были почерпнуты в основном из его ранее опубликованных рецензий, где По пытался дать более глубокий анализ творчества тех авторов, о которых идет речь. Живейший отклик и споры, вызванные заметками, позволяют говорить об их огромном успехе у современников. Они были написаны с приводящей в смущение откровенностью и обнаруживают знакомство автора с такими фактами и обстоятельствами, сообщение которых граничит порою с разглашением доверительных признаний, сделанных в частной беседе. Само собой разумеется, публика сгорала от любопытства. Ведь только автору было ведомо, кто будет вознесен на Олимп или поджарен на медленном огне в следующем номере «Гоудис» или чье замечание о ком-нибудь из собратьев по перу, невзначай оброненное в разговоре с мистером По, будет ловко вплетено в очередную статью и потребует объяснений, а то и опровержений.

В большинстве случаев время оставило в силе вынесенные Эдгаром По приговоры. Посредственности вроде Уиллиса, Маргарет Фуллер или миссис Эмбери, равно как и их ныне забытые опусы, по справедливости получили то, чего заслуживали. К несчастью, и прежде всего для самого По, были и исключения, где он полной мерой излил желчь личных обид. Так, Бриггс, на которого По, право же, не за что было пенять, но чье поведение в истории с «Бродвей джорнэл» привело его в бешенство, подвергся безжалостной расправе. Точно так же как и редактор известного в Нью-Йорке журнала «Кникербокер» Льюис Кларк. Сам журнал, где к По отнеслись неприветливо, был вместе с «Американ ревю» предан анафеме.

С появлением в печати записок о «Literati» в американских литературных кругах о По стали говорить больше, чем о любом другом писателе. К сожалению, написанное не имело ничего общего с тем, что приносит подлинную славу, то есть с художественным творчеством. «Ворон» сделал По знаменитым. «Литераторы Нью-Йорка» — печально известным. Гоуди счел своим долгом сопроводить их публикацию заявлением, что он не поддастся ни на лесть, ни на угрозы. Можно, однако, не сомневаться, что ему мало пришлась по душе роль «бесстрашного» редактора, которую ему ни за что ни про что навязали.

Тем временем По кое-как удавалось перебиваться — но отнюдь не более — на гонорары за наделавшие столько шуму статьи. Жить в маленькой квартирке на Эмитистрит, куда часто наведывались любопытствующие литературные дамы, разносившие потом сплетни о ее обитателях, становилось все труднее. По испытывал почти болезненное стремление к домашнему уединению. Мысль о том, что, допуская к себе чужих людей, он открывает их нескромным и все замечающим взглядам самые потаенные стороны своей частной жизни, была для него нестерпима. Миссис Клемм ничего не желала больше, чем оказаться хоть на время хозяйкой настоящего дома, а Вирджиния как никогда нуждалась в целебном деревенском воздухе и успокоительной тишине. Памятуя о благословенных днях летнего уединения в Блумингдейле, где был написан «Ворон», По снова договорился с Бреннанами и на несколько недель отправил женщин к ним на ферму.

Ранней весной 1846 года — повторное пребывание в Блумингдейле было непродолжительным — По перевез жену и миссис Клемм в другой дом, также находившийся в сельском предместье, известном под названием Тертл Бэй. Переезд вновь приблизил семейство к городу, и По теперь мог легко добираться

до него пешком, когда ему нужно было кого-нибудь повидать или заняться весьма немногочисленными теперь делами. Его снова угнетали бедность и безденежье. На что они ухитрялись жить, покупая еще лекарства и всякие лакомства для Вирджинии, остается тайной, известной лишь миссис Клемм.

Все, кто знал миссис Клемм при жизни По, отмечают исключительную аккуратность и опрятность во всем ее облике, какую-то необычайную чистоплотность, в которой многочисленные свидетельства заставляют предположить скорее свойство души, чем внешности. Именно она создала в жизни человека, с детства обитавшего в хаосе страстей и желаний, ту обстановку устроенности, постоянства, чистоты и удобства, без которой он бы просто погиб или влачил бы жалкое, убогое существование. Когда скупые руки отказывались вознаградить тяжкие труды поэта даже жалкими медяками, которые охотно бросали в шапку слепца, Мария Клемм сама отправлялась со своей корзиной на поиски пропитания и, возвращаясь, с горьким триумфом отдавала добытое этим благородным нищенством утомленному сыну и умирающей дочери.

Во всяких обстоятельствах она всегда предпринимала самый разумный из возможных шагов, умея найти наилучший выход из любых трудностей. Здоровье Вирджинии и преследовавшие Эдгара неурядицы требовали, чтобы семья уехала куданибудь подальше от городского шума и светской суеты. Миссис Клемм стремилась туда, где Вирджиния могла бы в мире окончить свои дни, а ее сын — вести достойную жизнь, где бедность их была бы скрыта от посторонних глаз, а их несчастья не становились бы предметом праздных толков. Сам По желал этого больше всего на свете. И в конце мая они перебрались в Фордхем.

В сороковые годы прошлого века Фордхем был маленькой сонной деревушкой, вытянувшейся вдоль старого проезжего тракта Кингсбридж Роуд. Местечко брало начало от заложенного там в 1676 году крупного поместья. Коттедж, в котором поселились По, размещался на треугольном участке земли площадью около акра — как раз там, где Кингсбридж Роуд поворачивала на восток, к деревне. В этом небольшом домике с широкими дверями и забранными частым переплетом окнами было четыре комнаты — по две на каждом этаже, кухня с открытым очагом и пристройка для скота. Спереди — маленькая веранда, «увитая побегами жасмина и жимолости и уставленная горшочками с дивными цветами», как писал По. Он вспоминает также «яркую зелень тюльпановых деревьев, частично затенявших дом, и идущие от него в разные стороны дорожки, выложенные большими и гладкими, неправильной формы гранитными

плитами… утопающими в чудесном мягком дерне, — не плотно пригнанными, с пробивающимся в частых промежутках бархатистым мхом». Крыша была в ту пору из темной сосновой дранки.

Самая просторная общая комната, где обычно работал По, находилась на первом этаже. «Ее обстановку составляли круглый стол, несколько стульев, кресло-качалка и диван или скорее даже кушетка». К общей комнате примыкала крошечная спальня миссис Клемм, куда позднее положили больную Вирджинию. Две комнаты наверху были отведены для По и Вирджинии.

Окрестности были очень живописны. Обращенный фасадом на запад, дом стоял на невысоком холме вблизи дороги. В маленьком дворике росли кусты сирени и раскидистая вишня. С севера к дому почти вплотную подступала небольшая рощица и яблоневый сад. С поросшего травой южного склона холма, сбегавшего к берегу мелководной речушки Милк Крик, открывался вид на привольно раскинувшиеся вдали фермерские угодья.

Однако вопреки ожиданиям Фордхем не стал для По местом тихого и безмятежного одиночества. Смертельная болезнь Вирджинии, его собственное расстроенное здоровье и изнурительная борьба с бедностью приводили его в смутное и угнетенное состояние духа. Сил, чтобы писать, почти не оставалось. В довершение ко всем бедам у По произошло досадное столкновение с Томасом Инглишем.

В очерках о «Literati» По весьма зло высмеял Инглиша. В январе 1846 года между ними произошла бурная ссора по поводу потерпевшего финансовый крах «Бродвей джорнэл». По был нетрезв, и дело дошло до потасовки. С тех пор их вражда, перенесенная впоследствии на страницы газет и журналов, не утихала. Вплоть до середины того душного грозового лета противники продолжали метать друг в друга театральные громы и молнии, к вящему удовольствию падкой на скандалы публики. 23 июня после нескольких нанесенных Эдгаром По болезненных уколов Инглиш поместил в газете «Нью-Йорк миррор» свой «Ответ г-ну По», где обрушил на По обвинения во всех совершенных и не совершенных им грехах. Заканчивает он следующим:

«…Другой поступок г-на По помог мне узнать его еще лучше. Некий ньюйоркский коммерсант обвинил По в подлоге, и тот явился ко мне за советом, как наказать обидчика. И поскольку у него не хватало смелости вызвать этого господина к барьеру или дать ему достойную отповедь, я предложил ему возбудить судебное дело как единственно остающуюся возможность. По его

просьбе мной был найден поверенный, который, из уважения ко мне, согласился взяться за дело, не требуя обычного в таких случаях задатка. Сперва гн По горел желанием немедля начать процесс. Однако, как только настало время действовать, пошел на попятную, по существу признав тем самым справедливость обвинения».

Понимая, что последнее утверждение носит явно клеветнический характер, редактор «Нью-Йорк миррор» попытался обезопасить себя, предпослав «Ответу» Инглиша специальную заметку. Но предосторожность оказалась тщетной. 10 июля По выступил в филадельфийской газете «Спирит оф Таймс» в свойственном ему стиле, который полностью соответствовал случаю. Не будучи в силах опровергнуть брошенные ему Инглишем обвинения в пристрастии к вину и несдержанности, он, однако, привел многочисленные и достоверные факты, из которых складывался весьма неприглядный нравственный портрет его противника. Совершение подлога напрочь отрицалось. «И невиновность свою я сумею доказать в суде», — заявляет в заключение По. Что он и сделал в действительности, предъявив «Нью-Йорк миррор» иск за клевету. Дело слушалось 27 февраля 1847 года в нью-йоркском городском суде, куда Инглиш, который должен был представлять газету, не явился. По выиграл процесс, получив 492 доллара в возмещение понесенного ущерба и судебных издержек.

Самым прискорбным во всей этой досадной истории, начавшейся с неоправданных атак на Инглиша в «Гоудис лейдис бук», было то, что в итоге некоторые человеческие слабости По стали всеобщим достоянием. Ничто не причинило такого вреда доброму имени По, как распря с Инглишем. Несовершенства других выдающихся людей, избежавшие широкой огласки, были впоследствии забыты. Слабости же, присущие По, на все лады склонялись целым сонмом жалких газетенок, редакторы которых с мстительной радостью обливали грязью собратьев по перу в те годы, когда уличные сплетни считались вполне пригодным для печати материалом. Сейчас даже трудно со всей ясностью представить себе, в какое смятение приводила эта травля столь чувствительного и легко ранимого человека, как По. Томас Чиверс пишет: «Не проходило дня, чтобы По не получал по почте анонимных писем от какихто подлых негодяев, которые так истерзали его душу, что в конце концов он твердо поверил, будто весь род людской, одержимый самим дьяволом, ополчился на него и казнит неизвестно за какие прегрешения».

Появление в тихой, маленькой деревушке столь заметной фигуры, какой был По, не могло не привлечь внимания местных

жителей. Частые гости из города, слухи о болезни его жены и явные признаки одолевавшей семью бедности давали обильную пищу для пересудов. Миссис Клемм приходилось иногда одалживать у соседей мелочь, чтобы получить в почтовой конторе присланные на имя По письма, когда тот не мог ходить за ними сам. Многие не раз встречали его, чаще по вечерам, на петляющих в полях тропинках; он брел, смотря перед собой невидящим взглядом и что-то бормоча, — странный и таинственный человек с глазами мечтателя.

В 1846 году По мало занимался литературной работой. В декабре он пишет Чиверсу: «Я проболел около шести месяцев, и большую часть этого времени — тяжело, не будучи в силах написать даже обычного письма. Все мои журнальные публикации, появившиеся в этот период, были переданы издателям еще до того, как я захворал. Поправившись, я, как обыкновенно бывает, оказался обремененным множеством дел, накопившихся за время болезни».

Некоторые из дел, о которых говорит По, остались незавершенными после закрытия «Бродвей джорнэл». В ту пору По довольно часто переписывался с Дж. Ивлетом, журналистом из штата Мэйн, который восхищался творчеством По, испытывал живейший интерес к личности самого автора и оставил несколько замечательных очерков о По. В июне пришло письмо от Натаниеля Готорна по поводу его книги «Легенды старой усадьбы», в котором он говорит:

«Я с большим интересом читал Ваши отзывы о некоторых моих сочинениях, и не столько потому, что высказанные Вами суждения в целом благоприятны, сколько потому, что их отличает весьма серьезный тон. Мне же не нужно ничего, кроме правды. Должен, однако, сознаться, что ценю Вас больше как писателя, нежели как критика. Я могу не соглашаться — и на самом деле часто не соглашаюсь — с Вашими критическими взглядами, но всегда отдаю должное силе и оригинальности Вашего писательского таланта».

Летом и осенью обитателям домика в Фордхеме кое-как удавалось сводить концы с концами. Но с наступлением зимы, в тот год необычайно суровой (лето тоже выдалось на редкость жарким), ужасная и неизбывная бедность, недоедание и недостаток одежды стало особенно трудно переносить из-за жестокой стужи. Дом обогревался лишь маленькой печкой на кухне и камином в общей комнате. Топлива не хватало, и в мансарде вскоре воцарился леденящий холод. Вирджинию пришлось поместить в маленькую спальню на первом этаже. Иногда сострадающие соседи присылали им дров и что-нибудь из

съестного. Дорогу в город занесло снегом, и визиты «Literati» прекратились; семейство проводило дни в полном одиночестве, прислушиваясь к тоскливому завыванию метели за окном. Только миссис Клемм отваживалась изредка выбираться из дому, чтобы одолжить у соседей несколько картофелин или яиц.

В конце декабря 1846 года Фордхем посетила миссис Гоув Никольс, ньюйоркская писательница, с которой По познакомился в салоне Анны Линч. Визит этот, надо думать, был не случаен и предпринят из благотворительных побуждений. По и миссис Клемм сражались за жизнь Вирджинии.

«Она лежала у себя в спальне. Во всем были заметны такая безупречная чистота и порядок и одновременно такая нищета и убожество, что вид несчастной страдалицы вызвал во мне ту щемящую жалость, какую способны испытывать лишь бедняки к беднякам.

На соломенном матраце не было чехла — только белоснежное покрывало и простыни. Погода стояла холодная, и больную сотрясал страшный озноб, которым обычно сопровождается чахоточная лихорадка. Она лежала, укутавшись в пальто мужа и прижав к груди большую пеструю кошку. Чудное животное, казалось, понимало, какую приносит пользу. Пальто и кошка только и давали тепло бедняжке, если не считать того, что муж согревал в ладонях ее руки, а мать — ноги. Миссис Клемм нежно любила дочь, и было больно видеть горе, которое причиняла ей болезнь и бедственное положение Вирджинии.

Как только мне открылась эта ужасающая нужда, я отправилась в Нью-Йорк, где заручилась сочувствием и помощью одной дамы, в чьем щедром сердце бедные и обездоленные всегда находили участие».

Миссис Шю, ибо миссис Никольс обратилась именно к пей, немедля послала в Фордхем «пуховую перину, много всевозможного постельного белья и прочие необходимые предметы». Она также организовала подписку среди друзей По и через неделю привезла миссис Клемм 60 долларов, после чего ее посещения и заботы сделались постоянными. Все происходящее вызвало немало разговоров среди «Literati» и в журналистских кругах. Теперь, правда, в них преобладали теплые и сочувственные нотки. И в самом деле, естественное милосердие добрых, но не слишком умных женщин, которые окружали По, и отзывчивость его коллег-журналистов и многочисленных друзей проявились сейчас воочию. Спустя некоторое время газета «Нью-Йорк экспресс», к великому огорчению По, опубликовала следующее сообщение:

«Мы с сожалением узнали, что Эдгар А. По и его супруга

опасно больны чахоткой и что их житейские дела отягощены бременем неудач. Нам доставляет глубокое огорчение то обстоятельство, что они находятся в столь стесненном положении и испытывают нужду в самом необходимом. Участь их воистину печальна, и мы надеемся, что друзья и почитатели г-на По не замедлят прийти ему на помощь в этот горький и трудный час».

Прочитав это, Натаниель Уиллис был растроган до глубины души и поместил в газете «Хоум джорнэл», которую тогда редактировал, обращение в пользу По, написанное со свойственными ему добротой, мягкостью и тактом. В этой статье, где он призывает помочь своему бывшему редактору, о котором отзывается самым лестным образом, Уиллис предлагает, кроме того, открыть благотворительный приют для оказавшихся в нужде писателей. Экземпляр газеты с обращением он переслал По, сопроводив очень любезным письмом. По был крайне раздосадован тем, что плачевное состояние его дел стало, таким образом, общеизвестно, написал благодарный, но сдержанный ответ, сообщив, что у него немало близких друзей, к которым он мог бы обратиться за помощью, и что он питает предубеждение к общественной благотворительности. Так или иначе, но в конечном счете и благодаря в основном стараниям Мэри Шю семья По была спасена.

Наступило рождество 1846 года. В последние недели уходящего года По работал над своей антологией, а миссис Клемм, когда не была занята уходом за Вирджинией или беседами с миссис Шю и другими навещавшими дом друзьями, ходила на почту и внимательно просматривала газеты в поисках упоминаний По. Многочисленные сообщения об их семье и продолжающиеся отголоски распри с Инглишем, без сомнения, добавили ей зоркости. Последние дни Вирджинии были омрачены анонимными письмами, в которых она находила вырезки из газет с заметками о переживаемых семьей несчастьях и нападками Инглиша на По.

Благодаря миссис Клемм По с радостью узнал, что его произведения издаются и привлекают к себе внимание в Англии, Шотландии и Франции. Вся эта картина — занятый работой и перепиской По, вооруженная ножницами миссис Клемм, устроившаяся с кипой газет у камина, в то время как совсем рядом, в соседней комнате, лежала умирающая Вирджиния, — кажется странной и вместе с тем естественной: за долгие годы в семье успели привыкнуть к ее болезни. Катарина, помахивая хвостом, расхаживала по дому, изредка забираясь на плечо к По или сворачиваясь клубком у Вирджинии на постели. Иногда в Фордхем наведывались миссис Шю или миссис Никольс,

привозившие из города лакомства для Вирджинии и кое-какие необходимые семье вещи.

Новый год принес с собой резкое ухудшение в состоянии больной. Развязки можно было ждать со дня на день, и в конце января 1847 года в Фордхем стали съезжаться родственники и друзья. Приехала из Балтимора и Мэри Девро, бывшая возлюбленная По, которой Вирджиния еще девочкой носила записки от Эдгара. К своему удивлению, она увидела Вирджинию не в постели, а сидящей в гостиной.

«За день до смерти Вирджинии я нашла ее в гостиной. „Не лучше ли вам сегодня?“ — спросила я ее, садясь рядом с большим креслом, в котором она устроилась. С другой стороны от нее сидел г-н По. Она взяла мою руку и вложила ее в руку По, сказав: „Мэри, будьте другом Эдди и не покидайте его. Ведь он всегда вас любил, правда, Эдди?“ Миссис Клемм хлопотала на кухне, и, кроме нас троих, в комнате никого не было».

В этой измученной и исхудавшей маленькой женщине продолжала жить любовь, и даже сейчас она думала не о себе, а о том, что ожидало ее мужа, который, она знала, больше всего нуждался в друзьях. Мэри Девро отправилась обратно в Нью-Йорк; в тот же день приехали балтиморские родственники миссис Клемм и Вирджинии — ее тетка, миссис Смит, и один из кузенов. К вечеру, как ясно из написанной в большой поспешности записки По к миссис Шю, у Вирджинии началась агония.

Утром миссис Шю была уже на пути в Фордхем, встретившись с ехавшей тем же дилижансом Мэри Девро. Дорогой, лежавшей через заснеженную и скованную морозом равнину, они говорили о Вирджинии.

Теперь она лежала в крошечной спальне на первом этаже. В течение дня она еще сохраняла ясность рассудка, и на какое-то время ей даже стало лучше. Миссис Шю и миссис Смит сидели у ее изголовья, когда Вирджиния достала из-под подушки портрет Эдгара и маленькую шкатулку для драгоценностей, оставшуюся По от матери. Она также попросила принести два старых письма миссис Аллан, которые прочла миссис Шю. Письма эти были написаны По после того, как он бежал из дому, и в них миссис Аллан снимала с него всякую вину за происшедшую семейную ссору и умоляла вернуться.

Миссис Шю вспоминает, что По отказывал себе в самом необходимом, терпел голод и холод ради того, чтобы Вирджиния не испытывала недостатка в еде и лекарствах. В то время и сам он был серьезно болен. Приближение кончины жены рождало в его душе мистический ужас, который всегда внушала ему смерть; спальня Вирджинии, казалось, превратилась в мрачный покой,

где дух Лигейи в страшных муках силился проникнуть в бездыханное тело леди Ровены. Страдание было неминуемым уделом По. Наступила ночь, и с ее приходом жизнь покинула Вирджинию.

После смерти Вирджинии выяснилось, что в семье нет ее портрета. Одна из находившихся в доме женщин сделала поспешный акварельный набросок, запечатлевший безжизненное лицо. Впоследствии с него сделали отретушированную копию, на которой Вирджиния изображена уже с открытыми глазами. Именно этот посмертный портрет в бесчисленных репродукциях увековечил для современников и потомков образ Вирджинии. Во всем ее облике есть что-то трагическое и жуткое, как нельзя более соответствующее легендам, окружавшим имя По.

Вирджиния была похоронена в красивом платье из тонкого белого полотна, привезенном миссис Шю. В день погребения гроб с телом стоял в гостиной, на письменном столе у окна. Проститься с Вирджинией пришли и некоторые из фордхемских соседей. Из Нью-Йорка приехал Уиллис, до конца остававшийся верным и заботливым другом. По шел за гробом в пальто, которое еще недавно согревало Вирджинию. Миссис Шю сначала его спрятала, однако потом достала снова, ибо стояли холода, а надеть По было больше нечего. Останки Вирджинии отнесли на фордхемское кладбище и поместили в фамильный склеп соседей По, Валентайнов. По возвратился домой оцепеневшим от горя и пробыл в таком состоянии несколько недель.

Глава двадцать третья

Некоторое время после смерти Вирджинии По был так болен, что совсем не покидал Фордхем. У миссис Клемм, проведшей долгие годы в заботах о больной дочери, теперь оказался на руках новый пациент, который не выжил бы, если бы не она и миссис Шю. Миссис Клемм рассказывала, что По лишился сна; ночная тьма и одиночество доводили его до безумия. Она часами сидела у его постели, положив руку ему на лоб, но, когда, думая, что он уже уснул, поднималась, чтобы уйти, слышала его шепот: «Нет, Мадди, нет, побудь еще!»

Неподалеку от дома, на склоне холма, был широкий скалистый уступ, затененный густыми кронами росших выше тополей. Весной и летом 1847 года туда часто приходил По. Он любил гулять по тропе, шедшей на север вдоль акведука, которая внезапно обрывалась, выводя на гранитную аркаду моста, откуда днем открывался вид на обширный ландшафт — зеленеющие леса, беленые деревенские домики и цветущие луга, терявшиеся еще дальше к северу среди холмов, за которыми виднелись разбросанные по Пелхемскому заливу островки. К востоку местность быстро понижалась, переходя в пологие берега Зундского пролива, чья зеркальная гладь поблескивала вдали, испещренная стелющимися дымками пароходов и светлыми пятнышками парусов. Прямо внизу, на маленьком кладбище под соснами и кипарисами, спала в чужом склепе Вирджиния. Вечерами из-за моря позади Лонг-Айленда поднималась луна.

> Еще плотен был мрак уходящий,
> Но зари уже близился срок,
> Да, зари уже близился срок,
> Как вдруг появился над чащей
> Туманного света поток,
> Из которого вылез блестящий
> Двойной удивительный рог,
> Двуалмазный и ярко блестящий
> Астарты изогнутый рог.[25]

С детства По был влюблен в звезды. И когда ночами поэт прогуливался над стройными арками акведука, таинственный, дремлющий внизу мир, казалось, бесследно исчезал в темной бездне, а сам он возносился ввысь, к «сверкающим сонмам, подвластным вечному закону». Он размышлял о сущем, о себе, о

месте человека во вселенной, стремился разрешить загадку бытия, побуждаемый дерзким умом, нашептывавшим, что это ему по силам, что даже богам не скрыть от него своих тайн!

Так возникли «Улялюм» и «поэма в прозе» «Эврика». Балладой «Улялюм» По вдохнул жизнь в созвездия, соединив их в аллегорическом изображении мучительной духовной дилеммы. Вновь, как и в «Вильяме Вильсоне», перед поэтом предстает двойник. Теперь это Психея — его душа. Вместе, влекомые бурным коловращением жизни, они устремляются на поиски возлюбленной, однако скитания приводят их к дверям гробницы. Вирджиния — страждущая дева, олицетворявшая для По юную и целомудренную любовь Дианы, мертва. Но очи его, еще не высохшие от пролитых по ней слез, уже видят, как на небеса восходит, торжествуя над знамениями бед и несчастий, сияющее светило Астарты, воплощающей чувственную страсть.

В последующие несколько месяцев поэт не раз пытался увлечь свою душу на дорогу, которая, казалось, вела к исполнению желаний, но неизменно обрывалась у дверей гробницы, в конце концов отворившихся, чтобы впустить лишь его одного. Им владело отчаяние столь глубокое, что выразить его могло только имя, начертанное на этих дверях и звучавшее, словно погребальная песнь — «Улялюм». Какой внутренний разлад повинен в том, что этим кончались все его попытки обрести любовь — быть может, испытанное в браке разочарование или какой-то глубоко скрытый, неведомый страх? Ответ на этот вопрос, если бы его удалось найти, мог бы пролить свет на истоки трагического мироощущения По, на причины душевных бедствий, потрясавших его на протяжении многих лет.

В течение всего 1847 года По вел почти отшельническое существование. В декабре баллада «Улялюм» была опубликована в журнале «Американ виг» без указания автора — точно так же, как когда-то «Ворон». Следуя уже однажды примененному методу, По написал затем Уиллису, который в следующем месяце перепечатал стихотворение в своем журнале «Хоум джорнэл», присовокупив к нему ряд интригующих предположений относительно личности неизвестного автора. Однако читатель отнесся к публикации без особого интереса.

Приблизительно к тому времени По завершил работу над «Эврикой», где изложил свои взгляды на метафизические основы космогонии, придав им изысканную форму поэтизированного трактата о началах мироздания. Теперь он готовился вернуться к людям, чтобы потрясти их новыми открытиями. И на этот раз он обратился к Уиллису, который помог ему устроить публичное чтение «Эврики» в виде лекции «О происхождении вселенной».

Она была назначена на 3 февраля 1848 года. Весь сбор По собирался употребить на осуществление вновь возрожденного плана издания «Стайлуса». В январе он опять стал рассылать старый проспект журнала, добавив к тексту обещание начать с первых же номеров публикацию серии статей «Литературная Америка» — «правдивого рассказа об американской литературе, литературных делах и литераторах», принадлежащего, разумеется, перу самого редактора.

Один из друзей По, Фримен Хант — редактор и владелец журнала «Мерчантс мэгэзин», — составил необходимый начальный капитал тем, что сам разъезжал по стране и вербовал подписчиков для своего будущего издания. По решил последовать его примеру. В январе он сообщил Джорджу Ивлету, что намерен отправиться в южные и западные штаты и набрать для начала по крайней мере 500 подписчиков. Своей лекцией он как раз и рассчитывал выручить деньги на эту поездку. Натаниель Уиллис сделал все возможное, чтобы создать на страницах «Хоум джорнэл» рекламу предстоящему выступлению По и расчистить дорогу для «Стайлуса».

Однако «Стайлусу» не благоприятствовала даже погода. Вечер, когда должна была состояться лекция, выдался холодным и ненастным, а топили в зале нью-йорской публичной библиотеки довольно скверно. Собралось человек шестьдесят, которые около двух с половиной часов слушали вдохновенные речи поэта-логика. По, надо думать, прочел им весь текст «Эврики» или, во всяком случае, весьма пространные извлечения. Сын актеров, он явно унаследовал их таланты. Во всем его облике было что-то драматическое, что-то волнующее и приковывающее внимание. Многим он казался великим трагиком, сошедшим с подмостков, но продолжающим играть свою роль и в жизни. И в тот вечер, поднявшись на кафедру, он словно перевоплотился в мудрого жреца, открывающего непосвященным божественные тайны бытия. Собственная его убежденность была так велика, что на протяжении всего представления люди внимали ему как завороженные и расходились под глубоким впечатлением услышанного, но позже в недоумении спрашивали себя, в чем же все-таки состоял смысл лекции.

К сожалению, полученного сбора — всего пятьдесят долларов — на поездку не хватило, что, однако, нисколько не обескуражило автора новой теории мироздания. Напротив, помыслы его воспарили как никогда высоко. Он встретился с Джорджем Патнэмом, чье издательство два года назад опубликовало полные собрания его рассказов и стихотворений, и в беседе с ним обнаружил безграничную веру в важность

сделанных в «Эврике» открытий, предложив немедля издать ее тиражом в 50 тысяч экземпляров. Мистер Патнэм был добр и терпелив. Он уменьшил цифру, на которой настаивал пылкий и самонадеянный автор, ровно в сто раз и выпустил книгу тиражом в 500 экземпляров, которые были распроданы с большим трудом.

Убедившись, что «Эврика» — неподходящая тема для публичных выступлений, и по-прежнему нуждаясь в деньгах для «Стайлуса», По обратился к другим своим работам — «Философии творчества» и «Поэтическому принципу», рукописи которых были ранее куплены Грэхэмом для своего журнала. Теперь он использовал их, и не без выгоды, в качестве материала для лекций, во время которых также читал свои и чужие стихи, подобранные таким образом, чтобы произвести наибольший эффект на публику.

В ту пору — весной и летом 1848 года — По всецело захватила платоническая, но полная волнений и переживаний любовь к миссис Шю. Из всех женщин, с которыми он был близок в последние годы жизни, Мэри Шю, пожалуй, больше других обладала подлинными чертами здравомыслящей и энергичной личности. Дочь врача, она сама стала сестрой милосердия, успев приобрести немалый опыт и хорошее медицинское образование, равно как и многочисленных друзей-медиков. Практическое знание физиологических проявлений человеческого существования воспитало в ней сострадательное отношение к людям, и оно же не дало ей погрязнуть в трясине спиритизма и сентиментальности, затянувшей многих ее подруг. Она хорошо понимала По, хотя и не читала ни его стихов, ни рассказов, если они не посвящались ей лично, и с сочувствием относилась к несовершенствам его характера и телесным недугам. Более того, когда нужда его ожесточалась, миссис Шю давала ему пищу и одежду, и именно в ее доме По нашел утешение после смерти Вирджинии.

«Маленькая селянка», как назвал ее По в одном из писем (Мэри Шю провела детство в деревне), обладала поистине классическим здравым смыслом, который позволял ей читать в душе мистера По как в открытой книге, даже не заглядывая в те, что писал он. И По очень охотно вверял себя чутким заботам молодой врачевательницы. Он смотрел на нее, как и на всех женщин, выказывавших ему явную симпатию, испытывая

> Желанье мотылька с звездой соединиться,
> Ночного мрака страсть к заре…

В этих строчках Шелли, заметил он однажды, выражена самая

суть безнадежной любви. Ибо для По, кажется, была немыслима иная любовь, кроме «высшей», то есть несчастной, любви, и рассуждениям на эту тему он с удовольствием предавался и в своих сочинениях, и в беседах.

В конце весны 1848 года По приехал повидать миссис Шю в ее нью-йоркском доме, и в результате этого визита было написано стихотворение «Звон» его самое популярное после «Ворона» поэтическое произведение.

Миссис Шю и По уединились в маленькой оранжерее с окнами в сад, куда им подали чай. Он пожаловался хозяйке, что ему надо написать стихотворение, а вдохновение все не приходит. Желая ему помочь, миссис Шю принесла перо, чернила и бумагу, однако в это самое время воздух вздрогнул от гулкого звона церковных колоколов, удары которых потрясли болезненно чувствительные нервы По. Отодвинув лежавший перед ним лист бумаги, он сказал: «Эти звуки меня сегодня раздражают, писать нет сил. Тема ускользает, я чувствую себя опустошенным». Тогда миссис Шю взяла перо и написала: «Чудный звон, звон серебристый». По быстро закончил станс и снова впал в прострацию. Но миссис Шю не отступала и начала следующую строфу: «Звон тяжелый, звон железный». По, точно очнувшись, добавил еще два станса, а сверху написал: «Стихотворение г-жи М. Л. Шю». После ужина его проводили наверх и уложили в постель совершенно обессиленного. Миссис Шю позвала к нему доктора Фрэнсиса, своего давнего знакомого, с которым не раз встречался и По. Сидя у постели больного, они внимательно следили за симптомами. Пульс был слабым и прерывистым. «Он страдает болезнью сердца и не проживет долго», — заключил доктор Фрэнсис. Признаки этого недуга миссис Шю замечала и раньше. Оба понимали, что дни По сочтены и что он близок к умопомешательству. Сам он, однако, кажется, не сознавал грозящей ему опасности.

Стихотворение «Звон» подверглось впоследствии многочисленным переделкам и было опубликовано уже после смерти По.

Когда миновал кризис, сообщает миссис Шю, По проспал двенадцать часов кряду и был затем отвезен в Фордхем доктором Фрэнсисом — «старик был с причудами, но дело свое знал превосходно». По находился на грани полного истощения. Нервы его были так напряжены, что малейшие волнения оказывали на него воздействие, никак не соизмеримое с вызвавшими их причинами. Он впал в совершенно болезненное состояние, временами бредил или скитался неизвестно где и потом не мог рассказать, что с ним было.

Однажды он в полубреду поведал миссис Шю о якобы совершенном им путешествии в Испанию, где он дрался на дуэли, был ранен и выхожен какой-то шотландской дамой, чьего имени он не может открыть. Он показал миссис Шю шрам на плече, будто бы оставшийся с тех пор. Из Испании он отправился в Париж и написал там роман, который вышел в свет под именем Эжена Сю, и т. д. и т. п.

Поддерживать дружбу с человеком, страдающим столь тяжелым душевным расстройством, было чрезвычайно трудно. Кроме того, миссис Шю — женщину опытную и рассудительную — очень встревожила растущая привязанность По, его усиливающаяся зависимость от ее забот. Она понимала, что дальше так продолжаться не может и что окружить По уходом и лаской, так ему необходимыми, способен только близкий человек, пользующийся правами члена семьи. Она посоветовала По оглядеться вокруг и найти женщину, которая, став его женой, дала бы ему все, в чем он нуждался. Доктор Фрэнсис, со своей стороны, предупредил По, что, если тот не откажется от всяких излишеств, конец наступит очень скоро. Предостережение возымело действие, и некоторое время По сдерживал себя — впрочем, совсем недолго. Миссис Шю мягко, но решительно дала ему понять, что их отношения должны прекратиться. Она убедилась, что сделала все от нее зависящее и что продолжение близости навлечет на нее те же беды, от которых миссис Осгуд пришлось бежать в Олбани.

Итак, миссис Шю ушла из жизни По, но в памяти его еще долго звучали слова ее прощального совета. Да, сейчас ему как никогда было необходимо женское участие. Но искал он скорее ангела, чем женщину, и, покинутый ангелами, хранившими его раньше, — Вирджинией и миссис Шю, — он тщился заполнить образовавшуюся пустоту. Желанные черты своего идеала он, казалось, обнаружил в Холен Уитмен. Читая ее стихи, По ощутил в ней родственную душу, на поиски которой решил теперь отправиться.

Глава двадцать четвертая

Саре Хелен Уитмен, которую По довелось лицезреть «лишь однажды» — три года назад, ночью, стоящей в дверях ее дома на Бенефит-стрит, — суждено было вдохновить, «быть может, прекраснейшие из когда-либо написанных любовных посланий». Встреча с их автором явилась самым волнующим и вместе с тем самым загадочным событием в ее жизни, большую часть которой она провела, вслушиваясь в доносившиеся «с того света» стуки, шорохи и невнятный шепот, интриговавшие, изумлявшие, увлекавшие и развлекавшие целое поколение американцев, пустившихся в странствия по сумеречным долинам Аэндора.

К 1848 году призраки прочно обосновались в Америке — главным образом, в ее северо-восточной части. В их неосязаемом присутствии столы начинали отплясывать джигу, занавески таинственно колыхались и трепетали, а дамы впадали в транс, часто переходивший в истерики. Спиритизм и прочая мистика сделались велением моды. Даже среди людей, ей не поддавшихся, было мало таких, на кого все это не производило бы впечатления. Течение это брало начало в самых глубинах скованного предрассудками и ограничениями общественного сознания, в великом духовном томлении, проявления которого ошибочно считали литературной условностью. На самом же деле в период с 1820 по 1860-е годы — насколько написанное тогда поддается правильному пониманию и толкованию — подобные умонастроения владели очень и очень многими — особенно молодыми людьми и женщинами. Избегнуть гнетущей скуки ханжеского семейного благонравия — нетерпимого, а потому и нестерпимого — в ту пору можно было в основном двумя путями — один вел на Запад, другой — в область потустороннего. Искали на обоих, хотя и в разных направлениях, по сути, одного и того же — духовного освобождения.

Жившая в Провиденсе (штат Род-Айленд) Хелен Уитмен была душой местного духовидческого братства. В ее руках сходились нити переписки с многочисленными друзьями и единомышленниками, на которых она имела немалое влияние. Прелестная, утонченная, туманно-загадочная и ускользающая, облаченная в покровы из легкого шелка, она являлась, защищаясь веером от чересчур резкого света дня, словно идеальное воплощение духовной женственности, и неслышно, едва касаясь земли изящными туфельками, проплывала мимо — следом, развеваясь, тянулся тонкий, как паутинка, шарф и едва ощутимый запах эфира, которым был пропитан ее платок.

Жизнь, то есть жизнь реальная, казалась нестерпимо яркой этой «Елене из тысячи грез». «Ее уютные комнаты были всегда погружены в мягкий полумрак», а приглушить порою слишком острые переживания ей помогал эфир. Крепким здоровьем она никогда не отличалась. Страдая болезнью сердца, она не раз преждевременно сообщала в печальных и многозначительных прощальных письмах к друзьям о своей близкой и неминуемой кончине.

Время от времени миссис Уитмен публиковала стихи. Увлекшись в конце 1840х годов спиритизмом, тесно сошлась на этой почве с Элизабет Оукс Смит. Вместе они исследовали природу спиритического транса, медиумов и вообще все, что относилось к «экспериментальной» стороне дела. Миссис Смит, хотя и была как будто более сильной личностью, в конце концов всецело подпала под влияние своей подруги. Последние публичные выступления Элизабет Смит, немало сделавшей для эмансипации в Америке, вылились в сплошной поток мистического вздора.

По тоже не миновал грехов оккультизма, однако сумел сохранить здравость мышления. Его увлечение мистическим объясняется причинами чисто литературного свойства. В этой области он черпал материал для своих стихов и рассказов, которые окружали автора неким ореолом загадочности, причастности к тайнам, дающей право насмехаться над непосвященными. Замысел «Эврики», например, подсказал, по всей вероятности, некий Эндрю Дэвис, чьи лекции о месмеризме посещал По. Незадолго до встречи с миссис Уитмен По, как рассказывает Дэвис, побывал у него, очевидно, чтобы посоветоваться о каких-то специальных деталях для рассказа «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром». Дэвис, который утверждал, что способен «видеть сквозь людей», говорил, будто перед По всегда лежала странная черная тень, а за его головой виднелись какие-то темные холмы — неведомый, печальный и сумрачный ландшафт.

По искал спасения от тягостной обыденности не в спиритическом трансе и не на просторах Дикого Запада, но все дальше углублялся в темные и таинственные лабиринты собственной фантазии. В 1849 году вспыхнула «золотая лихорадка» в Калифорнии. Это было новое Эльдорадо, неодолимо манившее искателей богатств и приключений. По откликнулся такими строками:

Средь гор и долин
Спешил паладин,

Ни солнце, ни тень не преграда.
И юн, и удал,
Он с песней искал
Таинственный край Эльдорадо.
Но тенью легла
На складки чела
Немых расстояний преграда.
Он в дальних краях
Ослаб и одрях,
Покуда искал Эльдорадо.
У сумрачных скал
Он тень повстречал:
«О тень, всем надеждам преграда,
Поведай ты мне,
В какой стороне
Смогу я найти Эльдорадо?»
«Ищи за несметным
сонмом планет,
Ни в чем я тебе не преграда.
Спускайся скорей
В долину теней,
И там ты найдешь Эльдорадо!»

По не забыл своей единственной встречи с миссис Уитмен, и воспоминания нахлынули на него с новой силой, когда в феврале 1848 года он прочел ее стихи, написанные в день св. Валентина и посвященные автору «Ворона». Проникнутые искренним чувством строки всколыхнули все его существо. Обращенные к нему, слова эти были произнесены женщиной, которая носила имя Елена, исполненное для По магического очарования. Таинственный круг замкнулся. Мысли о Хелен Уитмен стали преследовать его, как наваждение. Он был влюблен и с нетерпением ждал того момента, когда сможет вновь увидеть «Елену». Однако на пути к ней его ждала еще одна волнующая встреча.

В июле 1848 года По отправился с лекцией «Поэтический принцип» в Лоуэлл, небольшой городок в штате Массачусетс. Именно там он познакомился с миссис Энни Ричмонд. Первую встречу с ней он описал в рассказе «Домик Лэндоры»:

«Не обнаружив ничего похожего на звонок, я легонько постучал в полуоткрытую дверь тростью. И тотчас же на пороге появилась фигура — молодая женщина лет двадцати восьми — стройная или скорее даже хрупкая, немного выше среднего роста. Видя, как она приближается с какой-то не поддающейся описанию

сдержанной решимостью, я сказал себе: „Вот поистине грация, чуждая всякого искусства, — напротив, совершенная самой своей естественностью“. Второе впечатление, произведенное ею на меня, но гораздо более глубокое, нежели первое, было впечатление одухотворенности. Столь ярко выраженная, я бы сказал, возвышенность чувств или неземная отрешенность, как та, что светилась в ее глубоких глазах, никогда еще не проникала в самые сокровенные уголки моей души. Не знаю почему, но это особенное выражение глаз, а порою и губ таит в себе самое сильное, если не единственное очарование, способное привлечь меня к женщине».

Если изображенная в рассказе женщина не кто иная, как Энни Ричмонд, то в описании домика, где она живет, нетрудно узнать «хижину» По в Фордхеме, ибо он часто мечтал, что Энни когда-нибудь сделается хозяйкой его дома, и такой рисовал ее в воображении. Именно она вдруг сделалась для него самым желанным существом на свете. К ней он испытывал в тот момент самое глубокое чувство, на какое был способен, и часы, проведенные в семье миссис Ричмонд, казались ему сладостным блаженством.

Унося с собой воспоминания об Энни, с которой он вскоре начал переписываться, По 13 июля возвратился в Нью-Йорк. Сбор от лекции, прочитанной в Лоуэлле, и два аванса, выплаченные ему Патнэмом в счет гонорара за «Эврику», составили сумму, достаточную для поездки на юг, где По рассчитывал найти подписчиков для «Стайлуса». 16 июля, оставив миссис Клемм в Фордхеме, По отправился в путь и спустя три дня прибыл в Ричмонд. Вновь оказавшись в знакомых с детства местах, среди старых друзей, он, не устояв перед многочисленными искушениями, запил и целых две недели пропадал в самых темных городских притонах. Затем По, помятый и обносившийся, сам явился с визитом к редактору «Сазери литерери мессенджер» Томпсону в сопровождении Джека Макензи.

Примерно в это же время его видел в городе некий Чарльз Уоллис, местный историк, который отмечает, что По, несмотря на пристрастие к спиртному, никогда не доходил до такого состояния, чтобы быть не в силах о себе позаботиться. Однажды Уоллиса подняли с постели, чтобы познакомить с По, который в тот момент весело проводил время в шумной, но весьма приличной компании в какой-то таверне. По читал друзьям «Ворона» и отрывки из «Эврики».

Придя туда, Уоллис застал своего прославленного земляка обсуждающим последние новости с собравшимся вокруг обществом. Представленный Уоллису, По учтиво и с

достоинством поклонился; лицо его пылало от возбуждения, но пьян он не был. В ответ на просьбы присутствующих По продолжил свои рассуждения, и хотя мысли об атомарном строении вселенной он излагал никак не меньше часа, рассказ его был красноречив и увлекателен.

Самые подробные воспоминания об этом визите По в Ричмонд оставили Макензи — с ними он по-прежнему был очень дружен и часто встречался. В Ричмонде По был у себя дома. Лишь здесь он не чувствовал себя всем чужим и одиноким изгоем. Его окружали друзья детства, с которыми он мог быть самим собой, и славу свою он ощущал сейчас как благо, а не как досадное бремя. Впервые после смерти Вирджинии, стряхнув печаль и уныние, он отчасти обрел вновь душевное равновесие и способность радоваться, свойственные ему в ранней юности. Двухмесячное пребывание в Ричмонде, наверное, продлило его жизнь на целый год.

В саду у Макензи молодые люди часто затевали игру в чехарду. Некогда искусный в этом спорте, По, словно сбросив груз лет, мог часами, счастливый и радостный, как мальчишка, прыгать через спины приятелей на длинных тенистых дорожках сада, всякий раз ловко перелетая через очередное препятствие, в то время как его старый товарищ Джек Макензи то и дело растягивался на земле. Таким видели По в одном из немногих и, быть может, последнем веселом эпизоде его жизни.

К сентябрю По остался почти без денег, однако как-то поправить дела помог Томпсон, который согласился напечатать несколько его статей в «Мессенджере». Около этого времени у По вышла крупная ссора с Джоном Дэниэлем, редактором журнала «Экзаминер», из которой получилась весьма характерная для По история. Столкновение между ними назревало уже давно. Они придерживались очень несхожих взглядов на литературу и вдобавок не поладили из-за какого-то долга. Куда серьезнее было, однако, то, что Дэниэль, хорошо знавший кое-кого из родственников Уитменов, позволил себе публично высказать сомнение относительно бескорыстия чувств, которые По питал к миссис Уитмен. Слух об этом достиг По в редакции одной из ричмондских газет. Придя в ярость, он тотчас послал Дэниэлю вызов на дуэль, нацарапав его на оказавшемся под рукой клочке газетной бумаги. Однако обидчик не захотел принять дело всерьез. Друзьям По оно тоже показалось пустячным. Тем не менее отказать ему в сатисфакции значило бы нарушить кодекс чести.

Дэниэль, сославшись на желание избежать огласки, согласился встретиться с По наедине у себя в редакции. Когда По

вошел в комнату, Дэниэль спокойно сидел за столом, на который были демонстративно выложены два больших, устрашающего вида пистолета. Надменно вскинув голову, По спросил, для чего Дэниэлю понадобилось его видеть. Тот объявил, что, дабы избежать неприятностей с властями, они могли бы к обоюдному удовлетворению решить свой спор, разойдясь в противоположные углы комнаты и по разу выстрелив друг в друга. По огляделся. Комната была достаточно велика. Дэниэль — очень спокоен, а пара пистолетов ставила скорее перед дилеммой, чем перед выбором. По был наделен достаточным чувством юмора, чтобы оценить нелепость ситуации; вид пистолетов несколько его отрезвил, и благоразумие возобладало. Джентльмены обменялись объяснениями, и дело, к всеобщему удовольствию, кончилось примирением. Вскоре бывшие противники уже смеялись над происшедшим недоразумением вместе с присоединившимися к ним друзьями, которые все это время прятались поблизости и, по правде говоря, не очень опасались услышать выстрелы.

Между тем на сцене опять появилась миссис Уитмен. Ее подруги — мисс Макинтош и мисс Блэквуд, которые иногда навещали По в Фордхеме, — гуляя с ней по залитому лунным светом саду, передали во всех подробностях восторженные речи По, адресованные «Елене». При этом мисс Блэквуд сочла своим долгом предостеречь миссис Уитмен. Но та, несмотря ни на что, послала в Фордхем стихотворение без подписи, но написанное ее собственной рукой и звучавшее недвусмысленным приглашением к встрече, которой, как она знала, искал и По. Стихи переслали в Ричмонд — По получил их 18 сентября, вскоре после «неудавшейся» дуэли с Дэниэлем. Забыв о «Стайлусе», для которого он почти ничего не успел сделать, По поспешил на зов. Ненадолго заехав в Фордхем, он взял у мисс Макинтош рекомендательное письмо к миссис Уитмен и в середине сентября прибыл в Провиденс.

Во время своего первого визита туда он несколько раз увиделся с миссис Уитмен и незамедлительно предложил ей руку и сердце. Перед отъездом По вновь побывал на кладбище, где (выбор места весьма характерен) накануне сделал ей предложение.

«Наутро после этой встречи я вновь посетил кладбище. В шесть вечера я уехал из города стопингтонским поездом в Нью-Йорк. Не могу объяснить Вам — ибо и сам не понимаю, — что за чувство побудило меня не увидеться с Вами еще раз перед отъездом, не сказать Вам еще раз „прощайте“. Сердце мое томило печальное предчувствие. В кладбищенском уединении Вы сидели подле меня — на том самом месте, где рука моя, трепеща,

впервые обвилась вокруг Вашего стана».

Миссис Уитмен не дала своего согласия и вскоре после второго визита По написала ему, делясь своими сомнениями и опасениями. Она чувствовала, что бремя супружеских обязанностей ей не по силам. Она старше По, вдова и слаба здоровьем. Кроме того, миссис Уитмен уже предупреждали — возможно, Осгуды или кто-то еще, — какими осложнениями чреваты близкие отношения с «Вороном». Слухи о распре По с Инглишем и прочие истории, в которых не было недостатка, безусловно не миновали ее ушей, и потому сомнение звучит в каждом слове письма. В том, что пылкие ухаживания По смутили ее покой, нет никаких сомнений.

Именно на это письмо По ответил 18 октября из Фордхема, умоляя, оправдываясь и превознося любовь, возвышающуюся над мирской суетой. Последнее должно было глубоко тронуть витавшую в неземных пределах душу «Елены». Насколько По верил во все это сам, сказать трудно. Он чрезвычайно остро переживал происходящее. Письмо миссис Уитмен вновь напомнило о змеином языке молвы и привело По в исступление. Женщина эта волновала поэта, к тому же была затронута его гордость. Неудача грозила нанести ему неизлечимую душевную рану.

По отправился в Лоуэлл, где прочел еще одну лекцию. Здесь он вторично навестил семью Энни Ричмонд, жившую в Уэстфорде — маленькой деревушке неподалеку от города. Энни все больше завладевала его мыслями. И к ней, и к ее сестре Сарре он относился с искренним доверием. В его теперешнем тревожном и напряженном состоянии дом Ричмондов, дышащий спокойствием и благоденствием, показался ему приютом небесным. Умиротворенный ласковым вниманием Энни, он провел там несколько дней в ожидании вестей от миссис Уитмен.

Второго ноября он получил от нее нерешительное письмо. Томительная неизвестность и растущая привязанность к миссис Ричмонд привели По в мучительное волнение, почти помутившее его рассудок. Он написал миссис Уитмен, назначив ей встречу 4 ноября в Провиденсе, но предварительно взяв с миссис Ричмонд обещание, что она (Энни) явится навестить его на смертном одре. В Уэстфорде, ожидая последнего слова миссис Уитмен, он понял, что не может жить без Энни Ричмонд. Ослабленный и расстроенный переживаниями, он был не в силах выдержать этого конфликта.

И все же, находясь в каком-то полубеспамятстве, По устремился в Провиденс. Прибыв туда, он уже был в таком состоянии, что забыл, для чего приехал, или просто не мог

заставить себя встретиться с миссис Уитмен. Он провел в Провиденсе несколько часов, а затем без всякой видимой цели отправился в Бостон. Оказавшись в городе, с которым у него было связано немало тягостных воспоминаний, По, обуреваемый противоречивыми чувствами и не видя выхода из тупика, решил оборвать свою жизнь там, где она началась тридцать девять лет назад. Он принял довольно большую дозу опиума, однако яд не убил его; он долго пролежал в гостинице без сознания, но благодаря заботам пришедших на помощь друзей скоро оправился и, вернувшись в Провиденс, явился на следующий день в дом миссис Уитмен на Бенефит-стрит.

Она боялась выйти к нему. До нее, видимо, уже дошли какие-то слухи о событиях последних двух дней. Не меньше ее страшили и возможные последствия отказа встретиться с ним. Ее мать, миссис Пауэр, которая и слышать не хотела об их браке, посоветовала ей принять безумца — «сострадая ему, мать попросила меня успокоить его и пообещать все, чего он добивался». Затем миссис Пауэр в течение почти двух часов увещевала По, сидя с ним в гостиной, пока наверху ее дочь собиралась с духом, чтобы предстать перед поэтом. Наконец Хелен, как всегда драматически эффектная, вошла в комнату. По приветствовал ее так, точно узрел ангела, посланного небесами спасти его душу от гибели. Он припал губами к краю ее платья, но сделал это с такой стремительностью, что оторвал кусочек воздушного муслина. Миссис Пауэр со свойственным ей спокойствием и рассудительностью велела принести ему горячего кофе. Чуть позже она послала за доктором, который заявил, что По нуждается в хорошем отдыхе. Поэта проводили в дом некоего Уильяма Пейбоди, друга Уитменов, где за ним очень заботливо ухаживали. По несколько раз после этого виделся с миссис Уитмен в галерее «Атенеум», принадлежавшей местному музею искусства. Здесь она дала предварительное согласие стать его женой, одновременно потребовав от него торжественного обещания никогда и ни при каких обстоятельствах не употреблять алкоголя. Это было ее непременное условие, и оно открывало По путь к отступлению.

14 ноября По уехал из Провиденса. На протяжении следующей недели он в каком-то исступлении — миссис Клемм говорит, что его «трудно было узнать», — продолжал метаться, раздираемый сразу двумя страстями — к Энни и к Хелен. Писал он обеим: Энни — о своей неудавшейся попытке самоубийства, Хелен — защищаясь от всевозможных обвинений, которые бросала ему молва. Энни не отвечала: ее, должно быть, уже просветили те же «добрые друзья», которые, как могли, чернили

По в глазах миссис Уитмен.

Тем временем родственники Хелен в Провиденсе делали все возможное, чтобы помешать ее браку с По. Миссис Уитмен отсрочивала окончательное решение. Однако 12 декабря По снова приехал в Провидепс, а 15-го между ним и Хелен Уитмен был заключен брачный контракт. Будучи не в силах расстроить помолвку и зная о некоторых пагубных склонностях По, родственники настояли на том, чтобы были защищены имущественные интересы невесты. Согласно документу, подписанному в присутствии свидетелей Эдгаром По, Хелен Уитмен и двумя ее сестрами, вся собственность миссис Уитмен, состоявшая из банковских билетов и ценных бумаг на сумму 8300 долларов, передавалась в распоряжение матери невесты, миссис Пауэр.

По ненадолго возвратился в Фордхем, чтобы сообщить миссис Клемм о состоянии дел и обсудить с ней, как подготовить их домик к приезду молодой жены. 20 декабря он выехал в Провиденс, намереваясь в тот же день выступить там с лекцией. На Нью-йоркском вокзале он встретил миссис Хьюит, уже наслышанную о его предстоящей женитьбе и сгорающую от любопытства.

— Г-н По, вы едете в Провиденс венчаться?

— Я еду, чтобы прочесть лекцию о поэзии, — ответил По и после некоторого колебания добавил: — Женитьба может и не состояться.

По приезде в Лоуэлл он добился от миссис Уитмен окончательного согласия обвенчаться с ним в следующий понедельник и написал миссис Клемм, что они с Хелен приедут в Фордхем во вторник первым поездом.

В субботу 23 октября По и миссис Уитмен поехали вместе на прогулку. Затем Хелен вернулась домой, чтобы уложить вещи. Во второй половине дня они снова встретились в библиотеке, где ей было передано письмо, в котором ее предостерегали против брака с По и сообщали о его ухаживаниях за Энни Ричмонд, вызвавших громкие толки в Лоуэлле. Миссис Уитмен узнала также, возможно от Пейбоди, что тем же утром По видели в питейном заведении в окружении целой компании веселых друзей. Все это убедило ее в том, что его не переделать.

По пути домой Хелен сообщила По о том, что узнала, и в его присутствии распорядилась не печатать извещение об их бракосочетании. Она в отчаянии слушала его протесты и опровержения, вместе с тем не без облегчения сознавая, что, нарушив слово, По освободил и ее от данного обещания. Теперь она ясно понимала, что, вняв мольбам По спасти его, взяла на

себя непосильный и, несмотря на все, совершенно напрасный труд. Ни ему, ни ей этот союз не сулил ничего, кроме несчастий. В той мере, в какой знание прошлого позволяет предугадать будущее, можно не сомневаться, что опасения миссис Уитмен были вполне оправданны.

По ушел, и миссис Уитмен сообщила о случившемся матери. Эта дама, которой не терпелось спровадить По из города, к вечеру послала за ним, чтобы совершенно покончить с делом и вернуть бывшему жениху кое-какие бумаги. Миссис Уитмен и ее мать приняли По в той самой гостиной, где он добивался взаимности Хелен. Вместе с По пришел Пейбоди, у которого он остановился. Утомленная мольбами и сетованиями По, миссис Уитмен готова была разразиться истерикой или лишиться чувств.

Дрожащими руками она возвратила По его письма и другие бумаги и, обессиленная переживаниями, в изнеможении опустилась на кушетку, прижимая к лицу успокоительный платочек. По приблизился к ней, умоляя сказать, что это не последняя их встреча. Но миссис Пауэр пришла на помощь дочери, напомнив о времени отправления следующего поезда в Нью-Йорк, на который, как она горячо надеялась, По еще успеет. При этих словах По упал на колони, моля Хелен переменить решение.

Наконец она едва внятно пробормотала:

— Что же я могу сказать?

— Скажите, что любите меня, Хелен!

Придвинувшись ближе, он услышал ее последние слова, обращенные к нему.

— Я люблю вас, — прошептала миссис Уитмен дрожащим от боли голосом сквозь пропитанный эфиром платочек.

Мистер Пейбоди проводил По на вокзал.

Глава двадцать пятая

Миссис Клемм, которая с тревогой спрашивала себя, на каких правах будет жить в доме, когда в него войдет новая хозяйка, вздохнула с облегчением, увидев, что с прибывшего в Фордхем поезда По сошел один.

К происшедшему он отнесся довольно странно. Он был из тех, в ком ум и гордость слиты воедино. Гордость была уязвима, и ум отказывался простить. По хотел представить все так, будто обручение отсрочено, и тем самым не допустить распространения слухов. Этой версии он просил придерживаться и миссис Уитмен.

Пронесшаяся буря страстей потрясла и очистила его душу. Во всех письмах По этого периода чувствуется явное облегчение, радость возвращения к главному делу его жизни — литературному труду. Рождество он встретил в Фордхеме вместе с миссис Клемм. Чувству облегчения и обманчивому приливу сил сопутствовало недолгое ощущение душевного подъема и поправляющегося здоровья. Церковные колокола возвестили о наступлении нового, 1849 года.

Тем временем маленький домик в Фордхеме, где По снова, точно стремясь забыться, с головой ушел в лихорадочную работу, начала опутывать липкая паутина злословья. К По-литератору эти кривотолки не имели почти никакого отношения.

Для По мечты и вымысел обладали большей реальностью, чем действительность. Лишь мир, преображенный фантазией, обретал в его глазах желанную цельность. Стремясь к логической завершенности и абсолютной гармонии, которой не существует в природе, он создал собственную вселенную, где душа его могла обитать непотревоженной. Каковы бы ни были причины, но в последние годы жизни он был не способен переносить любовное волнение и в то же время сохранять здравость рассудка. Любовь для него, как и все остальное, могла достичь совершенства только в воображении. Лишь там он мог утолить тоску по идеалу. И потому каждый раз стремился превратить женщину в бесплотного ангела — боготворимую в мечтах, но не пробуждающую страсти возлюбленную.

Джентльменам, которые заставили поющего оды любви По в гостиных своих жен, было невдомек, что, говоря с Фанни или Энни, романтический поэт с горящим взором на самом деле обращался к «Линор», или «Елене», или «Лигейе», или «Аннабель Ли», на мгновение принявшей образ реальной женщины. Опыт заставлял их подозревать мотивы иного, более низменного свойства.

Нет, выносить все это и дальше было выше его сил. Злоречивые гарпии в фижмах, ревнивые мужья, осиный рой скверных журнальчиков, жалящих и глумливо смеющихся над его бессмертными мечтами, и исчезающие, всегда исчезающие любимые лица. Но разве не был он, измученный месяцами не проходящей головной болью, осаждаемый жуткими призраками, нищий, осмеянный толпой, все же велик? Он верил в это и в минуты покоя и просветления запечатлевал в словах не меркнущие от времени образы, творил волшебную и печальную музыку, скрывая за звездными покровами страдающее и израненное сердце.

Но что было делать сейчас, когда противостоять судьбе становилось все труднее?

Еще до разрыва с Хелен Уитмен он написал ей: «…ужасные муки, которые мне пришлось претерпеть столь недавно, — муки, ведомые лишь господу богу и мне самому, — опалили мою душу очистительным пламенем, изгнав из нее всякую слабость. Отныне я силен — и это увидят все, кто любит меня, равно как и те, что без устали тщились меня погубить. Лишь таких испытаний, каким я подвергся, и недоставало, чтобы, дав ощутить мне мою силу, сделать меня тем, чем я рожден быть».

В чем же была его сила? Зимой 1849 года этот преследуемый неудачами, смертельно уставший человек, который вновь укрылся в Фродхеме, гонимый издевками и шипением молвы, был, казалось, соткан из одних слабостей. Силу ему давал только талант. Отныне он посвятит всего себя литературе. И «Стайлус» наконец станет реальностью! С января по июнь 1849-го шла подготовка к новой великой кампании. «Елена» уже не взойдет вместе с ним на уготованный ему престол. Что ж, пусть! — он воцарится там в одиночестве. Так начался последний, самый недолгий, но один из наиболее важных периодов его творчества. В это время было закончено стихотворение «Звон» и написана прекрасная баллада «Аннабель Ли».

После смерти По целая толпа претенденток стала осаждать его английского биографа Инграма, и каждая долго, нудно, сердито и ревниво доказывала, что именно она и есть настоящая и единственная «Аннабель». Однако насколько призрачные героини По вообще могут быть соотнесены с реальными прототипами, в образе Аннабель яснее всего видятся черты Вирджинии, покойной жены По. В этих прекрасных лирических строках, звучащих словно траурная мелодия, выражена постигшая их обоих трагедия.

Письма, которые он писал Энни Ричмонд в первые месяцы 1849 года, свидетельствуют о том, что он решил упорным трудом

умножить свою славу и вырваться наконец из бедности. Женщины, любовь и рождаемые ими страсти уже не вторгнутся в его жизнь — после пережитого недавно ему очень хотелось в это верить. В посвященном миссис Ричмонд стихотворении есть знаменательные строки:

О счастье! Не мучусь
Я больше, томясь,
Упорной болезнью,
И порвана связь
С горячкой, что жизнью
Недавно звалась…
Исчезла и пытка,
Всех пыток сильней,
Ужасная жажда
Души моей
К реке ядовитой
Проклятых страстей:
Насытил я жажду
Души моей.[26]

В конце января он пишет Энни:

«Я сейчас весь в делах и полон необыкновенной энергии. Предложения что-нибудь написать сыплются со всех сторон. На прошлой неделе пришло два письма из Бостона. Вчера послал статью „Критики и критика“ в „Американ ревю“. А для „Метрополитен“ недавно написал рассказ „Домик Лэндора“ — там есть кое-что об Энни. Напечатают его, видимо, в мартовском номере…»

К середине февраля он почувствовал, что снова прочно встал на ноги. Ему кажется, что здоровье его поправляется, и 14 февраля, после долгого перерыва, он возобновляет переписку с Ф. Томасом, который к тому времени оставил государственную службу и переселился в штат Кентукки, где возглавил газету «Луисвилл кроникл». Вот что писал ему По:

«…Чертовски рад, что ты снова вернулся в родную стихию — в „прекрасный мир слова“. Что ни говори, любезный Томас, а литература все же самое благородное из занятий. Пожалуй, единственное занятие, достойное мужчины. Что до меня, то я не сверну с этого пути ни за какие сокровища. Я буду литератором — пусть даже самым обыкновенным — всю жизнь. Ничто не заставит меня оставить надежды, которые зовут меня вперед и стоят всего калифорнийского золота. Кстати, о золоте и соблазнах, подстерегающих „горемык-писателей“: тебе никогда не

приходило в голову, что ничего из того, чем дорожит человек, посвятивший себя литературе, — в особенности поэт — нельзя купить ни за какие деньги? Любовь, слава, интеллект, ощущение собственной силы, упоительное чувство прекрасного, вольный простор небес, упражнения для тела и ума, дающие физическое и нравственное здоровье, — вот, собственно, и все, что нужно поэту. А теперь ответь мне — зачем ему тогда ехать в Калифорнию?..»

Вспыхнувшая в стране «золотая лихорадка» явно занимала мысли По. Однако, как мы уже видели, золотые россыпи он искал не в дальних краях, а в собственной душе. Можно почти не сомневаться, что именно в это время было написано его стихотворение «Эльдорадо». Этой теме он отдал дань и в прозе. 8 марта По послал своему литературному агенту Дайкинку рассказ «Фон Кемплен и его открытие» в надежде, что тот сможет куда-нибудь пристроить новую вещь, которая, пишет он, была задумана как заметка-розыгрыш для бостонской газеты «Флэг оф ауэр юнион». Однако потом По решил, что поместить рассказ в таком малопримечательном листке — это все равно что «выбросить его в корзину».

Рассказ-заметка повествует о некоем американском химике, фон Кемпелене, якобы арестованном в Бремене по подозрению в подделке денег. В его квартире находят сундук с золотом, добытым, как выясняется, с помощью алхимии: «Есть достаточные основания утверждать лишь одно — чистое золото можно получить, и очень легко, из свинца в соединении с другими веществами — но с какими и в каких пропорциях, остается загадкой». Об этом рассказе По писал Дайкинку:

«Я совершенно уверен, что девять человек из десяти (даже если говорить о людях самых сведущих) поддадутся на розыгрыш (при условии, что никто из посвященных не проговорится до публикации) и что эта мистификация, вызвав внезапное, хотя, разумеется, очень непродолжительное замешательство среди тех, кто одержим золотой лихорадкой, произведет своего рода сенсацию».

В письме к Ивлету, посланном в конце февраля, По впервые говорит о своем намерении переехать жить в Ричмонд. План этот он, должно быть, все чаще обсуждал с миссис Клемм, по мере того как приближался к истечению срок аренды дома в Фордхеме.

Все, казалось, шло хорошо, когда на По обрушилась очередная волна невзгод, всякий раз настигавших его в самый критический момент. Теперь судьба нанесла ему двойной удар. Большая часть журналов, для которых он, не зная усталости, писал в последние месяцы и от которых зависели его средства к

существованию, либо приостановили, либо вообще прекратили выплату гонораров. Одновременно у него вновь наступило резкое ухудшение здоровья, сопровождавшееся приступами слабости и беспричинной тоски. Силы его быстро убывали. Даже несчастная, терпеливая миссис Клемм не могла не признаться в письме к Энни:

«Несколько раз мне казалось, что он умирает. Видит бог, скорее бы уже нам обоим лечь в могилу. Уверена, что так было бы лучше».

Начиная с 1847 года все свидетельства о болезни По говорят о том, что сердце его постепенно сдавало. Еще за два года до описываемых событий миссис Шю и доктор Фрэнсис пришли к выводу, что По не проживет долго. Пораженное недугом сердце и было, наверное, причиной его необъяснимой подавленности. К этому нужно добавить и неоднократно отмеченные симптомы повреждения мозга, со временем обострившиеся. Рассказывают, что именно тогда у него участились приступы «мозговой лихорадки».

До сих пор периоды упадка сил и депрессии следовали друг за другом с долгими перерывами. В 1847—1849 годах недомогания стали более частыми и длительными, причем наступавшее выздоровление уже но было полным. Но даже в таком состоянии ему удавалось писать замечательные стихи и прозу.

В феврале 4849 года был опубликован рассказ «Mellonta tauta», который содержит некоторые из самых важных, нередко пророческих мыслей По о будущем цивилизации. Интересна в нем и сатира на современное автору общество, господствовавшие тогда социальные теории, моды и архитектурный стиль. Вскоре вслед за этим рассказом в журналах появились его немногими понятая новелла-аллегория «Прыг-скок», сонет «К матери», другие прекрасные стихотворения — «Аннабель Ли», «К Энни», «Линор», «Эльдорадо». Все они принадлежат к числу лучших творений По.

По и миссис Клемм опять угнетала бедность, однако положение несколько облегчила щедрость некой миссис Льюис, или «Стеллы», чьим литературным начинаниям По оказывал содействие. Можно не сомневаться, что его рецензия на поэму миссис Льюис «Дитя любви», появившуюся в сентябре 1848 года в «Сазерн литерери мессенджер», была во многом продиктована благодарностью за помощь, которую он уже тогда получал от «Стеллы», сочувствовавшей его суровой нужде.

В письмах, относящихся к весне 1849 года, По постоянно говорит об уже неоднократно откладывавшейся поездке в Ричмонд. Отсрочивалась она, разумеется, из-за нехватки денег.

По чувствовал, что в теперешнем своем болезненном состоянии уже не способен бороться с нищетой. Чтобы жить дальше, обеспечивать миссис Клемм и начать наконец издание «Стайлуса», ему были необходимы благополучие и достаток, которые избавили бы его от забот о куске хлеба. Именно это стремление руководило По в последний год жизни, оно же объясняет его приезд в Ричмонд и помолвку с миссис Шелтон (Эльмирой Ройстер). Он мечтал быть с Энни, но знал, что это невозможно. Роль благодетельницы и «доброго друга», которую играла когда-то миссис Шю, теперь отчасти взяла на себя миссис Льюис. Противоречивая судьба, на которую обрекла поэта его столь же противоречивая натура и которой странная логика обстоятельств придала драматическую завершенность, вновь вмешалась в события и, приняв неожиданное обличье, подтолкнула По к пропасти. Своим орудием она избрала ничего не подозревавшего молодого человека по имени Эдвард Паттерсон из небольшого городка Окуока на Миссисипи.

Эдвард Паттерсон издавал единственную в Окуоке газету «Спектейтор» и с течением лет сделался горячим почитателем творчества По. Сообщения о планах создания крупного американского журнала не прошли мимо его внимания, и в 1849 году, унаследовав от отца приличное состояние, честолюбивый и еще не умудренный жизнью, он совершенно внезапно обратился к По с предложением, равносильным обещанию оказать «Стайлусу» необходимую финансовую поддержку. Для По оно явилось манной небесной. Он ответил Паттерсону сразу же по получении письма, во всех подробностях изложив свои идеи относительно будущего журнала и нарисовав весьма оптимистическую картину их возможной совместной деятельности в качестве компаньонов.

Паттерсон откликнулся воодушевленным и очень пространным письмом. Молодой человек отнесся к делу чрезвычайно серьезно и учел в своем плане, о котором сообщил По, решительно все. Он брался позаботиться о технической стороне предприятия, предоставляя всю полноту художественного руководства По. Доходы должны были делиться поровну. По не стал медлить с ответом — условия его устраивали. К своему письму он приложил эскиз обложки «Стайлуса» и попросил Паттерсона прислать ему в Ричмонд 50 долларов, что, по его подсчетам, составляло половину суммы, необходимой для нужд журнала на первых порах. Теперь, когда будущее «Стайлуса» казалось столь многообещающим, можно было подумать и о поездке в Ричмонд.

Однако здесь не обошлось без трудностей — аренду дома в Фордхеме пришлось продлить еще на год, и По опять оказался в

долгах и без средств. Он так обнищал, что ему даже не на что было доехать до Ричмонда. Пришлось написать туда, чтобы ему срочно перевели в Нью-Йорк присланные Паттерсоном 50 долларов.

С самого начала во всем происходящем было нечто зловещее, какое-то ощущение неотвратимости беды. По снова охватила беспричинная тоска. Приближался новый приступ. Сердце, которое, то трепеща, то замирая, билось вот уже сорок лет, слабело. Нервы были точно натянутые, готовые лопнуть струны, руки дрожали, как две плененные птицы. Воображение его уже не рождало ни стихов, ни причудливых историй. Его по-прежнему переполняли видения, но были они очень странными и жуткими — почти безумными, словно неистовая пляска призраков в заброшенном замке.

Вскоре пришли деньги. Домик в Фордхеме был на время покинут. «Эдди» отправлялся в» Ричмонд, а: «Мадди» пока что оставалась в Бруклине, у доброй миссис Льюис, в кабинете которой над бюстом Паллады, как и раньше, красовалось чучело ворона. Подходил к концу июнь 1849 года.

На нью-йоркской пристани По провожала только миссис Клемм.

«Да благословит тебя бог, милая матушка. Не бойся за твоего Эдди! Ты увидишь, каким я буду хорошим, пока тебя нет со мной, и как скоро я вернусь, чтобы любить тебя и заботиться о тебе, как прежде».

Таковы были последние слова, услышанные трепещущей женщиной, когда пароход уже отходил от причала, оставляя ее на многие недели в одиночестве и тоскливой тревоге. Эдгар так и не возвратился. Мария Клемм выполнила предназначение, определенное ей судьбой. Единственной наградой ей были натруженные, изуродованные ревматизмом руки и жестокая бедность.

Странник, направлявшийся в Ричмонд через Филадельфию, продолжал свой путь, который он уже однажды проделал восемнадцать лет назад. Но сейчас, когда путешествие уже близилось к концу, он двигался к цели много быстрее. Тающий вдали город, который он видел в последний раз, был уже другим — за короткое время он вырос, словно по волшебству. Два десятилетия во многом изменили его облик. Дымы стали темнее, а над портом поднимался густой лес высоких пароходных труб и мачт.

Добравшись до Перт-Амбоя, он пересел на поезд, который к вечеру 1 июля 1849 года в клубах дыма и искр прибыл на филадельфийский вокзал. В тощем саквояже из цветистой

материи По вез рукописные тексты двух лекций, одной из которых наверняка был «Поэтический принцип». Наличность путешественника составляла сорок с небольшим долларов. Вокзал находился рядом с портом, который бурлил необычайным оживлением — «золотая лихорадка» была в самом разгаре, и отсюда на поиски удачи отправлялись новые и новые толпы одержимых жаждой разбогатеть старателей. Крутом было много питейных заведений, дела которых шли сейчас как нельзя лучше. В один из них и решил заглянуть По. В результате он задержался в Филадельфии на две недели.

Полностью восстановить последовательность событий теперь уже невозможно. Происшедшие несчастья не были неожиданностью, потому что жизнь По больше не подчинялась обычным законам и он все чаще терял власть над своими поступками. Весь мир казался ему объятым ужасным хаосом и смятением, ибо хаос и смятение царили в нем самом. Из воспоминаний друзей, выдержанных в благородно-сдержанном тоне, вырисовываются некоторые подробности случившегося.

Июльским днем в кабинет Джона Сартейна, владельца журнала «Сартейнс мэгэзин», внезапно ворвался трясущийся от страха человек с всклокоченными волосами, который умолял защитить его от злодеев, сговорившихся его погубить. Лишь с большим трудом в нем можно было узнать великого поэта, преследуемого галлюцинациями, которые обыкновенно предшествовали нервным кризисам. Долгие годы ожесточенной полемики с литературными противниками, разгневанные, угрожающие и оскорбительные письма, которые он часто получал, оставили в его сознании неизгладимый отпечаток. И когда он бродил по улицам Филадельфии, ему вдруг стало казаться, что прохожие бросают на него злобные взгляды, а по пятам за ним крадутся заговорщики. Сартейн, старый его друг, отвел По к себе домой, где тот потребовал бритву, чтобы сбрить усы и, таким образом, сделаться неузнаваемым для воображаемых преследователей. Сартейну стоило немалых усилий уложить его в постель, у которой он провел всю ночь, боясь оставить По одного. Последний к тому же твердил, что нуждается в защите. Так продолжалось и весь следующий день.

К вечеру По исчез из дому и, проблуждав несколько часов по улицам Филадельфии, в конце концов оказался за городом и заночевал где-то в поле. Он «впал в забытье», и ему явилась некая облаченная в белое фигура, которая предостерегла его от самоубийства. Это как будто несколько его успокоило.

Как прошли следующие несколько дней, ни По, ни его друзья сказать не могли. Он совершенно не сознавал, что с ним

происходит, и добиться от него каких-либо объяснений было невозможно. Кончилось тем, что его арестовали за пьянство и препроводили в тюрьму Мойаменсинг, где он провел ночь.

И на этот раз перед ним возникло во тьме бледное видение женщины, которая, стоя меж зубцов высокой тюремной стены, заговорила с ним шепотом. «Не услышь я того, что она сказала, — рассказывал он потом, — я бы тогда же расстался с жизнью». Наутро вместе с остальными беднягами он предстал перед мэром Гилпином, который тут же его узнал. «Да ведь это По, поэт!» — воскликнул он и отпустил По, не присудив к штрафу. Когда позднее Сартейн спросил друга, за что тот попал за решетку, По, вспомнив, наверное, ссору с Инглишем, сказал, что подделал чек.

Скитания его продолжались еще какое-то время. Его мучили галлюцинации — он видел умирающую миссис Клемм и, когда Сартейн был рядом, упорно просил у него опиума. Двое старых его знакомых, Чарльз Берр и Джордж Липпард (поэт и романист, с которым По свел когда-то Генри Хирст), подобрали По на улице и, как могли, выходили. Берр купил ему билет на пароход до Балтимора, а узнавшие обо всем Грэхэм и Петерсон снабдили бывшего коллегу 10 долларами на дорогу. По отправился в Ричмонд. При нем был саквояж, потерянный в Филадельфии и найденный вновь только через десять дней. Рукописи обеих лекций были украдены, и пропажа эта очень огорчила По. На пристань его проводил верный Берр. Была пятница, 13 июля 1849 года.

В Ричмонд По прибыл в ночь на четырнадцатое и, повинуясь какому-то инстинкту, сразу же направился к Макензи. Он знал, что там его ждут забота и участие сестры Розали и близких друзей и что его умственное и физическое расстройство, равно как и плачевный вид, будут надежно скрыты от посторонних глаз. Однако у Макензи он оставался совсем недолго.

Спустя несколько дней он переселился в гостиницу «Старый лебедь» на Бродстрит, пользовавшуюся некогда доброй славой, которая давно уже отошла в прошлое. Теперь здесь квартировали бизнесмены-холостяки и их служащие. По соседству, в небольшом деревянном домике жил доктор Джордж Ролингс, который посещал По в первые дни его пребывания в Ричмонде. Заботы друзей и врачебный уход ускорили выздоровление.

Холоден и непригляден был мрак, царивший в той бездне, которая только что едва не поглотила По. И тем ярче показался ему свет его юности, озарявший знакомые улицы и далекие холмы — золотистое сияние, подернутое печальной дымкой дорогих сердцу воспоминаний. Последняя сцена, в которой, за несколько мгновений до того, как упал занавес, По впервые

явился в роли признанной и вознагражденной рукоплесканиями, разыгралась в закатных лучах уходящей молодости, своим теплом на миг возродивших былую любовь и дружбу. Ричмонд изменился и вырос, но не настолько, чтобы сделаться чужим и неузнаваемым. Пришло новое поколение, но не исчезли знакомые места и лица, остались теми же и обычаи и нравы, забавный говор южан и их душевный склад — они по-прежнему жили, чтобы быть, а не чтобы иметь — и это как нельзя лучше отвечало характеру самого По. Он вновь вдохнул ричмондский воздух, напоенный тяжелым сладковатым ароматом табачного листа, и на него нахлынули целые сонмы воспоминаний. Но еще раньше перед его мысленным взором возникла Фрэнсис Аллан, увозящая маленького Эдгара из дома модистки в особняк в Табачном переулке.

В последние дни, проведенные в родном городе, возвратившийся изгнанник чаще всего посещал дома Макензи, миссис Шелтон и Талаверу — фамильный особняк семейства Талли.

Слава поэта, слух о том, что в Ричмонд его привело давнее чувство к миссис Шелтон, и, наконец, влияние друзей уготовили По прием, совершенно непохожий на предшествующие. Неприязнь, которую он некогда вызывал к себе своим «поведением по отношению к опекуну», почти исчезла, если не считать нескольких непреклонных упрямцев, и двери салонов распахнулись перед ним шире, чем когда-либо.

Да и сам По стал вести себя в обществе гораздо осмотрительнее. Он, как и прежде, держался несколько театрально, но манеры его сделались более уверенными и внушительными. Памятуя о давнишнем предубеждении, которое к нему питали, он старался быть особенно осторожным в отношениях с женщинами. Хотя молодежь тянулась к нему, как никогда раньше, свой круг общения он ограничил в основном старыми друзьями.

Средоточием его помыслов была теперь Эльмира. Миссис Шелтон овдовела несколько лет назад. Она родила двух дочерей — обе были названы ее именем и умерли в младенчестве — и сына, который в ту пору был уже взрослым юношей. Ее муж, мистер Баррет Шелтон, сумел преуспеть в коммерческих делах и оставил жене состояние, приносившее немалый доход. После ее смерти все имущество должно было перейти к другим наследникам. Вскоре по приезде в Ричмонд По нанес ей визит. К тому времени миссис Шелтон превратилась в довольно привлекательную женщину средних лет, хорошо владеющую собой и весьма набожную.

Когда слуга доложил, что ее хочет видеть какой-то джентльмен, миссис Шелтон спустилась вниз. Увидя ее, По стремительно поднялся и произнес в сильном волнении: «О, Эльмира, это вы!» Миссис Шелтон сразу его узнала и встретила очень приветливо, однако про должала собираться в церковь, сказав, что никогда не пропускает служб, и пригласив По зайти позже. Он не преминул это сделать; они долго предавались воспоминаниям о днях минувших, и По спросил Эльмиру, согласна ли она выполнить обещание, которое дала ему двадцать четыре года назад. Сначала она подумала, что это не более чем романтическая шутка, но По быстро убедил ее в серьезности своих намерений. К концу июля между миссис Шелтон и ее старинным другом было достигнуто, как она позднее выразилась, «взаимопонимание».

Характер их отношений достаточно ясен. Ранняя любовь По к юной Эльмире была едва ли не самым естественным и глубоким чувством, которое он когда-либо испытывал к женщине. Потеря возлюбленной явилась одной из причин, побудивших его уехать из Ричмонда много лет назад. Эльмира, обманом выданная замуж за мистера Шелтона, продолжала питать нежные чувства к своему первому избраннику, чьих писем из университета она так и не получила. Случившееся оставило в душе Эльмиры глубокую обиду, что впоследствии очень тревожило ее мужа. С годами, разумеется, история эта забылась, однако память о ней с возвращением По ожила вновь, и миссис Шелтон показалось, что к ней вернулась сама молодость. Она словно сделала глоток из живительного источника далекой и прекрасной юношеской любви.

О соображениях более прозаического свойства едва ли есть нужда говорить. Они, несомненно, присутствовали. Эльмира была женщиной, к которой По пылал когда-то страстью и которая до сих пор не утратила для него привлекательности. Она могла сделать его жизнь более устроенной, дать ему дом и общественное положение в Ричмонде, где он намеревался остаться работать в одной из газет. Не исключено также, что По надеялся использовать порядочное состояние будущей жены в интересах «Стайлуса», полагая это более выгодным, чем условия, предложенные Паттерсоном. В доме Эльмиры могла бы найти пристанище и миссис Клемм — По не скрывал, как это для него важно, о чем свидетельствует и письмо миссис Шелтон к миссис Клемм. Таковы некоторые из обстоятельств, по всей вероятности, сыгравшие свою роль в истории этой поздней любви. Миссис Шелтон По сказал, что она — его «утраченная Линор».

Впрочем, даже сейчас тропа верной любви не была усыпана

розами. Репутация По, конечно, не составляла тайны для Эльмиры, которая немного тревожилась за свое состояние и не испытывала воодушевления по поводу «Стайлуса». Она почла за благо принять некоторые меры, чтобы защитить свою собственность, чем вызвала сильное раздражение По. Их часто видели вместе в церкви, и кругом уже говорили о скорой помолвке, когда в начале августа между ними вдруг возникла некая холодность, чуть было не приведшая к разрыву. Миссис Шелтон потребовала, чтобы По вернул ей ее письма, а тот какое-то время демонстративно ее избегал.

7 августа По прочел лекцию «Поэтический принцип» перед небольшим собранием друзей и почитателей. В зале была и миссис Шелтон, однако по окончании лекции По сделал вид, что ее не заметил, и присоединился к знакомым, направляющимся на прием к Талли в Талаверу. Все отзывы в прессе были хвалебными, за исключением одного, написанного Дэниэлем, которого По вызвал на дуэль прошлым летом.

8 начале августа По написал Паттерсону, сославшись в оправдание продолжительного молчания на тяжелую болезнь. В письме, которым завершилась их переписка, он возражает против издания более дешевого журнала со стоимостью годовой подписки 3 доллара, к чему склонялся Паттерсон, и настаивает на первоначальной цене — 5 долларов. Он уже давно подумывал о том, чтобы отложить все дело — планы его, вероятно, изменились, — и предлагает встретиться о Паттерсоном в Сент-Луисе, а дату выпуска первого номера «Стайлуса» перенести на 1 июля 1850 года. Так в последний раз мелькнул и навеки исчез призрак «великого журнала», преследовавший его почти пятнадцать лет.

Между тем вереница светских развлечений не прерывалась. По не имел фрака, что крайне его смущало, — впрочем, это была не единственная и далеко не самая большая неприятность. Хуже было то, что По не находил в себе сил отказываться от настойчивых угощений, и в августе его настиг старый недуг. Больного По забрали к себе домой Макензи, где его стал лечить доктор Картер, с которым он недавно познакомился в «Старом лебеде». Состояние По было очень опасно. Даже самое малое количество алкоголя могло его сейчас погубить. Он выжил лишь благодаря искусству доктора Картера, который предупредил, что дальнейшая невоздержанность будет иметь роковые последствия. Между врачом и пациентом состоялся долгий и серьезный разговор. По торжественно поклялся себе и Картеру, что отныне не поддастся соблазну. Нет сомнения, что он искренне желал сдержать слово и трепетал при одной мысли о неудаче.

Чтобы, поелику возможно, укрепить свою волю, слабость которой была слишком хорошо ему известна, он сразу же, как оправился от болезни, решил вступить в ричмондское Общество сынов трезвости. Он дал обет полного воздержания от спиртного в присутствии председателя общества Уильяма Гленна, который утверждает, что вплоть до самого отъезда из Ричмонда в поведении По не было замечено ничего предосудительного. Хотя другой собрат-трезвенник, державший сапожную мастерскую на Брод-стрит, вспоминает, что вскоре после посвящения в члены общества По среди ночи поднял его с постели громким стуком в дверь, требуя ранее отданную им в починку пару башмаков. Заметки о вступлении По в ряды сынов трезвости появились в ричмондских, а затем в филадельфийских газетах. И вообще, почти все, что он сейчас делал, получало широкую огласку. Сообщения об успехе его недавней лекции попали даже в газеты далекого Цинциннати.

У По вскоре появились новые связи среди ричмондских журналистов. Он был газетчиком, и его постоянно тянуло в редакции с их заваленными рукописями столами и лязганьем печатных станков — там он чувствовал себя как дома. Одетого в белый парусиновый сюртук и панталоны и черный бархатный жилет, в широкополой плантаторской шляпе, его можно было часто видеть летом 1849 года в редакции газеты «Ричмонд экзаминер». Один из его тогдашних знакомых вспоминает:

«…Он был самой заметной фигурой среди небольшой группы журналистов, которую собрал вокруг себя Джон Дэниэль, редактор газеты „Ричмонд экзаминер“. Дэниэль был точно мощная электрическая батарея, молниеносные разряды которой не раз потрясали степенных и высокоумных ричмондских политиков. Он обладал тем неопределимым обаянием, которое влечет друг к другу людей талантливых, независимо от характера и степени их одаренности… При Дэниэле „Экзаминер“ был газетой свободного толка и умел заинтересовать любого читателя.

Г-н По легко отыскал туда дорогу в качестве литературного редактора. К тому времени он уже стал знаменитым писателем. Его поэзия и проза очень отличались от произведений других литераторов, и читающая публика с надеждой смотрела на него в ожидании еще более прекрасных вещей. В нем чувствовалось нечто такое, что не могло не приковывать к себе внимания. У него была легкая походка, тихий, но внятный голос и совершенно очаровательные манеры. Не схожих почти ни в чем другом, По и Дэниэля сближало одинаковое отношение к миру, пороки и безумие которого вызывали, с одной стороны, их гнев и

презрение, а с другой — жалость и сострадание…»

«Наэлектризованный» Джон Дэниэль был тем самым человеком, с которым годом раньше По едва не подрался на дуэли.

Большую часть августовских дней 1849 года По, очевидно, провел в редакции «Экзаминера». Рассказывают, что он сидел там часами, внося исправления в свои стихотворения, которые набирались тут же, в соседней комнате. Затем он читал гранки, правил ошибки и вносил новые изменения. В то время были опубликованы только два стихотворения — окончательный вариант «Ворона» и «Страна сновидений», однако гранки других были впоследствии переданы близкому другу По, Ф. Томасу, когда тот посетил Ричмонд, будучи уже редактором газеты «Инквайерер».

К началу сентября По удалось вернуть благорасположение миссис Шелтон, и вскоре состоялась их помолвка. В сентябре он пишет миссис Клемм в Фордхем, ясно давая понять, что женитьба его — дело решенное.

«…Теперь моя драгоценная Мадди, как только все окончательно определится, я напишу тебе снова и скажу, что надо делать. Эльмира говорит о поездке в Фордхем, но я не знаю, имеет ли это смысл. Мне думается, тебе было бы лучше оставить все там и отправиться сюда пакетботом. Ответь мне немедленно и дай совет: тебе ведь лучше знать. Будем ли мы более счастливы в Ричмонде или Лоуэлле? Ибо в Фордхеме мы, кажется, не будем счастливы никогда, и к тому же я должен иметь возможность видеться с Энни…»

Он никак не мог забыть Энни и в том же письме говорит: «Мы могли бы легко заплатить все, что задолжали в Фордхеме, но я хочу жить рядом с Энни… Ничего не пиши мне об Энни — если только не затем, чтобы сообщить мне о смерти г-на Р[27]. Обручальное кольцо у меня есть, а найти фрак, думаю, не составит труда». Итак, сердце его все-таки принадлежало Энни. Однако мистер Ричмонд — какие же упрямцы эти мужья! — вопреки ожиданиям пережил По, которому ко всему прочему не давал покоя вопрос, где взять фрак, чтобы обвенчаться с Эльмирой.

Шло время. Последние часы, проведенные По с вновь обретенной Линор. Точно утомленный путник, вступивший на закате дня в цветущую долину, он шагал, ободренный вернувшейся надеждой, к зияющей впереди пропасти. В первой половине сентября миссис Шелтон ненадолго уехала в деревню. По остался в Ричмонде. Через несколько дней, еще до возвращения Эльмиры, он отправился с лекцией в Норфолк.

В Норфолке, где По пробыл неделю, он несколько раз навещал друзей. В пятницу, 14 сентября, в норфолкской академии состоялась лекция «Поэтический принцип». За этим последовали новые развлечения — По приглашали на самые блестящие приемы, какие ему доводилось видеть. Целых три дня имя его не сходило со страниц норфолкской газеты «Американ бикон» — его осыпали похвалами, им восхищались, рассказывали о его жизни и творчестве. Это был маленький триумф. «Моих гонораров хватило, чтобы заплатить по счету в гостинице „Мэдисон хаус“, и у меня еще осталось 2 доллара, — пишет он миссис Клемм 18 сентября из Ричмонда, на следующий день после возвращения. — Эльмира только что приехала из деревни. Прошлый вечер я провел с ней. Кажется, она любит меня как никогда преданно, и я не могу не любить ее в ответ».

Что же, в конечном счете все оборачивалось очень удачно. Во вторник, сообщает По миссис Клемм, он выедет в Филадельфию. Там он задержится на день — больше не понадобится, — чтобы отредактировать сборник стихотворений некой миссис Лауд, а затем с кругленькой суммой в сто долларов в кармане, обещанной ему мужем поэтессы, отправится в Нью-Йорк, вероятно, в четверг. Остановится он у Льюисов и сразу же пошлет за Мадди. С Фордхемом у него связано слишком много невеселых воспоминаний, и ехать туда самому ему не хотелось бы. «Мне лучше не ездить — как ты думаешь?» Пока что он, правда, не может послать миссис Клемм ни единого доллара, хотя газеты «превозносят его до небес… не забывай пополнять мое досье для „Литературного мира“. Верная миссис Клемм, конечно, не забывала — не переставая ломать голову, где взять приличное платье, в котором не стыдно было бы появиться на свадьбе у Эдди.

Вечер 22 сентября По провел у миссис Шелтон. Дела устроились как нельзя лучше. Венчание было назначено на 17 октября. Особенно его радовало то, что Эльмира согласилась сама написать миссис Клемм. На мгновение могло показаться, что повесть эта завершается традиционно счастливым концом. По подарил Эльмире красивую камею, с которой она никогда потом не расставалась. Когда он ушел, она села писать письмо миссис Клемм.

В понедельник 24 сентября По в последний раз прочел лекцию, все тот же «Поэтический принцип», перед аудиторией, состоявшей в основном из друзей и знакомых, которые, зная о его предстоящей женитьбе и о том, что он нуждается в деньгах, собрались в большом числе, «чтобы таким деликатным образом помочь ему поправить дела… В том, как это было сделано,

чувствовалось что-то от старинной виргинской утонченности». Выручка, по различным свидетельствам, составила довольно порядочную сумму, вполне достаточную, чтобы съездить на север за миссис Клемм.

На следующий день По отправился в Талаверу проведать семейство Талли. Беседуя со Сьюзен Талли (впоследствии миссис Вайс), своим будущим биографом, он сказал, что это пребывание в Ричмонде было счастливейшей порой за многие годы его жизни и что, когда он совсем простится с Нью-Йорком и переберется на Юг, ему удастся наконец освободиться от тяжести разочарований и горечи прошлых лет. «Никогда я не видела его таким веселым и полным надежд, как в тот вечер». Он уединился с Талли в маленькой гостиной, укрывшись от шумного сборища гостей в залах, чтобы напоследок обменяться несколькими словами с близкими друзьями. Ему жаль, сказал По, покидать Ричмонд даже на короткое время — впрочем, через две недели он уже, конечно, вернется. Он умолял друзей написать ему. Гости расходились не спеша. По задержался дольше остальных. Он медлил, словно не желая рвать последнюю нить. Хозяйка с дочерьми проводила его до дверей и там стала прощаться. До последнего момента все, что с ним происходило, подчинялось какому-то странному предначертанию. Случившееся теперь навсегда врезалось в память свидетелей:

«Мы стояли на верху парадной лестницы. Спустившись на несколько ступеней, он остановился и, обернувшись, еще раз приподнял шляпу в прощальном приветствии. В это самое мгновение на небе, прямо у него над головой, сверкнул яркий метеор и тотчас погас…»

Ночь По провел в доме Макензи, погруженный в тяжелые раздумья, то и дело поднимаясь с постели, чтобы покурить у раскрытого окна. Наутро он упаковал свой дорожный сундук и велел отнести его в «Старый лебедь». Когда сундук выносили, нечаянно разбили лампу, однако сестра По, Розали, сказала миссис Макензи, что ей не стоит сокрушаться, ибо светильник разбил поэт. Той ночью По в последний раз спал под гостеприимным кровом Макензи. Сундук, в котором помещалось «почти все его имущество», был сделан из толстой черной кожи, невелик размером и обит железными полосами. В нем лежали рукописи и кое-что из личных вещей.

В среду, 26 сентября, По навестил нескольких ричмондских друзей. Он зашел к Томпсону, редактору «Мессенджера», который выплатил ему аванс в 5 долларов. Уходя, По уже в дверях обернулся и сказал: «Кстати, вы всегда были очень добры ко мне. Вот небольшая вещица, которая может вам понравиться». С этими

словами он протянул Томпсону свернутый в маленькую трубочку лист бумаги, на котором своим четким красивым почерком переписал «Аннабель Ли». Остаток дня По провел с друзьями в городе. После полудня Розали принесла мисс Сьюзен Талли записку от По; в конверте был автограф стихотворения «К Энни». Вечером он пришел к Эльмире повидаться перед отъездом. Он казался грустным и пожаловался, что чувствует себя совершенно больным. Она послушала его пульс и нашла, что у него самая настоящая лихорадка и что он не может ехать на следующий день.

Возвращаясь от миссис Шелтон по Брод-стрит, По заглянул к доктору Картеру, прочел там газету и пошел дальше, взяв по ошибке трость доктора и оставив свою. На другой стороне улицы находился ресторан «У Сэдлера», известное в Ричмонде заведение, надписью на дверях уведомлявшее гостей о том, что «тринадцать почтенных джентльменов заболели, объевшись черепаховым супом у Сэдлера». Здесь По встретил нескольких знакомых. Собралось приятное общество, к которому присоединился и сам хозяин, Сэдлер; беседа продолжалась допоздна.

Некоторые из сотрапезников пошли провожать По на пристань и вспоминали потом, что он был совершенно трезв. Пароход в Балтимор отправлялся в 4 часа утра 27 сентября. Назавтра миссис Шелтон попыталась разыскать По и была удивлена и встревожена тем, что он уехал столь внезапно. Оставив Эльмиру в Ричмонде, Эдгар устремился к последней черте.

Глава двадцать шестая

Путешествие пароходом из Ричмонда в Балтимор со множеством остановок занимало в ту пору около двух дней. За это время могло произойти многое. На большинстве пароходов к услугам путешествующих джентльменов имелись бары, и этот факт, пожалуй, следует иметь в виду.

Почти не вызывает сомнений, что, покидая Ричмонд, По уже приближался к очередному периоду душевного расстройства. Обычные симптомы глубокой депрессии, граничащей с черной меланхолией, были отмечены многими, кто видел По накануне, а миссис Шелтон его пульс показался болезненно учащенным. Вероятно, сдавало сердце. В течение некоторого времени он был довольно деятелен, предстоящая женитьба и подготовка к переезду на Юг доставили ему немало волнений. В таких обстоятельствах кризис был неминуем. Его внезапный отъезд ранним утром, столь удививший Эльмиру, видимо, свидетельствует о том, что уже тогда он не совсем отдавал себе отчет в своих поступках. Что случилось в ресторане у Сэдлера и по дороге в Балтимор, с точностью сказать невозможно.

Пароход, на котором ехал По, прибыл в Балтимор в субботу, 29 сентября. Дальнейший ход событий можно восстановить лишь на основе более или менее близких к истине предположений, опирающихся на рассказы людей, хорошо знавших это место и бытовавшие там обычаи. С собственных слов По известно, что он направлялся в Филадельфию, где собирался посмотреть и отредактировать стихи миссис Лауд, рассчитывая получить за работу сто долларов. В Балтиморе он хотел навестить кое-кого из друзей. Поезда в Филадельфию отправлялись в 9 утра и 8 вечера, так что в его распоряжении было несколько часов. Если По решил остановиться в гостинице, то скорее всего выбрал бы «Соединенные штаты», находившуюся как раз напротив вокзала, или «Брэдшоус» рядом с ней. Случилось ли так на самом деле, мы не знаем. Днем По заходил домой к своему другу Нейтану Бруксу и, говорят, был нетрезв. Затем следует провал в пять дней — о том, где он их провел и что делал, не сохранилось никаких достоверных сведений.

В ту пору в Балтиморе проходили выборы в конгресс и законодательное собрание штата. Город, печально прославившийся политической коррупцией, терроризировали шайки «охотников за голосами», чьи услуги оплачивались из партийных касс. Избирателей не регистрировали, и всякий, кто желал или мог поднять руку в присутствии поверщика выборов и

ответить на несколько немудреных вопросов, получал право принять участие в голосовании. Выборы, таким образом, выигрывала та партия, которой удалось привести к урнам наибольшее число «сторонников». Бедняг, которые, поддавшись на посулы или угрозы, попадали в лапы политических разбойников, за два-три дня до голосования сгоняли в специальные места — «курятники», — где держали, одурманенных спиртным и наркотиками, до начала выборов. Затем каждого заставляли голосовать по нескольку раз.

Выборы должны были состояться 3 октября 1849 года. По приехал за пять дней до назначенного срока и, следовательно, находился в Балтиморе все то время, пока шла охота за голосами. Поэтому предположение, что он, уже в беспомощном состоянии, был силой отведен в один из «курятников», не только возможно, по и наиболее правдоподобно. В его пользу говорит и следующий факт. На Хай-стрит, в западной части старого паровозного депо, находился принадлежащий партии вигов «курятник», печально известный под названием «Клуб четвертого округа». Рассказывают, что во время выборов 1849 года туда заточили около 140 «избирателей». В день выборов По был обнаружен всего в двух кварталах от «Клуба», в таверне «Кут энд Сарджент» на Ломбард-стрит. Начиная с этого момента мы вновь имеем дело с фактами и свидетелями.

3 октября 1849 года Джеймс Снодграсс, давний друг По, живший в доме на Хай-стрит, неподалеку от таверны «Кут энд Сарджент», получил впопыхах нацарапанную карандашом записку:

«Уважаемый сэр! В таверне около избирательного участка 4-го округа сидит какой-то довольно обносившийся джентльмен, который называет себя Эдгаром А. По и, похоже, сильно бедствует. Он говорит, что знаком с вами, и, уверяю вас, нуждается в немедленной помощи.

Ваш в поспешности Джош. У. Уокер».

Записку послал наборщик из газеты «Балтимор сан», которого доктор Снодграсс немного знал. Уокер, очевидно, признал в По джентльмена, попавшего в дурную компанию, и сообщил Снодграссу, потому что тот был знаком с По, жил поблизости и мог при необходимости оказать врачебную помощь.

Снодграсс поспешил сквозь холодный октябрьский дождь в таверну, где и в самом деле нашел По. Он сидел в буфетной, бессильно откинувшись в кресле, окруженный каким-то сбродом. «У него было изможденное, опухшее и давно не мытое лицо,

волосы спутаны — всем своим обликом он производил отталкивающее впечатление… Одет он был в легкое свободное пальто из тонкой черной материи, потертое и грязное, с зияющими по швам прорехами; мешковатые и заношенные панталоны из темно-серого казинета казались ему не впору. Жилет и галстук куда-то исчезли, а сорочка была измята и сильно перепачкана».

Сначала доктор Снодграсс велел приготовить для По отдельную комнату в той же таверне, однако, пока бестолковые и медлительные слуги исполняли его распоряжение, приехал мистер Херринг, один из балтиморских кузенов По, неизвестно как обо всем узнавший. Посоветовавшись, он и Снодграсс решили, что лучше будет перевезти По в больницу «Вашингтон хоспител». Послали за экипажем; ослабевшего По, который все еще судорожно сжимал в руке чужую трость, по ошибке увезенную из Ричмонда, отнесли в кабриолет, вскоре доставивший его в больницу, где поэта поручили заботам некоего доктора Морана. Было это в среду, 3 октября, в пять часов вечера.

До трех часов утра По не приходил в сознание. Затем тьма милосердного забвения рассеялась. Взмокший от пота, бледный, он говорил и говорил — «бредил он не переставая, но не буйствовал и даже не пытался встать с постели»; комната плыла и кружилась у него перед глазами, и из уст его неслись бессвязные речи, обращенные к мечущимся по стенам призракам.

Доктор Моран попытался расспросить По, где он живет и кто его родственники. «Однако добиться от него вразумительного ответа было невозможно». По сказал, что в Ричмонде его ждет жена, наверняка думая об Эльмире. Днем в больницу приехал Нельсон По, но повидать кузена ему не разрешили. Вскоре По прислали несколько смен белья и все необходимое — балтиморские родственники ничего не упустили из виду. Поняв, что имеет дело с джентльменом, доктор Моран приказал положить По в палату, находившуюся рядом с комнатами, где жила семья доктора, и его жена миссис Мэри Моран стала сама ухаживать за больным.

Среди вещей По нашли ключ от его дорожного сундука; однако куда делся сам сундук, он никак не мог вспомнить. Похоже, что остался в гостинице «Старый лебедь» в Ричмонде. Убедившись, что пациент безнадежен, доктор Моран постарался хоть как-то ободрить его, уверяя, что через несколько дней «он уже сможет вернуться к друзьям». Однако мысль о них, вместо того чтобы успокоить, привела По в исступление — «он весь встрепенулся и почти закричал, что самый лучший из друзей мог бы сейчас оказать ему лишь однуединственную услугу — пустить

пулю в его несчастную голову, что, видя, как низко пал, он готов провалиться сквозь землю». В один краткий миг он с безжалостной ясностью вспомнил понесенные в жизни утраты, и сердце его сжало отчаяние, вобравшее в себя всю боль прошлых лет. Обессилев, он забылся недолгим. сном, но когда через некоторое время доктор Моран вернулся, то увидел, что две сиделки борются с По, пытаясь удержать его в постели. Одержимый демоном, во сто крат страшнее тех, что рисовало его воображение, он метался в безумном, неотступном бреду.

Так продолжалось несколько дней. Миссис Клемм и Энни Ричмонд ничего не знали. Они так и не приехали. Страдания и муки раскаяния отняли у него остатки сил. Услышав, что он наконец успокоился, жена доктора Морана пришла, чтобы записать его последние распоряжения, полагая, что у него есть вещи, которые он хотел бы завещать.

Он спросил ее, осталась ли у него надежда. Подумав, что он имеет в виду надежду на выздоровление, она ответила, что доктор Моран считает его состояние очень серьезным. «Я хотел сказать, есть ли у такого пропащего человека, как я, надежда в ином мире», — объяснил он. Она постаралась утешить его «словами Великого целителя», прочтя ему четырнадцатую главу Евангелия от Иоанна. Потом, вытерев капли пота с его лба и поправив подушку, пошла шить ему саван.

О чем тогда думал По, никто никогда не узнает. Как это ни печально, но смерть его была еще мучительнее, чем жизнь.

В последнюю ночь, когда осенившая По тень начала сгущаться, сознание его стали теснить ужасные видения. Ему казалось, наверное, что он потерпел кораблекрушение, что погибает от жажды, что неодолимое течение все дальше уносит его в неведомое море мрака.

Что-то сместилось в его воспаленном мозгу, воскресив сцены из «Артура Гордона Пима» и напомнив связанное с ними имя. «Рейнольдс! — звал он. — Рейнольдс! О, Рейнольдс!» Комната звенела от его криков. Эхо их час за часом неслось по больничным коридорам в ту ночь на воскресенье, 7 октября 1849 года. Песчинки, исчезая, отсчитывали последние мгновения. К утру он ослабел и уже не мог звать. Было 3 часа пополуночи. Землю окутывала тьма, еще не потревоженная проблеском зари.

Он затих и какое-то время, казалось, отдыхал. Потом, слегка повернув голову, сказал: «Господи, спаси мою бедную душу».

«Ужасные муки, которые мне пришлось претерпеть столь недавно, — муки, ведомые лишь Господину Богу и мне самому, опалили мою душу очистительным пламенем, изгнав из нее всякую слабость. Отныне я силен, и это увидят все, кто любит

меня, равно как и те, что без устали тщились меня погубить. Лишь таких испытаний, каким я подвергся, и недоставало, чтобы, дав мне ощутить мою силу, сделать меня тем, чем я рожден быть».[28]

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой книге рассказана жизнь Эдгара Аллана По, выдающегося американского писателя, личности необычайно сложной и столь же загадочной. Рассказана объективно и с искренним к нему сочувствием. Автор книги — Герви Аллен, соотечественник Эдгара По, сам писатель, поэт и прозаик, отлично зная фактическую историю его жизни и его произведений, вдохновлен стремлением разгадать загадку сложного и противоречивого явления, драматического в своей сути и трагического в своем исходе. Вдумчивым анализом фактов, разноречивых свидетельств, разного свойства суждений и легенд он стремится обнаружить и обнажить истину, показать, как и почему сформировался парадоксальный характер и столь печальной оказалась судьба этой творческой личности. Свое мнение он нередко выражает прямым суждением, но прежде всего и главным образом последовательным, точнее сказать, хроникальным описанием жизни и творчества По, описанием живым и точным. Ему способствуют интуиция и опыт художника слова, а также опыт творческой деятельности в той же стране и в том же обществе, но уже в нашем столетии. В итоге книга Герви Аллена не только содержательное, но и живое чтение, увлекательное и поучительное, вызывающее многосторонний интерес.

Читая книгу Герви Аллена, можно пожалеть, что она лишена продуманной, последовательно и рельефно выраженной концепции, организующей факты хроники в осмысленную систему. Однако автор, добросовестный хроникер, не отказывается от четко выраженных суждений при рассмотрении пестрой фактической основы и разноречивых мнений. Чтобы должным образом оценить проницательность и определенность мнения Герви Аллена и вместе с тем его объективность, лучше всего обратиться к тем страницам его книги, где он рассказывает о поворотных моментах в жизни Эдгара По. Одним из таких важных поворотов, в значительной мере определивших его судьбу, было решение восемнадцатилетнего Эдгара, принятое им, как пишет Герви Аллен, в «бессонную ночь с 18 на 19 марта 1827 года». Накануне состоялось бурное и тяжкое его объяснение с опекуном и «благодетелем», видным в Ричмонде торговцем Джоном Алланом.

Блестящий студент Виргинского университета, юный стихотворец, подающий надежды, любимец товарищей, Эдгар повел себя не лучшим образом. Пирушки, карточная игра,

крупный проигрыш поставили его в крайне затруднительное и неблаговидное положение, из которого его мог вывести только богатый и влиятельный опекун. Поясняя поведение Эдгара-студента, Герви Аллеи отмечает, что он был «не чужд известной бравады, свойственной многим в его возрасте, когда так не терпится доказать всему миру, что ты — „настоящий мужчина“. Этой браваде способствовало иллюзорное представление Эдгара о своем месте в семье Аллана — он, сирота и нищий приемыш, мнил себя „богатым наследником“. Опекун с его мелкой скаредностью поставил своего приемыша, страстную и гордую натуру, в фальшивое положение. К этому присоединились горькие переживания, вызванные грубым вмешательством опекуна в интимные чувства своего воспитанника. Автор значительное внимание уделяет Джону Аллану, младшему компаньону фирмы „Эллис и Аллан, оптовая и розничная торговля“, справедливо полагая, что его отношения с Эдгаром „в известном смысле определили будущее поэта“. Он со многими подробностями ведет рассказ об этом американце шотландского происхождения, о его жизненном пути, характере, занятиях и отношениях с ближними, создавая колоритный и убедительный образ торгаша, ханжи и скопидома.

В час бурного объяснения опекун поставил перед Эдгаром твердое условие — полностью подчиниться его воле и неукоснительно следовать его указаниям и советам. А «маленький дерзкий выскочка» в ответ на бескомпромиссное требование ответил столь же решительным «нет». «Будем откровенны, — заключает автор, — было в его непреклонности и нечто жестокое, „неблагодарное“, выражаясь языком Джона Аллана, и тем не менее это было достойное и мужественное решение. Положив на одну чашу весов благополучие, а на другую — гордость и талант, он понял, что последнее важнее, предпочтя славу и честь богатству. Более того, хотя он и не мог знать всего наперед, тем самым были избраны голод и нищета. Впрочем, устрашить его не могли бы и они». Так, по справедливому мнению автора, определился и впервые отчетливо и резко выявил себя основной конфликт в жизни Эдгара Аллана По — конфликт творческой, чувствующей и сознающей свое достоинство личности и грубого торгашеского утилитаризма, подчиняющего все интересам выгоды. То, что было сконцентрировано в натуре и поведении опекуна, вскоре предстало перед Эдгаром в системе непреклонных сил, выражающих ведущие интересы и тенденции американского общества. «Производство и продажа товаров, — замечает по этому поводу автор, — ставших со временем самодовлеющей целью американского общества, уже начали

подчинять себе все его интересы».

Беспросветная бедность, доходившая до нищеты, не могла не угнетать Эдгара По, вызывая непосильное напряжение нервов, которое чем ближе к концу жизни, тем все чаще он пытался снять спиртным и наркотиками.

Герви Аллен решительно выступает против попыток объяснить тягостное материальное положение Эдгара По недостатком его творческих усилий, его беспечностью и неспособностью противостоять своим слабостям. «Несмотря на довольно частые периоды бездействия, — пишет он, — вызванные врожденной слабостью здоровья и другими причинами, По работал с огромным упорством, о чем убедительно свидетельствует его обширное творческое наследие». Главная причина его бедности — «слишком малое вознаграждение, которое он получал за свою работу. Лишь наименее значительная часть его творчества — журналистика — обладала какой-то ценностью на тогдашнем литературном рынке. Лучшее же из того, что он создал своим искусством, почти не привлекало покупателей. Господствовавшие в ту пору вкусы, несовершенство законов об авторском праве и постоянно наводнявшие страну английские книги лишали произведения Эдгара По всякой надежды на коммерческий успех». Он был одним из первых американских писателей-профессионалов и мог существовать только литературным трудом и работой редактора. К труду же своему и своих собратьев по перу он предъявлял бескомпромиссные требования. «Поэзия для меня, — заявлял он, — не профессия, а страсть, к страстям же надлежит относиться с почтением — их не должно, да и невозможно пробуждать в себе по желанию, думая лишь о жалком вознаграждении или еще более жалких похвалах толпы». К этому следует добавить, что он, «как художник и мыслитель, — говоря словами Герви Аллена, — без сомнения, испытывал значительную и оправданную неприязнь к современной ему Америке. Между его творчеством и его торгашеским временем зияла огромная пропасть… Одна из самых поразительных особенностей той своеобразной эпохи заключалась в том, что ее сиятельную уверенность в своем превосходстве над всеми предшествующими эрами и веками ни разу не омрачило хотя бы мимолетное облачко сомнения. Предвкушение, казалось, недалекого триумфа над природными стихиями, которого помогут добиться машины, породили теорию „прогресса“, дотоле неслыханную, но теперь распространенную на все — от политики до дамских шляпок. Журналы, речи государственных мужей, социологические трактаты и романы — все звенело фанфарами победного

самодовольства. Что до философии, то она совершешю прониклась убеждением, что десять утверждений ровно в десять раз ближе к истине, чем одно отрицание, и что во вторник человечество просто пе может не стать чуть-чуть лучше, чем было в понедельник. Вера эта была столь сильна, что публично выступить против нее никто но осмеливался». Не один Эдгар По замечал это безудержное самодовольство и самовосхваление американцев и брал на себя смелость их обличения. Можно вспомнить, к примеру, Эмерсона или Генри Торо, американских писателей-транецендепталистов, к которым Эдгар По проявлял безоговорочную нетерпимость. «Стяжательство в общественной и частной жизни создает атмосферу, в которой трудно дышать… Мы видим, к каким трагическим последствиям ото ведет», — говорил Эмерсон в конце 30-х годов в публичной лекции, и, поясняя трагедию Эдгара По, можно повторить эти слова. В начале 40-х годов в Англии и в Америке появились «Американские заметки» Чарльза Диккенса, редкой силы обличение американского общества и его нравов. И все же Эдгар По был одним из самых страстных обличителей буржуазной Америки. «Соединенные Штаты, — уже после смерти Эдгара По писал Шарль Бодлер, — были для По лишь громадной тюрьмой, по которой он лихорадочно метался, как существо, рожденное дышать в мире с более чистым воздухом, — громадным варварским загоном, освещенным газом. Внутренняя же, духовная жизнь По, как поэта или даже пьяницы, была постоянным усилием освободиться от этой ненавистной атмосферы».

В конце книги Герви Аллен дает краткую, но выразительную характеристику политических нравов, описывая выборы в конгресс и законодательное собрание штата Балтимор. «Город, печально прославившийся политической коррупцией, терроризировали шайки „охотников за голосами“, чьи услуги оплачивались из партийных касс. Бедняг, которые, поддавшись на посулы или угрозы, попадали в лапы политических разбойников, за два-три дня до голосования сгоняли в специальные места — „курятники“, где держали одурманенных спиртным и наркотиками до начала выборов. Затем каждого заставляли голосовать по нескольку раз». Автор делает важное и убедительное предположение, что и Эдгар По оказался в числе невольных жертв «политических разбойников», что в «беспомощном состоянии» он «был силой отведен в один из „курятников“ и это ускорило его гибель. Этот горестный „сюжет“ и лежащий в его основе трагический конфликт нетрудно выделить и обнажить в книге Аллена, что автором и сделано; но, если не сосредоточить на нем внимание, он может отступить на

задний план, оттесненный многочисленными деталями хроники жизни. Без них не возникло бы живого образа личности писателя и его окружения, но все же автор нередко без необходимости задерживается па частностях, пе проясняя их смысл и реальное значение в общей сумме фактов. Иногда его суждения и выводы, оставленные без разъяснения, пусть предположительные, способны сместить верно намеченные акценты. Нет сомнения: встреча Эдгара По с семилетней двоюродной сестрой Вирджинией, которая шесть лет спустя стала его женой, имела глубокие последствия для его жизни. И когда автор утверждает, хотя и с оговоркой, что эта встреча, а затем женитьба и жизнь в доме миссис Клемм оказали на Эдгара По „может быть, самое благотворное воздействие“, он находит немало точных и выразительных слов для характеристики чувства Эдгара к Вирджинии, восхищенного отношения к жене-девочке и для описания предприимчивой и заботливой Марии По Клемм, матери Вирджинии, тетки Эдгара, в доме которой он находил надежный приют, возможность успокоить издерганные нервы, тихую радость и вдохновение. Он знал под этим кровом „часы безмятежного и счастливого покоя“. Когда же автор, продолжая свою мысль, говорит, что эта встреча в то же время, может быть, оказала „самое пагубное воздействие на дальнейшую жизнь По“, то эта заключительная часть его вывода остается без подтверждения. Какую пагубную силу могли питать отношения Эдгара и Вирджинии, что имеет в виду автор, он не дает четкого ответа на этот вопрос. Вирджиния была женой-девочкой, но в южных штатах подобные браки не были чем-то исключительным. Духовное здоровье Эдгара было, как пишет автор, „странным образом зависимо от жизни Вирджинии“. Она „воплощала собой единственно возможный компромисс с реальностью в его отношениях с женщинами, — столь сложных и утонченных, что понять, куда вели все потаенные ответвления этого лабиринта, едва ли кому-нибудь удастся“.

Можно согласиться с Герви Алленом: отношения Эдгара По с женщинами представляют сложный лабиринт, и еще никому из его биографов не удалось разобраться в нем. Сам Герви Аллен осторожно касается этой интимной стороны жизни Эдгара По, чуждаясь сенсации, избегая всего, что способно поощрить нездоровый интерес, однако не скрывает мрачных фактов, в освещении которых По предстает помраченным и не только несчастным, но иногда и жалким. Тяжкая наследственность, сиротство, непосильная борьба с преградами свободолюбивому духу и высоким устремлениям, столкновение с житейскими мелочами, болезнь сердца, душевная ранимость, травмированная

и неуравновешенная психика, а главное — непримиримость основного жизненного конфликта омрачали, душили и укорачивали его жизнь. Болезнь и преждевременная смерть Вирджинии явились для него страшным и непоправимым ударом. Роковое событие конца января 1842 года, описанное художественно и с пониманием драматизма ситуации на страницах главы двадцатой, — это роковое событие и в самом деле было «не только предвестьем скорой смерти Вирджинии, но и ознаменовало для самого По начало все более углубляющегося душевного расстройства».

Основное проявление творческой личности — ее труды, в данном случае — литературные сочинения: стихи, рассказы, статьи. В книге Герви Аллена нет ни общего, ни жанрового обзоров произведений Эдгара По, но их и не должно быть в жизнеописании поэта, это не литературоведческий труд. Рассказывая о жизни Эдгара По, автор по ходу этого рассказа говорит о его творческой деятельности: о начальных проявлениях его призвания, о первом стихотворном сборнике, созревании таланта, периодах творчества, поэме «Аль-Ааараф», о рассказах «Лигейя», «Падение дома Ашеров», «Золотой жук», о многих, но, разумеется, далеко не обо всех значительных его произведениях, нередко — о конкретных стимулах их возникновения, о выраженных в них устремлениях и душевных переживаниях и главным образом — о стихотворениях — самом значительном, по мнению автора, творческом достижении Эдгара По. Больше, интереснее и содержательнее, чем о других произведениях, он говорит о «Вороне» — самом прославленном и популярном стихотворении По, определившем основу его прижизненной и посмертной славы. Как существенный факт, важный для понимания «Ворона», он отмечает момент зарождения его замысла. Его идея зародилась, когда По писал рецензию на роман Диккенса «Барнеби Радж», в котором эта птица играет заметную роль. «Пророческое карканье ворона», по мнению Эдгара По, могло бы звучать «на протяжении всей драмы Барнеби Раджа». Если бы Грип, диккенсовский ворон, прислушался к этому критическому замечанию и стал каркать чаще — его карканье, думается, звучало бы нарочито. В стихотворении Эдгара По последовательное зловещее карканье ворона выражает трагический смысл всего поэтического произведения, придавая ему цельность и завершенность. Герви Аллен излагает историю создания этого стихотворения, «ставшего самым известным стихотворением в Америке». Он не анализирует его, однако бегло характеризует его формальные особенности, говорит о выраженном в нем душевном состоянии поэта и восторженной

реакции слушателей, именно слушателей, когда «Ворона» читал сам По или знаменитый актер Джеймс Мердок, «обладавший голосом редкой красоты». «Изощренное мастерство поэта, — пишет автор, — ощущается во всем — в изысканном музыкальном рисунке стихотворения, в умелом использовании ассонанса, рифмы, размера».

Звучанию стиха По придавал особое значение, и он добивался, можно сказать, гипнотического воздействия соединенных в стихах звуков, их ритмического звучания. Использование звукового эффекта для него не чисто формальный прием. Интересно и убедительно писал об этом Валерий Брюсов в своих рассуждениях о рифме. «… Рифмы великих поэтов — все имеют одну характерную особенность: они нужны по складу речи, а не только как отметка в конце стиха… На передний план выступили *три* главных назначения рифмы: смысловое, звуковое и символическое; «значение отметки» осталось лишь четвертым… Иногда эти первые значения преобладают настолько, что как бы стирают, уничтожают четвертое, казалось бы — неизбежное. Так бывает в рифмах «переносных», например, у Эдгара По…»

В статье «Как я писал „Ворона“, или Философия творчества» Эдгар По сделал многозначительную и по-своему парадоксальную попытку объяснить технику создания своего шедевра и определить теоретические основы творчества. Многозначительной эта попытка была потому, что она выражала характерную для По творческую установку, определенным образом связанную с традицией, получившей широкое развитие в дальнейшем, особенно на исходе девятнадцатого и в двадцатом веке. Основополагающий принцип этой традиции в самой общей форме можно выразить словами: сознательность против стихийности. Парадоксальность попытки объяснить читателю технику создания «Ворона» состояла в том, что По, художник проницательной интуиции и вдохновенной фантазии, как бы исключал из творчества интуицию и вдохновение, подчиняя его строгой рассудочной логике. Можно сказать, вспомнив пушкинскую драму «Моцарт и Сальери», что в Эдгаре По сальеризм одерживал победу над моцартовским началом, что он поверял гармонию алгеброй и «музыку разъял, как труп». И это при его же утверждении, что к рассудку поэзия имеет лишь побочное отношение, она — «область прекрасного», красота, возвышающая душу. Можно предположить, что По обращался к рассудочной логике и утверждал ее в ущерб интуиции и вдохновению потому, что не мог терпеть неряшливости в творчестве, пренебрежительного отношения к искусству стихосложения, и потому, что его творчество было отмзчено

рассудочностью, а также потому, что в себе он искал опору против пугающих его самого ужасов, производимых его капризной фантазией.

Герви Аллен считает вопрос *«Как* был написан «Ворон»? несущественным и заменяет его вопросом *почему?* Почему Эдгар По написал «Ворона»? Нельзя согласиться ни с заменой одного вопроса другим, ни с ответом, который дает Герви Аллен на бесспорно важный вопрос *почему?*

Тема «утраченной любви» для творчества По — характерная тема, особенно для его поэзии. В стихотворении «Ворон» она сочетается «с роковым смыслом вороньего карканья». Но это еще не довод для ответа, будто бы единственно возможного и безусловного, какой дает Герви Аллен на им же поставленный вопрос «почему?». Поэт написал «Ворона» потому, что «всецело осознал»: в браке с Вирджинией он подменил реальную любовь мечтой, и это обрекло его «на страдания и отчаяние». Это не единственный случай односторонней и неаргументированной трактовки произведений По. Автор нередко возникновение и смысл его стихотворений и рассказов объясняет только личными, интимными переживаниями поэта, связанными с темой «утраченной любви». Герви Аллен склонен рассматривать героев и героинь произведений Эдгара По всего лишь как «многоликие ипостаси самого По и любимых им женщин, двойники, чей придуманный мир он наполнял страданием, пытаясь облегчить тем самым бремя печалей и разочарований, отягощавших его собственную жизнь. Дворцы, сады и покои, населенные этими призраками, блистают роскошным убранством, оно — точно причудливая карикатура на нищенское убожество настоящих его жилищ и безотрадную обстановку тех мест, куда забрасывала его судьба».

Творчество писателя, как бы полно ни отражалась в нем его личность, не замыкается в рамках «психологической автобиографии», а Герви Аллен, обращаясь к произведениям Эдгара По, ищет в них прежде всего автобиографические элементы. Поиски его интересны, наблюдения и выводы кажутся убедительными. Но, устремляясь к решению только этой задачи, следуя только в этом направлении, нетрудно упустить из виду важные стороны творчества, его смыслового наполнения, историко-литературного и общественного значения. Разгадать странную романтическую символику, раскрыть реальный смысл многих рассказов Эдгара По — задача необычайно трудная, и в своей полноте она так и остается нерешенной.

Первый свой изданный сборник рассказов Эдгар По назвал «Рассказами гротесков и арабесок». Название произведения или

ряда произведений, тем более данное самим автором, направляет читателя и критика, ориентирует их, дает им ключ от входа в область, созданную творческой фантазией. Рассказы Эдгара По — это действительно гротески и арабески. «Кто верным именем ребенка назовет» (Шекспир), будь то человек или произведение искусства? По-видимому, это лучше всего способен сделать родитель ребенка или автор, когда речь идет о произведении искусства. Но у родителя или у автора имеется не только свое понимание произведенного им на свет детища, но и свой тайный замысел, свои пожелания, свои надежды и упования. Гротески и арабески — наименование точное, но в большей мере оно характеризует, так сказать, внешний облик, способ, манеру, чем суть явления. Нередко литературоведы и критики рассказы Эдгара По называют «страшными». С равным основанием их можно назвать «рассказами тайн и ужасов». Когда Эдгар По писал свои рассказы, подобный жанр был в Америке широко распространен, и он знал его особенности и лучшие его образцы, знал о его популярности и причине успеха у читателя. Казалось бы, легче всего разобраться в рассказах Эдгара По, если поставить их в связь с традициями готического романа английской писательницы Анны Радклиф (1764 — 1823) и европейской романтической фантастики, прежде всего с Гофманом (1776 — 1822), с его «Фантазиями в манере Калло». Это делали и делают, это можно и нужно делать, не слишком обнадеживая себя, учитывая «странность» Эдгара По, его гротесков и арабесок, о которой так решительно сказал Достоевский: «Вот чрезвычайно странный писатель — именно странный, хотя и с большим талантом». Порой кажется, что тот или иной гротеск Эдгара По написан в духе традиции готического романа, в духе жанра «тайн и ужасов», а на поверку оказывается, что это пародия на него. Наглядный пример — рассказ «Сфинкс», о котором Герви Аллен не вспоминает в своей книге. Человек приехал из Нью-Йорка к своему родственнику и живет «в его уединенном, комфортабельном коттедже на берегу реки Гудзон». Однажды, «на исходе знойного дня», он сидел «у открытого окна, из которого открывался прекрасный вид на берега реки и на склон дальнего холма, почти безлесный после сильного оползня»[29]. И вдруг он «увидел там нечто невероятное — какое-то мерзкое чудовище быстро спускалось с вершины и вскоре исчезло в густом лесу у подножья». Чудовище было огромных размеров, и всего поразительней и ужасней было изображение черепа едва ли не во всю грудь». Перед тем как чудовище скрылось, оно исторгло «неизъяснимо горестный» звук, а человек, рассказывающий эту историю, «без чувств рухнул на пол». Рассказ о таинственном и

ужасном, но тут же, на следующей странице, и разоблачение «фокуса», то есть разъяснение того, каким образом перед взором рассказчика появилось омерзительное чудовище. Оказалось, что это всего-навсего насекомое — «сфинкс вида Мертвая голова», внушающее «простонародью суеверный ужас своим тоскливым писком, а также эмблемой смерти на грудном покрове». Насекомое попало в паутину, которую соткал за окном паук, а глаза человека, сидевшего у окна, спроецировали его на обнаженный склон далекого холма. «У страха глаза велики», образ чудовища — иллюзия, порожденная тревожным психическим состоянием рассказчика, обостренным реальным ужасом — в Нью-Йорке свирепствовала эпидемия холеры, «бедствие все разрасталось», и «в самом ветре, когда он дул с юга… чудилось смрадное дыхание смерти». (В «Сфинксе» отразилось реальное событие начала 30-х годов прошлого века: в Нью-Йорке была эпидемия холеры, распространившаяся из Европы.)

«Сфинкс» — рассказ и «страшный» и пародийный, в нем есть и существенный для Эдгара По мотив социальной сатиры — выраженная как бы между прочим и в остроумной форме оценка реального состояния американской демократии. Родственник рассказчика, чей «серьезный философский ум был чужд беспочвенных фантазий… настоятельно подчеркивал ту мысль, что ошибки в исследованиях обычно проистекают из свойственной человеческому разуму склонности недооценивать или же преувеличивать значение исследуемого предмета из-за неверного определения его удаленности… Так, например, — сказал он, — чтобы правильно оценить то влияние, которое может иметь на человечество всеобщая и подлинная демократия, необходимо учесть, насколько удалена от нас та эпоха, в которую это возможно осуществить».

Рассказ «Сфинкс» может дать представление о технологии создания страшного у Эдгара По, однако для автора это отнюдь не универсальный способ. И в этом рассказе, далеко не столь значительном, как, например, рассказ «Падение дома Ашеров», и далеко не столь популярном, как «Золотой жук», очевидна одна черта, которая, по мнению Достоевского, отличает Эдгара По «решительно от всех других писателей и составляет резкую его особенность: это сила воображения. Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей», которая способна убедить читателя в возможности события, даже когда оно «или почти совсем невозможно или еще никогда не случалось на свете».

«Сила воображения, или, точнее, соображения», говоря словами Достоевского, позволяла Эдгару По с решительным успехом широко мистифицировать читателя. Об этой способности и склонности По пишет и Герви Аллен, приводя в пример его «Историю с воздушным шаром» — рассказ-мистификацию, в котором выдумка о перелете воздушного шара из Европы в Америку оказалась столь правдоподобной, что вызвала сенсацию.

Достоевский обратил внимание на весьма важный содержательный элемент самых невероятных рассказов Эдгара По. «Он, — писал Достоевский, — почти всегда берет саму исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение, и с какою силою проницательности, с какою поражающею верностию рассказывает он о состоянии души этого человека». Очень часто — души, объятой ужасом, который испытывал сам Эдгар По.

Вероятно, многие читатели, если их спросить, какой из рассказов Эдгара По лучше всего удерживает их память, скажут: «Золотой жук». Сам писатель считал его «наиболее удачным» своим рассказом. «Огромная популярность „Золотого жука“, — верно отмечает Герви Аллен, — объясняется отчасти тем, что в нем почти отсутствуют болезненные мотивы, преобладающие во многих других произведениях По». В связи с этим невольно вспоминается признание Блока: «Мне случалось ощущать при чтении Диккенса ужас, равного которому не внушает и сам Э. По». Действительно, «эти уютные романы Диккенса — очень страшный и взрывчатый материал». Однако в «уютных романах Диккенса» нет болезненных мотивов, связанных с травмированным состоянием психики, что заметно в рассказах Эдгара По.

«Золотой жук» по жанровым его свойствам обычно присоединяют к знаменитым детективным рассказам Эдгара По — «Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Украденное письмо», героем которых является детектив-любитель Ш. Огюст Дюпен. В этих рассказах — сам автор называл их «логическими рассказами» — с особым эффектом проявляет себя сила логики и аналитического соображения. Валерий Брюсов назвал их автора «родоначальником всех Габорио и Конан-Дойлев» — всех писателей детективного жанра. Герви Аллен как бы дополняет и развивает это суждение Брюсова, когда пишет: «Очерк „Шахматный автомат Мельцеля“ „явился первым произведением, где По выступил в роли непогрешимого логика и проницательного аналитика, предвосхитив метод, к которому прибег позднее в своих детективных рассказах, таких, как „Убийства на улице Морг“, — метод, увековеченный в триумфе

Шерлока Холмса“.

Основную же особенность Эдгара По отметил опять-таки Достоевский. Он указал на «матерьяльность» его фантастики. Фантастическое в произведениях Эдгара По оказывается осязаемым, обыденным. Явления невероятные не только обнаруживаются в повседневности, но повседневность как таковая под взглядом и пером Эдгара По обретает характер фантастический. Однако при этом По не был идеалистом-мистиком. «Видно, что он вполне американец, даже в самых фантастических своих произведениях», — так сказал Достоевский, и если учесть, что «американец» в данном случае это синоним практицизма, деловитости, то Эдгар По, материализуя фантастику или же делая все материально-бытовое фантастическим, явился в этом смысле американцем и антиамериканцем одновременно. Он видел и показал призрачность, зыбкость буржуазно-деляческого мира, гордившегося своей разумностью, основательностью и прочностью. Индивидуалистическая свобода, которую американцы написали прямо на своем знамени, это, по Эдгару По, одиночество в толпе, это заброшенность и затравленпость личности, это не свобода человека, а освобожденность от человека, от заботы о нем: покинутость человека обществом — призрак свободы. Разве об этом не писал сам Достоевский? Ну, конечно же, поэтому он и откликнулся так живо на произведения американского писателя. В развитии литературы XIX века, усиленно разрабатывавшей проблему человека, Эдгар По явился соединительным звеном между романтиками и реалистами. Он наследовал романтикам, тому же Гофману или англичанину Де Квинси, и он же прокладывал дорогу реализму, который Достоевский так и назвал — «фантастическим», но не в смысле какой-то чрезвычайной выдумки, а особой проницательности, позволяющей постигать лишь кажущееся в самой действительности невероятным, выдуманным. Из-за этой проницательности Эдгар По был миром буржуазного практицизма исторгнут и всилу той же проницательности вошел он в мировую литературу.

Много сил и времени Эдгар По отдал журнальной деятельности. О том, как он работал, чем занимался, к чему стремился, что переживал, что ему удавалось и не удалось сделать, обо всем этом точно и выразительно, создавая яркий образ По — редактора, критика, рецензента, пишет Герви Аллен. Он, в частности, упоминает о его рассказе «Литературная жизнь Каквас Тама, эсквайра», блестящем сатирическом гротеске, посвященном американской журналистике. Это тоже гротеск, как

и другие рассказы По, по в своем роде — по теме и пародийному стилю — единственный у него.

Эдгар По вызвал живой интерес у многих писателей разных стран и разных идейно-эстетических направлений. В рецензии на собрание сочинений Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта (Москва, 1906) Блок так писал об этом: «Произведения По созданы как будто в наше время, при этом захват его творчества так широк, что едва ли правильно считать его родоначальником так называемого „символизма“. Повлияв на поэзию Бодлэра, Маллармэ, Россетти, — Эдгар По имеет, кроме того, отношение к нескольким широким руслам литературы XIX века. Ему родственны и Жюль Верн, и Уэльс, и иные английские юмористы… Конечно, „символисты“ обязаны По больше всех. Следует заметить, что из стихии творчества По вылились не один, а несколько последовательных моментов развития „нового искусства“. Чтобы уяснить смысл изначение сказанного Блоком, следует обратиться к произведениям Эдгара По. Книга Герви Аллена побуждает кэтому.

М.УРНОВ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭДГАРА АЛЛАНА ПО

1809, 19 января— В Бостоне в семье актеров Элизабет и Дэйвида По родился сын Эдгар.

1811, 8 декабря— Смерть матери По в Ричмонде. Эдгар взят на воспитание в дом ричмондского коммерсанта Джона Аллана.

1815, июль— Семья Джона Аллана переезжает в Англию, где По живет и учится в течение пяти лет.

1820, 21 июля— Семья Джона Аллана возвращается в США и 2 **августа** прибывает в Ричмонд.

1821, июнь— По поступает в ричмондскую школу Джозефа Кларка, а с **апреля 1823 года по март 1825 года** учится в школе Уильяма Берка.

1823, июль— Встреча с Д. С. Стенард.

1823, осень— Знакомство с С. Э. Ройстер.

1826, февраль— Поступает в Виргинский университет в Шарлотсвилле.

1826, декабрь— Оставляет университет и возвращается в Ричмонд.

1827, 24 марта— После ссоры с Джоном Алланом тайно уезжает из Ричмонда в Норфолк, а оттуда — в Бостон.

1827, май— В Бостоне анонимно выходит первый поэтический сборник «Тамерлан и другие стихотворения».

1827, 26 мая— По вступает добровольцем в армию под именем Эдгара А. Перри.

1827, ноябрь — 1828, декабрь— В составе артиллерийской батареи несет службу в форте Моултри на острове Салливана близ Чарлстона, Южная Каролина.

1829, 28 февраля— Смерть Фрэнсис Аллан, приемной матери По.

1829, декабрь— В Балтиморе выходит в свет вторая книга По «Аль-Ааараф, Тамерлан и малые стихотворения».

1830, 25 июня— По поступает в Военную академию США в Вест— Пойнте.

1831, 28 января— Предан военному суду за нарушение дисциплины и отчислен из академии.

1831, весна— Переезжает из Нью-Йорка вБалтимор и живет усвоей тетки, Марии Клемм.

1831 — 1833 — Пишет и публикует первые рассказы.

1834, 27 марта — Смерть Джона Аллана.

1835, август — По переселяется в Ричмонд и в декабре 1835

года начинает редактировать журнал «Сазерн литерери мессенджер».

1836, 16 мая — Женитьба на Вирджинии Клемм.

1837, февраль — Переезжает с семьей жить в Нью-Йорк.

1838, июль — В Нью-Йорке выходит отдельным изданием «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима».

1838, лето — 1844, 6 апреля — Живет с семьей в Филадельфии.

1839, июль — 1840, июнь — Редактирует журнал «Бэртонс джентльмене мэгэзин».

1839, ноябрь — Выходит в свет двухтомный сборник «Гротески и арабески», в который вошли 25 новелл, написанных По к тому времени.

1841, февраль — 1842, май — По редактирует журнал «Грэхэмс мэгэзин».

1842, март — Встреча с Чарльзом Диккенсом в Филадельфии.

1843, июль — Получает премию за рассказ «Золотой жук», впервые опубликованный в филадельфийской газете «Доллар ньюспейпер».

1844, апрель — С семьей переезжает в Нью-Йорк.

1845, январь — В «Ивнинг миррор» напечатано стихотворение «Ворон».

1845, февраль — 1846, январь — Редактирует журнал «Бродвей джорнэл».

1845, 19 ноября — В Нью-Йорке издан сборник «Ворон и другие стихотворения».

1846, апрель — В журнале «Грэхэмс мэгэзин» опубликована статья «Философия творчества».

1846, май — ноябрь — В журнале «Гоудпс лейдис бук» печатается серия статей «Литераторы Нью-Йорка».

1846, май — 1849, июнь — Живет в местечке Фордхем близ Нью— Йорка.

1847, 30 января — Смерть Вирджинии По.

1848, июнь — Издание «Эврики» — последней книги, вышедшей при жизни писателя.

1849, 27 сентября — Отправляется из Ричмонда в Балтимор.

1849, 3 октября — По помешен в больницу в Балтиморе.

1849, 7 октября — Смерть Эдгара Аллана По.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Собрание сочинений Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта. М. , 1901.

По Эдгар. Баллады и фантазии. Перевод с английского К. Бальмонта. М. , 1895.

По Эдгар. Избранные произведения. В 2-х т. М. , «Худ. литература», 1972.

По Эдгар. Полное собрание рассказов. М. , «Наука», 1970.

По Эдгар. Лирика. Л. , «Худ. литература», 1976.

По Эдгар. Стихотворения. Проза. М. , «Худ. литература. » (БВЛ), 1976.

Достоевский Ф. М. Три рассказа Эдгара Поэ. — В кн. : Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений, т. 19. М. , «Наука», 1979.

Николюкин А. Н. Жизнь и творчество Эдгара Аллана По. — В кн. : Эдгар По. Полное собрание рассказов. М. , «Наука», 1970.

The Complete Works of Edgar Allan Poe. New York — London, 1902, vol. 1 — 10.

Charles Baudelaire. Edgar Poe (L'art romantique. Paris, 1968).

G. E. Wood berry. Edgar Allan Poe, Boston, 1885.

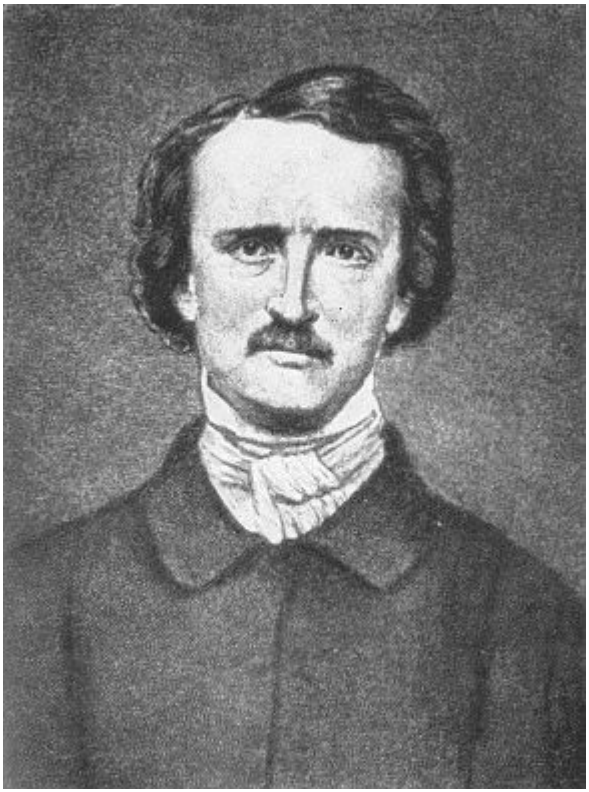
J. W. Krutch. Edgar Allan Poe. A Study in Genius. New York, 1926.

A. H. Q u i n n. Edgar Allan Poe. A critical biography. New York, 1941.

W. L e n n i n g. Edgar Allan Poe in Selbstzeugnissen und Bilddo — kumenten. Hamburg, 1959.

Ch. Haines. Edgar Allan Poe. His writings and influence. New York, 1974.

Иллюстрации



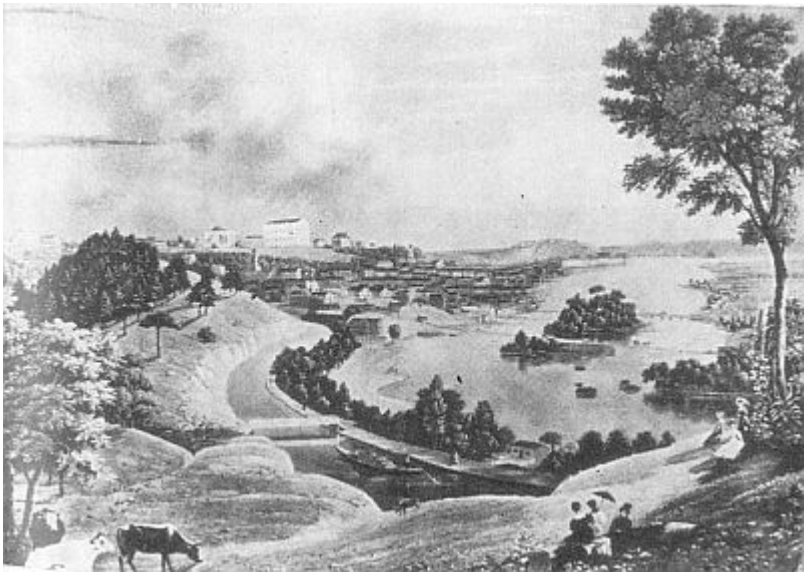
Эдгар Аллан По. 1845 г.

Элизабет По, мать писателя.

Джон Аллан, опекун Эдгара По.

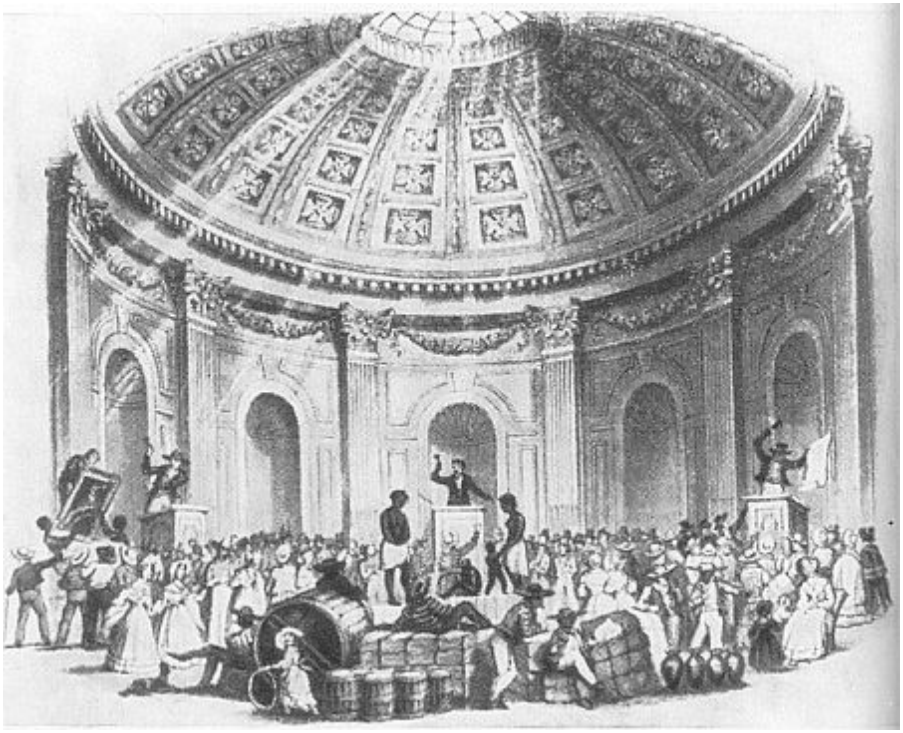
Фрэнсис Аллан, приемная мать Эдгара По.

Пожар в Ричмондском театре в 1811 году.
Со старинной гравюры.

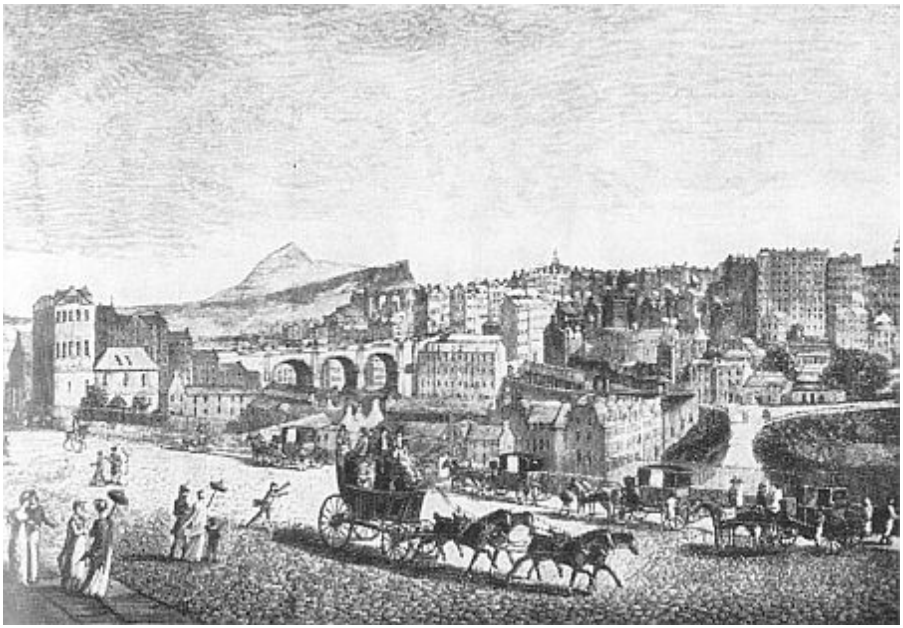


Ричмонд во времена Эдгара По

В лавке фирмы «Эллис и Аллан». Рисунок с натуры.



Аукцион по продаже имущества и рабов в одном из городов американского Юга. С гравюры начала XIX века.

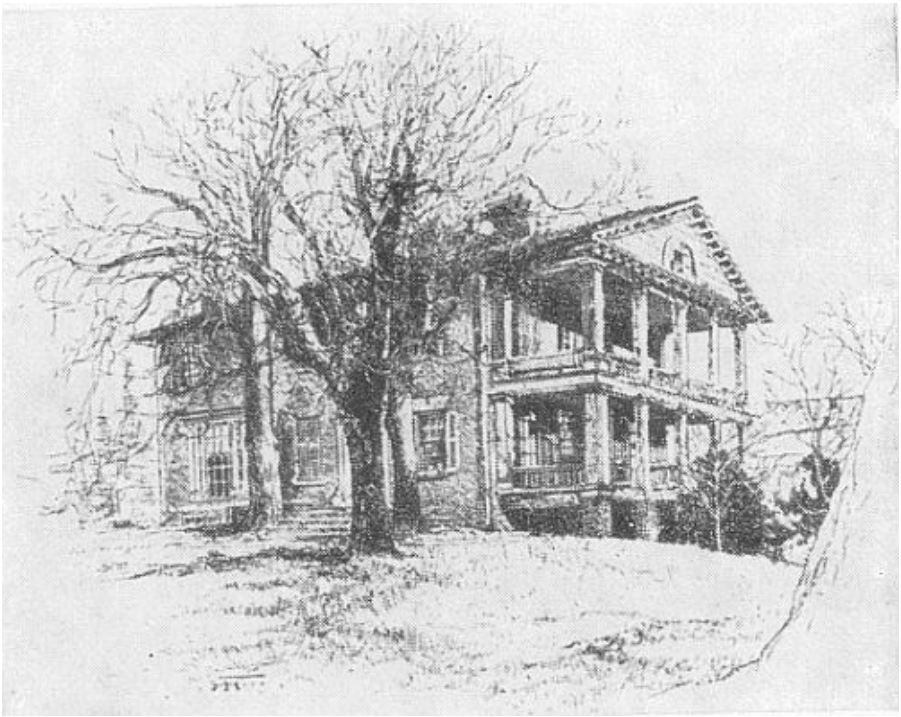


Эдинбург (Шотландия), который Эдгар По посетил в 1815 году.

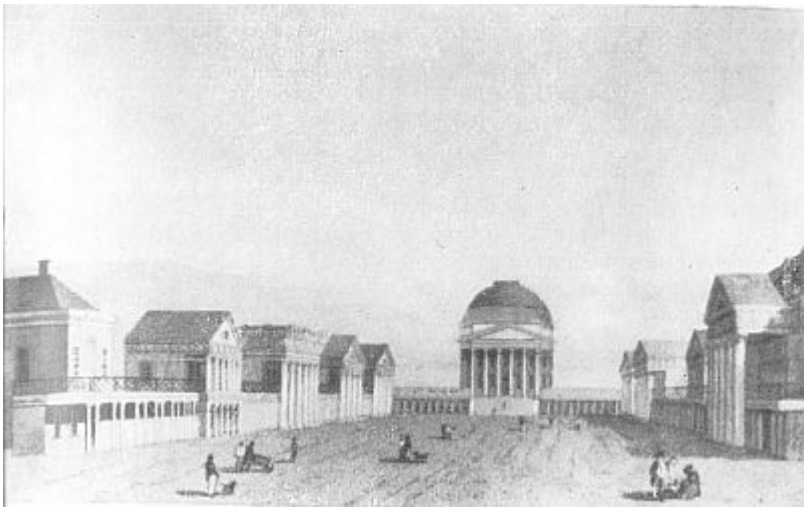
Пансион в пригороде Лондона Стоук-Ньюингтоне, где Эдгар По учился и жил с 1817 по 1820 год.

С.Ройстер. Карандашный портрет, сделанный Эдгаром По.

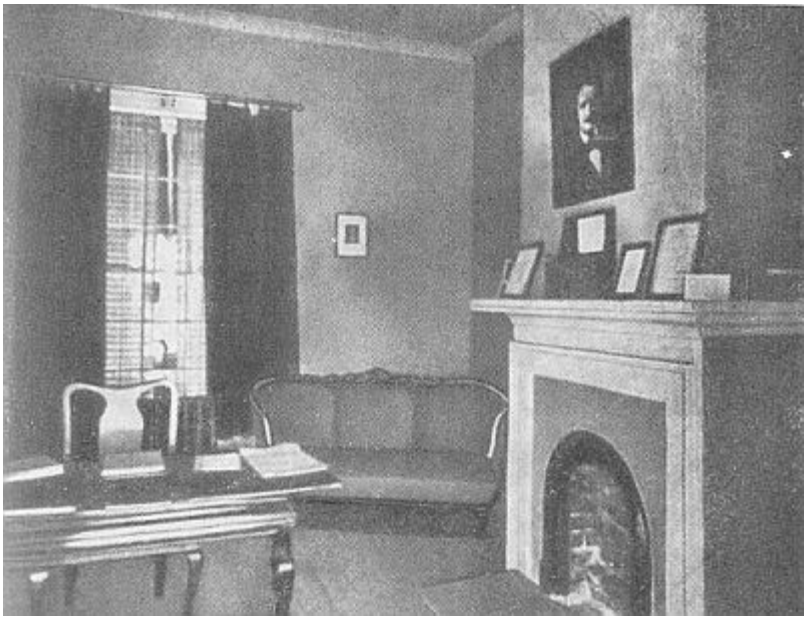
Д.Стенард.



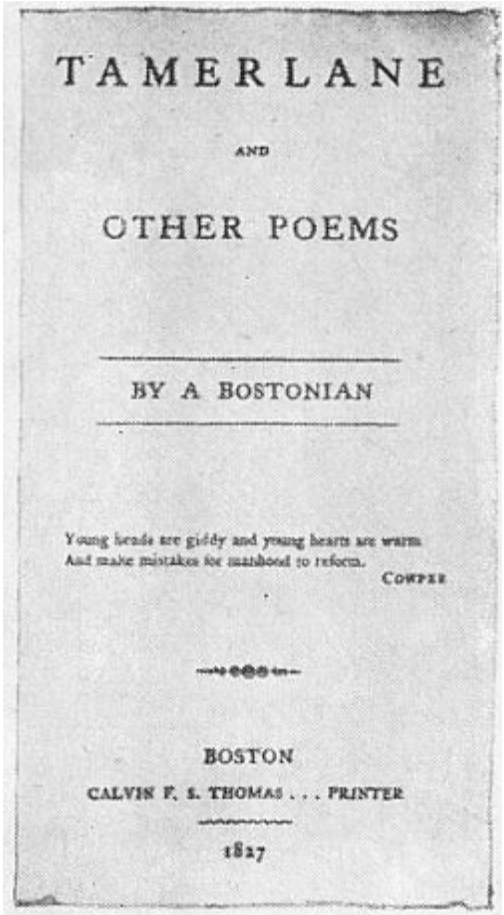
Особняк Джона Аллана, в котором жила его семья с 1825 г.



Виргинский университет в Шарлотсвилле. Основан Т.Джефферсоном в 1825 г.



Комната Эдгара По в университете.



TAMERLANE

AND

OTHER POEMS

BY A BOSTONIAN

Young heads are giddy and young hearts are warm
And make mistakes for manhood to reform.
COWPER

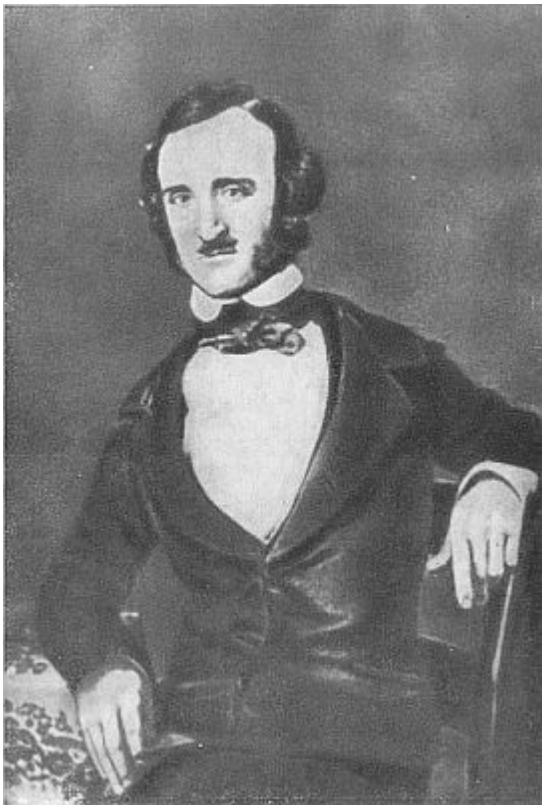
BOSTON
CALVIN F. S. THOMAS . . . PRINTER
1827

Титульный лист первого издания книги Эдгара По «Тамерлан и другие стихотворения».

Бостон.

Военная академия США в Вест-Пойнте в 1830 году. С картины художника Джорджа Кэтлина.

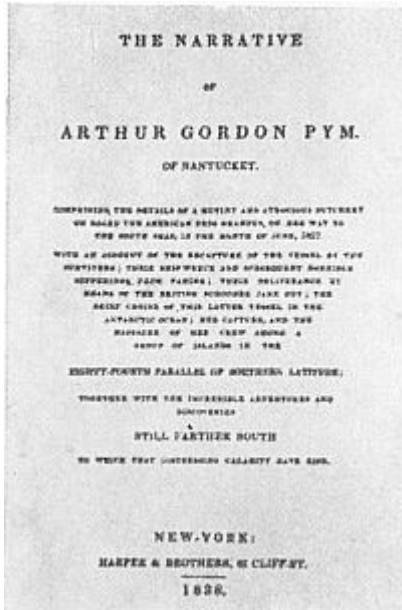
Балтимор.



Эдгар По в молодости.

Вирджиния По.

Мария Клемм.



THE NARRATIVE

OF

ARTHUR GORDON PYM.

OF NANTUCKET.

COMPRISING THE DETAILS OF A MUTINY AND ATROCIOUS OUTRAGE ON BOARD THE AMERICAN BRIG GRAMPUS, ON HER WAY TO THE SOUTH SEAS, IN THE MONTH OF JUNE, 1827

WITH AN ACCOUNT OF THE SUBSEQUENT RESCUE OF THE SURVIVORS; THEIR SHIPWRECK AND CONSEQUENT UNHEARD-OF SUFFERINGS; FURTHER PARTICULARS OF THE BARBAROUS MASSACRE OF THE BRITISH SCHOONER JANE GUY; THE DEATH BY FAMINE OF THE LATTER VESSEL IN THE ANTARCTIC OCEAN; HER CAPTURE, AND THE MASSACRE OF HER CREW AMONG A GROUP OF ISLANDS IN THE

EIGHTY-FOURTH PARALLEL OF SOUTHERN LATITUDE;

TOGETHER WITH THE INCREDIBLE ADVENTURES AND DISCOVERIES

STILL FARTHER SOUTH

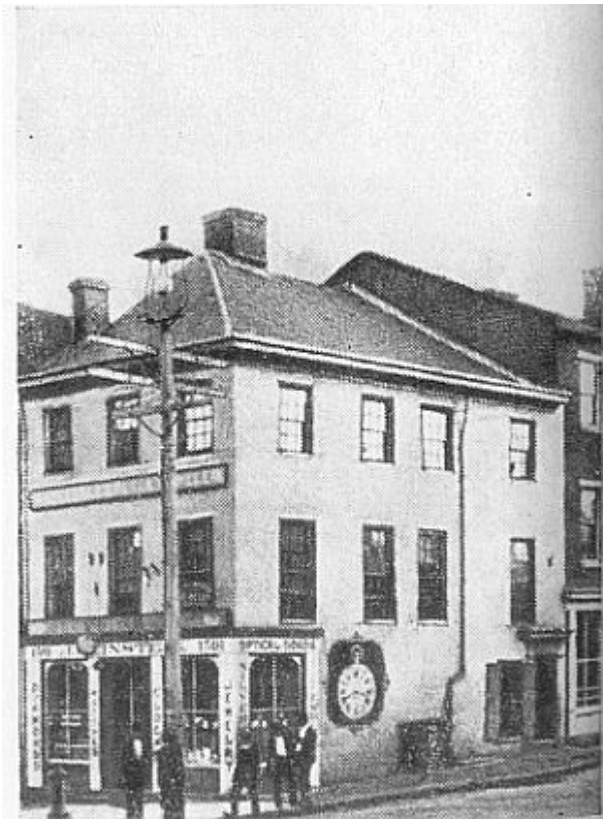
TO WHICH THAT UNPARALLELED CALAMITY GAVE RISE.

NEW-YORK:

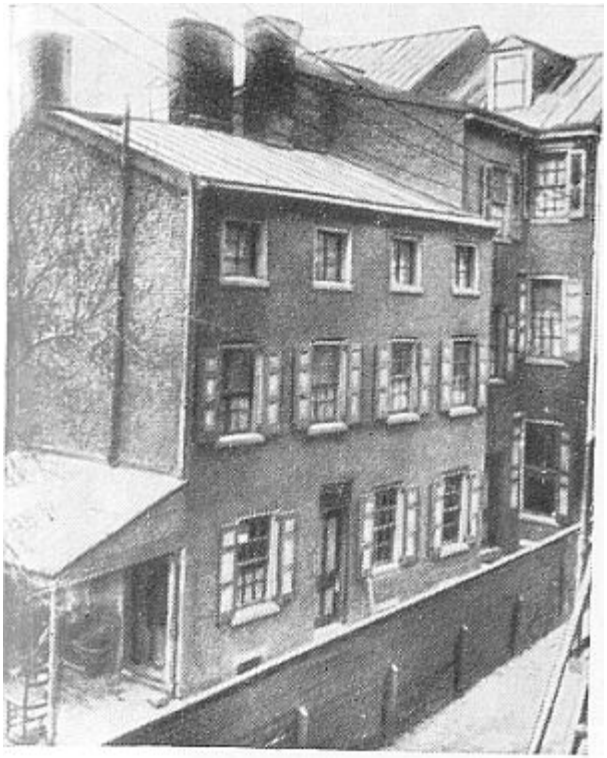
HARPER & BROTHERS, 82 CLIFF ST.

1838.

Титульный лист первого издания повести «Приключения Артура Гордона Пима».

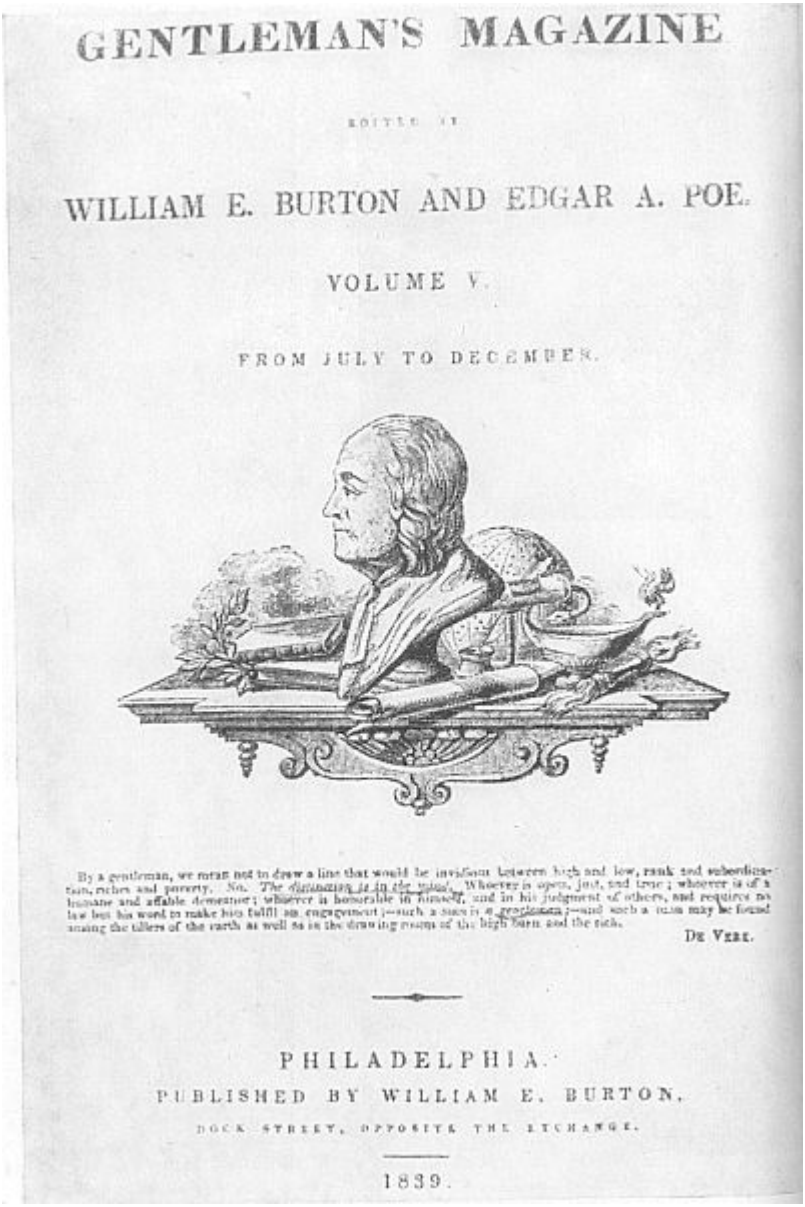


Дом, где помещалась редакция журнала «Сазерн литерери мессенджер».



Дом на Спринг-Гарден-стрит, в котором жила семья Эдгара По в Филадельфии.

Филадельфийский порт.


GENTLEMAN'S MAGAZINE

EDITED BY

WILLIAM E. BURTON AND EDGAR A. POE.

VOLUME V.

FROM JULY TO DECEMBER.

By a gentleman, we mean not to draw a line that would be invisible between high and low, rank and subordination, riches and poverty. So. *The distinction is in the mind.* Whoever is open, just, and true; whoever is of a humane and affable demeanor; whoever is honorable in himself, and in his judgment of others, and requires no law but his word to make him fulfil an engagement;—such a man is a gentleman;—and such a man may be found among the tillers of the earth as well as in the drawing rooms of the high born and the rich.

DE VERE.

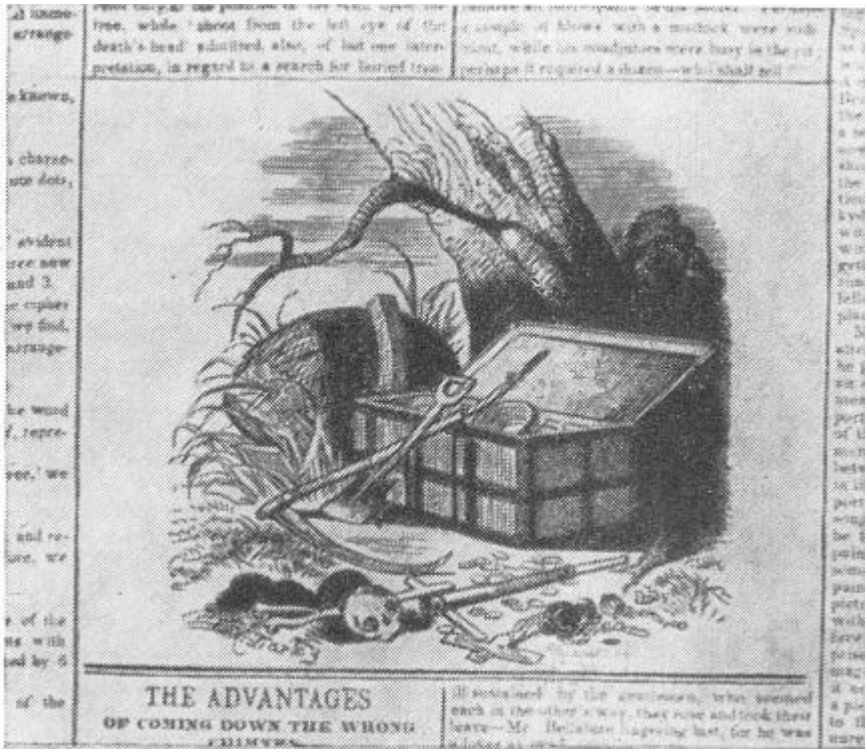
PHILADELPHIA:

PUBLISHED BY WILLIAM E. BURTON,

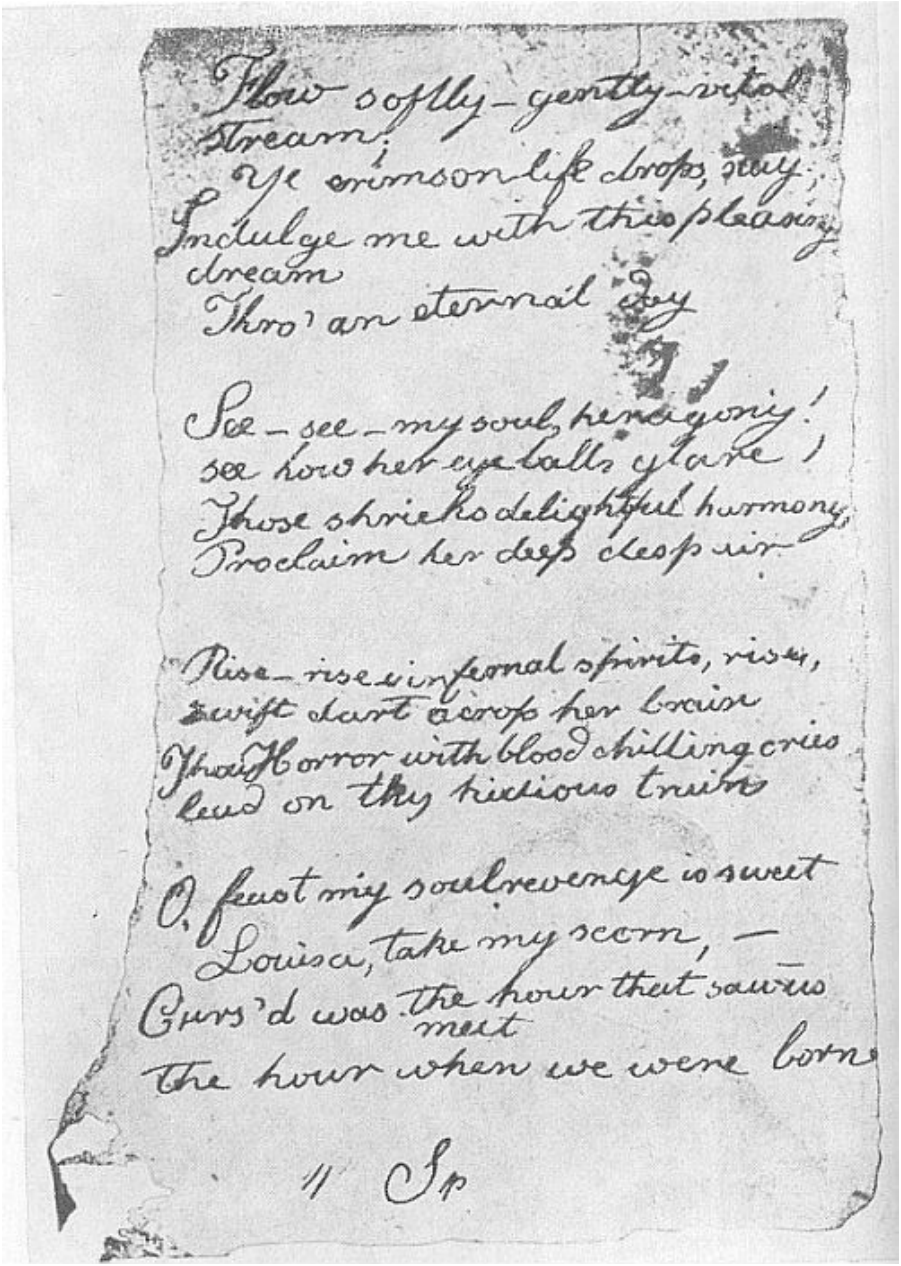
DOCK STREET, OPPOSITE THE EXCHANGE.

1839.

Обложка журнала «Джентельменс мэгэзин», который По редактировал в 1839-1940 годах.



Иллюстрации к рассказу Эдгара По «Золотой жук», напечатанному в филадельфийской газете «Доллар».


Flow softly – gently – vital
Stream!
Ye crimson life drops, stay;
Indulge me with this pleasing
dream
Thro' an eternal day

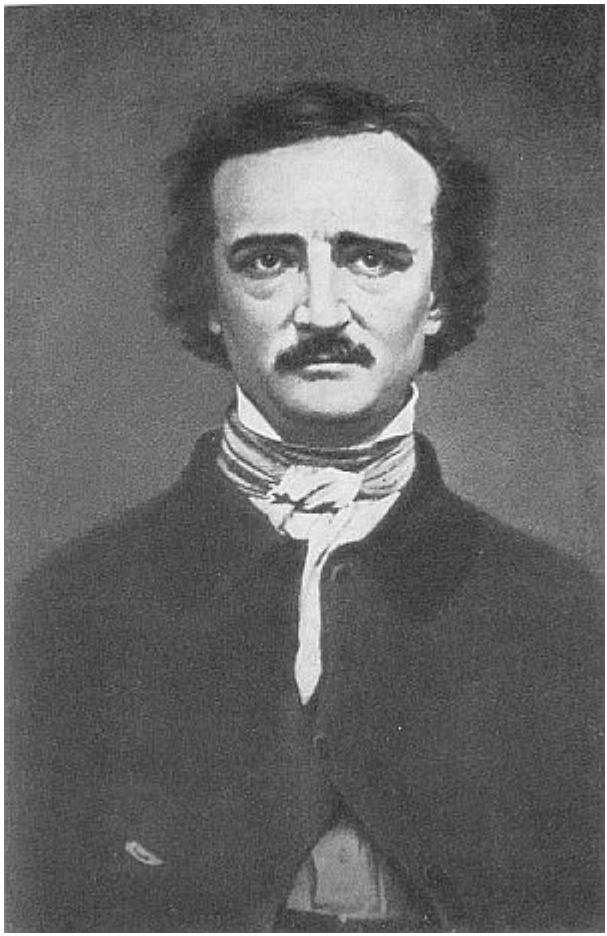
See – see – my soul, her agony!
see how her eyeballs glare!
Those shrieks delightful harmony,
Proclaim her deep despair

Rise – rise infernal spirits, rise,
swift dart across her brain
Thou Horror with blood chilling cries
lead on thy hideous train

O, feast my soul revenge is sweet
Louisa, take my scorn, –
Curs'd was the hour that saw us
meet
the hour when we were born

// Sp

Автограф одного из ранних стихотворений Эдгара По.

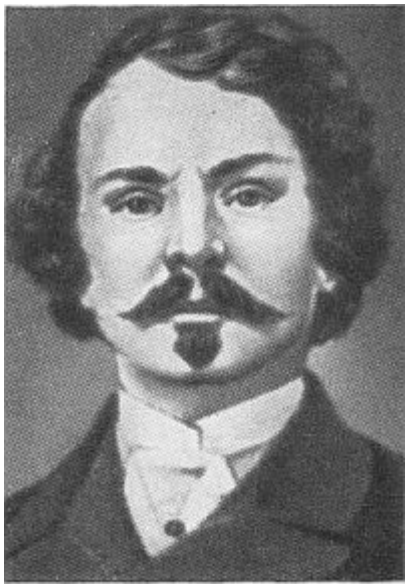


Эдгар Аллан По, около 1845 года.

Натаниэль Уиллис.

Генри Лонгфелло.

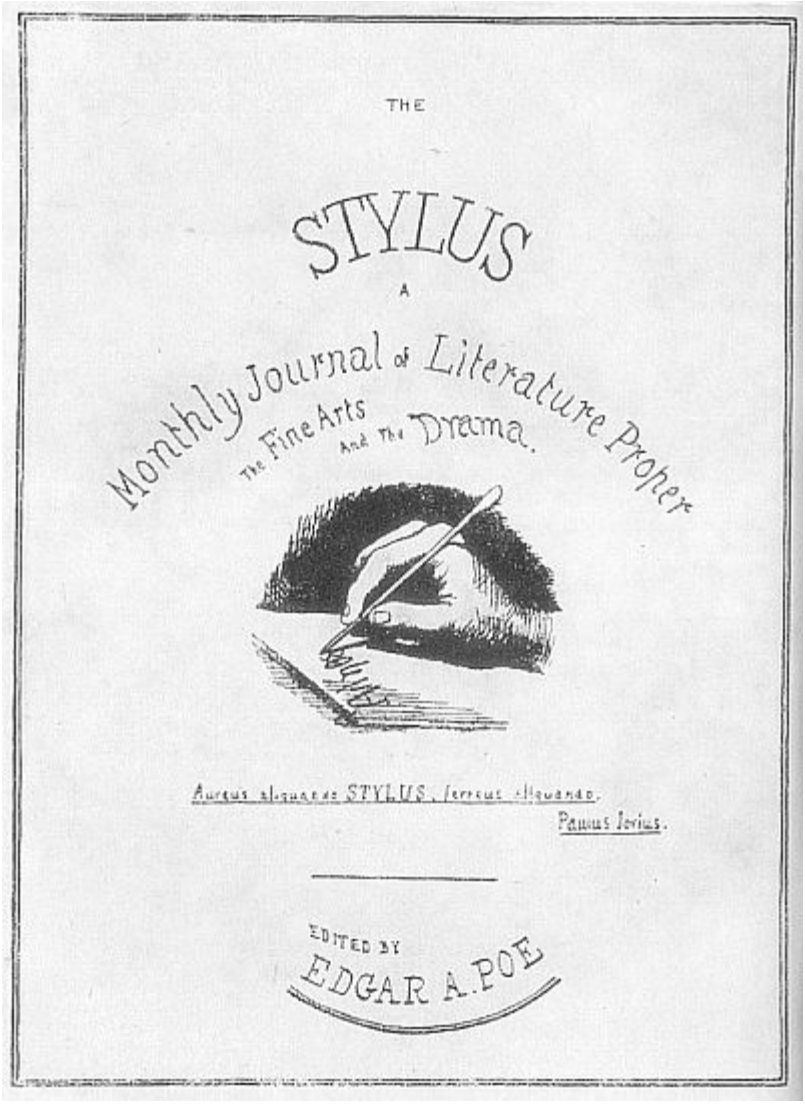
Вашингтон Ирвинг.



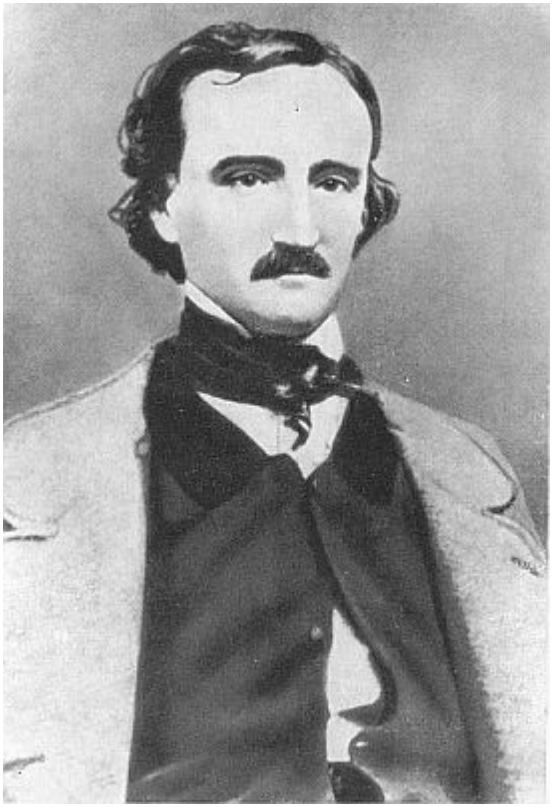
Майн Рид.

Сэмуэль Кольридж.

Чарльз Диккенс. 1843 г.



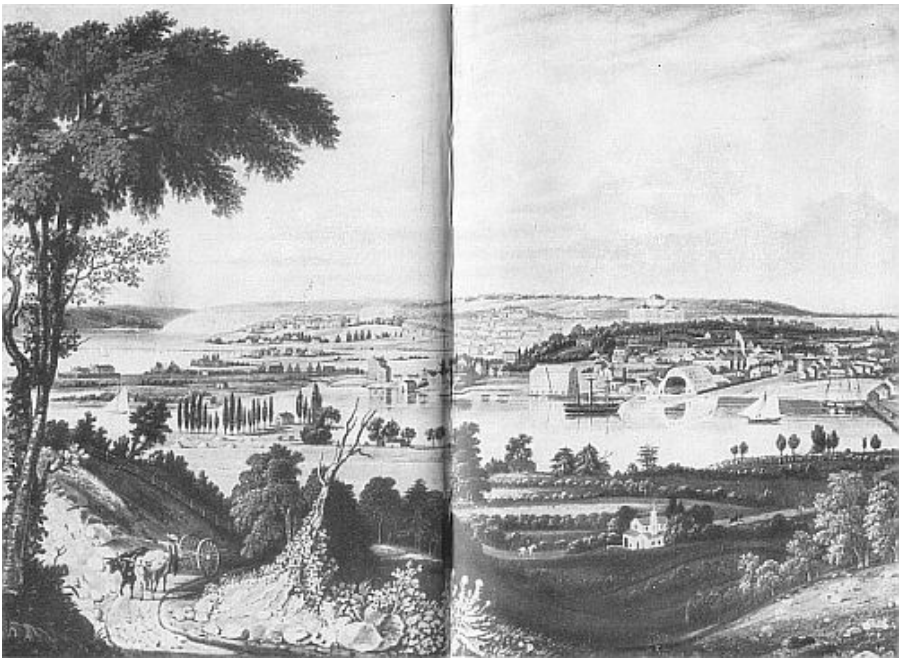
Эскиз обложки журнала «Стайлус», сделанный Эдгаром По.



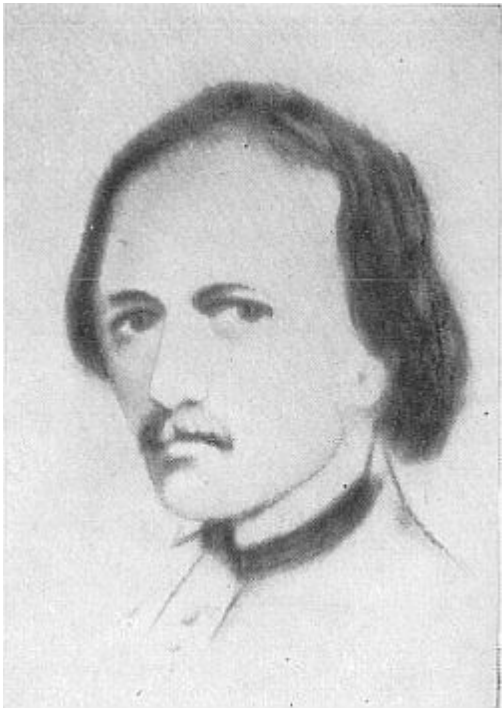
Эдгар По. 1848 г.

Иллюстрация художника Гарри Кларка к рассказу Эдгара По «Золотой жук».

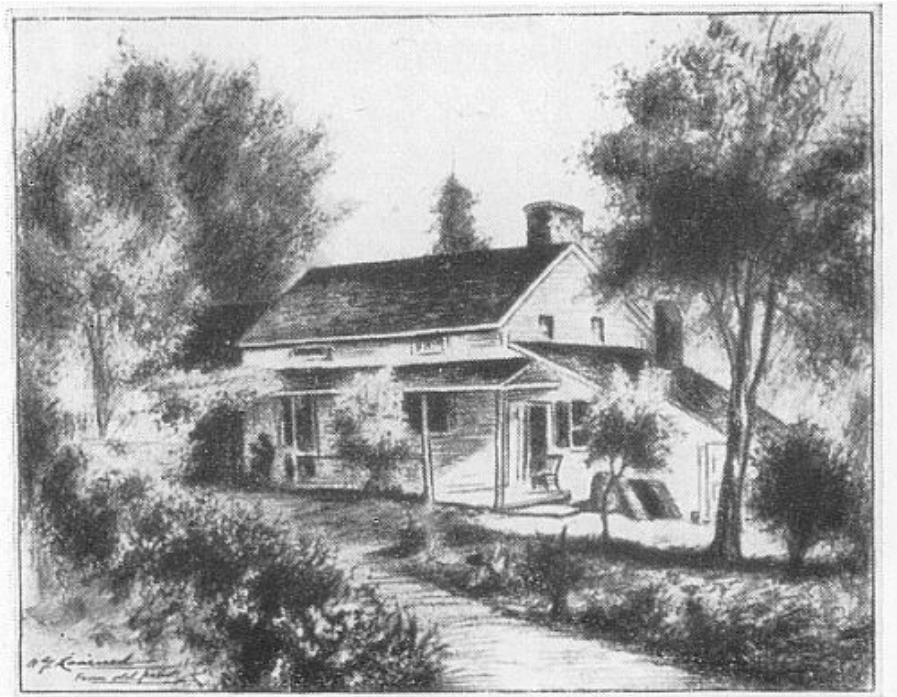
Иллюстрация художника Джеймса Энсора к рассказу «Прыгскок».



Вашингтон в 1833 г. С картины художника Уильяма Беннета.



Эдгар По. Автопортрет. 1845 г.



Домик Эдгара По в Фордхеме (близ Нью-Йорка), где он жил в 1846-1849 годах.

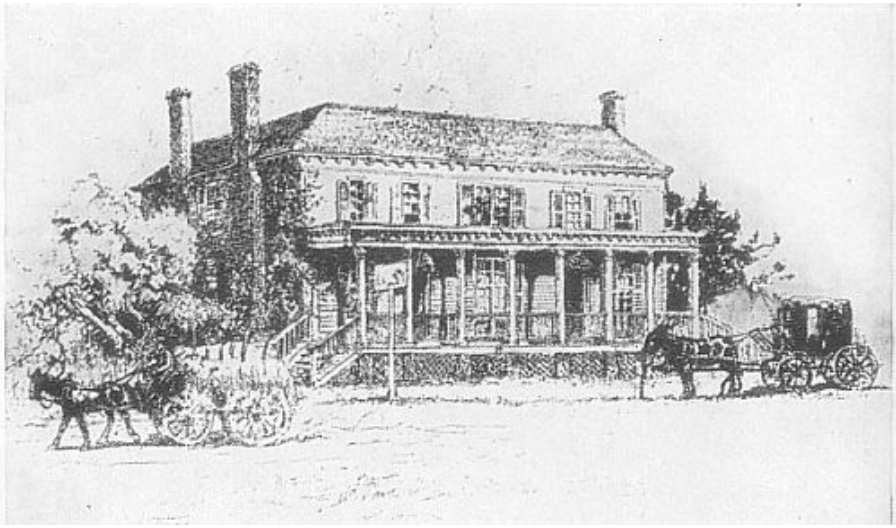
Ф.С.Осгуд

С.Х.Уитмен

С.Э.Ройстер (Шелтон)

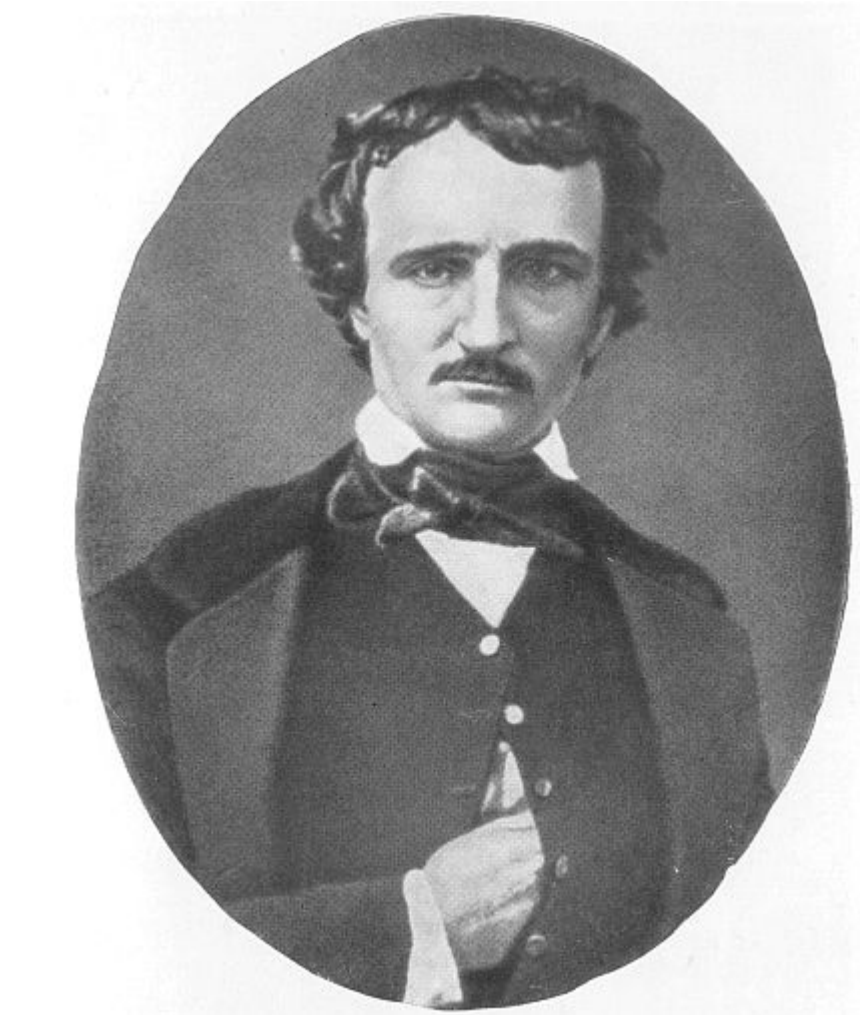
Иллюстрация Эдуарда Мане к стихотворению Эдгара По «Ворон».

Иллюстрация художника Биркета Фостера к балладе Эдгара По «Аннабель Ли».



Ричмондская таверна «Старый лебедь», где Эдгар По жил в 1849 году.

Балтимор. Больница, где умер Эдгар По.



Эдгар По. 1848 г.

Бюст Эдгара Аллана По в «Зале Славы» в Нью-Йорке.

notes

Примечания

1

Перевод Г. Кружкова.

2

«Прекрасная пора, железный этот век» *(франц.)*

3

Перевод Ю. Корнеева.

4

Перевод Г. Кружкова.

5

«Здесь покоится благородное сердце!» *(франц.)*

6

Перевод Ю. Корнеева.

7

Эдгар Аллан По, 1826, Скромное жилище великого поэта *(лат.)*

8

Перевод Э. Шустера.

9

Перевод Ю. Корнеева.

10

Перевод В. Топорова.

11

Перевод В. Васильева.

12

Перевод В. Топорова.

13

Исподволь, тайно *(лат.)*

14

Перевод В. Брюсова.

целиком *(лат.)*

16

Англ. «pen» — перо и «Penn» — Пенн Уильям (1644—1718), американский колонист, в честь которого получил свое название штат Пенсильвания, где находится город Филадельфия.

17

Никогда *(англ.)*

свобода действий *(франц.)*

19

Перевод Н. Вольпин.

20

По

21

Перевод Ю. Корнеева.

22

Томас Данн Инглиш

23

Перевод Б. Томашевского.

заметки *(лат.)*

25

Перевод К. Чуковского.

26

Перевод М. Зенкевича.

27

Ричмонда

28

Из письма Эдгара По Хелен Уитмен.

29

Цит. по кн. : По Эдгар. Стихотворения. Проза. М. , «Худ. литература», 1976.